

читайте в номере:

Дм. МАСЛЕННИКОВ
ПОЭЗИЯ: что нового?
РАДАШКЕВИЧ
немузыкальное
Усатые стихи
Сергей КАРА-МУРЗА
Эксперимент 11.09.2001

9 сентября
2011

**бельские
просторы**

Уже века существует русский дух и русская культура, и все, кто к этому наследству привержен душой, сознанием, сердечной болью — вот они и суть русские.

Александр Солженицын

ВИДНЫЕ
БРЕНДЫ

Вам Банк!

Фото И. Тонконового

бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В номере

Издается с декабря 1998

№ 9 (154) Сентябрь, 2011 г.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Светлана Чураева. **Уфа-логия** 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Дмитрий Масленников. **Өфө. Стихи** 4
Игорь Фролов. **Негасимов и другие. Рассказ** 8
Андрей Юдин. **Ключей Кастальских ключник. Стихи** 21
Юрий Горюхин. **Истории Горюхина. Часть II** 27
Азат Саттаров. **«Осторожно, это сезонное...» Стихи** 40
Нугуман Мусин. **Городская муха. Рассказ** 43
Глеб Михалёв. **Немузыкальное. Стихи** 51
Салават Вахитов. **Не обижайте кенгуру! Рассказы** 57
Александр Радашкевич. **«И Белая с аксаковской веранды...» Стихи** 61
Роберт Паль. **Из тьмы забвенья. Исторический роман. Окончание** 67

МЕМУАРЫ

Талгат Аюпов. **Эпизоды моей жизни** 94

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Галина Ишимбаева. **Триады. «Аксаковский след» в творчестве Эрнста Юнгера** ... 118

КУЛЬТУРА

Валентина Сорокина. **Город глазами художника** 124

КРАЕВЕДЕНИЕ

Родина Аксакова. Краеведческий калейдоскоп 130

Борис Попов. **Мы были немного знакомы** 137

ПУБЛИЦИСТИКА

Римма Гильмиянова. **Национальной библиотеке имени А.-З. Валиди – 175 лет** ... 142

Сергей Кара-Мурза. **Эксперимент 11.09.2001** 150

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Евгений Антипов. **Боже, благослови Америку** 160

Владимир Монахов. **Ты что, – не русский?** 167

ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО БОМБАРДИРОВЩИКА

Александр Кузьменков. **Скучно на этом свете, господа...** 174

➔ № 9 – 11

ГУК Национальная библиотека
имени Ахмет-Заки Валиди
Республики Башкортостан

В КОМПАНИИ С «ТОЛСТЯКАМИ»

Кирилл Анкудинов. Любовь к трём апельсинам	179
Елена Сафронова. Поэзия: что нового?	183

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Литература. Культура. Имена	189
--	-----

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

Марина Цветаева. В пятнадцать лет. Стихотворение	2
Илья Санин. Урок честности. Из жизни Одного мальчика	3
Леонид Хромов. Самолет. Стихотворение	5
Ира Швец. Странная рыбалка. На конкурс «Моя классная жизнь»	6
Юлия Гареева. Усатые стихи	7
Володя Бекасов. Брюхо. Сказка	9
Анатолий Чечуха. Надену фуражечку, в школу пойду	10
Капитан Капуста. На просторах этимологии. Ведущая рубрики Татьяна Ожогина	12
Класс-ворд «Моя Уфа»	13

Уфа-логия

С чего начинается город? Одни говорят – с ограды. Обнесут, мол, стенами участок пространства, построят внутри дома – и готово. Другие – что город встаёт на перекрёстках дорог, обычных и водных. Именно их течение создаёт магнетизм, притягивающий идеи, людей и финансы. Дороги вьются, бурлят, и внутри их волшебного круга ускоряется время.

Но скопление денег, домов, транспорта и людей – только полдела, ради которого не стоит и огород городить. Всё это становится городом лишь тогда, когда возникает легенда.

Когда в броуновском движении толпы вдруг проступает Лицо. Когда разноголосица и механический гул начинают звучать как дыхание – единое дыхание гиганта. Линию города, отделяя от иного пространства, вычерчивают художники. Его создают, играя, артисты. Но главное – его огораживают словом писатели.

Уфа становится не просто городом, а мегаполисом на наших глазах. Следить за её превращением увлекательно, участвовать в процессе интересней стократ.

Ещё древние знали, что любое место без гения – без духа-покровителя – пусто. Если нет у города творца уровня Гёте, то гений его – как в Уфе – коллективен, этаким творческий союз, что тоже неплохо. Конечно, слово «столица» происходит от старинного «стол» в значении «престол». Но созвучия почти никогда не бывают случайны: сто-лица – сто лиц. Если город столик – если у него не менее сотни образов, значит, он состоялся. В этом сентябрьском номере – много портретов Уфы и один – для сравнения – Казани. Вы листаете страницы, и с помощью логоса оживает Уфа, одушевляется каменный облик Города – именно сейчас, именно здесь. При нашем участии.

*Заместитель главного редактора
Светлана Чураева*

*Ирина
Чураева*

ӨФӨ

* * *

Сентябрь блондинился по-лисий,
Кружа добычу по Уфе...
И сладкий запах прелых листьев,
И мысль об аутодафе...

* * *

С. К.

Я думал, что всё прошло,
Что всё в этой жизни зря.
Но дождь барабанил в стекло,
Смывая пыль сентября.
Я думал, что жизнь – пустяк,
Что скоро придёт печаль.
Но слышится лай собак,
И мне ничего не жаль.
Я думал, что жизнь смешна,
Что нет на земле любви.
Но скоро придёт весна,
Поставив все точки над «і».
Я думал, всё – плач и стон,
Что вся наша жизнь – вода.
Но вдруг это не сон,
А вдруг ты ответишь: «Да...»

* * *

Свете и Кате

Дождём в меня ветер метится
И вертит девушкам платяница.
А жизнь моя – она Светится,

Дмитрий Борисович Масленников (ДБ) родился в 1969 году в Елабуге Татарской АССР, окончил СШ № 1 в Магадане и филологический факультет Башгоспединститута. Автор пяти поэтических сборников, руководитель ЛИТО «Тысячелистник», кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ученый секретарь Ученого совета Башгоспединститута им. М. Акмуллы.

А жизнь моя – она Катится.
Погода нынче неважная:
В угоду любовницам, может быть,
Уборку затеял влажную
Проказник весенний дождичек.
Старательно моет улицы,
Дома поливает влагою...
А улицы терпят, хмурятся,
И лишь фонари заплакали,
Льют слёзы и свет: «Помилуйте!..»
Дождь драит пути трамвайные:
«Чего разревелись, милые?
Что плачете, ненормальные?»
А небо смеётся месяцем...
К утру всё морозом схватится...
А жизнь моя – она Светится,
А жизнь моя – она Катится...

ӨФӨ

Мой день за рубль был загублен,
И был построен на костях
Великий город трёх шурупов,
Закрученных в двух плоскостях...

* * *

Е. К.

Птица влёт, и солнце на восходе...
За стаканом старого «Шабли»
Вспомнил я, как был убит в походе
За священный град Иерусалим...
Снова хмуро пасмурное утро,
Я (сегодня вспомнилось во сне)
Был застрелен в сердце метким буром
В англо-бурской давнишней войне...
В зеркале – жестокосердный профиль,
В сердце – зазеркалие трюит...
Вспоминаю я за чашкой кофе
Все реинкарнации свои...

* * *

С. М.

Когда раскаиваться поздно,
Когда закончатся бои,

Нам старость суетного полдня
Покой дарует на двоих.
Исправно дни сменяют ночи,
А ночь разменивает день...
А жизнь – всего лишь пара строчек,
Не напечатанных нигде...

СЛОВО

У слова свои сословья,
И слава своя у слова,
Где сны как первооснова,
Условности как условия.
Мечтаньями мир наполни,
Коль меч тебе в руки вложен,
И блеском словесных молний,
Расстёгивающих кожу...

Я УМРУ БЕЗ ТЕБЯ

С. М.

Я хочу, чтобы выпал снег...
Упираются стрелки в восемь.
Мне уже надоела осень,
Разноцветье осин и сосен,
Умирающее во сне...
Безупречно идут часы,
Еле-еле цедя минуты,
Золотые монеты будто,
Только встретятся, верю в чудо,
Евы дочь и Адама сын...
Без тебя я умру... Но нет –
Я хочу, чтобы выпал снег...

* * *

Подарит прохладу вечер,
Подарит разлуку встреча,
Любовь породит измену,
И смех резанёт по венам.
И тьма озарится светом,
Зима превратится в лето.
И вместо восторга – жалость,
А вместо бессмертья – старость...

* * *

Снег тихо царапался в окна,
Стараясь казаться дождём.
Пророк – порожденье порока,
Я в этом давно убеждён.
Становятся тени короче.
Зачитана полночь до дыр...
И я безупречно пророчен,
Как ангел, спустившийся в мир...

* * *

Вечер снегопадью палевой,
Словно шалью, шею сжал...
Засыпает за Сипайлово
Шелестящая Шакша.
И в лицо, и мимо оно
Снего-Лёд свой льёт полёт.
И юродствует неоновое
Палиндромное «ДОМ МОД»...

Негасимов и другие

Рассказ

Из цикла «Теория Танца»

Вернувшись из армии, я не узнал страну. Все ускорялось и перестраивалось. Теперь можно было тупеядствовать и спекулировать, не боясь наказания, и так же безнаказанно говорить все, что ты не мог сказать какие-то два года назад. Мой полученный до армии диплом инженера с тисненым гербом на синей обложке казался мне атавизмом эпохи индустриализации и пятилетних планов. Сойдя с трапа самолета, перенесшего меня из-за гор и пустынь, я вступил в эпоху индивидуальной свободы.

С собой я привез две вещи – деньги и план построения великой жизни. Деньги в новых условиях начали быстро таять. Когда есть возможность поить девушек шампанским, кормить икрой черной осетровой и персиками, возить исключительно на такси, а розы дарить по старинке – букетами, – то золотое дерево солдата превращается в голый куст задолго до наступления законной осени. И когда через несколько месяцев в моем

ранце показалось дно, я понял, что наступило время построения великой жизни. По упомянутому плану сделать это я мог только одним способом – написать роман про оставшуюся за горами войну. Такой роман, чтобы под его тяжестью прогнулся мир. «Да, пусть этот мир прогнется под моей войной», – думал я, шагая по городу, – руки в карманах камуфляжной куртки, в ее нагрудном кармане – японский плеер, и в ушах молотом по барабанным: «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве, пожелай мне удачи в бою, пожелай мне...»

Под эту музыку, уже почти нищий, я и трудоустроился. Вряд ли можно назвать трудом полставки слесаря в маленьком дошкольном учреждении. Это была почти синекура – я чинил сломанные стульчики и шкафчики, вставлял дверные замки, вешал гардины и выполнял прочую мелкую работу, которой было совсем не много. Работал вечерами, когда оба этажа маленького дома пустели, – только поварихи на кухне еще звякали и брякали, укладывая в сумки сэкономленный за день казенный провиант, да сторож (вот синекура полная) обходил коридоры и комнаты, принимая звание под охрану...

Сторожем здесь служил недоучившийся студент медицинского института – бросил на пятом курсе после двух «академов», окончательно убедившись, что большие люди – не его призвание.

– Да и здоровые тоже, – сказал он в первый мой рабочий вечер, когда мы обмывали знакомство. – Помню, привели нас в гинекологию, там все парни рвались к

проза

Игорь Александрович Фролов родился 30 мая 1963 года в городе Алдан Якутской АССР. Окончил Уфимский авиационный институт, воевал в Афганистане. Прозаик, литературный критик. Член Союза писателей РФ и РФ.

смотровым креслам, едва головой в распяленных пациенток не залезали, – а я как глянул в зеркало, меня чуть не вырвало...

– В какое зеркало? – не понял я.

– Да не в такое, – махнул он рукой на висевшее на стене зеркало. – Ладно, проехали, не в зеркале дело. Я с тех пор смотрю на девушек и насквозь их вижу, мимо внешней красоты – сразу внутренности – почки, кишки, каловые камни, – и содрогаюсь. Так и уродом моральным стать недолго, до патологии дойти...

Звали его Патрик. Неважно, как нарекли его родители, он откликался только на это имя, только им и представлялся. На мой вопрос, уж не ирландец ли он, Патрик обиженно пожал плечами:

– При чем тут Ирландия? Это мой будущий сценический псевдоним.

Вечер нашего знакомства продлился в ночь, вторая бутылка наполняла нас святым духом любви и доверия, и Патрик открыл мне свою тайну, о которой, по его словам, знали единицы. Бросив институт, он устроился в этот скрытый во дворах, окруженный забором и старыми тополями домик, чтобы вызреть в нем, как в коконе, и выпорхнуть уже во всей красе сразу под юпитеры и софиты. Цель его была конкретна – он хотел стать солистом группы «Веселые ребята». На дежурствах Патрик пел, оттачивая голос (который, должен признать, у него был, но скорее оперный бас, чем эстрадный фальцет), и отращивал волосы – к моменту созревания вокальных данных волосы должны были достичь такой длины, чтобы после химической завивки превратиться в шар мелких кудряшек.

– Как у Макаревича, что ли? – спросил я.

– Как у Гнатиюка! – обиделся Патрик. – Конечно, как у Хендрикса! Символ музыки свободного мира!

Я хотел напомнить про Анджелу Дэвис, но не стал.

Пока же Патрик мыл свои советские волосы хозяйственным мылом, потом жестко спутывал, натирая полотенцем, и уже массажной щеткой придавал получившемуся колтуну форму вздыбленного попугайного гребня.

Патрик открылся мне, я в ответ рассказал ему о своих творческих планах, и мы решили, что соединение наших устремлений пойдет на пользу обоим. Я стал оставаться вместе с Патриком на его дежурства. Вечерами, когда солнце светило в окна старшей группы на втором этаже и его красные косые полосы лежали на паласе, я сидел посреди комнаты на маленьком стульчике за маленьким столиком с псевдопалехскими маками на фанерной столешнице и стучал по хилым клавишам печатной машинки «Москва». Вокруг меня вдоль стен на таких же маленьких стульчиках сидели куклы в коротких платьицах и белых трусиках, – расставив ноги и подняв руки, они слушали, как поет Патрик. Он пел на первом этаже в комнате младшей группы, и его густой горячий голос поднимался по лестнице на мой этаж и колыхал оконные шторы. Поначалу я не мог писать под это пение, которое прерывалось на любом месте песни и начиналось сначала. Но скоро привык и уже не обращал внимания, как не обращал его на шум дождя, ветра, листвы за окном. Удивлял только выбор репертуара – вместо того, чтобы учить песни «Веселых ребят», Патрик перепевал пластинку «По волне моей памяти», которую он постоянно крутил на старом проигрывателе «Аккорд». Скоро я знал все песни наизусть, иногда, отвлекшись от сочинения текста, подпевал вполголоса: «Тихо плещется вода, голубая лента». Патрик хотел поехать с этими песнями к их автору, чтобы Тухманов, пораженный провинциальным чудом, рекомендовал бы его в тот самый вокально-инструментальный ансамбль.

– Но почему ты не поешь песни «Веселых ребят»? – не понимал я.

– Потому что они мне не нравятся, – отвечал Патрик. – Зато у «Ребят» есть слава и деньги.

За ползимы, пока не решившись на роман, я написал две маленькие повести. Первая, по-хемингуэевски простая, – про один эпизод войны; вторая, стилистически изощренная, – непонятно про что. Это был всего лишь прикорм, который я бросил в литературные журналы, чтобы критики успели обсудить два текста и представить нового гения читателю, тогда как гений будет вдумчиво писать свой роман. Но пока я сочинял план романа, заполняя записные книжки в прогулках по городу, в котором уже пахло весной, из журналов начали приходиться отказы. От каждого письма уши и щеки мои горели так, словно в конвертах были не редакционные бланки со стандартно вежливым: «к сожалению, мы вынуждены...» – а оплеухи и пощечины. Когда количество отказов сравнялось с количеством уведомлений о получении, я понял, что мой блицкриг провалился. Патрику я ничего не сказал, чтобы не пугать его. Говорил, что жду ответов, журналы всегда тянут. Он успокоенно пел, а я валялся на вечернем солнечном паласе, как на пляже, окруженный куклами, и, слушая, как он поет, думал, что делать, и так уплывал в дрему.

Иногда к нам заглядывала сестра Патрика. Она была участковой медсестрой, а наш дом стоял на ее участке. Вот она и заходила по пути. Творческая натура, она рисовала, писала стихи, много читала и любила поговорить со мной о литературе и почитать мне свои стихи, сидя на паласе в позе русалочки на датском камне.

Она была чернявой, кудрявой, круглолицей большеглазой хохотушкой, и звали ее Лизой. Но, произнося свое имя, она как-то нежно присвистывала, и получалось «Лиса». Мне нравилось это имя.

Ей нравилась моя проза. Вернее, она говорила, что нравится. В каждый свой приход просила что-нибудь новенькое и читала машинописные листки, лежа на животе на пушистом паласе, и ее босые ноги медленно и нежно трогали друг друга, явно приглашая мою руку включиться в их игру. Но я не решался. Она была старше меня на два года, замужем, имела ребенка, и ее брат пел на первом этаже.

Как-то раз ранней весной, когда только начал таять снег, она ворвалась возбужденная и рассказала, что ходит на квартиру к народному поэту, ставит его жене капельницу.

– Это шанс! – воскликнула она. – Дай мне что-нибудь небольшое, я ему передам почитать, он поможет, рекомендацию в издательство напишет, а то и в Союз писателей в Москву пошлет!

Я вяло отбивался:

– Не хочу я попрошайничать. И потом, он поэт, а у меня про войну...

– Он – участник войны, был ранен, вот как раз поймет! – горела она.

И я сдался, решив, что судьба не может посылать целого народного поэта просто так. Выбрав из повести про войну две машинописные странички с эпизодом боя, я вручил их посланнице.

Она ушла, пообещав вернуться через два часа. За это время во мне воскресли прежние мечты – я чувствовал, как из дома, в котором жил поэт («Тут недалеко, перекресток Ленина и Достоевского», – сказала она, убегая), распространяется волна удивления. Я видел, как он поднимает телефонную трубку, звонит кому-то в Москву и читает в трубку мои строки...

Лиса пришла и тянула время, рассказывая, какая у поэта квартира, какой он сам вблизи – большой и седой, как белый медведь, как он и она, пока в вену его жены по капле точился кавинтон, пили чай с шоколадными конфетами в виде разных морских ракушек – она даже не думала, что такие бывают!.. Наконец, насладившись моим терпеливым мучением, перешла к главному.

– В общем, дала я ему твои листочки. Вот, говорю, друг моего брата пишет, не могли бы вы взглянуть. Он взял. Знаешь, взял двумя пальцами, брезгливо так, а на лице читалось – ох и надоели вы мне...

– Я же говорил! – с досадой воскликнул я. – Не надо было!

– ...Взял он листочки и ушел в кабинет, неся их двумя пальцами перед собой, как дохлую мышку за хвост. Вышел через несколько минут, держа их уже двумя руками, и сказал: да, это, конечно, писатель...

Она сделала паузу.

– Ну и? – не выдержал я.

– ...А дальше он так задумчиво, глядя в окно, сказал: а раз он писатель, то пусть дальше мучается. Писатель должен мучиться...

– И все?

– Не все. На прощанье он посоветовал отнести рассказы в «Вечерку», там есть литературная страница. Хочешь, я отнесу?

Конечно, я отнес свои тексты сам. Вошел в Дом печати, поднялся на третий этаж, нашел в коридоре редакции отдел культуры, постучал. Но редактора литальманаха на месте не оказалось, и его соседка вежливо предложила мне оставить рукопись на столе – «только телефончик написать не забудьте...».

Редактор позвонил через неделю и пригласил меня на разговор. Когда я вошел в кабинет, за столом, что был в прошлый раз пуст, сидел усато-бородатый, большеухий и большеротый человек в больших, как окна, очках и без одного переднего верхнего зуба.

– Ну что вы мне опять принесли? – тряс он листком. – Почему опять так безграмотно?

– Так... Не русский же я... – бормотал сидящий на краешке стула человек, которого я не сразу заметил за стоячей рогатой вешалкой с висевшим на ней пальто.

– Да и я, как вы можете догадаться, всего лишь россиянин! Но если решили писать по-русски, пишите грамотно! Или пишите на родном и отдавайте переводить!

Когда удрученный автор ушел, я шагнул вперед и представился. Редактор преобразился – он перестал топорщить бороду и широко – в пол-лица – улыбнулся, поднимаясь навстречу и протягивая руку.

– Негасимов, – сказал он. – Александр Францевич...

И, усевшись, мы начали разговор.

– Сразу хочу спросить, – сказал он, – кто вы по профессии?

– Врач, – неожиданно для себя соврал я.

Наверное, я назвал профессию, представители которой дали великих писателей. И я не боялся разоблачения, потому что был уверен – мы видимся первый и последний раз. Какие такие провинциальные газеты, куда я пришел?

– Странно, – сказал Негасимов. – Тогда я не понимаю, откуда в вашем тексте столько этих ужасных техницизмов?

– Я еще окончил авиационный институт, – сказал я правду.

– А, значит, еще и авиационный? Когда это вы успели? – пробормотал Негасимов. – И все же, мне кажется, вертолет на пуанты встать не может, это вы перегнули...

– А вы, наверное, поэт? – насмешливо спросил я, уже готовый встать и уйти.

– Ну, в общем, да. А что? Не любите поэтов?

– Люблю. У них мышление специфическое. Как у женщин. А женщин я люблю...

– Не сердитесь, – сказал Негасимов. – Мне ваши тексты понравились. Только... нет ли у вас чего-нибудь... как бы точнее сказать... человеческого, что ли?

– Не про войну? – уточнил я. – Есть. Но это вы точно не напечатаете. Вот, пожалуйста...

И я протянул ему несколько машинописных страничек.

– Беса? – прочитал вслух Негасимов. – Это по Достоевскому? Заметил, вы – писатель филологический, аллюзии всякие... Ладно, я прочитаю, позвоню через несколько дней.

Но телефон зазвонил, когда я, придя из редакции домой, раздевался в прихожей.

– Послушайте, господин Набоков! – возбужденно кричал редактор. – Я когда начал читать и понял, о чем вы, с ужасом ждал, когда же вы все испохабите! Но вы прошли меж дождевых струй! И пусть меня уволят, но я это напечатаю!

– Вы с ума сошли! – радостно кричал я в ответ, царапая ключом холодильник. – Вам этого не дадут сделать! Я же просто так дал, не в расчете на печать! Вам никто не позволит, даже и не пытайтесь, – а то я вообще стану нон грата в местной прессе! И вы вместе со мной!

– А вот поглядим! Нет, нам определенно надо выпить водки!..

Конечно, этот рассказ не напечатали. Негасимов показал мне верстку снятой полосы, на которой был мой рассказ с оставленным окном для рисунка. В этом окне замредактора начертил стремительно: «А. Ф.! Ваш протеже, конечно, гений, но не для нашей газеты!»

– Гордитесь хоть этим, – сказал Негасимов. – И давайте что-нибудь не столь щекотливое.

Я принялся писать и написал три рассказа. Один за другим они были отвергнуты замредактора. В творчестве и ожиданиях минуло лето, канул сентябрь. Негасимов бесновался – такого с ним не было никогда, он всегда публиковал кого хотел.

– Это мистика! – горячился он, когда я приходил в редакцию. – Наверное, что-то не так с вашей кармой. Дошло до того, что, когда я набираю ваше имя, мой компьютер зависает! Я – убежденный атеист и реалист, а вы шатаете основы моего мира! Пришла пора выпить водки...

Наступил октябрь. Мы с Негасимовым пили водку. Патрик к нам не присоединился, но и не пел. Негасимов, войдя и поздоровавшись с открывшим ему сторожем, вежливо спросил у него, нет ли в здании ремонта, и в ответ на удивление пояснил, что на подходе к зданию ему показалось – рабочие поют. Уже наверху, получив мои объяснения, Негасимов долго сокрушался, хотел спуститься и принести извинения, но потом решил, что так будет еще хуже, и смирился.

За окнами лил дождь. Опрокинув в большой рот рюмку, Негасимов сказал:

– Я, между прочим, на вашу «Бесу» стихотворение написал, вот...

Он достал из кармана сложенный вчетверо листок, развернул, протянул. Я взял. Стихотворение, написанное большими, наклоненными в разные стороны буквами, начиналось со слов «Звуки приплывают по воде», дальше говорилось про таинственный сад и запретный плод.

– Это вам, – сказал Негасимов. – Дарю.

– Спасибо, – сказал я, продолжая смотреть в листок, по которому буквы брели, как мигрирующие в поисках воды грустные слоны, носороги и гиппопотамы.

– Это страшная вещь, – сказал Негасимов, опрокинув очередную рюмку. – Теперь, обнимая свою дочь, я думаю, чтобы ей не попался такой змей, как вы...

– Не я, а мой лирический герой, – сказал я.

– Да бросьте, – махнул в меня рюмкой Негасимов. – Это обманка для критиков и читателей, а уж мы-то с вами знаем... Так что замред правильно сделал, что не пропустил. Плохо только, он теперь в каждом вашем тексте видит опасность. Его нужно чем-то отвлечь... – говорил он, глядя в оконный струящийся размыв. – Мысль крутится... Когда-то давно я видел какой-то фильм. Там еще Гундарева играла. Помню кадр – она сидит у окна, дождь, осень, по окну вода течет... Понимаете? Вот что-то такое нужно написать... Представляете ощущение? Напишите такое, отвлечем внимание цензора...

Он говорил, говорил, говорил, прерываясь только на рюмку. Мы лежали на паласе в позе римских патрициев на пиру.

– Схема моего сближения с автором проста, – говорил Негасимов. – Сначала я влюбляюсь в текст, потом в человека. Вас, – он крутанул лежащую между нами пустую бутылку, – я уже люблю...

Бутылка, покрутившись, указала горлышком на Негасимова.

– Я тоже вас люблю, – сказал я и икнул.

– Но на брудершафт мы пить не будем, – глядя на бутылку, сказал Негасимов. – Останемся на «вы», так вернее...

На следующий вечер, глядя в запотевшее окно, я вспомнил про Гундареву в неизвестном мне фильме. Сев за столик, всосал своей китайской ручкой чернил из пузырька, придвинул чистый лист и написал первое, что пришло в голову: «Октябрь уж наступил». Нарисовал на полях профиль Пушкина, потом профиль Негасимова, который оказался вылитым пушкинским бесом из «Работника Балды», и продолжил. Рассказ написан за ночь. На следующий вечер переставил куски местами, отрезал, добавил, ночью отпечатал и утром отнес в редакцию.

Негасимов был в восторге:

– Именно об этом я и говорил! Импрессия! Надеюсь, что зам ничего не поймет и пропустит! А вообще про что это? Если вдруг спросит...

– Про то, как я с парашютом первый раз прыгнул, – сказал я и ушел спать, оставив Негасимова перечитывать рассказ с учетом полученной ориентировки.

До выхода Литальманах был еще целый месяц, оставалось только ждать. В это время Лиса решила, что ее брату тоже не помешает помощь в восхождении на вершины славы. В нашем учреждении, конечно, было пианино, а у Лисы была подруга Ли́ка, когда-то окончившая музыкальную школу по классу фоно и, что важно, недавно расставшаяся с мужем.

– У нее теперь до фига свободного времени, – добавила Лиса и аргументировала в ответ на гримасу брата: – Она научит тебя аккомпанировать собственному пению, а то что за певец, который даже «Собачий вальс» не может сбацать!

Она привела Лику на дежурство и увела меня – чтобы не мешал им заниматься. Но на следующее дежурство Патрик попросил меня остаться.

– Кажется мне, – сказал он, – что эта учительница музыки хочет не только музыки. А я не хочу, я все либидо сублимировал в горло! Потом за все отыграюсь – сам знаешь, сколько у нас, певцов, поклонниц, есть из кого выбрать...

Я остался. Сначала мы втроем пили вино. Ли́ка встряхивала длинной соломенной гривой – она вообще напоминала веселую лошадь – от осанки и длинного лица до радостного ржания, – много говорила, обращаясь то к одному, то к другому. Патрик явно нервничал – наверное, ему было жалко терять время и хотелось петь. Я, правильно понимая свою задачу, ненавязчиво налаживал контакт – то невзначай касаясь мизинцем своей руки мизинца ее, то коленом – ее коленки. Она не убирала. Когда наступило время решений, я встал и, пожелав им хорошо позаниматься музыкой, пошел на свой второй этаж. Мимо меня пробежал Патрик, крикнул Ли́ке, что только дверь закроет, а мне прошипел:

– Не спи!

Я не спал почти час. Лежал на полу на двух положенных поперек матрацах, читал и правил новый рассказ, иногда отрываясь и прислушиваясь к звукам снизу. Было тихо – никаких фортепианных гамм. Через час лестница зашкрипела. Она скрипела так осторожно, словно по ней поднимался грабитель. Я затаил дыхание и ждал. Она вошла на цыпочках, встретила мой взгляд, спросила «не спишь?». Ее ненакрашенные ресницы были мокры.

– Представляешь, – сказала она, садясь рядом по-турецки, – я так и не смогла уговорить Патрика позаниматься. Он сказал, что нужно настроиться, помедитировать. Лег, закрыл глаза и через минуту захрапел! Как это называется?

Потом она рассказывала про свою неудачную семейную жизнь. Я с тоской слушал обязательную программу, иногда встречая и пытаюсь увести ее в сторону. Но лишь когда, сочувственно кивая, я начал поглаживать ее коленку, она замолчала. Сидела, прислушиваясь к моим пальцам. Вдруг засмеялась сквозь слезы, спросила:

– Как думаешь, я его совсем не интересую?

– Понимаешь, у него сейчас любовь с музыкой, – сказал я. – Не расстраивайся.

И, сев рядом, мягко, по-братски, привлек ее к себе. Она доверчиво склонилась.

...Через несколько минут, когда все одежды валялись на полу, она, вцепившись в мои волосы, закричала так, будто ее зарезали.

– А-а, ч-черт! – крикнула она, зажмуриваясь. – О-о, г-господи!

– Я, я! – неожиданно для себя переходя на нелюбимый немецкий, зарычал я.

Потом внезапные любовники отдохали, лежа на матрацах, – они разошлись, как льдины, но сдвигать было лень.

– Ты же не думаешь, что я бэ? – сказала она, водя пальчиком по моим губам.

– Ну что ты, – искренне ответил я. – Какая же ты б...? Ты б... не видала...

– При чем тут б...? – вскинулась она. – Я имела в виду бревно! Не показалась ли я тебе холодной? Уф! Б...! Как ты мог такое подумать! Нет, ну надо же, я – б...! Ну, спасибо!

Она отвернулась.

– Так я же и говорю, – успокоил я. – Не понял только, зачем шифровать такой знаковой буквой? Какое же ты бревно? Ты такая темпераментная, я еле сдержался, когда ты закричала.

– И не сдерживался бы, – сказала она. – Сегодня можно...

«А вот вам», – подумал я, складывая за спиной фигу.

Была дождливая осенняя ночь, когда я проводил ее домой, – она жила недалеко, но путь через лабиринт дворов был извилист.

На следующее дежурство она пришла снова. Потом еще. И еще. А ночью, когда, проводив, я сидел за свой маленький письменный стол, она возвращалась телефонным звонком, чтобы говорить, говорить...

Незаметно пролетели две недели. Я вдруг обратил внимание, что полностью утратил одиночество. Лица теперь была со мной всегда – если не телом, то бесконечными телефонными разговорами. Однажды я заикнулся, что мне нужно поработать, – мол, завтра должен отдать последнюю редакцию рассказа в «Вечерку», там никак не пропускают рассказ, требуют редакции, а я не могу сосредоточиться.

– «Вечерка»? – радостно встрепенулась Лица. – Чего же ты молчал?! У меня там друг работает, правая рука главного редактора!

– Негасимов? – на всякий случай спросил я. – Александр Францевич?

– Нет, его Валера зовут. Завтра позвоню, и уже послезавтра тебя напечатают! – сказала она и приблизилась, мерцая очами.

На следующий день она сообщила:

– Я позвонила Валере, он все обещал сделать. Правда, ногу недавно сломал, оказывается, но он по телефону с главным договорится.

– Спасибо, – сказал я. – Но, может, не надо? Редактор сам разберется, а то как-то неудобно...

– Не думай об этом, – прошептала она, закрывая своей ладошкой мой рот. – Я все устроила, наслаждайся жизнью...

Но наслаждение мое быстро убывало, утекало в какую-то щель, образовавшуюся в моем бытии.

– А то ты не знаешь, в какую, – говорил Патрик. – Бери пример с меня, я все силы бросил на достижение цели и скоро буду на вершине. А ты застрял, попал в капкан. Я читал, что в таких случаях волк отгрызает свою конечность...

Я и сам чувствовал, что Лика отклоняет меня от великого пути, на который я едва ступил. Но и никаких конечностей отгрызать не хотелось, тем более что мне, в общем, нравились наши скользкие барахтанья, ее развратное бесстыдство, с которым она изображала куклу, принимая в белых трусиках кукольные позы и представляя механическим голосом:

– Меня зовут Суок, мальчик. У меня нет сердца, но есть что-то другое...

Я хотел ввести наши отношения в нормальное русло – когда женщина есть один из элементов твоей свободы, а не прикованная к тебе тачка с обязательствами.

На очередном свидании я попытался объяснить ей поэтику своего существования.

– Понимаешь, я, как Ихтиандр, – говорил я, – выпныриваю на воздух, в жизнь, чтобы не атрофировались легкие. А так в основном я дышу жабрами, я все время под водой своих фантазий, я опускаюсь на самое дно и ищу самую главную жемчужницу, чтобы вскрыть ее и извлечь самую главную жемчужину...

– Ты ее нашел, просто не понимаешь, дурачок, – ответила она, раздеваясь и кидая мне в лицо бюстгальтер, который попал чем-то твердым прямо в глаз.

Еле сдержав крик, я грустно улыбнулся и сказал, растирая глаз:

– У меня страшно болит голова.

– Сейчас пройдет, – бурно дыша, она скидывала туфли.

– Не пройдет, – сказал я, сморщившись. – Это на всю ночь, я знаю.

Она остановилась и растерянно смотрела на меня. Я не мог смотреть ей в глаза и прикрывался ладонью, изображая страдание от головной боли. Гордо взмахнув длинными соломенными волосами, она отвернулась и начала одеваться.

– Надеюсь, ты меня проводишь?

– Не могу, – сказал я, чувствуя надвигающуюся свободу. – Еще светло, добежишь. А я прилягу (помедитирую – хотел добавить, но сдержался)...

– Вот ты, значит, как? Все, я больше не приду! Слышишь? Я больше не-при-ду!

Я молчал, сжимая пальцами виски. А когда внизу хлопнула дверь, немного выждав, спустился, выглянул осторожно, потом вышел в осеннюю желтую сырость и закурил с облегчением. Патрика не было, он теперь приходил, когда она уходила.

– Ваши кошачьи крики мешают петь, – говорил он, – разрушают мою звуковую гармонию.

Я вдыхал дым пополам с холодным мокрым воздухом и чувствовал, как возвращается вытесненное женщиной свободное одиночество. Когда звякнула калитка и послышались легкие шаги, я вздрогнул, решив, что Лика передумала меня покидать. Но это была Лиса. Она слегка запыхалась, щеки ее горели, глаза смеялись.

– Красную шапочку вызывали? – спросила она, показывая на свой красный кокетливо скошенный берет. – Я на минуточку. Вот, пирожки пекла, решила вам занести. Братец здесь?

– Братца пока нет, – сказал я, отчего-то радуясь ее появлению, – но пирожки я приму...

– Есть с луком-яйцом, есть с мясом, а есть с яблоками, – доставала она теплые свертки и вкладывала их мне в руки, касаясь моих пальцев своими.

– Может, зайдешь, чаю попьем? – предложил я.

Она посмотрела на часы, на небо, на меня, и когда я понял, что она согласна, звякнула калитка.

Это вернулась Лика.

– Ты думал, я уже не приду? – сказала она, улыбаясь. – А я пришла, анальгин тебе купила, вот. – И, будто только заметив Лису, повернулась к ней: – Приветтики, а ты к брату?

– Зачем анальгин? – спросила у меня Лиса недоуменно.

– Голова у него заболела, вот я и сбегала, – быстро отвечала Лика, пока я соображал, как себя вести. – Ух ты, пирожочки принесла? Кому? Муж на дежурстве, что ли?

Лиса не ответила, достала сигарету, закурила. Сделав несколько глубоких затяжек, спросила у меня:

– Так ты напечатался в «Вечерке»?

– Вот, жду, – сказал я.

– Уже скоро, я договорилась, – встряла Лика.

– Нет, ну вообще! – вскинула глаза к небу Лиса. – Ты-то с кем могла договориться?

– С кем надо, с тем и договорилась! – гордо встряхнула гривой Лика. – И все же ты как тут?

– Да вот, по вызову, – сказала насмешливо Лиса, выдыхая дым подруге в лицо. – У пациента голова заболела от кое-кого, пришлось помощь оказывать. Анальгин ваш уже не нужен, можете его сами съесть.

– Пирожками лечишь? – кивнула на свертки в моих руках Лика. – Петя бедный на дежурстве надрывается, а его жена другим мужикам пирожки носит, на Петины деньги, между прочим, испеченные...

– Дура ты, Лика! – сказала Лиса, и я увидел, что она уязвлена. – Как была в детском саду кусачей злочкой, так и осталась.

– А ты была ревой-коровой, чуть тебя укусишь, сразу в крики и к воспитательнице...

Я стоял с пирожками в руках и не знал, что предпринять. И тут – на этот раз спасительно – звякнула калитка.

По дорожке, выставив вперед бородку и закинув сумку на ремне за спину, стремительно шел Негасимов. Сумка его тоже позвякивала. Подойдя, он поклонился дамам, пожал мою теплую от пирожков руку и сказал:

– Я звонил, но никто не отвечал. Решил без предупреждения – дело неотложной важности. Но, я смотрю, вы заняты?

– Мы с подругой уже уходим, – сказала Лиса, беря Лику за рукав, будто боясь, что та убежит. – А пирожки вам как раз пригодятся...

– И анальгин утром в самый раз будет, – Лика сунула мне в карман упаковку таблеток.

И они ушли вдвоем мирные и дружные, взявшись за руки.

– Весело живете, – заметил Негасимов. – Глядя на вас троих, я целый рассказ сочинил. Хотите, сюжет подарю? Назовите его «Негасимов и другие»...

– Что, нужен новый рассказ? – сказал я. – Опять отвергли?

Но на этот раз Негасимов принес добрую весть. Он разлил водку, мы выпили, закусили пирожками – Негасимов, несмотря на свою хрупкость, откусывал полпирожка сразу, – и, налив по второй, он рассказал мне, что альманах подписан в печать и выйдет через неделю.

Поиск в себе радость, я не обнаружил ее. Было даже немного обидно, что этот рассказ преодолел цензуру. Получалось, что я снизил накал гениальности, добавил посредственности, которая и удовлетворила чуткого, как канарейка, замредактора.

– Неужели никаких замечаний? – спросил я с надеждой. – Там всякие намеки есть...

– Не знаю насчет намеков, но зам сразу по прочтении подписал. Значит, вы сумели обмануть, усыпить внимание...

Чтобы отогнать последнее подозрение, я спросил, работает ли у них некий Валера, правая рука главного редактора, он еще недавно ногу сломал, – говорят, он меня пролоббиривал.

– Что он сделал? – поперхнулся водкой Негасимов.

– Ну, в смысле, слово замолвил...

Негасимов захихикал.

– Валера, который сломал ногу, – сказал он, – это наш шофер, и в литературе он главному не советчик. Даже не как тот полотер...

Через неделю выпал снег и вышла газета с моим рассказом. Я читал себя утром, вернувшись домой от киоска. Газета пахла белой свежестью. На подзаголовочном коллаже силуэт, очень похожий на мой, сидел за столом у окна, в котором стояли силуэты заснеженных деревьев. Я читал свой рассказ недолго – строки, которые я мог перечитывать в машинописи бесконечно, загнанные в газетные колонки, вызывали чувство отторжения. Я вдруг увидел, как отвратителен мой рассказ, – испачканные сахарным сиропом слова липли к губам. «Какой позор!» – шипел я, скользя по тексту боковым зрением, чтобы не видеть и не понимать.

Позвонил Негасимов, поздравил, спросил, счастлив ли я, удивился моей реакции.

– Первый раз вижу человека, который хочет скупить весь тираж не для раздачи знакомым, а для самосожжения, – сказал он расстроенно. – И что теперь, мне ставить на вас крест как на писателе? Только я задумал издавать журнальчик...

– Не знаю пока, – сказал я, – может быть, я отравился литературой, посмотрим. Но вам я благодарен безмерно!

Вечером на дежурстве Патрик усугубил мой скепсис. Прочитав рассказ, он сказал:

– Странно. Сколько с тобой общаюсь, никогда не подозревал в тебе такой густой шизофрении...

На мои просьбы уточнить, что он имеет в виду, Патрик мялся, перечитывал, но уточнить так и не смог.

– Не знаю, – сказал он. – Не по-человечески как-то... И быстро – читаешь, будто с горы на лыжах мчишься, а что внизу ждет, не знаешь...

Я удивленно перечитал рассказ и увидел, что он был написан черепахой. От такой путаницы стало еще хуже.

Позвонила Лиса, поздравляла и восхищалась – сравнивала рассказ почему-то с гладиолусом. Я немного воспрял – гладиолус был все же лучше, чем черепаха на лыжах, – и пожаловался, что Патрик поставил мне диагноз.

– Слушай его больше! – утешила Лиса. – Он за всю жизнь только одну книгу прочитал, про Витю Малеева в школе и дома, на которой, видимо, и надорвался как читатель.

Позвонила Лика.

– Поздравляю! – сказала она. – Хочешь, я приду, и ты сможешь меня отблагодарить? Ведь это благодаря мне ты стал настоящим писателем...

– Благодарю, – сказал я. – Но сейчас у меня болит голова. Я скоро вас приглашу отметить это событие – всех причастных...

– И Лису с пирожками? – ехидно спросила Лика и бросила трубку.

Я облегченно вздохнул.

После публикации моего рассказа Патрик вдруг перестал петь и ходил задумчиво.

– Теперь пора, – однажды сказал он. – Я созрел. Ты стал писателем, я должен стать певцом. Нужно ехать в Москву к Тухманову, пока Новый год к горлу не подступил, а то ты за зиму в Переделкино переберешься, а я отстану навсегда...

– Какое там Переделкино? – удивился я. – Сам же говоришь – шизофрения.

– Так это и есть признак гениальности. Ты не для народа писатель, а для писателей, они тебя скоро примут, вот увидишь. И мне нужно торопиться, чтобы нам вместе взлететь. Чувствую я, ракета у нас одна на двоих, как бы не получилось так, что ты улетишь, а я останусь.

Была суббота, и Патрик дежурил с утра. Валил снег, улицы были белы, пушисты и глубоки. Я пришел к обеду и застал Патрика в возбужденном ожидании.

– Это знак! – сказал он, показывая на летящий за окном снег. – Посиди здесь, я вернусь через час.

И, ничего не объясняя, он оделся и канул в белую глушь.

Через два часа в дверь постучали. Я спустился, открыл и замер. Передо мной на крыльце стоял красноносый клоун в одежде Патрика. Клоун был в кепке с помпончиком, из-под которой в обе стороны торчали облачка волос. На кепке и на волосах лежал снег. Клоун был грустный и злой одновременно.

– Молчи! – воскликнул он и вошел. – Надо помыть и расчесать...

Он снял кепку, стряхнул снег, и вместо клоуна я увидел перед собой грустного спаниеля.

– Что с тобой? – сказал я, кривя и кусая губы, чтобы не рассмеяться. – Тоже шизофрения?

– Ну «химка» же! – с отчаянием выкрикнул Патрик, взбегая по лестнице. Волосы его взлетали и опали в такт. – Видишь, фигня какая-то получилась, а не шарик...

Он вымыл голову и расчесал ее массажной щеткой, но мелко завитые волосы не желали стоять дыбом, образуя негритянский шар, – только пышно свисали по бокам головы.

– Джузеппе! – горестно восклицал Патрик, ероша волосы перед зеркалом. – Асисяй! Все кончено! В таком виде не то что в Москву – здесь на улице нельзя показаться! Сейчас проулками пробирался, хорошо хоть снег...

Через час мучений и стонов Патрик сдался и позвонил сестре. Он всегда обращался к ней, когда не знал, что делать. И она всегда его спасала. Вот и теперь Лиса не оставила брата в беде. Через час она пришла и привела с собой Лику. Оказалось, Лика сама стригла своего мужа и, по словам Лисы, стала настоящим мастером.

– Я ей настойчиво советую переквалифицироваться в мужского парикмахера, – не удержалась Лиса от шпильки. – Грудью в шею потыкаешься – и замужем уже...

Но Лика не обиделась. Она достала из сумки футляр, открыла – там лежала черная электрическая машинка с насадками, ножницы, расческа, – разложила все на столе, предварительно расстелив белую тряпочку, – и движения ее были плавными и экономными, словно она готовилась к хирургической операции.

– Ну? – сказала она, стрекоча ножницами в воздухе. – Клиент созрел?

Из комнаты вышел Патрик, прижимая волосы руками. Девушки смеяться не стали, усадили его на стул, обернули простыней, поставили перед ним снятое со стены зеркало, в котором отразилось опрокинутое, полубормочное лицо клоуна перед казнью, – и Лика занесла над его головой звонкий сверкающий стрекот. Но прежде она погрузила в унылую шапку волос свои цепкие руки, пошевелила пальцами, потянула и сказала:

– Все ясно. И куда ты с такими волосами собрался? Они же слабенькие, корни не держат, волос падает под своей тяжестью, тут никакая «химка» не поможет. Кальция не хватает твоему брату, – повернулась она к Лисе. – Пеки ему пирожки с глюконатом...

И, защебив между указательным и средним большой клок волос, отхватила его двумя щелчками. Хлопья падали на простыню. Патрик сидел с закрытыми глазами, и мне казалось, что он сдерживает готовые брызнуть слезы.

Мы с Лисой вышли покурить, чтобы не видеть, как Патрик превращается в лысого мужика, – приговор Лики не оставил ему надежд даже на короткую прическу.

Снег все валил. Мы стояли на крыльце и смотрели, как прямо на наших глазах растут белые шапки на ветвях, заборах, подоконниках, перилах балконов, крышах...

– Зима пришла... – сказала Лиса. – Давайте отпразднуем?

– Приход зимы? – спросил я.

– Вообще все, – сказала она. – Зиму, твой рассказ, лысину Патрика... Петя сегодня дежурит, сын у бабушки...

– Может, Негасимова позвать? – предложил я. – Как-никак он мой крестник...

– А может, не надо? – помолчав, сказала Лиса. – Вы с ним потом отдельно в вашем бомонде отпразднуете. А мы сегодня просто посидим – в самом начале зимы. Да и братцу сейчас чужие глаза как соль на рану...

И мы пошли сквозь набухшее снегом пространство в ближайший магазин, купили водки для мужчин и ликер «Амаретто» для женщин, колбасы, сыра, шоколада и вернулись как раз к окончанию операции.

Патрика не удалось увидеть лысым – сразу после стрижки он с помощью Лики повязал на голову детскую пеленку в уточках и зайчиках на манер банданы. Но похож он был не на пирата, а на человека, с которого сняли скальп, – оранжевые зверушки на белой косынке походили на пятна проступившей крови, – и на лице скальпированного было страдание.

– А что, – сказал я, – так даже лучше, образ нетривиальный, а то сейчас на эстраде все «химкой» трясут...

– Не трави человека, – строго сказала Лика. Она неотступно следовала за Патриком, готовая, наверное, подхватить его, если он начнет падать. – Не так просто расставаться с надеждой, не знаю, понимаешь ли ты... – И она многозначительно посмотрела на меня.

Я радостно промолчал и, звякнув пакетом, прошел в кабинет налаживать праздник. Лиса пошла за мной.

В тот вечер Патрик напился. Косынка-пеленка скоро съехала ему на затылок, обнажив бело-синюю поверхность, и Лика, вжимая его лицо в свою грудь, целовала сотворенную ею лысину и утверждала, что шишки его головы говорят о его музыкальной гениальности. Патрик не вырывался, только поворачивал лицо так, чтобы дышать. Играл магнитофон. Наши с Лисой руки нежно боролись под столом на ее бедре. Когда моя рука убежала и скользила в сторону главной тайны, ее рука, выждав немного, спохватывалась, догоняла и возвращала нахальную беглянку.

– Давай потанцуем? – склонившись к моему уху, шепнула Лиса хрипло.

– Не могу встать, неудобно, – сказал я, направляя ее руку к причине моего неудобства.

– Какой меч! – восхищенно простонала она. – Я теряю сознание...

Лика уже целовала безвольного лысого певца, оседлав его колени и зажав его голову локтями. Доносившееся чавканье создавало полную иллюзию поедания хищником жертвы. Руки жертвы вяло лежали на талии хищницы.

Мы с Лисой танцевали под доллановскую «Леди в голубом» – и песня вела нас, сплетенных, извивающихся, как две змеи, из кабинета – сначала в коридор, а потом в большую комнату. На паласе лежал голубой прямоугольник фонарного света, в котором плыла тень летящего снега, – и эта тень накрыла нас.

Лиса была податлива и восторженна.

– Ты гений, – говорила она, когда мы выныривали и лежали, отдыхая в тени снегопада. – Ты станешь знаменитым, я знаю...

Ближе к полуночи я проводил ее домой. Когда спускались по лестнице, услышали из кабинета крик Лики.

– А, ч-черт! – крикнула она. – Ч-черт, вот черт!..

И я не понял, это был крик наслаждения или отчаяния.

После Нового года Патрик и Лика поженились. Я не мог поверить в реальность этого события.

– А как же музыка? – спрашивал я Патрика. – Скоро волосы отрастут, как же Тухманов, слава, поклонницы?..

– Чушь, – отмахивался Патрик. – Мистика или нет, но когда я волос лишился, у меня словно глаза открылись – какой я к черту певец? Только по пьяни «Ой, мороз, мороз» орать – это я могу и в семье делать.

Иногда я бывал у них в гостях. Лика ходила передо мной торжествующе – в коротком халатике, в пушистых тапочках. Глядя на ее щиколотки, я даже смутно завидовал Патрику.

– Семья – это истинно мужское, – говорил он, моя в раковине посуду. – Я был таким идиотом!

Он уволился из сторожей, сказав, что займется настоящим делом, – у Лики есть связи. Я занял его место, чему был очень рад. Стояла хорошая долгая зима. Я сидел в тепле за маленьким столиком и писал череду маленьких рассказов ни о чем. Зима была похожа на вечность, и рассказы получались под стать ей – время в них стояло или медленно вращалось. Иногда я думал, что это куски из будущего романа, и тогда они начинали немного нравиться мне, окутанные контекстом неизвестности, как огоньки в ночи.

Ко мне приходил Негасимов, показывал верстку затеянного им журнальчика. Журнальчик был тонкий, но это не смущало его редактора, – он говорил, что литературный пейзаж должен быть прозрачен, чтобы всех было видно.

Негасимов ждал от меня новых рассказов для журнальчика, но я не признавался, что пишу, ссылаясь на непроходящее отворачивание к своему печатному слову.

– Клин клином вышибают! – кипятился Негасимов, расплескивая водку. – Вы должны писать, а не лечить вашу контузию прикладыванием мягкого женского к одному месту! Вам мало того, что женщина сгубила вашего друга?

– Почему сгубила? – удивился я. – Мне кажется, он счастлив, говорит, делом занимается...

– Делом? – усмехнулся Негасимов. – Не хотел я вам говорить, да и ваш несчастный друг просил не выдавать... Встретил я его недавно на сипайловском рынке – вы там не бываете, – ботинки искал себе зимние. И купил вот эти, хорошие, югославские, – у вашего друга, между прочим. Да-да, он торгует там прямо из баула. Смущился, меня увидев, объяснять стал, что это временно, да я-то знаю...

Я молчал, потрясенный. Негасимов был доволен произведенным эффектом.

– На этот раз предназначенный вам снаряд попал в него, – сказал он. – Но если вы будете столь же беспечны, постригут и вас...

Уходя, Негасимов попросил меня поклясться, что начну писать прямо сейчас, как только закрою за ним дверь.

– Ни дня без строчки! – воскликнул он, вываливаясь на крыльцо. – Только пишите уже о жизни, а не о женщинах!..

Я пообещал. Закрыл за ним дверь, поднялся в большую теплую комнату с пушистым паласом, сел за свой маленький столик, зарядил в каретку чистый лист и напечатал, не задумываясь:

«...Стояла долгая хорошая зима. По четвергам ко мне приходила Лиса. Она стучалась и, когда я открывал, весело спрашивала:

– Кому тут плохо? Медсестру вызывали?

Целуясь, мы поднимались по лестнице на второй этаж. Перед большой комнатой с пушистым паласом она отставала ненадолго и появлялась уже в белом халате на голое тело. Колени и бедра ее были холодны с мороза».

Я блаженно потянулся и посмотрел на часы. Уже наступил четверг.

Ключей Кастальских ключник

* * *

Скажешь: тополиный пух?
Глянь-ка – каждая пушинка
На пуантах балеринкой
Перехватывает дух.

И, описывая круг
В поле пристального взгляда,
Знанием того, что надо,
Осенит внезапно вдруг...

Ожидая своего,
Будущему – приоткрыться,
В нечто большее развиться
Семечку важней всего.

Ведь не мной говорено:
– Не теряя интереса,
Пристальней всмотри! – всё веса
И значения полно...

* * *

Плыл по течению и соблазнился
Тиной придонной...
Бомж ворошит – вряд ли в поисках смысла –
Мусор зловонный.

Грязный, как чёрт, но с лицом, как у инока:
Внутри обращённым –
Мимо домов, чьи огни и витрины, как
Сцены огромны,

Мимо церквей, где о сырых рассказано,
Бирж, где всю торговлю...
Агонизирующим не отказано
В праве на судороги!

Криком кричу в Божье всеприсутствие,
Смраду и Горю,
Лучший сейсмограф своими предчувствиями
Точно оспорю,

Бедствуя без аргументов и смысла
В дикости оной...
Плыл по течению и соблазнился
Тиной придонной.

* * *

На развёрнутой ладони
Предвечерней панорамы
Тают в колокольном звоне
Голоса вещей и камни.

Автострады, стадионы,
Торжища теряют голос.
До костей стальных в бетоне
Исчезает мегаполис.

Поминая Бога все,
Мир утрачивает вещность,
Дематериализуя
В колокольном звоне вечность.

И грядёт, как хулиганство,
Ночью тишина такая –
Звёздным светом на пространства
Необъятность намекая...

* * *

Гулче барабанов переулочек.
Гулчок фонарь и редок. Каждый гулок
Шаг твой – без поводья немалый
Труд идти, прохожий запоздалый.

Телевизионных детективов
Честный житель пририсует живо
Если не убийство – покушение...
Тем не менее – вот вам! – приключение...

Всполохами внутреннего света
Тренихнёшься возле силуэта
Женского, как знаючи заранее...

Приторное благоухание
Парфюмерии дешёвой... Незнакомка –
Что почём – откликнется негромко...

Так, давай поднимемся на лифте
К ней, читатель, коль тебе не в тяжесть.
Там под слоем копоты олифа
Старая нам Божий лик покажет.

И обдаст ознобом на минуту,
И оцепенеешь при иконе,
На вопрос досужий: «Как зовут-то?» –
Слыша: «Мармеладовою Соней...»

* * *

Девушка плачет навзрыд, сотрясаясь всей грудью.
Звёзды над нею, глубокая ночь в мегаполисе.
Хлюпает носом, оплакивая целомудрие,
Гневается, проклиная с надрывом в голосе.

Я: «Успокойся, не падо, останутся звёзды
Прежними в небе и те же печали да боли...
Если без бога, вверху – облака и воздух.
А не захочешь, то мы не увидимся более».

* * *

Легче бабочки возник
Снег из неба: опахала
Крыл – размером с материк,
Белоснежной Таж-Махала.
Вихрь кружения в глазах
И цветенье – не по теме
Зимней, но везде: в глазах
И на ветках – хризантемье.

И перед самым окном
Вперемешку с тьмой и светом –
В мире этом или в том,
В том ли теле или в этом? –

Вьются зрелищные те
Бабочки над миром выгод...

Вот бы с сеткой на шесте
За одной из них пропрыгать!

И, как бабочку, без прав,
Целый Тадж-Махал за здравье
Между пальцами прижав,
Как пинцетом, – сунуть в кляссер!

* * *

Фиолетовой зимы
Вьюга за окном грустна,
Грусть прилипчивей чумы...
И в небудни не до сна.

И трясут снега окно,
Пробирая до кишок,
На стекле – лица пятно...
Истерический смешок...

Надорвут снега конверт
Тела – выпнут письмецо...
Улетит душа на смерть,
Упадёт на деревцо.

Как ревматик воробей,
Коченея средь ветвей...

* * *

Тополя стояли в заоконье
Неожиданные, как масоны:
В снежных фартуках, при рукавицах
Белых – как живые с тайной в лицах.
Срезанные снегом – на эмали
Зимней – без корней – себя вздымали...

Как они в снегу стоят, сверкая
Льдом на ветках, тишина какая,
Не публичным тамадой на свадьбе –
В тайне! – о фонтанах вокруг усадьбы
Я пою, за монитором снова
Сидючи, за словом нижа слово
Бусинками – ожерелье будет...

Обезлюди будущее –
Будут
Тополя стоять вдоль окон комнат

Вечность...
Лишь они меня и помнят!

* * *

Одушевлённая? – чугунная
Стапина крыльями забьёт...
И остановит бег подлунная
В октавных полосах частот.

За тучным панцирем компрессора,
Где только поршни мельтешат,
Ничтожный болт чванливей кесаря,
И лирике здесь шах и мат.

Но коридорами туманными
От взвеси масляной на всём
Иду, как Бах, между органными
Снопам света – божеством!

Мерцаю масляно, таинственным
Лоснясь, я сам – как фонари:
Лью свет живой, а не заимствованный...
Эффект свеченья изнутри.

* * *

Светлане Чураевой

Чем рана глубже, тем светлее шрам.
Чем музыка банальнее, тем ближе.
Любовь, как счастье с горем пополам,
Я более в грядущем не предвижу.

Не хочется припасть ни к чьим ногам,
Сцеловывая холодок с ладони...
И если есть у будущего шарм,
То это – Лета, я в её затоне.

Как лёд дрейфую, ни одной душе
Не должен, все долги пустив по ветру...
И всё-таки остался в барыше
И перед всеми разрываю смету.

Была ли смета или нет?.. Я сам
С тех пор себя уподобляю льдине,
Столь стачивающейся по краям
И всё ж – невозмутимой в сердцевине.

* * *

Как вопиющее Шекспирово
«Быть иль не быть» – сегодня встало.
Сколь много я в себя складировал
Вещей – всё Будущему мало.
А я хотел из современников
Быть исключением и с наружностью
Тунгуса лавры мерил гениев,
Небрежничая: мол, не хуже я!
Ведь всё живущее составлено
Из исключений, как из клеток,
Что, в общем, абсолютно правильно
И правило в тысячелетиях.
Да вышло шиворот-навыворот –
Как апокалипсис в лохани
Под эти «Быть – не быть» Шекспировы...
И ныне в зеркале по рани
Я стар, и сед, и морщусь, лезвием
Тупым скребя щеку, как мученик,
Всего лишь Плюшкин от Поэзии,
Чужих ключей Кастальских ключник.

Истории Горюхина. Часть II

Крякнул старинный буфет прадедушки и прабабушки, растворилась его скрипучая дверка, но вместо того, чтобы по дедовскому обычаю налить себе рюмочку приторного, как церковная свечка, кагора, взял я связку кованых ключиков и стал бессмысленно открывать и закрывать различные ящички. Много добра скопилось за два века: пробки, флакончики, кулечки, фантики, тетрадки в клеенчатых обложках: «Расходы за 1966 год», «Расходы за 1967 год», «Расходы за... Егорке». Обомлел. Мне, что ли? Ящичек закрыл, тетрадку раскрыл, сел на гнутый, такой же древний и скрипучий, как буфет, стул, включил лампочку электрическую энергосберегающую, стал читать.

Зачеркнутое: «Буханка белого хлеба – 12 копеек...». Задумался: много или мало? «Небось, Егорка, затылок чешешь, много это или мало?» – это прадед Константин Иванович Горюхин на полях пометку мне сделал. Ладно хоть смайлик не поставил. Дальше читаю.

«Я тут подумал на досуге и решил, что многое тебе не рассказал, а то, что рассказал, то ветер из твоей головы давно выдул, поэтому, на тебя не надейся, сам пиши самоличные думки в линованную тетрадку. Как ты, наверное, из своей незамысловатой жизни уже понял: мысль, изреченная в воздух, есть дура, а слово на кончике пера – молодца!»

Усмехнулся: ну, это еще вопрос! От перемены мест дура редко умнеет. Но прадед на полях мне уже пальчиком грозит: «Чую, Егорка, в полемику лезешь. Лучше помалкивай пока да на ус мотай, иль у вас нынче усов не носят?»

Отчего не носят? Бывает, что и носят, хотя бритых наголо стало намного больше. Перевернул страничку.

ГЛАВА 1

«А дело было так», – опять издалека завел речь Константин Иванович.

Не сдержался, мысленно поддразнил прадеда: сотворил Бог небо и землю? Почти угадал: «Призвал как-то царь Иоанн своего воеводу Ивана Нагого. Воевода хоть и не робкий был, но струхнул изрядно – Иоанн у Рюриковичей по счету вышел четвертым и, видимо, оттого очень грозным. Подумал тогда Нагой: «Если в острог какой сошлет, будет хорошо, а то ведь воткнет по своему обычаю посох в ногу, ударит набалдашником в висок, как сыночка родимого, отдаст этому педомерку Малюте на душегубские удовольствия».

Вот тебе на! – еще один детский стереотип в голове перевернулся. Всегда представлял Малыту Скуратова огромным, бесформенным злодеем, похожим почему-то на актера Вячеслава Невинного, а ведь реальный Малыта потому и малыта, что был мал ростом и, возможно, весом. Он и редким садистом слыл как раз из-за того, что известно: чем человек мельче, тем намешанные в нем гадости концентрированнее. Теперь буду представлять Малыту похожим на актера Ролана Быкова, не в обиду последнему, конечно.

«Иоанн Грозный словно прочел мысли Нагого. Давай-ка, говорит, Ванька, в путь-дорогу собирайся, в острог тебя отправляю! Воевода, то ли в печали, то ли в радости, поинтересовался, в какой из ему известных, а у царя тогда настроение было хорошее, приподнятое, рассмеялся он, а его слуги-опричники, как им и положено, подхихикнули: поплывешь туда не знаю куда, найдешь место не знаю какое и поставишь острог под названием не знаю каким. Но! – это у царя, словно у женщины в опасные для ее рассудка дни, настроение поменялось, воткнул он острый посох рядом с сафьяновым сапогом Ивана Нагого – чтобы острог был на самом востоке и по возможности юге нашей необъятной Руси-матушки, и никакой плохой басурманин к этому острогу-крепости сунуться не мог, а хороший пусть себе суется – под опеку возьмем, – выдернул царь Иоанн посох из пола».

Разве в каменных палатах Иоанна полы были деревянные? – подумалось почему-то, ну и в продолжение додумалось: знал бы предпоследний из Рюриковичей, что через 430 лет на миллионном «остроге с незнамо каким названием» будет опять Рюрикович сидеть.

«Воевода Иван Григорьевич мешкать не стал, собрал стрельцов и других служивых людей, погрузился на струги с насадами и поплыл крепить отчизну. До Коломны плыли по Москве-реке, потом через Рязань, Муром – по Оке, а от Нижнего Новгорода до Казани по самой Волге. Проплыли Казань, дальше по течению плывут – не напрягаются.

А был у Нагого слуга верный, помощник расторопный, тоже Ванькой звали, вот он ненавязчиво и поинтересовался у воеводы: «А не приплывем ли мы, Иван Григорьевич, таким образом в Астраханское ханство или, того хуже, к персидскому шаху?».

«Не пойдет! – принял тогда решение царский воевода. – На весла! Против течения плыть будем, сворачивай налево, на черную реку Кама!».

И стали казаки со стрельцами мозоли набивать, против волн грести – крепким русским словом Ивана и Ваньку поминать. Но не только гребли да исподлобья зыркали, они и божьи дела делали: завезли в татарское поселение Алабугу – «пестрый бык» по-русски – царскую икону святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и переименовали «пестрого быка» в село Трехсвятское. Правда, потом атеисты вроде тебя опять его Алабугой-Елабугой звать стали, может, оттого сочинительница стихов Цветаева там и повесилась в безбожное время пятиугольных знаков. Дальше прогребли, какие-то лежащие на берегу челны проплыли (*наверное, челны на том берегу лежали до тех пор, пока их большегрузные «КамаЗы» не передавили, – это уже я робким курсивом встречаю в прадедовское повествование*), до развилки дошли по фарватеру: вверх по черной Каме – Большая и Малая Пермь с живущими там коми и зырянами, вниз – по Белой Воложке к башкирам. «Не! – вдруг, до этого безмолвные, загудели стрельцы, – на север по черной воде, да еще к комикам, не хотим, лучше по белой воде на юг к башкирцам погреем». Воевода спорить не стал, потому что и царь ему велел: «И по возможности на юг!».

Опять плывут и плывут, а места подходящего все нет: то пригорок вроде бы неплохой, да лес вокруг, из которого острог строить, дрянненький – береза да осина, то наоборот – дуб благородный, а возвышенность так себе. Была одна неплохая горка у

речки Бирь, но там Нагой строитивого боярина Челядина высадил. Наконец доплыли до места, где Белая Воложка на две части делится и обе части слуг государевых в тупик ставят: налево – опять черная река, направо – опять белая. Решили, что приплыли «не знай куда» и судьбу можно больше не пытаться, спустились назад к маленькой, но «бешеной» речке (ее ногайцы так и прозвали: «Су-тилак» – бешеная вода), тут же по русскому обычаю ее переименовали на свой лад в Сутолоку (*так вот отчего она в сточищу канаву превратилась – опять встравяю*), поднялись на холм и разом согласились, что место для острога хорошее. С одной стороны текла река Белая Воложка, с другой стороны – речка Сутолока, с третьей стороны глубокий Спасский овраг, а с четвертой – глубокий Ногайский овраг с текущей по дну речкой Ногайкой, тоже наверняка бешеной».

Тут я озадачился: это что же, в Ногайском овраге и хоронились те загадочные ногаи, переселившиеся потом в деревню Ногаево под Уфой, а потом вообще растворившиеся среди русских, башкир и татар, потому что, «земную жизнь пройдя до половины», я так ни одного ногаю и не встретил?

Не только я, но и прадед мой озадачился, пометку на полях сделал: «Про ногайцев, Егорий, меня не спрашивай, сам не знаю, чего они тут делали и куда делись. Говорят, ханская ставка Тирия-Бабату Ключова была в Чертовом городище на Лысой горе – той самой, на которой лет через триста уфимский пролетариат ласковыми майскими денечками планы строил, как ему в гегемоны выбиться. И собирал хан Тирия дань с окрестных башкир. Может, в Ногайский овраг дань и свозили, а строитивых в студеную Ногайку с головой окунали и держали так минуту-другую для остратки, одно слово – ногаи! А ушли, наверное, как обычно, в Великую стену, на разбойничью свою прародину, где, может, с казаками переженились, может, с киргизами, а то с китайцами или вовсе с американскими мормонами, с них станется!».

Понял, будем считать, что ногаев победили, разгромили, насильственно, прости господи, ассимилировали. А Лысая гора и сегодня глухим высоким забором огорожена – опять, наверное, очередные сборщики дани поселились. Что там у нас на следующей страничке?

«Первым делом приказал Нагой церковь рубить («тебе, безбожнику, этого не понять», – все укоряет прадед внучонка мелким шрифтом на полях), а так как высадились они на берег в аккурат на Троицу, в году 1574-м от Рождества Христова, то и церковь стала зваться Троицкой. Времена тогда были божеские, антихрист Никон еще не родился, «звериный» 1666 год еще не настал, когда нам, истинно верующим, стали пальцы рубить, чтобы креститься не могли, живьем в храмах сжигать, чтобы не пел по ветру сеять, у всех православных была одна истинно верная церковь – двуперстная».

Так, по всему, начинается старообрядческая религиозная пропаганда, но напрашивается традиционный вопрос: каким боком мы, Горюхины, ко всей этой любопытной истории причастны? Не успел левую бровь нахмурить, а правую приподнять, изображая недоумение, – в тетрадке уже прадедовский ответ на мой вопрос: «Да! Кержаками ни в Уфе, ни в Белебее, ни в каких других окрестностях тогда еще и не пахло, потому как в одном Нижегородском уезде, недалеко друг от друга, как я уже говорил, еще не родились с разницей в пятнадцать лет радетель за веру протопоп Аввакум и мордовский крестьянин Никитка Мишин, ставший кровавым реформатором Никоном!»

А роль наша, горюхинская, в то время была следующая: рыбачил как-то пращур старосты Трифона (это тот самый Трифон, о котором Пушкин в своих историях упоминал), Селиван, со своим сыном Ванькой на речке Сивке у нашего родового гнезда. В ближайших к селу Горюхину перекатах и омутах, известное дело, всю рыбу уже повыловили, спустились они вниз по течению до впадения Сивки в Оку. Набили острой рыбы, сколько нужно для знаменитой горюхинской ухи (это когда поста-

вишь в котел ложку, а она стоит, не падает), но на большой праздничный пирог для всей родни, а это, считай, все село, не хватает. Вдруг видят, в омуте на самом дне сом лежит, тогда, представь себе, Егорка, вода в реках была такая чистая и прозрачная, что оброни случайно в нее затертую полушку, непременно увидят ее на дне, позовут того же Ваньку, тот нырнет и непременно достанет. Вот и нырнул он за сомом, потому что острой его было никак не зацепить, ухватил за жабры, на поверхность потащил. А в это время, как ты, наверное, уже догадался, плыл на стругах и насадах воевода Нагой. Увидел он подводное мастерство Ваньки, подивился, тут же купил у его отца Селивана за сверкающий на солнце медный пятак последней царской чеканки усатого сома, а Ваньке предложил службу: мол, ему такие ловкие пригодятся, ну и жалование, конечно, посулил хорошее. А когда узнал, что Ваньку Ванькой зовут и знает он худо-бедно грамоту, а на досуге от нечего делать сочиняет еще и всякие побасенки, тут же прибавил стрелецкий кафтан, шапку красную и сапоги с загнутыми носками на полоторавершковых каблучках.

«Пусти, тятенька, мир поглядеть, Родине послужить», – тут же жалостливо испросил у отца разрешение преисполненный долга и соблазна Ванька. Селиван, конечно, скупую горюхинскую слезу смахнул, вроде как в глаз мошка попала, хотел урезонить: «Матушка-то как же?», но вздохнул и отпустил Ваньку на государеву службу, а пятак за щеку положил, чтобы не потерялся.

Вот этот наш Ванька и подсказал Нагому с Волги свернуть и по Каме против течения грести».

ГЛАВА 2

«Хоть ты, Егорка, наполовину магометанин...»

Во-первых, что за всеобщая неискоренимая привычка путать национальность с вероисповеданием? Во-вторых, вроде бы прохожу по категории атеистов, хотя для старовера что мусульманин, что католик-латинянин, что свой брат православный «трехперстный» – все безбожники. В-третьих, не на половину, а на четверть – второй мой дед, Мухаммед Салимов, сын деревенского муллы Сафиуллы (сомневаюсь, что он благословил этот брак) женился на Марии Люлькиной из большого волжского села Шеланга, их дочь, моя мать Галия, вышла замуж за внука Константина Ивановича Александра – больше двадцати пяти процентов никак не набирается...

А на полях уже кривая, как кержацкая ухмылка, прадедовская пометочка: «Небось занудствовать начнешь?».

Осекся и подумал, что, проплывая по Волге мимо одного из аулов где-нибудь в районе «пестрого быка», Ванька Горюхин запросто мог пульнуть из ружья в сторону татарина Салима, а тот в ответ выпустить по стругам Нагого пару свистящих стрел. Не исключено, что потом в Шеланге рыбак Люлькин нырял на спор с тем же Ванькой в волжские омуты, а воевода со стрельцами их подзуживали. Но для чего сочинять свои фантазии, когда можно читать чужие?

«Хоть ты, Егорка, наполовину магометанин, а все равно сердце твое должно кровью облиться. Простояла срубленная Нагим Троицкая церковь 222 года, покуда не сгорела, а заложенный почти одновременно с ней каменный Троице-Смоленский собор (больше тридцати лет его строили, в 1616 году только закончили) простоял 340 годков. Чего только его стены не перевидали, чего не испытали: и ногаев зловерных, и не раз бунтовавших башкир, и Чику Зарубина, и императоров Александра с Николаем, и Ленина с Крупской. Но никто на него не покушался, даже бывший семинарист Иосиф не вынул изо рта трубку и не перечеркнул ее мундштуком табач-

ное облако крест-накрест, а разоблачитель и реформатор Никита (заметь, Егорка, опять Никитка!), не без помощи местных товарищей, в 1956 году взял и взорвал его. Вместо него воткнул Никитка каменный меч рукояткой в землю и прозвал его монументальным произведением искусства, олицетворяющим дружбу. Торчит теперь этот тридцатиметровый кладенец, прямо в голубое небо острием делится».

Эту крамолу я от прадеда уже слышал. В нынешнее политкорректное время, переполненное ветрами демократических свобод, за такие слова не пришили бы разжигание какой-нибудь розни, сиди потом в остроге или новый возводи, а то и посох в ногу воткнут, набалдашником в висок ударят, а уж малют скуратовых, до душегубств сладострастных, в России всегда было – только свистни.

Но прадед, слава богу, тему развивать не стал: «Взошел воевода Иван Григорьевич на холм, вслед за ним Ванька с товарищами дубовое бревно втащили. Огляделся Нагой – все окрестности словно на ладони: «Что, Ванька, как крепость назовем, чтобы государю отписать?» Сбросил Ванька с плеча комель многопудовый. «Уф!» – сказал, пот со лба красной шапкой вытер.

«Уфа, говоришь? – задумался Нагой. – А что, слово короткое, для местного наречия благозвучное, так тому и быть! Пошли царю отчет писать!».

Во как просто! Чего, спрашивается, кандидаты наук над этимологией Уфы головы ломают? Разве что докторские пишут...

«Ну а сам острог, кремль то есть, был небольшой, всего о трех башнях, а общая длина пятиметровых дубовых стен была метров четыреста – четыреста пятьдесят, не больше. Но малой крепости без хитрости нельзя, это большая цитадель может одним своим видом страх наводить, лениво во врагов из пушек постреливая, небольшому укреплению всегда в запасе подвох иметь надо. И все тот же Ванька Горюхин его воеводе Ивану Григорьевичу шепнул на ухо. Самую важную, Михайловскую, башню на севере сделали проезжей, защищающей дорогу в кремль, самую маленькую, Наугольную, на северо-востоке, – всего лишь сторожевой, чтобы за сибирской стороной наблюдать, а Никольскую на юге сделали пешеходной. Именно через Никольскую башню обиженные бесцеремонным строительством ногаи решили проникнуть в крепость, чтобы стрельцов перебить, полонить, в рабство киргизам продать. Пошли на злое дело самые безжалостные головорезы под предводительством самого коварного лазутчика по прозвищу Йондоз. Прикинулись они мирными башкирами, привезшими для обмена мед, кумыс, конину и как бы себя показать – людей посмотреть. И только ногаи прошли за Сутолоцкие ворота Никольской башни, как сразу же скинули овечьи тулупы невинных торговцев, выхватили длинные ножи с зубринами, чтобы наброситься и в мгновение вырезать охрану урусов. Но не знали злодеи, что Никольская башня имела хитрый изгиб – захаб. Оказались ногаи в ловушке. Стрельцы их, конечно, со второго яруса башни всех перестреляли, потому что времена тогда были простые и ясные: ни в одном королевстве конвенцию по военнопленным еще не сочинили и торжественно не подписали. Ну а ногайский хан Тиря, как узнал, что его самого многохитрого лазутчика Йондоза русский Ванька вокруг Никольской башни, словно вокруг своего пальца, обвел, решил, что настали плохие времена, снялся с насиженного места и ушел искать для своего Чертова городища другую Лысую гору, около которой еще не было русской крепости. Но хоть и скрылся в клубах пыли зловерный ногайский хан, оставил он после себя молву, что никуда ногаи не ушли, а русский воевода Нагой вовсе не Нагой, а другой ногайский хан – Ногай! А тут еще царь Иоанн IV Грозный взял седьмой женой близкую родственницу, почти сестру, Нагого – Марию Федоровну, вот люди и смекнули: какой нормальный человек возьмет себе седьмую жену, если в этом нет никакого политического расчета? Так и осталось в народных

головушках предположение, что тут не все чисто. Хотя что это я? Не об том речь, дальше слушай, читай в смысле».

ГЛАВА 3

«Долго ли коротко ли, точнее, ровно через двенадцать лет после высадки воеводы Ивана Нагого у будущего монумента Дружбы стал в Уфе воеводить другой Нагой – Михаил, получил кремль статус города, и стала Уфа строиться, как записано в древних бумагах, «на семи холмах и среди осьми великих оврагов». Я, если честно, осьми оврагов не насчитал: Ногайский, уже упомянутый, Ильинский, Спасский, Успенский, Сибирский, Сутолоцкий, Шувалин. Куда «осьмой» делся – не знаю. Может, ты, Егорка, вооруженный передовыми средствами познания неизведанных тайн, его разыщешь, иначе для чего вам эти бесовы электрические машины вычислительные?»

Опять Константин Иванович в своей седой бороде усмешку прячет! Какие, к тому же бесу, овраги, тут домашний адрес не сразу вспомнишь, номер телефона с большим напряжением, электронную почту через раз, пароль кредитки через два, индивидуальный номер налогоплательщика, чтобы не забыть, на груди выколол!

А то, что на холмах, так оно и понятно, в сырой темный овраг только бандюк или разбойник полезет, хотя первые после развитого социализма уфимские буржуи почему-то туда и полезли – именно в Ногайском овраге коттеджей понастроили.

«А по холмам между оврагами поползли первые улицы, каждая начиналась от ворот нового уже большого кремля и вела не куда-нибудь в тайгу или степь, а каждая к своей церкви: улица Коммунистическая вела к Успенскому монастырю, улица Менделеева – к Сергиевской церкви, улица Октябрьской революции – к Благовещенской и Спасской церквям, улица командарма Фрунзе – к Ильинской, а улица Габдуллы Тукаева – к церкви Фрола и Лавра».

Сарказм прадеда понятен, но улицы принадлежат тем, чья власть на дворе. Могла Екатерина Великая предположить, что в географическом центре ее империи не будет ни одного заштатного переулочка, ни одного заваленного мусором тупика ее имени, а «вора Емельку Пугачева» отметят целой улицей, сподвижника же его увековечат и в асфальте и в чугуне с бронзой? И как разом обомлели бы все секретари обкома Башкирии, узнай они, что командарм Фрунзе, в штыковую захвативший улицу Ильинскую, вдруг перевоплотился в своего идейного врага Заки Валиди. И не ударил бы набалдашником в висок, не воткнул бы посох в хромовый сапог наркому внутренних дел Бери генералиссимус Джугашвили, сообщи тот ему, что в городе Тбилиси появился проспект имени американского президента Буша? Можно многое предположить, многому изумиться – то ли еще будет!

Переворачиваем страничку:

«А про церковь Фрола и Лавра ходила легенда, что любой проезжий человек, поставивший в ней свечку за здравие или за упокой, на какой бы промысел дальше ни отправился, обязательно вернется и около этой церкви поселится. Не он, так его сын или внук. И хоть церковь эта давно сгорела, встретишь в Уфе на Случеской горе или у Ногайского оврага какого Фролова, знай – наверняка где-нибудь в Сибири золотишко мыл, а потом все бросил и сам не ведает, как его в Уфу занесло, как «меж осьми оврагов» очутился, – а все промысел божий!».

Что тут скажешь, и Фролова встретил, и приехал он с «золотой речки», и поселился над Ногайским оврагом, и тоже в божий промысел верит – и добавит печего...

«Да! Про Ваньку Горюхина совсем забыл. Они, как с Иваном Григорьевичем уфимский кремль возвели, так вскорости назад в Русь вернулись. Нагой – в Москву

и сразу на свадьбу Иоанна и Марии Нагой понал, и хоть сидел в «кривом столе» и, возможно, даже на последнем «полатном брус», но ведь на царской свадьбе!

А Ванька напрямик в село Горюхино отправился, отца, мать (уж сколько она слезинок в кулачок собрала!) обнял, расцеловал, ну и сестер-братьев, дядей-тетей, своячениц и кумовьев тоже обнял, всем подарки раздал и тут же в речку Сивку за семипудовым сомом нырнул, чтобы ухи на все село наварить и пирогов на весь честной горюхинский мир напечь.

Не успел Ванька от государевой службы дух перевести, как отец Селиван его женил на красивой, но упрямой, доброй, но строгой, умной, но бесхитростной девушке Капитолине из соседнего Карачаевского села и отделил. Ванька, конечно, детишками обзавелся, хозяйство поднял и до тех пор, пока от многолетия из памяти не выжил, рассказывал домочадцам, да и любому слегка вынимшему и оттого внимательному первому встречному, про далекий город-кремль Уфу. Рисовал угольком на белой печке длинный путь по пяти рекам, искусно плел из слов полные приключений и опасностей истории про верных товарищей, коварных врагов и всегда мудрых руководителей.

Но как-то, основательно разговевшись на Пасху, поднял упавшую с сеновала сухую веточку полыни, растер ее в ладонях, вдохнул во всю грудь солнце и ветер Великой степи, повесил буйную голову и поведал своей жене Капитолине еще одну историю.

Выше было сказано, что после того, как хану Тире привезли перекинутое через хребет мохлястой клячи бездыханное тело Йондоза, снялись ногаи: вылезли из глубоких пещер Чертова городища, ушли с Лысой горы, скрылись в клубах пыли. Сказано было, но не добавлено: никто не заметил, как от черного огромного клуба пыли отделилось маленькое серое облачко и поплыло назад к уфимскому кремлю, – это четвертая жена Йондоза, красавица Ай, в неудержимой ярости мщения вознамерилась вырвать сердце у погубителя своего мужа. Схоронилась Ай конечно же в Ногайском овраге и стала ждать момента, когда Ванька из острога выйдет и бесцельно куда-нибудь направится. Не долго ждала – вышел Ванька в ясный солнечный день за дубовые стены, подошел к реке, оттолкнул от берега неустойчивый челн, поплыл по Белой Воложке любимым делом заниматься – рыбу в глубокой воде из-под коряг доставать. Красавица Ай в другую долбленку прыгнула, следом поплыла. А Ванька заметил лежащего в омуте двухметрового осетра – ничего и никого, кроме него, не видит и не слышит. Бесшумно коснулся борт лодки Ай кормы кровного врага, прыгнула она к Ваньке черной пантерой, хотя какие в Башкирии пантеры? – волчицей прыгнула, взмахнула острым кривым пожом, но долбленка – это не кобыла норовистая, не жеребец непокорный, которых любая ногайская девушка могла с детства усмирять; вмиг перевернулась углая лодочка, и стала Ай вместо теплого воздуха холодную воду глотать. Ванька, конечно, нырнул, схватил ее за косы, на поверхность вытянул, потом на пологий берег вынес, к горячей груди мокрое трепыхающееся тельце прижал. Хотела Ай вонзить Ваньке в спину нож, но уж так крепко он ее к себе прижимал, так гулко стучало его сердце, что разжала она пальцы и выронила кривую смерть в речной песок. Что и понятно: ненависть – это та же любовь, только наоборот, через какое плечо в Белой Воложке перевернешься, так и выйдет. Полюбила красавица Ай ловкого Ваньку. Да и Ванька голову потерял. Но, как известно, не может православный во грехе жить, э-э... долго не может. Пошел Ваня к воеводе просить, чтобы позволил в веру христианскую нового агнца ввести, ну и венчаться потом, конечно, по всем правилам. Нагой, как увидел Ай, так сразу разрешил ей стать Акулиной, но жениться Ваньке не позволил, потому что сам на Акулину глаз положил, так и сказал: «Не разрешаю тебе, Ванька, жениться, сам буду с твоей Акулькой жить, уж больно мне ее дикий прав по праву!»

Не мог Ванька воеводу послушаться, но и Аїи не могла старика воеводу полюбить – сму лет-то уже было не меньше тридцати! Один выход оставался – стать цевестой Христовой. Остригла Аїи черные косы в руку толщиной и ушла в только что созданный Христо-Рождественский женский монастырь на Большой Казанской, а родившегося чуть позже русоволосого сыночка ее Мафусаила отдали в Успенский монастырь, который потом тоже стал женским Благовещенским, а потом в безбожное время там чего только не было: и бани, и больницы, и черт-те что, прости господи! Не удивлюсь, Егорка, если там нынче торгаши да менялы какие-нибудь сидят – на чужой копейке себе рубль зарабатывают».

Сидят, где им еще сидеть, как не на намоленном месте? А Капитолина, жена Ваньки, что же?

«Про Капитолину небось спрашиваешь? Ну что Капитолина, поджала покержацки губы и перестала Ваньке детей рожать, вот и все».

ГЛАВА 4

«Неспешно, Белой Воложкой текло время, менялась Уфа, иногда по плану, высочайше утвержденному, иногда вследствие одного из многочисленных пожаров. Менялись в Уфе и воеводы. Как обычно, хорошего воеводу считали плохим, пока его не сменял новый. Если же старый воевода при сравнении с новым воеводой все равно оставался злодеем, мздоимцем, самодуром и прелюбодеем, то башкиры сочиняли про него протяжную песню, а русские – какую-нибудь повесть временных лет, и плохой воевода навечно оставался в исторической памяти. Спросишь, Егорка, оставался ли хороший?»

Спрошу.

«Тут дело обычное – сколько подвигов ни совершай, если сам не звенишь о них на каждом углу, в представлениях на награду не описываешь, благодарности в архив не подшиваешь, то твоих добрых дел вроде бы как и нет. Зато будь спокоен, промах твой, даже если он рожден одним лишь воображением верных друзей, и в поклепе зафиксируют, и шепот о нем по всем закоулкам пустят, а потом грозным приказом впишут в фолиант «История государства Российского». Но объективно определить достоинства или недостатки государева, да и любого другого человека, сквозь туман веков весьма трудно. Вот был ли хорошим или плохим уфимский воевода Кондратьев? Да бог его знает! Известно только, что во время его воеводства в 1670 году, в самый разгар преследования кержаков, старый уфимский кремль совсем обветшал, главная Михайловская башня развалилась, пушки с нее сняли и сложили в амбар. Что это означает? Как у нас на Руси реформа какая, так государство слабеет, в столице всякая шляхта заседает, смуту творит, а на окраинах крепости разваливаются, пушки в сараях ржавеют».

Э, Константин Иванович, про реформы и последующую слабость государственную я и сам могу рассказать – и на моей короткой памяти державу, будто долбленку Ваньки, вверх дном перевернуло.

«А что происходит, когда старая крепость рассыпалась, а новую еще только возводить собираются? Правильно, всякий лихой люд начинает безобразничать. Я куда клоню?»

Наверное, сейчас всплывет из исторического омуты какой-нибудь из Ванек Горюхиных, который в очередной раз всех спасет, будто он не Ванька вовсе, а Брюс Уиллис.

«Чую, в правильном направлении мыслишь» – это на полях.

«Так вот, как я уже говорил, у рабы божьей Акулины и раба божьего Ваньки Горюхина родился, прямо скажем, несколько преждевременно, сын Мафусаил. Про Ваньку ты знаешь, а Акулина, как остригла ногайские косы и перестала дышать станным ветром, почти тут же захворала в сырой келье. Пометавшись с неделю в жару, она позвала нашего Ваню и ихнего Йондоза. Ваня, конечно, не пришел, а Йондоз прискакал на огненном жеребце, подхватил легкую, как перышко, Ай, посадил позади себя и умчался к хану Чингизу в небесную орду. Мафусаил же подрос, по схиму в монастыре не принял, стал ремесленничать, женился, родился у него сын, у сына тоже родился сын, и у того родился сын, и кого-то из них звали Горюшкой – по фамилии нашей и, будем откровенны, по неказистости и невезучести.

Вот я и клоню, что жил этот Горюшко в то самое лихолетье, когда на воеводстве после Кондратьева сидел Черкалов, старый кремль к тому времени почти совсем развалился, а новый еще только на песке палочкой нарисовали. Разбойники тогда никому житья не давали, а дерзки и наглы были так, что как-то взяли и украли дочку самого воеводы и потребовали выкуп немалый. Не пожалел Черкалов богатства ради любимой дочери, спустились его стрельцы в Ногайский овраг, в оговоренном месте на плоский камешек посреди речки Ногайки сундучок с выкупом поставили, неподалеку ждать стали. Разбойнички сундучок подхватили, скрылись в овражной чащобе, а взамен никто не вышел. Часа через два стрельцы Ногайский овраг со всех сторон облазили – ни сундучка, ни разбойников, ни дочку, тогда и остальные семь главных уфимских оврагов прочесали. Всякого нечесаного сброду в лохмотьях целую толпу собрали, а настоящие лиходеи будто сквозь землю провалились. «Что делать?» – сам себя спросил воевода Черкалов. «Как быть?» – спросили друг друга стрельцы. «Отчего слуги воеводы только в ближайших оврагах ищут, ведь весь крутой берег Белой Воложки оврагами, словно разбойничьим тесаком, изрублен?» – спросил Горюшко у своего верного товарища, друга закадычного, банкира Мугусюмки. Не только Мугусюмка, но и служивые вопрос слышали и доложили воеводе, что Горюшко знает, где его дочку прячут.

«Запытаю! – закричал Черкалов, саногами затонал. – Если не вернешь Марусю-доченьку!».

Повесил Горюшко кудрявую голову – всю его семью воевода в залог взял, в амбар с ржавыми пушками запер.

«Помогу», – сказал Мугусюмка и обрил наголо Горюшку: мол, для дела надо.

Как стемнело, лег Мугусюмка на дно долбленки и от берега оттолкнулся, то же самое приказал другу своему сделать. Поплыли они по течению. Один овраг проплыли, второй, у третьего дымок костра почували, голоса услышали: «Никак плывет кто-то?», «Нет, бревна где-то смыло, лазутчик бы на одном плыл, а тут два». Высадилась Горюшко с Мугусюмкой поодаль, в овраг, заросший деревьями и кустарником, прокрались, видят – у костра разбойники сидят, зелено вино пьют, к дереву дочка воеводы привязана, а рядом с ней лошади взнузданные, чтобы при первой же опасности только вскочить – и след простыл. Как там у Пушкина в «Братьях-разбойниках»: *«Не стая воронов слеталась на груды тлеющих костей, за Волгой, ночью, вкруг огней удалых шайка собиралась. Какая смесь одежд и лиц, племен, паречий, состояний! Из хат, из келий, из темниц они стеклись для стяжаний! Меж ними зрится и беглец с берегов воинственного Дона, и в черных локонах еврей, и дикие сыны степей, калмык, башкирец безобразный, и рыжий финн, и с ленью праздной везде кочующий цыган!»*.

Да, Пушкин наш любимый фамильный поэт. И не страшно было неказистому, к тому же невезучему Горюшке лицезреть тех, *«кто режет хладною рукой вдовицу с бедной сиротой, кому смешно детей стенать, кто не прощает, не щадит, кого убийство веселит, как юношу любви свиданье»?* Наверное, его друг Мугусюмка был фартовый.

«...Вернулись наши сыщики обратно к челнокам, разделся Мугусюмка и Горюшке приказал, обмазались они с головы до ног бараньим жиром, Мугусюмка к лошадям пополз, а Горюшке к Марусе велел.

Заметил «безобразный башкирец» лоснящегося Мугусюмку, сразу признал: «Башкиры! Лошадей уводят!».

«Хватай его!» – крикнул, не поднимаясь со своего места, «в черных локонах еврей».

«Воеводу иди стереги! – приказал «рыжему финну» «беглец с Дона» и тут же выбил ружье из рук цыгана: – Не стрелять! Черкаловские людники услышат!»

«Й-и!» – прыгнул в темноту за Мугусюмкой калмык.

А Горюшко веревки перерезал, Марусю поперек лошади забросил, и тут его схватил огромный, косматый, как медведь, «рыжий финн». Но схватить-то всей своей медвежьей силой схватил, только выскользнул обмазанный жиром Горюшко, словно ужик, попытался его «рыжий финн» за волосы поймать, да только пальцы скользнули по голому черепу. Финн потянулся за тесаком, но сила и скорость не одно и то же: успел Горюшко вскочить на коня позади воеводиной дочки и рвануть вверх по овражьей тропе.

«Стреляйте, братцы! Они следом за нами скачут!» – крикнул в черные пустые кусты вдоль оврага несшийся следом за Горюшкой на другой лошади Мугусюмка.

«Заряжай! Целься!» – крикнул в ответ Горюшко.

«Засада!» – сказал «в черных локонах еврей» и натянул поводья. Цыган, глядя на еврея, тоже приостановился: «А вдруг?». Финн встал рядом: «Вы чё?». «Измена», – подумал «беглец с Дона» и поднял коня на дыбы, «башкирец» потрогал рукой не так давно вырванные палачом ноздри и сбавил шаг, один калмык, повизгивая и покрикивая, догонял беглецов. Поравнялся калмык с Мугусюмкой, взмахнул тесаком над его головой.

«Неужто не сможешь, Урал-батыр?» – прошептал Мугусюмка.

«Й-и!» – взвизгнул калмык и провалился вместе с лошастью в карстовый провал Черкалихинской горы.

В утренних сумерках прискакали к кремлю голый Горюшко, голый Мугусюмка и почти потерявшая рассудок Маруся.

Воевода в трясущиеся руки дочку принял, в покои увел, Горюшку через третьего слугу поблагодарил, передать велел, что если тот найдет сундучок, который он разбойникам отдал, то может взять себе оттуда четверть, а то и треть содержимого.

Стала Маруся жить под усиленной охраной, женихов дожидаться. Но то ли не спешили женихи свататься после разбойников, то ли не могла забыть Маруся неказистое, блестящее в лунном свете тело Горюшки, измазанное бараньим жиром, – не вышла она замуж. И, как у незамужних тогда водилось, ушла дочь воеводы в монастырь».

Что, и Маруся тоже? Признаться, думал, ее Горюшке отдадут с полцарством в придачу. Но прадед пометочек на полях не делает, внимания на меня не обращает:

«С тех пор овраги и холм между ними в память о пленении дочери воеводы Черкалова и спасшем ее Горюшке-Горюхине стали звать Черкалихинскими».

Ну-ну! Как нынче говорится: без комментариев!

«А верного товарища Горюшки Мугусюмку никак не отметили, только калмык оставил на его теле еще один шрам, но Мугусюмка не обиделся, лишь предположил как-то за самоваром у Горюшки, что когда-нибудь и какого-нибудь выдающегося башкира увековечат на Черкалихинской горе. Слово в Белую Воложку глядел Мугусюмка – вздохнул чугуной поступью на Черкалихинскую гору богатырский жеребец с красавцем Салаватом в седле!»

По-моему, пора переверачивать страничку!

ГЛАВА 5

«В прошлой главе, Егорий, мы назад вернулись, и этой давай вперед забежим. 23 мая 1759 года разразилась над Уфой гроза несусветная, грохотало так, что дубовые крепостные стены дрожали, велик был гнев божий! Попала одна из молний в главную Михайловскую баню Старого кремля, и выгорел город почти дотла! Остались только стены Нового острога, который к тому времени, слава богу, возведи.

Так приказало жить детище Ивана Нагого, впрочем, от Большой крепости сегодня тоже ничего не осталось. Но философствовать не будем, чать не Соломоны. Прошло после того пожара каких-то восемь лет, поехала, если помнишь по моим прошлым историям, Екатерина Великая со светлейшим князем Потемкиным из Москвы в Белебей».

В Белебей?! – аж вздрогнул, подбородок от груди оторвал, сонный глаз кулаком протер.

«Шучу, Егор Саньч, в Казань, конечно! Но мимо Белебея все же.

Потемкин об уфимском пожаре, разумеется, знал, на пенелнице царичу не повез. Знали и уфимцы, что Григорий Александрович ни за что не повезет Екатерину Алексеевну в крепость, до сих пор по российской привычке толком от пожара не восстановленную. Но знали, что если не выпросить денег на ремонт и строительство, то не сегодня, так завтра захватят Уфу какие-нибудь бунтовщики-мятежники – уж очень беспокойно вокруг было. Стали гадать, кого к цариче отправить с просьбой шжайшей. Нагадали, что нужен тут человек грамотный, но не шибко, выпивающий, но не очень, пригожий, но не без дефекта, но главное – чтоб воровал в меру. В общем, послали к Екатерине писаря Феранонта и наказали, чтобы ни в коем случае Потемкину на глаза не попался – только к цариче и сразу в ноги!

Нагнал Феранонт царский обоз и понтересовался у первого попавшегося ему конного офицера, как бы ему с Екатериной Великой повидаться. «А никак, – отвечал ему Потемкин, – со мной говори». Делать нечего, изложил Феранонт уфимские проблемы, а Потемкин ему: «Не интересно». И на Феранонта уже не смотрит, вот-вот коня в сторону направит. Взволновался Феранонт, выступивший пот со лба рукавом вытер: «Григорий Александрович! Слышали-с мы в своем захолустье, заводик у вас есть пушечный! Не заводик, а, говорят знающие люди, одно загляденье! Вот если бы на ваше замечательное производство высочайший заказ направить на отливку пушек для уфимского кремля? Ведь, кроме как на вашем заводике, с этой задачей должным образом нигде не справиться!».

Потемкин коня попридержал, Феранонта оглядел: «Любопытню, в том смысле, что, пожалуй, должным образом нигде не справиться. Всенепременно и сейминутно доложу цариче-матушке, потому что до государственных дел она очень охоча! Как самого-то зовут?»

Сказал Феранонт, что он Феранонт, что из тех самых древних уфимских Горюхиных, про которых никто не помнит и не знает, как они в этой местности образовались. «Это ничего, – похлопал светлейший князь писаря по плечу, – скоро я к вам с реки Оки еще Горюхиных пришлю, уж больно они мне там надоели, – сочините какую-нибудь общую кержацкую родословную».

Ну а потом Екатерина очень кричала на Потемкина, ругала мужицкими словами, своим немецким кулачком била в русскую грудь за то, что князь не доложил ей раньше о плачевном состоянии первой возведенной на юго-востоке Руси крепости, гневно удивлялась, почему это пушки должны закупаться у Светлейшего, а не у Демидова, и, успокоившись, порешила, что утро вечера мудренее, а утром, сладко потянувшись, приказала Потемкину приступать к перевооружению уфимской крепости».

Так, Уфу отремонтировали, всех кержаков со Среднерусской возвышенности на Урал сослали, ждем, как я понимаю, крестьянскую войну?

«Поставили на уфимские стены потемкинские пушки – ничего, не хуже его деревень смотрелись!»

Что же Горюхины? Переселили нас, наших предков то есть, как ты помнишь, в хлестаковскую Подкатиловку под Белебеем, стали мы обустраиваться, а как обустроились, стали размышлять, что неплохо бы нам с уфимской родней повидаться (то, что проживают в городе Уфе потомки Ваньки Горюхина, передавалось в нашем селе из поколения в поколение). Всю зиму размышляли быстрые умом горюхинцы, а в марте снарядил наш староста Трифон делегацию и отправил в путь. Не знали бедные Архип, Антип и Ксенофонт, что с 14-го декабря под Уфой стоял пугачевский «граф Чернышев» – Чика Зарубин во главе двенадцатитысячного войска и четвертый месяц пытался захватить уфимскую крепость. И как этот Чика ни старался, не давалась ему Уфа, хотя противостояло ему за дубовым частоколом народу – всего ничего. Посуди сам, Егорка, по переписи 1802 года в Уфе проживало вместе с младенцами, стариками и женщинами всего четыре тысячи человек, представляешь, сколько было в 1774-м? А сколько из них могли держать оборону? Но не могли двенадцать тысяч оголтелых воинов с кровью налитыми глазами взять уфимский кремль и все тут! Оттого очень бесился «граф Чернышев» и зверства творил в округе лютые.

В общем, дотащил тощий подкатиловский мерин сани-розвальни до Чесноковской горы, на которой стоял Чика Зарубин. Под горой направляющихся к родственникам в гости Горюхиных схватили, руки заломили, к «графу» привели. Чика, как узнал, что они в Уфу едут, в санях калачи с кренделями везут, так сразу и приказал повесить кержаков, чтобы упрямых и непокорных горожан не подкармливали. Подручных Зарубина долго уговаривать было не надо, накинули они на шею Архипа, Антипа и Ксенофонта петли, веревки через перекладину перекинули, подтянули, собрались скамью у них из-под ног выбивать. Попрощались кержаки с белым светом, друг с другом, молитву зашептали и вдруг слышат: «Михельсон!».

И сразу половину двенадцатитысячного сброда Чики Зарубина как ветром сдуло – боялись мятежники Ивана Ивановича пуще дыбы, потому что не было ни одного сражения, в котором бы пугачевцы над ним верх взяли. Другая половина в ужасе завизжала, в страхе заметалась, заполошно во все стороны пулять стала, то есть, как бы биться собралась. Целых четыре часа продержалась доблестная армия Чики, четыре месяца до этого штурмовавшая Уфу. Через четыре часа от войска Зарубина остались пятьсот разбросанных тел на белом снегу, двадцать пять дымящихся пушек и семь тысяч в кучу сбитых пленных. А бежавшего сподвижника «Петра III», «графа Чернышева», подполковник Михельсон поймал за бороду уже в Стерлитамакском уезде на Богоявленском заводе, поймал и в Уфу доставил.

Про горюхинцев из Подкатиловки все забыли, и они сами чуть не сковырнулись со скользкой скамьи и не повисли между небом и землей. Но пронесся мимо виселицы выскочивший на резвой кобыле из уфимской крепости сын Феропонта Сережка Горюхин, махнул острым клинком и срубил разом все веревки. Поблагодарили Господа Архип, Антип и Ксенофонт и подивились удивительному сходству спасшего их удалыца с внуком старосты Трифона».

То есть все спаслись, Горюхины нашли друг друга, клан восстановился? Куда же они все в двадцать первом веке делись?

«А Чика сначала в Уфе допрашивали, потом в Казани, после в Москве. И какие бы Потемкин Григорий Александрович пристрастия к нему ни применял, тот в содеянном не раскаялся и все твердил: «Все помыслы и деяния есть истинное служение Отечеству, направленное на защиту несчастного государя». 24 января 1775 года под

стенами уфимского кремля при огромном стечении народа – и Горюхины, конечно, присутствовали – Ивану Никифоровичу Зарубину отрубили голову. Многие пострадавшие от его «служения Отечеству», как на Руси водится, жалели казненного «графа», кое у кого блестяли на щеках замерзшие на январском морозе слезинки».

ГЛАВА 6

Перевернул страницу, а там и нет ничего, только строчка зачеркнутая:

«Лампадный фигтилек – одна копейка».

Захлопнул тетрадку в клеенчатой обложке, положил ее обратно в ящичек старинного буфета, скрипучую дверку прикрыл. Дай, думаю, схожу на могилку, налью Константину Ивановичу рюмочку его любимого кагора.

Добрался на автобусе до «каменного меча», переправился пешочком через забетонированный и заасфальтированный «бешеный» «Су-тилак», по Сергиевской улице прошел мимо Сергиевской церкви, поднялся на Сергиевскую гору, дошел до горы Усольской, свернул на Сергиевское кладбище, стал на дальних дорожках между покосившихся крестов Горюхина искать, табличку с датой 1 января 1969 года разыскивать. Нашел: октябрь 1968 года, ноябрь 1968 года, декабрь 1968 года... На месте 1969 года – ровный ряд металлических гаражей и прильнувшие друг к другу тоненькая девушка и долговязый парень.

– Наверное, вы топчетесь на костях моего прадеда, – не сдержался, упрекнул за чем-то парочку.

Тоненькая девушка сильнее прижалась к долговязому парню:

– Не обращай на него внимания, Йондоз, – и откинула за спину черные погайские косы в руку толщиной.

«Осторожно, это сезонное...»

* * *

Маленький принц очень сильно вырос.
Больше не носит корону на вырост,
Больше не слушает пьяные звёзды
И никогда
не задаёт
вопросов.

Зорко лишь сердце – с этим не спорит,
Едет в пустыню, потом на море,
Ищет людей на чужой планете,
Но уже
не улыбается
детям.

Маленький принц ненавидит закаты,
Болью своей заливает утраты.
Сердце ослепло, но верить не поздно.
Маленький принц
всё еще любит
розу.

* * *

А снег опять опоздал на рейс,
Приехал поездом, потерялся.
Изобретатель, как Филипп Рейс,
Он изобрел от весны лекарство.
Рассыпал свой порошок везде
Где только мог, и весна озябла.
Мой дом похож на большое безе,
А за окном кусты-канделябры.

МОСТЫ

с одного конца на другой
добежать, долететь, подать рукой,
расстояние мерить прыжками вниз...
парашютный берег, чугунный бриз.
заплетаются сваи в объездах дорог –
это место для тех, кто чего-то не смог,
и для тех, кто привык одиноко идти
по железным перилам иного пути...
каблуками цепляя сырой асфальт,
она тихо ложится кусочками смальт
на мозаику жизни цветной стороной,
черно-белую вниз унося за собой.
светофоры, машины, забытые дети,
проводами цветут электронные сети.
а она, растекаясь, летит с высоты,
проклиная любые на свете мосты.

ВЕТЕР

А может, ветру сказать о боли?
Мы с ним бываем весьма похожи:
Я, как и он, трепещу на воле.
Он, как и я, промолчать не может.
Холодный воздух питает мысли.
У нас единый первоисточник.
Я отпускаю по ветру письма,
Он задувает искринки ночи.

Давай плясать на ладонях окон,
Кидаться пылью в людей и кошек,
И нам не будет так одиноко.
Зови, приятель, холодный дождик.
Мы полетим с тобой на Ямайку.
Там нас не ждут, но мы будем тихо
Скучать по нашим дворовым чайкам,
Искать табличку с названием «выход».
Моя земная одноитожность
С твоими ласками не сравнится.

Мы с ним бываем весьма похожи,
Как две печальные в небе птицы.

ФОНАРИ

Нет никакой пощады от фонарей,
Когда идешь по ночному городу.

И вроде бы вот уже стало теплей,
Но нет – внутри так же сыро и холодно.
За километр – дикая степь
Железных дорог и полотниц кирпичных.
Скрипят колёса, натянута цепь.
Отлично.
Звёзды-лунатики ищут приют.
Кивает мохнатая лестница
Головой.
А там, в километре отсюда, – уют.
Луна, польнное креслице.
Покой.

Старуха-ночь продаёт за гроши
Картонных людей. Пучок – по сотке.
В такое время особенно хороши
Раскрашенные красотки.
Высотки моргают глазами впалыми,
Дороги мокнут в дождях резиновых...

А где-то празднуют день купаловый
И хороводят во тьме осиновой.

Керосиновая лампа на плечах
Была у хулигана, а у меня – подсвечник.
В игре с системой опять ничья.
Потешно.
Витринная кутерьма растревожила,
Загнала в подворотни сонные.
Фонарный укол внутривенно, подкожно,
Осторожно, это сезонное.

Городская муха

Рассказ

По деревенской привычке Ибрагим проснулся рано. Хорошо бы сейчас, с утречка, пройтись по двору: откроешь дверь, и в нос шибает целебный запах, ступишь по зелёной траве после утренней росы... Да только здесь со всех четырёх сторон – каменные стены. Квартира кажется просторной – четырёхкомнатная, два деревенских дома поместится, но Ибрагиму в ней тесновато, даже дыхание временами прихватывает.

Ополоснувшись, он начал готовить завтрак. Покушать, как в деревне, не тянет – закусываешь по привычке и всё. Дома, переделав кучу мелких дел во дворе, заглянешь в двери и спросишь:

– Гульбадан, чай готов? – и сядишь вдвоём с женой за певучий самовар, и с удовольствием тянешь горячий напиток из чашки...

А здесь и еда не та, и сладость не в радость – всё есть, что душе угодно, да только без вкуса.

Ибрагим наливает из чайника «Тефаль» кипяток в чашку, насыпает чай, который сам купил в магазине, и размешивает. Зять с дочерью в достатке живут, а заварочного чайника нет. Запаривают пакетики и пьют воду со вкусом бумаги. К этому у Ибрагима совсем душа не лежит.

Какое-то насекомое прожужжало мимо и присело на край хлебницы. Э, да это же маленькая чёрная муха – совсем как в деревне! Летом они плодятся несметно. Гульбадан вешает против них липкие ленты. Что ни говори, там, дома, мухи, комары, слепни – явление привычное. А здесь – на восьмом этаже, в этой каменной коробке – откуда она взялась?

Стоило Ибрагиму чуть шевельнуть рукой, как муха, почувяв опасность, тут же взлетела и куда-то пропала. Но едва он отпил несколько глотков чая, снова явилась и, опустившись на стол, принялась деловито искать пропитание. Двигается шустро, аж подпрыгивает. «Смотри-ка, даже и эта ходит не по-деревенски», – усмехнулся про себя Ибрагим. Он собрался прихлопнуть нахалку и потянулся за тряпкой, но муха просеменила под хлебницу, вылезла оттуда и присела на сахарницу. У Ибрагима проснулся азарт, он затаился, с тряпкой наготове. Вот муха, отдохнув, поползла дальше, и тряпка со всего маху хлопнула по столу. Чашка полетела на пол. «Тьфу, чёрт!» – выругался Ибрагим, хотел было поднять чашку, но тут Мурзик начал царапать входную дверь. «Этому-то чего не хватает!» – рассвирепел Ибрагим. Мурзик подбежал, потрянул башкой, чтобы убрать волосы с глаз, и снова подбежал к выходу.

Перевод с башкирского Зуфара Валита.

Нугуман Сулейманович Мусин родился 17 июля 1931 года в деревне Кулгана Макаровского, ныне Ишимбайского, района Башкортостана. Лауреат премии им. Салавата Юлаева, народный писатель Башкортостана.

Мусин

«Наверное, на улицу захотел», – не вытерев пол, Ибрагим пакнул на плечи пиджак, надел летнюю кепку из белой материи, которую ему подарила дочь, чтобы он не смешил людей своей фетровой шляпой. Всунул ноги в калоши и открыл дверь. Мохнатый пёсик, размером чуть больше кошки, пулей ринулся к лифту, как будто ему задницу подожгли, нетерпеливо затаптываясь на месте. Уезжая, дочь Масгуда предупредила отца, чтобы он своевременно выводил пса, иначе тот и на пол написать может. Поэтому Ибрагим беспокоился, как бы Мурзик не пагачил людям под ноги.

На улице Мурзик, не обращая внимания на сидящих на скамейке, сразу прыгнул в кусты возле дома.

Несмотря на раннее утро, пожилые женщины у подъезда уже начали свой «словесный базар». Послушаешь их – и можно узнать все новости шестнадцатиэтажного дома.

– Мой сосед затеял евроремонт. Шум постоянный, никакого покоя...

– Да уж, человек жить тихо-мирно не может, довольствуясь тем, что есть. На четвёртом этаже купец в Японию съездил, машину привёз. Ведь есть у него машина, а на тебе – ездил на край света...

– Те, что над ними живут, тоже ежегодно меняют машину...

– Машина – что, вон у моего соседа жена каждый год новая, хи-хи-хи...

Ибрагим шагнул в сторону, чтобы бабки не подумали, что он их подслушивает.

– И у этого постоянно бегут за границу...

«Этот», как понял Ибрагим, – он сам. Притворившись, что ничего не слышит, позвал собачку:

– Мурзик, ты где?

Выпрыгнув из кустов, пёсик семенит по дороге. Пробежал немного – и снова писает, задрал лапу. «Как мальчишка, хожу тут и наблюдаю, как недопёсок справляет нужду», – молча нервничает Ибрагим. Надоело уже: больше десяти дней – очень долгих дней! – с тех пор, как дочь с зятем уехали в Эмираты, – он три раза в сутки таскается за собачонкой размером с носок сапога. Зря он поддался на дочерины уговоры и взялся за такое бестолковое дело. Его специально привезли из деревни, чтобы он охранял квартиру и обихаживал Мурзика. Конечно, он мог отказаться, но ведь речь шла о любимой дочери и о зяте... Сколько раз хвастался перед односельчанами, на какой ответственной работе они трудятся, как красиво и богато живут... Как после этого не согласиться.

Когда, отгуляв положенное время с собачкой, Ибрагим вернулся, скамейка была пуста. У сплетниц есть жёсткий график – наверняка разошлись смотреть какой-нибудь сериал. Ибрагим присел на их место, Мурзик, запрыгнув, устроился рядом. Ибрагим потрепал ласковую псинку по шее. «Я-то тоже хорош, на что трачу время...» Для чего люди в городе держат собак? Пёс в деревне – сторож, полноценный работник в хозяйстве. И хлопот с его содержанием никаких. А здесь... Кому он нужен? Может, детям, вместо игрушки? На улице, вон, полно бродячих голодных собак – наверное, хозяева выбросили, когда дети повзрости... «Фу-у, зачем я голову ломаю?» – Ибрагим, поднявшись, посмотрел на часы. Время подходит к десяти. Дочь говорит, что у Мурзика завтрак – в десять, надо идти, покормить эту Божью тварь.

Масгуда оставила собаке сухой корм – с виду как заячий помёт, – говорят, его везут из-за границы. Дочь велела давать штук по двадцать, не больше, чтобы хватило до возвращения хозяев. А Ибрагим корм давал не считая, – видать, потратил лишнего, осталось всего на одну порцию. «Ладно, послезавтра должны приехать, до этого как-нибудь Мурзика прокормлю», – решил Ибрагим.

Так как утром пёс не дал спокойно позавтракать, Ибрагим заново поставил чайник, вытер пролитый на пол чай. Помыл руки, подошёл к столу и увидел давешнюю муху, усевшуюся на край сахарницы. Подняла голову и трёт передними лапками голову – будто чистит рот после завтрака.

Ибрагим потянулся за тряпкой: на этот раз нельзя оставить негодяйку в живых. А та, будто почував злой умысел, взлетела и уселась на шкаф для посуды. Ибрагим быстро шагнул к шкафу, замахнулся... Нет, не смог достать, муха улетела в сторону зала. Ибрагим – следом, стараясь не терять её из виду. Ага, сидит на стене возле дивана... Эх, улетела и села на потолок! Долго не думая, Ибрагим взял со стола мокрую тряпку, скрутил и кинул. Муха, бестолковая, вылетела в открытую дверь лоджии, а тряпка зацепилась за край многоламповой люстры и осталась там висеть.

«Тьфу! – снова вскипела у Ибрагима душа. – Что я гоноюсь за этой тварью! Будто мух в жизни не видел».

Потолок в квартире высокий. Со стула за тряпкой не дотянуться. А, на лоджии стоит вроде металлическая лестница.

Поставив раздвижную лестницу, Ибрагим поднялся, попытался снять тряпку – не поддаётся. Он, нервничая, дёрнул сильнее, одна подвеска оторвалась от люстры, упала на пол и рассыпалась вдребезги.

«Эх, ещё одна беда! – почесав затылок, вздохнул Ибрагим. Впрочем, махнул рукой: – Ладно, из-за одной вислольки яркость ламп не уменьшится».

Мурзик, насытившись, сидит, высунув розовый язык, облизывается, а человек с утра чаю не может попить. Впрочем, Ибрагиму кусок в горло не лез – для еды тоже ведь нужен настрой. Он наскоро почаёвничал, убрал со стола, пошёл в зал и уселся в кресло. Откинувшись, закрыл глаза, намереваясь посидеть хоть немного спокойно, но не смог успокоиться. «Эх, видела б меня Гульбадан, расстроилась бы, решив, что я умом тронулся, – усмехнулся Ибрагим. – Это всё от безделья. Когда же только дочь с зятем приедут и освободят меня от этой тягостной жизни...»

Немного посидев, он задремал, и тут зазвонил звонок. Интересно, кто там? Дочь предупреждала: не посмотрев в «глазок», дверь не открывать. Ибрагим уткнулся, вглядываясь, в круглый «глазок»...

Похоже, женщина с нижнего этажа. Что её привело?

Ибрагим открыл дверь. Круглолицая толстوشка стояла на пороге улыбаясь, словно увидела долгожданного гостя.

– Здравствуй, сосед! Можно войти?

Ибрагим, отступив, пропустил её в квартиру.

– Заходи. Айда, проходи.

– Вот, беспокою человека...

Сжимая в руках полиэтиленовый пакет, женщина метнула взгляд в сторону спален, кухни, шагнула в зал:

– Можно, земляк, чуть-чуть посидеть?

– Конечно. Проходи, садись.

Соседка устроилась в обтянутом натуральной кожей кресле и с удовольствием вздохнула:

– У богатых и мебель другая, сидеть – одно блаженство.

Ибрагим, выходя на улицу, встречал эту женщину лишь несколько раз, она изредка с ним здоровалась, и такое начало разговора ему не понравилось. Но резким тоже быть не хотелось.

– Почему вы называли меня земляком?

– А как же! И я, и вы выросли возле Зилима. Так что кто же мы, если не земляки? – Похоже, соседка за словом в карман не лезет. Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Хозяева когда возвращаются? Не слишком ли долго отсутствуют?

– Думаю, послезавтра вернутся... Говорите, мы из соседних районов? Вы из какой деревни?

– Деревни моей уже нету, и место, где она стояла, заросло крапивой и лебедой. Мы туда ездим только родительские могилы проведать. А твоя деревня, как Масгуда сказала, стоит среди гор и лесов.

– Да, немного в стороне моя деревня, ближе к Белорецку и Бурзяну.

– Помню, лежала в больнице с одной женщиной из ваших мест и та говорила, что жизнь там – врагу не пожелаешь. Больницы нет, дети в школу ходят за двадцать километров... Не удивляйтесь, земляк, что мне не всё равно; я сама врач, всю жизнь посвятила здравоохранению.

Ибрагим не знал, как себя вести. Ему не нравится, когда много говорят. И вообще, что это за женщина и с какой целью пришла?

– Святая профессия у вас, – сказал он, лишь бы не молчать.

– Вот потому я и здесь. Хоть и вышла на пенсию, стараюсь помогать людям. – С этими словами она вытащила из полиэтиленового пакета картонную коробку, а оттуда – блестящую палочку толщиной с курай: – Смотрите, простой прибор, а нигде его не достанешь.

– Что это? – заинтересовался Ибрагим.

На лице женщины появилась довольная улыбка.

– Простой прибор, – повторила она, – но с премудростью. Немецкий. Видишь, сам – как стекло, а работает, как магнит. От многих болезней спасает. Я его из Москвы через одного знакомого выписала.

«Зачем мне всё это слушать?» – Ибрагиму начали надоедать соседкины рассказы.

– Цены сейчас на лекарства очень высокие. За одну таблетку, бывает, сотни рублей платишь. А этот прибор один от сотни болезней спасает. Голова ли, желудок ли, или что другое болит – как рукой снимет...

– В самом деле, прибор с премудростью...

Женщина продолжала уверенно вещать:

– Пользоваться им очень просто. Ну-ка, принеси стакан воды.

Ибрагим, сам не зная зачем, принёс. Гостя сунула в стакан палочку.

– Вот так оставляешь его на половину суток, и вода намагничивается. Потом употребляешь три раза в день по пятьдесят граммов. Через неделю забудешь, где что болело.

Всю жизнь Ибрагим проработал плотником, но с болью в постели никогда не лежал. Поэтому не слишком удивился.

– Да... Бывает же, – только и произнёс.

– Мне таких много прислали, да соседи моментально всё расхватили. Этот один, видать, для тебя остался.

– Не знаю... Я ведь не болею...

– Глупости! Болезни всегда ходят рядом. Такую полезную вещь ты больше нигде не достанешь. Всего лишь полторы тысячи стоит, зато потом всю жизнь меня благодарить будешь.

«Вот почему она столько времени мне голову морочила! Всего полторы тысячи. Ужас, моя пенсия за полмесяца. Вот так «премудрая» палочка!» – подумал Ибрагим.

И, чтобы не продолжать бессмысленный разговор, отрезал:

– Эта вещь мне не нужна.

– Вот тебе раз! – притворно удивилась женщина. – В деревне захочешь лекарство, а нет...

– Я никогда лекарства не пью, – прервал её Ибрагим. Демонстрируя, что разговор окончен, он вынул палочку из стакана, положил на стол и стакан унёс на кухню.

– Деревенские не следят за своим здоровьем, – женщина убрала палочку обратно в коробку. – Ладно, сосед, не обижайся, хотела добро тебе сделать. У меня ещё много полезных вещей, дядя, я после зайду.

Она направилась к выходу. «Очень ты мне нужна», – подумал Ибрагим, но из вежливости пробормотал:

– Хорошо. Прощайте.

И закрыл за ней дверь.

Расстроившись после пустого разговора, он походил из комнаты в комнату, заметил на журнальном столике стопку газет. Ибрагим каждый день покупал себе газету в киоске возле дома. Его удивляло, что дочь с зятем ничего не выписывают. Притом что зять – на очень ответственной работе, да ещё и депутат, а дочь работает в министерстве здравоохранения. Наверное, им каждый день приходится встречаться с разными людьми, решать разные вопросы. Должны же они быть в курсе новостей в стране. Ибрагим и тот, уж на что простой человек, если каждый день не возьмет в мозолистые руки газету, чувствует себя не в своей тарелке.

Он начал одеваться, чтобы выйти за газетой, тут же прибежал Мурзик и заюлил под ногами. Ибрагим взял поводок, прицепил к ошейнику и направился к двери. Купив газеты, уже собрался возвращаться домой, как вспомнил, что у пёсика кончились продукты. Может, продаётся где поблизости корм для собак? Он спросил об этом продавщицу в хлебном отделе, та, улыбнувшись, посоветовала обратиться в киоск на центральном рынке.

Вот тебе на! Чтобы угодить собаке, ищи теперь незнакомый рынок. Чем же ещё можно покормить эту тварь? В деревне псам дают молоко, простоквашу... А, что долго думать, сегодня и завтра как-нибудь перебьётся, а потом хозяева приедут и сами купят что нужно. Да, дочь после кормления давала Мурзику кусочек банана, чтобы «смягчить ему горло». Ибрагим купил кефир, молоко, один банан и, удовлетворённый, вышел из магазина.

Хорошо сидеть в мягком кресле и читать газету, кажется, даже каменные стены отодвигаются прочь.

Мурзик запрыгнул Ибрагиму на колени – значит, животному пора пообедать. Он привык кушать в одно и то же время и теперь смотрит жалобно, ждёт, когда его покормят.

Ибрагим налил в миску молока, пёс понюхал и пить не стал. Стоит, хвостом виляет, заглядывает в глаза... Ибрагим подал Мурзику в другой миске немного кефира, тот снова понюхал и обиженно отошёл. «Ладно, проголодаешься – съешь», – Ибрагим, махнув рукой, начал готовить себе обед.

К вечеру Мурзик и в самом деле попил молока и вылакал кефир. Под конец и от банана не отказался. «В городе даже собаки любят покушать послаще», – подумал Ибрагим.

После обеда он, довольный, что прошла ещё половина дня, прилёг отдохнуть на диван. Только задремал, как почувствовал укол в руку. Смотрит, а это чёрная муха. Другой рукой стукнул её, но не попал, негодяйка улетела и уселась на стену. Заболев душой, Ибрагим взял со стула рубашку, которую снял перед отдыхом, и начал гонять муху. Но та, слишком шустрая, мгновенно куда-то пропала.

К ночи Ибрагим долго не мог уснуть, а потом заснул так крепко, что спал, пока его не разбудил Мурзик. Глянул на часы на стене – уже десятый час! Быстренько оделся, вышел в прихожую, а собачка ноет, подпрыгивает нетерпеливо у двери. Ибрагим накинул пиджак, надел галоши и только хотел уже открыть дверь, как вдруг Мурзик нагадил. В нос ударил душливый запах.

Ибрагим растерялся. Справился наконец с дверью, пёсик бросился к лифту... Но торопился он зря: когда лифт тронулся вниз, Мурзик, не удержавшись, нагадил опять.

Ибрагим совсем расстроился. Что скажут люди, увидев их в лифте в таком состоянии? Оставлять собачий помёт никак нельзя! И зачем он только вышел из квартиры?..

Доехав донизу, Ибрагим, не выпуская пса, нажал на кнопку своего этажа. И, как только дверь снова открылась, увидел давешнюю соседку с неизменным полиэтиленовым пакетом в руках.

– Вот, заходила к вам, а вы, оказывается, с собачкой вышли, – начала она.

Ибрагим, сконфуженный, стоял в лифте и молчал. Истолковав его молчание по-своему, женщина, подняв пакет, энергично продолжила:

– Как и обещала вчера, принесла сегодня хорошие вещи. Это не лекарства, а биодобавки, продлевающие жизнь. Каждая стоит...

У Ибрагима, выведенного из равновесия поведением собаки, закипела душа, он готов был оттолкнуть назойливую бабу.

– Смотри сюда, как вас там... соседка, пожалуйста, не морочь мне голову своими вещами. Мне они даром не нужны!

– Ай-ай, как разговаривает! Я с дурным помыслом пришла, что ли... – лицо её помрачнело. – Фу, какой противный запах.

Мурзик, как будто ждал этих слов, тут же нагадил ещё.

– Что это ты устроил тут! Здесь не собачий туалет!

Откуда она взялась только, растрезвонит теперь по всему дому!..

– Ты не шуми, – сказал Ибрагим, не зная что делать. – Ведь у животного языка нет, он попроситься не может... Сейчас я всё уберу.

– Сосед, ты – уважаемый гость, тебе не к лицу. Сама протру. Если возьмёшь вот ... Почти даром отдаю!

Нахальство этой женщины привело Ибрагима в ярость. Он с силой дёрнул собачонку из лифта.

– Убирайся! – крикнул он в сердцах. – Иди, я сам уберу! Иди, иди!

Женщина выкатила глаза:

– Смотрите, как заговорил! Сейчас же пойду в домоуправление! – она твёрдой поступью направилась вниз.

Почти оглушённый, Ибрагим вынес тряпку, промыл пол в лифте, помыл у пёсика под хвостом и принялся за уборку в квартире.

Вот к каким неприятностям привела эта мелкая, с носок сапога, собака. Лежит теперь, поджав мокрый зад... Ибрагим несколько раз тёр руки мылом, а запах всё не кончался. Неужели Мурзику не подходит такая еда, как кефир, молоко и банан? Не нужно было давать эти продукты. Походил бы голодный, не умер...

Дочь, если узнает, что скажет? Сильно изменила городская жизнь Масгуду. Иногда она, сама родившаяся среди гор и лесов, ведёт такие разговоры, будто живущие там в чём-то перед ней виноваты. На языке у неё одно: деньги, домашняя утварь да тряпки...

Душевное спокойствие окончательно покинуло Ибрагима. Всю ночь он ворочался. Утром хотел накормить пёсика, но тот даже не понюхав миску лежал пластом. Ибрагим испугался: если собака заболит и сдохнет, в доме поднимется большущий скандал.

...Дочь с зятем приехали после обеда. Водитель зятя занёс два огромных чемодана (Чем же их заполнили!), а Масгуда, не поздоровавшись с отцом, позвала собачонку:

– Мурзик мой, чего ты лежишь? Иди ко мне, ну, иди же!

Зять спросил:

– Как жилось, старик?

А Ибрагим, не слыша, не сводит глаз с пёсика: подойдёт ли к хозяйке?

Вот обессиленная тварь потихоньку поднялась... Еле-еле шагнула... Лицо Масгуды исказилось, как будто случилось что-то ужасное, она схватила Мурзика, прижала к груди и тут же опустила обратно на пол.

– Что это такое? Что за дурной запах идёт от него? – Она оглянулась по сторонам. – Что за запах во всём доме? Юрик, ты чуешь?

То, что она зовёт мужа Юламана «Юрик», Ибрагиму не нравится.

– Я сразу почувствовал, как только вошёл. Откуда пахнет, не пойму?

Ибрагим решил не тянуть.

– Это от собаки запах.

Масгуда глянула на отца:

– Что случилось? Живот, что ли, заболел?

– Забо... Когда корм кончился, дал ему кефир.

– Ах, ты испортил моего малайку! Почему ты давал ему такую еду? Для чего я, спрашивается, оставила корм?! – злобно причитая, Масгуда снова подняла Мурзика.

В этот момент в приоткрытую дверь сунулась соседка с седьмого этажа – та, что приходила к Ибрагиму.

– Ага, приехали? – не здороваясь, начала она разговор. – Почему вы кого попало оставляете в квартире хозяйничать? Не ухаживал, как положено, за вашей собачкой, на весь подъезд навонял.

Ибрагиму очень захотелось ударить её и вытолкать прочь, но он, скрипя зубами, повернулся спиной.

– Кто же знал, что он такой бестолковый? – Это голос дочери. – Испортил моего Мурзика.

– Твоя собачка-то что – он и на меня поднял руку. Ещё...

Терпение Ибрагима лопнуло, резко развернувшись, он махнул рукой, не повышая голос, но зло гаркнул:

– Вон отсюда!

Видимо, вид его был страшен, женщина, пробормотав что-то под нос, понялась из квартиры.

Ибрагим сухо глянул на Масгуду, на Юру-Юламана.

– Вы же в свой дом вернулись, что на пороге встали? Мир ведь не перевернулся.

Эти слова вроде отрезвили молодёжь.

– Юрик, скажи шофёру, пусть быстренько съездит в зоомагазин, привезёт корм для пёсика. – Масгуда повернулась к отцу. – И ты не стой как истукан, иди открой дверь лоджии и окна. Как можно терпеть такой запах!

– Откроешь, муха залетит.

Масгуда недоверчиво посмотрела на отца:

– Иди ты, откуда на восьмом этаже муха...

– Вот, залетает откуда-то, не выгонишь.

– Не болтай чепуху.

Ибрагим распахнул окна на лоджии, и сразу же залетела большая чёрная муха. Уже не маленькая, а такая, какие вьются возле деревенских туалетов. Наверное, почувяла нехороший запах в квартире. Боже мой, дочь увидит – что скажет?

Между тем все немного успокоились. Хозяева помылись в ванной. Водитель привёз собачий корм. Мурзик поел, глаза его раскрылись, он, оживившись, начал вить хвостом.

Хорошее настроение пёсика передалось и хозяевам. Юламан открыл один из чемоданов, тут же из кухни выскочила Масгуда:

– Ты пока вещи не развороши! А вот отцу и матери подарки вытащи... Папа, это тебе – в летнюю жару надевать. – Масгуда достала рубашку с короткими рукавами

и спиной в сеточку. – А вот это – маме всер, пусть обмахивается, когда вспотеет во время чаепития.

«Господи, хоть бы прошла эта собачья беда», – с облегчением подумал Ибрагим, а вслух сказал:

– Спасибо, что и нас не забыли... Удачно ли съездили? Как отдохнули?

– И отдых, и всё было. Там совершенно другой мир – и воздух, и еда... Вот только в пути немного устали. – Юламан с удовольствием потянулся, сидя в кресле, вытянул ноги.

– А вот это тебе, Мурзик, – Масгуда вытащила сшитую из красного бархата вещь. – Вымою тебя и наряжу. Садись, папа, сейчас попробуем заграничных гостинцев.

На большой стол в центре зала поставили разную еду, яблоки, финики... У Ибрагима потекли слюнки.

День был пасмурный, в комнате как будто не хватало света. Прежде чем сесть за стол, Масгуда щёлкнула выключателем и сразу в ужасе замерла. А тут ещё, как на зло, на тарелку присела залетевшая недавно большая чёрная муха.

– Кто разбил люстру? – у Масгуды и голос задрезжал, как треснувшее стекло.

Ибрагим, не считавший расколотую подвеску особой потерей, признался:

– Я, нечаянно уронил...

– Ты?... Зачем трогал? – лицо Масгуды, загоревшее в Арабских Эмиратах, страшно искажилось от гнева.

– Не трогал я её. Хотел муху выгнать... Вот же, опять залетела, – Ибрагим показал на фрукты.

– Ужас!... – Масгуда замахала на муху руками. – Дом весь провонял, мухи налетели, люстра разбита! Что ты с квартирой сделал за десять дней?! Да ещё с соседями поссорился, теперь весь дом будет нас осуждать... Что же мне делать? – Дочь зло глянула на отца: – Знаешь, сколько стоила эта люстра? Более двухсот тысяч! Ой, дура я, зачем только привезла тебя! Какой убыток...

По её загорелым щекам потекли слёзы. Юламан, так и не вставший с мягкого кресла, молча поддерживает жену, разделяя её горе.

Ибрагим тихо встал из-за стола, прошёл в комнату, где он спал и где была вся его одежда. Взял свою фетровую шляпу, отложив дочерины подарки в сторону, собрал вещи в сумку и вышел в прихожую.

Масгуда продолжала то плакать, то браниться в зале.

Когда Ибрагим надевал обувь, вышел Юламан:

– Что такое? Куда собираешься?

– Домой. И так задержался, – Ибрагим старался говорить спокойно.

– Постой, хоть чай попьём. Потом вызову водителя...

В дверях показалась Масгуда, бросила отцу:

– Обиделся? А мне каково? – И приказным тоном сказала мужу: – Шофёру не звони, он только что с дороги. Автобусы каждый час ходят.

Мурзик вился у её ног, она подняла его, прижала к груди:

– Что же мне делать с тобой? Хоть бы поправился... И зачем только я уехала на отдых? В доме всё вверх дном, милый мой...

Пёсик лижет хозяйку в шею, как будто всё понимает.

Прилетела большая чёрная муха, села Ибрагиму на рукав пиджака. Он резко хлопнул, муха, оглушённая, свалилась на пол и поползла. Ибрагим с силой наступил на нее, раздавил. Открыл железную дверь, шагнул на лестничную площадку.

...Никто не провожал старика, никто не окликнул...

Немузыкальное

* * *

Одиночество – как детская игра,
все попрятались, а ты – среди двора
всё считаешь, как дурак, до десяти
и не можешь ничего вокруг найти...

* * *

Есть женщины, похожие на пиво...
Нет, скажем – на хорошее вино,
без них так одиноко и тоскливо,
когда идёшь в театр или в кино.
Есть женщины – совсем как калорифер,
об них погреться хочется зимойй.
Есть женщины-такси, но о тарифе
ты узнаёшь, доехав...
Боже ж мой,
как просто с ними всё, так несерьёзно
их, как в горсти монетки, теребя...

Ты – женщина, похожая на воздух.
Я задыхаюсь, если нет тебя...

* * *

Володе Таблеру

...Как будто мышь в своей норе,
сожмёшься и дрожишь.
А куст осенний во дворе
так светел, рыж и жив.

Глеб Михалёв родился в 1967 году в городе Юрга Кемеровской области. Учился в Казанском авиационном институте. Окончил физфак Казанского госуниверситета. Публиковался в журналах «День и Ночь», «Новый берег», «Октябрь», в коллективных сборниках. Финалист конкурса им. Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (Санкт-Петербург, 2005, 2006). Участник ЛИТО им. Марка Зарецкого (Казань).

Всё смерть вокруг. И темнота
живёт в твоём дому.
А он – сгорит. Но ни черта
не боязно ему...

* * *

И сентябрь на исходе,
легким дымом из трубы...

Просыпаемся и ходим
мы под небом голубым.
Голубым, холодным, чистым –
словно лезвие ножа.

И на тротуарах листья,
словно беженцы, лежат...

НЕМУЗЫКАЛЬНОЕ

...и воздух так вокруг остист
что даже хрипнешь. У крыльца
уж музыка звучит
но стих –
не вытанцовывается.
А музыка смеётся – Врёшь! –
и вьётся вихрем у дверей...
И кажется – сейчас умрёшь
от безъязыкости своей.

* * *

стал бы критиком – только такая тоска
ждать пока кто-то выбежит из русского языка
выбежит и замрёт разрывая рот...
а я бы шурился и улыбался хитро

* * *

вот у меня сегодня – конфеты
пряники да чаёк
а небо – ложится на минареты
словно на гвозди – йог
это кто уж к чему привык – к дороге
к сумеркам, к леденцу за щекой...

а у неба по пузу – ходят боги
типа – массаж такой

НА ОДИН МОТИВ: КАЗАНЬ

1

В тысячелетнем городе – зима.
Холодные двory. Февраль крошечный,
где пазика квадратная корма
болтаётся, как щенка, в струях снежных.
Где жизнь идёт. И скоро выйдет вся.
И не вернётся – хоть кричи... хоть спейся.
А тучи, что над городом висят, –
тяжёлые, как паруса ахейцев...

2

«...вот объясни, ты чувствовал... хотя,
наверно, нет (какой же ты счастливый!),
что сзади по пятам идёт сентябрь
и – как Малюта – всё глядит пытливо...»

...а в голове – другие города,
дождавшиеся своего героя...
Москва – столица. А Казань – горда.
Как Троя.

...и бабье лето на твоём дворе,
и ты идёшь, ни в чём не виноватый.
А листья умирают на жаре,
как брошенные родиной солдаты...

...все мысли так нелепы и страшны...»
«Мне это ощущение знакомо.
Когда живёшь предчувствием войны,
пожалуйста, не выходи из дома...»

3

«Да брось ты! Мне давно всё нипочём!»

Вся похвальба куда-то испарится,
как только ночь тяжёлым кирзачом
наступит на татарскую столицу.
И кремль, и Зилантова гора
беззвучно под подошвою сомнутся.
И, снова умирая до утра,
я не надеюсь, в общем-то, проснуться.

* * *

слегка усопший и полупустой
укатанный обыденным маршрутом
очнёшься вдруг – а рядом – дух
Святой
без шуток.
и он молчит
и ты дурак молчишь
а ведь спросить про многое хотелось...
но нет тебя

а то что пазик мчит –
лишь тело

* * *

Тоска.
Не пишется. И вот –
ты убегаешь каждый год
туда где елей хоровод
где еле разбираешь
слова при свете тусклых ламп
где узкой дамбы пояс
где – мимо! – как двустопный ямб
отстукивает поезд...

* * *

...но ангел, который тебя хранит,
и тешит, и тёплым крылом ласкает,
навряд ли придёт тебя хоронить,
когда истощится тоска мирская.
Представь – ты уже в черноте, в земле,
а он над тобою, весь белый, кружит...
Уж очень будет он там нелеп –
хранитель, уже никому не нужный...

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ КУХОННАЯ ПОЭМА

1

вот чайник маленький лопочет о любви
сковорода ему, уверенная, вторит
на этой кухоньке кого ни назови
все о любви теперь, наивные, гуторят

и кран ворчащий, и картина над столом,
и полка старая, и самый гнутый вертел –
на этой кухошке, напоенной теплом
все – о любви теперь
и только я – о смерти

2

там, за окном – Борис и Глеб
и улица дождём умыта
а здесь, на кухне – рис и хлеб
и прочие приметы быта

и если форточку открыть
ворвётся в комнаты цветущий
прохладный май. И может быть
проветрит этот дом, где – тучи

где чёрен чай и чёрен хлеб
а белый рис и белый сахар
ещё теряются во мгле,
наполненной полночным страхом...

3

однажды почувствуешь остро
так, словно под рёбрами – нож:
как суп из пакетика – просто
и очень невкусно живёшь

а жизнь (хоть сравнениям грубым
ты сопротивлялся всегда)
уходит по фановым трубам,
как всякая, впрочем, еда

и хмуришься, высоколобый
от мысли, что это – твой крест:
жить словно лапша из столовой
пока тебя время не съест...

4

...отыскивая потаённый смысл
в неторопливой чайной церемонии
как ложечкой чаинку ловишь мысль –
«стихи в поэте – косточки в лимоне» и
глядишь, как зайчик солнечный дрожит
придавленный тяжёлым подстаканником
и тает жизнь – попробуй удержи –
как струйка пара над кипящим чайником...

5

во мне однажды кончится завод
и мой матрас меня переживёт

и я уйду. и шторы на окне
прощаясь, из окна помашут мне

стакану, умывальнику, игле
пускай легко живётся на земле

обидно только – всякая фигня
намного долговечнее меня

Не обижайте кенгуру!

Рассказы

ЗЕЛЁНЫЕ ЧЕРНИЛА

История эта случилась, когда я работал ответственным секретарём приёмной комиссии гуманитарного вуза.

– Тебя ректор вызывает, – говорят мне однажды.

Вызывает – значит надо идти. Захожу в кабинет, а там куча важных гостей из администрации города. Здравуюсь, а ректор меня и спрашивает: «Хорошие люди просят человека пристроить на исторический факультет, справимся?»

Нельзя же уронить авторитет ректора перед гостями! Поэтому бодро отвечаю:

– Разумеется, раз нужно, пристроим.

Гости довольно улыбаются. Я тоже улыбаюсь радостно, а у моего «босса» улыбка грустноватая, и смотрит он на меня как-то озадаченно.

Через некоторое время снова захожу в приёмную, попадаюсь на глаза ректору, и он начинает меня отчитывать:

– Ты что делаешь? Разве ты так должен был ответить?!

– А как? – спрашиваю недоумённо, не понимая, где прокололся.

– Ты же создал впечатление лёгкости поставленной задачи! Надо было сказать: «Существуют строгие правила приёма, просьбы такого рода выполнить практически невозможно, но помочь, конечно, попробуем». Тогда бы люди поняли, какие сложные вопросы мне приходится для них решать. В следующий раз сделаем по-другому: я буду отправлять к тебе просителей с записками. Только смотри, если записка написана зелёными чернилами, то исполняй задание, а если другими, то води человека за нос и отказывай. Понял?

– Простите, – говорю, – туповат, но теперь-то всё понятно. Конечно, будет сделано в лучшем виде.

Уже на следующий день приходит ко мне солидный мужик с запиской от ректора. Так и так, говорит, надо ребёнка устроить на психологию. Разворачиваю записку, вижу синие чернила и вежливо объясняю, что понимаю его проблему, но ничем помочь не могу, будет конкурс, а там посмотрим. Мужик обалдевает, начинает раздражённо тыкать мне в лицо подписью ректора. Но я непреклонен, и он уходит с проклятиями в мой адрес.

Проходит час, тот же мужик возвращается с той же запиской и молча протягивает её мне. Внизу рукой ректора дописано: «Это зелёные чернила!»

Салават Венерович Вахитов (Вагант Св) родился 6 июня 1961 года в городе Ачинске Красноярского края. Окончил Башкирский государственный университет, кандидат филологических наук. Составитель «Словаря уфимского сленга», автор нескольких книг. Директор издательства «Вагант» БГПУ им. М. Акмуллы.

Вагант

Я ТЕБЯ НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Иду по подземному переходу на универсаме «Уфа», а там волосатый жлобинга дорогу перегородил и очень громко под гитару поет:

– Я тебя никогда не увижу...

Хорошо поёт, душевно. На бетонном полу фуражка с деньгами-приманками: мол, смотрите, люди бросают, делайте так же. А у меня в кармане как раз горсть монет джипсы оттягивает.

Остановился и стал бросать в фуражку монетки. Не торопись. По одной. Счастливо и радостно заглядывая в глаза исполнителя.

Тот некоторое время терпел, но наконец не выдержал и прервал пение:

– Мужик, шёл бы ты отсюда!

Этого было достаточно, я не стал больше испытывать судьбу, сунул оставшиеся монеты обратно в карман и пошёл своей дорогой, про себя напевая:

– Я тебя никогда не забуду...

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

С некоторых пор я обладаю даром предвидения. Это совсем нетрудно – предвидеть будущее. Вот, например, я ещё сплю, но точно знаю, что сегодня на завтрак у меня яичница. Да разве может быть что-либо иное, если в холодильнике ничего, кроме яиц, не осталось? Ровно в восемь часов я буду на остановке ждать автобус, а придёт какое-нибудь маршрутное такси, в которое я и втиснусь, чтобы быстрее добраться до работы. Я предвижу, что в маршрутке буду читать, но въедливый запах бензина помешает процессу. А потом бензиновые пары смешаются с ароматом женских духов. И я взгляну на их обладательницу, занявшую место рядом со мной и бесцеремонно прислонившуюся к моему плечу, вторгшись в моё личное пространство. Обычно в таких случаях я раздражаюсь, но прикосновение девушки окажется неожиданно приятным. Украдкой я рассмотрю её: тёмные очки на цепочке, светлая блузка и юбка, едва прикрывающая попу. Я улыбнусь ей, а она смущённо пожмёт плечами.

«Конечно, это легко предсказать, – говорю я, – поскольку день ото дня ситуация повторяется. А вот ты представь, что с ней станет лет так через тридцать-сорок». – «Легко!» – отвечаю я сам себе и пытаюсь сосредоточиться на отдалённом будущем.

У меня всё получается: я вижу ворчливую старую ведьму в роговых очках, одетую в длинное лоскутное платье, отчитывающую посреди улицы худощавого старикашку с тяжёлыми сумками, обессиленного, прислонившегося к забору. Старуха в бешенстве брызжет слюной и тычет клюкой в старика, а я вглядываюсь в него и неожиданно узнаю в немощном бедолаге себя. Это шок! Неужели таким будет моё будущее?! «Стоит ли теперь жить и мучиться, когда заранее известно, чем всё закончится?» – думаю я и понимаю, что нет, не стоит. Надо что-то предпринять немедленно! «Ты ещё не знаешь меня, судьба-злодейка, не в моих принципах потакать твоим капризам!» Я резко вскакиваю с места, торопливо пробиваюсь к выходу, распахиваю дверцу автомобиля и на ходу выбрасываюсь из маршрутки. Со всего маху ударяюсь лицом об асфальт и... просыпаюсь. Я нахожу себя на полу, свалившимся с кровати и больно приложившимся лбом к дубовому паркету. Я потрясён. Молча поднимаюсь, потирая набитую шишку, и иду на кухню готовить себе яичницу.

Потом долго стою на автобусной остановке, осмысливая странный сон. Подходит маршрутка, я плюхаюсь в кресло. Рядом присаживается девушка в тёмных очках. В

тесном пространстве она прижимается к моему плечу. Странно, но её прикосновение не вызывает у меня раздражения. Я оборачиваюсь и улыбаюсь ей, а она смущённо пожимает плечами.

ПОСТАВЬ РУЧКУ

Маленькие дети воспринимают язык буквально, часто понимая слова в их прямом, первоначальном, смысле.

– Владик, ходи, – говорит жена нашему трёхлетнему сыну, с которым шутя играем в карты.

К нашему удивлению, Владик вскакивает с дивана и начинает ходить. Понятно, что ребёнок не осознал метафорического значения слова. А вот если при общении с детьми допускать ещё и речевые ошибки, то... Впрочем, вот вам одна история.

Однажды я наблюдал зачётный урок практикантки по русскому языку в одной из уфимских школ. В тот день волновались, кажется, все. Волновалась студентка, дававшая первый в жизни урок, волновались пятиклассники, будто это они сдавали экзамен строгой комиссии, волновались даже методисты, от всей души желавшие поддержать воспитанницу родного вуза.

Зазвенел звонок.

– Здравствуйте, – сказала практикантка, – садитесь.

Дети дружно сели, преданно вглядываясь в глаза юной учительницы. Методисты приготовились слушать. Но девушка вдруг растерянно замолчала, и наступила непрямая тишина. Пока практикантка собиралась с мыслями, мальчишка, сидевший впереди меня, неосторожным движением столкнул с парты шариковую ручку, которая с громким шумом скатилась ему под ноги. Класс повернулся к нарушителю тишины и укоризненно посмотрел на него, а студентка вышла из оцепенения и грозно сказала:

– Васильев, поставь ручку на стол!

Васильев, напуганный происшествием, виновато поднял ручку и попытался сделать то, о чём его просили, – поставить её вертикально на наклонную поверхность парты. Надо ли говорить, что в результате его действий злополучный предмет для письма вновь оказался на полу.

– Поставь ручку! – повторила практикантка, вспылив.

Готовый заплакать, совершенно сбитый с толку ученик исполнил приказ, правда и на этот раз безуспешно. Когда же он в четвёртый раз вылез из-под парты, я понял, что урок по русскому языку провалился, даже не начавшись.

– Ваня, положи ручку, – попросил я ласково ребёнка, – положи её на стол.

НЕ ОБИЖАЙТЕ КЕНГУРУ!

Есть у меня такой вид отдыха – прогулка по книжным магазинам. Правда, в последнее время замечаю за собой странность: чаще хожу в книжный не для того, чтобы купить нужную или понравившуюся книгу, а для того, чтобы ознакомиться с новинками и потом попытаться скачать их в Интернете. Стою подолгу у полок и читаю. Это не всегда правится продавцам в зале. Они всё норовят «раскрутить меня на деньги».

Вот и сегодня подсказывает ко мне гнусного вида консультант на кривых ножках. Кого-то он мне напоминает. Да, точно, – это же кенгуру в очках! Интересно, бывают ли кенгуру мужского пола. А у них тоже есть сумки? Не надо отвечать на этот вопрос, я

уже понял, что кенгуру-мужчины сумок не носят. Но вот этому очкарику сумка очень бы подошла. Хотя нет. Как бы такой рахитик носил кенгурят? Вид его неприятен. Хочется, чтобы его полусогнутые в коленях ноги спружинили и он, перепрыгнув через стеллажи, ускакал в направлении...

– Вам помочь найти что-нибудь?

И голос мерзкий, точно как у Галкина, пародирующего Баскова! Вынужденно откликаюсь:

– Да, конечно, помогите, – и называю невообразимого автора и такое причудливое наименование, которого консультант отродясь не слышал.

Недоумённо покачав головой, парень уже хочет уйти, но я не позволяю ему этого сделать:

– А у вас есть третье издание книги Игоря Фролова «Теория танца» на башкирском языке в переводе Айдара Хусанова?

Работник книжной торговли начинает грустить и сожалеть, что связался со мной.

– Нет, у нас такой нет, – бормочет он.

А я его добиваю:

– Давно мечтаю приобрести «Фаллософию» Дмитрия Масленникова...

Парень уходит посрамлённый. Я понимаю, что в ближайшие полчаса меня никто не потревожит, и собираюсь посмаковать приглянувшийся роман. Но не тут-то было!

Вдруг вижу, как рядом мама и дочка выбирают книжку из школьной программы. Дочка с сомнением листает «Отцов и детей» Тургенева.

– О чём эта книга? – спрашивает заботливая мамаша, видимо никогда в школе не учившаяся, у девушки с бейджиком.

– Про взаимоотношения детей и родителей, – не задумываясь отвечает симпатичная книгопродавица.

– А эта? – подключается дочка, показывая на «Преступление и наказание».

– Эта про Раскольникова, как он старушку убил. Если б надо было выбрать, то я бы остановилась на ней, она интереснее, – разъясняет милое создание.

– Ладно, возьми ту, что потоньше, и пошли, – резюмирует родительница.

Я настолько потрясён нечаянно подслушанным диалогом, что, когда дочка с мамой наконец уходят, переспрашиваю:

– Так о чём, Люда, «Отцы и дети»?

– Об отношениях между отцами и детьми, – без сомнения в голосе отвечает она, преданно глядя мне в глаза, словно студентка филологического факультета на государственном экзамене.

– А вы меня не обманываете?

Она хмыкает, раскрывает книгу на страничке с аннотацией и элегантно протягивает мне:

– Нате, прочитайте сами!

И тогда я смиряюсь. Что правда – то правда. Была охота разбираться в проблемах отцов и детей XIX века! Уж лучше ужасик про зарубленную старуху-процентщицу!

Я покидаю магазин с чувством, что мне жестоко отомстили за издевательство над бедным австралийским животным.

«И Белая с аксаковской веранды...»

АРИЯ

Жизнь. Нам снова снится эта жизнь,
и дней неверных лабиринт
снова ведёт прахом дорог
к трём зеркалам,
где из-за спин или сквозь тень
шатких теней краешком уст, как из икон,
как сон во сне последних снов –
жизнь. Нам снова снится въяве жизнь,
и дней текучих тонкий смерч –
ангела перст – нас понесёт боком
за край
немых, налитых громом туч,
где ждёт отживший клавиши
звон торжества,
час неподдельных мук, где
жизнь. Нам снова снится всеу жизнь
сквозь сети непроглядных дней,
нас отучивших
жить.

Уфа, 14.VII.2001

ПОВЕСТЬ СОСЕДЕЙ

«Передаём классическую музыку...»
И жив ли тот, и та жива ли?
Чёрное зимнее утро уфимское, жёлтая
лампочка. Библиотекари Саша и Гина
тихо спешат по часам на работу.
Была она цветок засохший, безуханной,
и верно, первой у него. Звал я их «дядя»
и «тётя» в те поры. И нынче где их уголок?

Александр Павлович Радашкевич родился 30 апреля 1950 года в Оренбурге. Вырос в Уфе, несколько лет прожил в Ленинграде. Эмигрировал в США в 1978 году. Работал в библиотеке Йельского университета. В 1983 году перебрался в Париж, где работал редактором в газете «Русская мысль». В 1991–1997 годах был личным секретарём Великого князя Владимира Кирилловича, а затем его семьи. Поэт, эссеист, переводчик. В настоящее время живёт то в Париже, то в Праге.

Главные книги снов и скитаний брал я
у них, в запасниках невесомо подвальных,
где пылились миры в алфавитном порядке.
Как-то заметили, стал дядя Саша в шляпе
форсить и пальто габардиновом, стало
в подъезде за ним оседать тонкое облако
одеколонное. Тётя Гина желтела и сохла.
«Видно, её-то гуляет по-чёрному», – враз
заключили довольно соседи. Тихо года
под окном шелестели. Спали кошки на
батареях, пахло мылом и пастой «Мэри».
Гину первой из подъезда понесли
вперёд ногами, как её маму, как тётю
Катю. Следом за нею уплыл дядя Саша,
тоже от жизни, тоже от рака,
где-то на родине, в белой Елабуге.
Дети остались, мальчик и девочка.
Чёрное зимнее утро уфимское, жёлтая
лампочка вещи рисует, стопки книг
и забытых журналов. Гина и Саша
тихо спешат по часам на работу.
Пахнет чаем и талым снегом – из
приоткрытой над пропастью форточки.
И жив ли тот, и та жива ли?
«Передаём классическую музыку».

НАД МОХНАТОЙ МОГИЛОЙ

Над мохнатой могилой моей бабушки
Груши в густой обветренной лазури
идут безгласные бои. В ни во что
не верящем мире дребезжащие автобусы,
трясаясь и стервенея, обгоняют в дыму
друг друга. С невозвратно понурыми
лиловатыми ликами увешанные сумками
уфимцы вершат ритуально никчёмные
траты, куря, плюя и ожидая вечерней
дозы жгучей мути, соблюдая друг
перед другом ревнивую видимость

жизни и питая пористую плоть далёких
загородных кладбищ, где выставят
мутнеющие карточки с недоумённым
выражением этих обманутых, этих
набрякших развоплощением лиц, где
над мохнатой могилой моей бабушки
Груши идут безгласные бои, хранившие
меня над романом Дюма крылатым,
в окне немых чужбин и на чужбине

родины почившей, как корочка ржаная
детства, натёртая по-русски чесноком.

ДРУГ

В самый некий в жизни вечер постучится
главный друг из курносого соседства,
где недвижны гамаки и в тазу с малиной
не бурлит перламутровая пенка, где до неба
лопухи, – он впадёт ко мне из детства.
Ничего, что наших пап нестареющие лица
на одной тропе пылятся, что оплывшая
лысая мама вновь тебя не понимает, корчась
медленно от рака на смердящих простынях,
что с дражайшей ни полслова уж второй десяток
лет, что раскрашенную дочку забирает вечер
каждый серебристо-синий джип, что коту
сломали лапы, ничего, что сын который
уж засаленный стаканчик опрокидывает
смачно, глядя, как ты хлещешь в горло,
не заметив и не вздрогнув, всё, что жжёт и
что не лечит. «А давай-ка выпьем, Сашка!»
Ничего, что никого. Ничего, что ничего. Нам
с тобой не обещали наши бархатные сказки, Миш,
Мишанечка, Мишуля, сроков душераздиранья.
Не хватай меня за плечи, токарь пятого разряда:
все ларьки всю ночь сияют для понуро верной
паствы. Не шепчи сквозь тьму вселенных
в самый ветхий в жизни вечер мне с лугов
духмяных детства: «Ну, спаси меня, Сашуля».

«УФИМСКАЯ ЖИЗНЬ»

«На долгую добрую память
сестрёнке». Упругий чуб, душистый ус,
люстриновый пиджак. Двух
крошек целлюлоидных головки. На толстой
скатерти неловкий локоток
и выцветших тюрбанов незабудки да астры,
намалёванные страстно
на заднике с перголой и вазоном. Сжимает
трость парижская перчатка,

и облака обетованно стоят в засвеченных глазах.

Дагерротип, дагерротип от
доррогой, от доррогого, цвета бедра напуганной
нимфы вспышка: «на долгую

вечную память». Не дышите ж, не моргайте над атласною софою, у предутренней веранды, из бюваров с промокашкой и со дна обваленных, забвенных, и со дна распахнутых за птичкой, как и нам обещано, могил.

* * *

*За столько лет такого маянья
По городам чужой земли...*
Георгий Иванов

Из всех
субтильностей скабрёзных парижского
душистого салона,
из хвойного
эха германской умытой казармы, чья
лепота ужасает,
из штатовской
банковской бойни, с пластмассовым
оскалом Буратино,

рвёмся недвижно и обречённо

в русский
угарный горячий кабак, чтоб умереть,
пока мы живы,
в русский
пасхально натопленный храм, чтоб жить,
покуда не умрём, –
взлетая и тая
малиновым звоном, сжимая гранёное
горло графина.

2008

КАНЦОНА

Не сожалей о будущем вовсе и не надейся на прошлое
более, сложив громоздкие
воспоминания и обречённые надежды в игрушечный
зеркальный чемоданчик,
в никуда из ниоткуда отбывают новобранцы, убывают
новобранцы без обратного
билета. Обними меня, мой ангел, на недвижимых
качелях. Как из форточки

тогдашней, тянет поездом и снегом. Тянет кровом
чужеродным, где мраморной
слезой пастушки, не сожалея о будущем более и
не надеясь на прошлое вовсе,
Петрарка бережно омыл тоску и боль прошедшей жизни.

2004. Богемия

* * *

Так настойчиво молодость длится:
Осень машет чужим кораблям,
И в глазах поднимаются птицы
В путь, отверстый земным облакам.
Не игралось нам в старые игры,
И сегодня по мёртвым лугам
Не пасём нарисованных тигров.
На юру вечереющем ветер
Пробегает берёзовый храм.
Мы – земли обесславленной дети.
Наши мамы давно не стареют,
Наше море прильнуло к стопам.
Распахнулись кристальные двери,
Из весны улыбаются нам
Все бесценные наши потери.
И блесит наша сказка, как море,
В той дали, где приснились мы вам,
Где изжили заветное горе:
Осень машет чужим кораблям.

24.IX.2001. Богемия

* * *

А впрочем, ведь нарочно заигрался
в судьбу, где всё начало без конца:
и Белая с аксаковской веранды, и
с парпетов радужных Нева, –
все дали, вздохи, сны и знаки,
недосяганья, перелёты – и всё, и вся,
чтобы отдать сомнению полвека,
проигрывая веку полсебя.

8.VII.1998. Уфа

Из тьмы забвенья

Исторический роман

(Окончание. Начало в №№ 7, 8)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пришло наконец время заняться и заготовкой лесин для сотворения дома. Пока деревья спят и не чувствуют боли, нужно выбрать такие, чтоб и близко было и чтоб безо всякого сомнения были годны.

А годны для этого важного дела далеко не все. Нельзя, к примеру, рубить сухое дерево, ибо сухое – давно мертвое, в нем смерть гнездо себе свила, занесешь ее в дом – жди беды. И старое нельзя, потому что старое дерево, как и человек в больших летах, особо почитаемо людьми.

Нельзя рубить ель, осину, дерево, выросшее на дороге, кладбище, со сломанным верхом, с перевитым стволом, со скрипом, сучками-пасынками и другими изъянами. А в заповедный лес вообще без дела ступать не след.

А когда уже рубишь, гляди, чтобы выбранное и облюбованное тобой дерево не упало вершиной на полуночь, ибо сторона эта издавна считается ненадежной и опасной. Именно оттуда приходят холода, тьма долгих зимних ночей, где-то там привычный обжитой мир Яви переходит в мрачную безжизненную Навь – мир мертвых. А уж если, падая, зацепилось за сучья соседних деревьев, брось и начни все сначала в другом месте.

И вообще, прежде чем войти с топором в лес, поклонись ему, объясни, что не лихой ты человек и просишь только то, что тебе крайне необходимо для жизни. Лес добрый, щедрый, но и он требует к себе должного отношения. Иначе может наказать – завлечет в такую чащобу, откуда не выберешься, или топориче поломается, или, хуже того, покалечишься сам.

Следуя этим мудрым наставлениям и правилам, нарубили Ягила с Добрецом нужных лесин, приволокли из лесу к своей землянке, бережно ошкурили и озадачились: что дальше? Жители теплых степных краев, где дерево – большая редкость и люди в основном пользуются камнем, кирпичом или глиной, они никогда не строили ничего деревянного, даже не видели, как это делается.

Пришлось поискать умельца из местных полян. Нашли, в работе учились, как выбирать у бревен пазы, вязать углы, выпиливать места для будущих дверей и окошечек-просветцев, клиньями распускать бревна надвое, чтобы из оструганных плах выложить потом полы.

Сложив сруб для просушки, взялись за другой, помене – для бани-мовницы. И там, и тут нижние венцы из дуба, чтобы и в земле служили долго, а верхи из янтарной звонкой сосны. Кровли хорошо бы сделать из досок, да где их возьмешь? А самим пилить недосуг – полевая работа не отпустит. Тем более что будет она на этот раз непривычной и тяжелой, – пахать новину, корчевать и палить лес. Те, кто поселился в этих местах раньше, говорят, что на свежих лесных п'ялях урожай всегда хорош. Значит, придется постараться. Начинать всегда нелегко.

После Ярилы, на полную луну, между дел подняли подсушенные ветрами и солнцем срубы – и опять за топоры, за плужок. Женщины землю для своих

грядок взбудрили сами. Так и покатилося новое колесо года, еще одно коло бога Сварога.

Теперь уж не до праздных разговоров и сладкой лени: работай, трудись, огнищанин, время не ждет! Пока всходит и поднимается жито, успеи завершить строительство, к вспаханному и засеянному полю добавь еще несколько полос новины, к уже занятой пали – еще хотя бы столько же. Найти время и соседям-родовичам помочь, а боги воздадут тебе по трудам твоим, они видят все.

Пришлось Ягиле и на киевский торг навещиваться – за всякой кузью: пожами, скребками, топорами, гвоздями, железными задвижками и петлями для дверей дома и бани.

Железо – вещь в доме особенная, его боится всякая нечисть; преграда для злых духов, оно обезопасит тебя не только от лихого человека, но и от беспокойной лесной нечисти. Ведь лес – таинственный чужой мир, где чего только нет. Степному человеку он непривычен.

Теперь в городе долго не задерживался, но побывав на торжище, потолкавшись среди разного люда, увезешь домой не только новую покупку, но и важные новости.

Так однажды Ягила узнал, что Аскольда и его дружины в Киеве нет, отправился в поход. Говорили об этом с нескрываемой ехидцей, вспоминали его прежние походы – на ромеев и болгар. И там, и там киевских варягов крепко взгрели, болгары в сече убили сына Аскольда, а греки вынудили вернуть все добытое разбоем и принять их христианских богов. Те и обрадовались – иметь такого покровителя, как Византия, для них большая удача! Вот откуда эта церквушка над Ручьем и черные, как грачи, греческие попы на Подоле.

А потом выяснилось, что повел свое воинство самозванный князь киевский не куда-нибудь, а на этот раз на полуночь, дабы отобрать у новгородцев полочан и кривичей. Дружины Рорика-Рюрика отогнали находников и оттуда, но дальше не пошли, довольствуясь занятыми Ростовом и Муромом, опорой хазар в этом богатом пушиной крае.

Попытались варяги-кияне подчинить себе и Северское княжество, но северяне уступили им лишь небольшой пограничный город Воронженец. С ответными действиями и новгородцы, и северяне не торопились, ибо знали, что теперь им придется иметь дело не только с Аскольдом и Диром, но и с Хазарией, и с ее союзниками печенегами и мадьярами. Да и Царьград, небось, подаст своим новым вассалам какую-нибудь помощь, очень уж выгодные попались вассалы, с их содействием всю Русь прибрать к рукам можно.

Была и еще одна опасность. После прихода Рюрика в Новгород все пираты-варяги словно дорогу туда забыли, помнили, поди, тяжелую руку Рорика-Сокола. Но случись неудача с Киевом, застрянь он там с дружиной и ополчением надолго, не пагрянут ли опять? Морские разбойники – такие же находники, как и кочевники на суше: налетят, нагрябят, пожгут, прихватят для торга «живой товар» – и обратно на свои базы. Так что самое мудрое – поспешать медленно, как говорят греки, чтобы ничего подобного не случилось. Этот Аскольд никуда от них не денется, придет и его час.

Как относиться ко всему услышанному, Ягила не знал, разве что со здешними князьями все для него было ясно. Другое дело – этот загадочный Рюрик. Ну, хорошо, рассуждал он, оказался в Новгороде, изгнал морских находников-варягов, отвадил от Мурома и Ростова хазарских иудеев, дал живым вернуться Аскольду... А если только это ему нужно? Если решил навсегда запереться в Новгороде, то – само собой; так бы на его месте поступил каждый. Даже не обязательно князь.

Чем больше думал, тем больше запутывался, как та муха в паучьих тенетах. Как это соединить: князь, пусть и без отцовского наследства, – и варяг, морской разбой-

ник? Ведь отца Заряна захватила во время набега команда именно его головорезов. Да и русич ли он? Венд? Так не все венеды русичи, хотя и братья...

Кончилось тем, что он решительно бил себя кулаком по колену и говорил Добрецу:

– Не может русский князь заниматься татьбой!* Тогда он не князь. На прю** его! А лучше дать под зад, чтобы катился туда, откуда пришел. Вместе с нашими Аском и Диром.

Добрец лишь посмеивался над его горячностью.

– Вот и дай им под зад. Ты же у нас Святогор-богатырь! Гони!

Ягила медленно приходил в себя.

– Так нас же вон сколько. Княжеств десять, не менее... – и в который раз начинал пересчитывать: – Дулебы, вольняне, уличи, тиверцы, кривичи, древляне, дреговичи, полочане, радимичи, вятичи, северяне, кияне... Кажись, десять и есть. Даже более.

– Много. А лучше бы одно было. Держава! Тогда про этих хазар, варягов, эллинов и разговоров никаких бы не было.

– Ну, тогда...

– Вот-вот, поди и сбей их в одно тело, в одну душу! Может, сумеешь.

Окончательно запутавшись, опозоренный своим неразумным мальчишеством Ягила молча брал заступ и уходил окапывать следующий пень. И так повторялось не раз.

А время шло – Купала, Ярила, Овсени; Купала, Ярила... Год за годом, год за годом. Уже Милица народила ему кучу сынов, уже у Благи с Добрецом старший с коня не слезает. Уже поле у них самое большое в роду, и все в хозяйстве их есть – и волы, и коровы, и птица, и пчелы. Теперь он может достать свои дощечки и опять изливать в них свою неистовую душу, как прежде было...

«Род злой пришел на нас, напал, и потому пришлось нам убежать в леса и жить там охотниками и рыбаками, чтобы смогли мы бедствий избежать. И так мы жили тьму одну, и стали ставить города, огнища повсюду раскладывать. А после тьмы другой был холод великий, и потянулись мы на полдень, там ведь места злчные... и было множество скота у нас...»

Вопросы единства и разобщенности, больших возможностей и их утраты всю жизнь были для него самыми злободневными и болезненными. О чем бы ни говорил, с кем бы ни вел бесед, не обойдется без того, чтобы излить свою горечь и отчаяние. Писание со временем тоже стало для него такой беседой, вот только дощечка, которой он доверял самое сокровенное своей горячей души, не могла разделить с ним ни его горячности, ни его печали. Но не писать он уже не мог.

«В тысячу второю лет... разделу они подпали, и одиночество проснулось, и стали они работать как рабы... готам, которые их крепко обдирали, потом хазарам... Сказали те: «Куда пойдём от них? Жизнь вольную где найдем? Мы сиры весьма, и отвратилась божеская от нас рука...» И так за двадцать тысяч лет мы не смогли собраться в Русь... Творилась ведь от полуночи Русь, не было у нас возможности... это творить...»

И вот что еще постоянно волновало Ягилу: кто они, славяне, откуда и каково их божеское предназначение на этой земле? В народе живет и передается из поколения в поколение множество различных преданий, но даже в одних устах они каждый раз какие-то иные, и не угадаешь, где в них баснь, а где правда. Дополняя их рассказами отца Заряна, слышанными не раз с отроческих лет, пытался представить себе уже плохо представимое, соединить разрозненное и осколочное в одну очень долгую

*Татьба – разбой.

**Пря – суд.

и очень непростую жизнь своего народа. Не получалось. Вернее, получалось тоже осколочно и разрозненно. Как эти его дощечки.

«Злое племя дасов поднялось из этой тьмы. И это злое племя на пращуров наших... напало, и многие явились пораженные и умерщвленные. И тут Орей Отец и говорит: «Идем из той земли, где гунны наших братьев убивают. В час их зверств кровь льется, и скот наш они крадут, и убивают детей». И сказал то Старый Отец, и мы направились в другую землю, которая медом и молоком течет*... И так все уселись на коней да и отправились... За ними ж едут дружины молодежи, скот, коровы, повозки бычьиные и овцы... и дети шли, и старцы, и матери, и женщины... Так шли они на полдень к морю и мечами разили врагов. Шли до гор великих и до травяных равнин, где было злаков множество. Там они и поселились с Кием (Древним), который Киева (инога) строитель был. Там ведь и была столица русская...»

«И тут сказал Отец Орий, чтобы сыны его были впереди всех родов. И не захотели они и поделились на этих и тех. Вот князь... ведет людей своих на полдень, а Орей ведет к краям морским. И тут была сушь великая и пески многие. И пошли они в горы и там осели на полвека и, собрав прежде конницу великую, пошли в чужие земли. И там воины встали на пути их и принуждали их сражаться и были разбиты. И так они шли дальше и увидели земли теплые и пренебрегли ими, потому как многие чужие племена там сидели, и пошли дальше...»

«Итак, мы арийский народ, пришедший из земель Арийских в край Иньский. И ввязались мы в битву, чтобы дать травяной рай скоту...»

«И снова был великий стыд. Родичи ведь бились о владениях. И многие сказали: «Не идем в род, потому как нет облегчения огнищанам. А будем лучше сами по себе в лесу, либо в горах скитаться». С теми словами родичи были отвергнуты. И весьма сердиться и негодовать изволил бог Сварог. Наказуючи, великое колебание горам устроил. И славяне в ночи пробудились от великого грома и земли дрожания. И вот слышно, как кони наверху ревели, страхом обуянные, испугались и пошли прочь из селения, а овцы так не стали делать. А по утру видели они дома разбитые – один наверху, другой же внизу, а иной – в яме огромной в земле, и следу не осталось, как его и не было. Оскудели те славяне весьма, и прокормиться им было нечем... Выйдя из края Иньского, идя куда глаза глядят, шли они мимо земли Фарсийской, и пошли дальше, потому как не годилась овцам земля та. Шли они горами и видели камень, а на тех просо не сеять, – тоже мимо прошли...»

«...Персы устранили (из окружения царя) большую часть русов, почтив Набсура**. Не остерегались ведь они врагов и те напали на них... и пошли они клонить головы свои под вражеские бичи. Тогда-то сильные враги напали на всех трех. А те-то пошли с говьядами на заход Сурьи и там пропали. Наши же люди пошли под Набсура царя. А после того-то пошли на солнце египетское. Долго пришлось тем годам порабощения длиться. И так пришел день, и русы бежали от Набсура царя... и так пришли в края наши...»

Полторы тысячи лет минуло от исхода из Семиречья, пятьсот лет жили в Карпатских горах, вместе со скифами дошли до моря Венедского, а потом обратно – до Днепра, уже с Кием Новым сотворив великую Русскую Колунь – Русколань...

Сколько раз ни брался Ягила соединить разрозненное – получалось плохо или совсем не получалось. Вот был бы рядом отец Зарян, побывавший в тех далеких землях, а без него и просветить некому. Что знает он сам? Крохи от великого хлеба

*По-видимому, имеется в виду исход из Семиречья «за тысячу триста лет до Германареха».

**Царь Вавилона Набопаласар (Набуапалусур) (626 – 604 г. до н. э.).

судьбы народной. Конечно, и по крохам вкус хлеба почувствовать можно, однако это все же не весь каравай. И не утоляют те крохи голода души его.

Раздосадованный и растерянный, бросал Ягила свое железное писало, откладывал недописанную дощечку и шел к детям и жене. Жаловался на свою беспомощность и малые знания, на несоединимость несоединимого, на нежелание богов помочь ему в сем святом деле. Ведь и о них же пишет он на дощечках своих, прежде всего о них! А они все знают, с высот пресветлой Сварги все видят, – отчего же молчат? Вот даже имя того вавилонского царя, что коварством и ложью подчинил себе некоторые роды славян, не то что написать – выговорить не может!..

Обычно тихая неразговорчивая Милица, как бы ни была занята, всегда находила для него и время, и самые нужные слова. Это неправда, что он мало знает, говорила она, ссылаясь на то, что сама не помнит, чем занималась даже месяц назад.

Месяц – не тысяча лет! Кто же может помнить и знать то, что случилось тогда? Однако многое из того все же знает. Никто не знает, а он даже этого... Набу... вспомнил.

А много ли во всем Киеве мужей, ученых настолько, что могут даже писать? Он говорит, что попы греческие, конечно, умеют, у них работа такая. Так то по-гречески, смеется она, а смоги по-русски честь! Да не древние черты и резы, а самое настоящее поанново письмо!

Ну вот, никакой причины так виниться и переживать у него нет. Он может еще много чего, чего другие не могут. Вон какого красивого Перуна на помолве высек! А когда работает... орудует ли огромным топором, корчюя столетние пни, или играючи забрасывает на плечо тяжеленные кули с зерном... все вслед за ней оставляют свои дела и любят ее им. Хорошо, когда у тебя такой муж, которым не устаешь любоваться!..

Пока она вот так воркует над ним, поглаживает по голове, похлопывает по плечу, Ягила забывает обо всех своих сомнениях и неприятностях, берет топор и бодро уходит к тому самому пню, который они вдвоем с братом все никак не осилят. Но сейчас он справится с ним и один.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На киевской земле род Ратибора обрел новую силу. Многодетные семьи дружно работали на полях, осваивая все новые и новые земли. Старшие сыновья, роднясь с местными полянами, один за другим выделялись из разросшихся родительских гнезд и обзаводились собственным домом и хозяйством.

В небольшой избе Ягила и Добреца от обилия детей было не протолкнуться. Летом еще выручали сеновал и неотопливаемые сени, но зимой ничто уже выручить не могло. И тогда Добрец попросил у старшего брата позволения на выдел.

Избу ему решили строить рядом, расчистив для этого место на краю леса. На этот раз все делали спокойно, без спешки, с соблюдением всех обычаев и примет, которые уже хорошо знали. Когда срубы готовили, не раз прошлись по участку с лозами, выявляя подземные водные жилы: построй над такой дом – намаешься от всяких болезней. Особенно не любят их кости, суставы, позвонки хребта. А вот для колодца жила в самый раз, и чем больше, тем лучше.

Расчищая участок, облюбовали и оставили нетронутым один крепкий полувековой дубок. Пока будет длиться строительство, он должен стоять в центре будущей избы, в середине сруба, символизируя собой священное Мировое Древо и осуществляя связь земли с небесами богов. А потом он станет одной из опор под кровлю.

Чтобы окончательно удостовериться, что место действительно благоприятное, оставляли на нем на ночь грудку овечьей шерсти, а утром смотрели – суха ли, влаж-

на ли? Под конец пустили сюда молодую корову. Выбежали на рассвете смотреть, где она, а та преспокойно лежит себе под дубком, жует свою бесконечную травяную жвачку. Ну, что еще нужно, чтобы не осталось никаких сомнений!

Братья уже знали, что сухое – это мертвое, и не только дерево, а влажное – живое, потому что без влаги не могут жить ни трава, ни жито, ни сам человек.

Под конец отметили углы горетками отборного зерна и подняли на них сруб дома, прокладывая каждый венец мягкой конопляной паклей. То-то дом будет теплый, богатый, хлебный, заранее радовалась Блага, а Добрец уже распускал бревна, кропил и строгал плахи для пола, делал рамы для волокового окна и просветцев-окошек, тесал бревна и жерди для кровли.

Прежде чем заселить готовую избу, на первую ночь закрывали в ней кошку с котом, на вторую курицу с петухом, на третью овцу с бараном, на четвертую... На четвертую полагалось пустить корову, но дверь для такой толстой гостыи оказалась недостаточно широка, пришлось поверить предыдущим.

Освятив дом полагающимися молитвами, славами и сурницей, еще одна семья рода Ратибора справила новоселье. А сколько их впереди! Дети-то растут быстро. Старшие сызмала приучены к любому делу и уже трудятся наравне с родителями. Самым младшим недавно присвоили постоянные имена и справили новую одежду. Только последний Благи бегаёт пока в одной рубашонке. Но и «последыш» не всегда бывает «последний».

В свободное время Ягила собирал их за обеденным столом в летней кухоньке и обучал иоанновым письменам – русским буквам. Детский ум хваток, они быстро запоминали их, а вот писать на дереве было по силам не всем. Сами же нашли выход: нарезали чистой бересты, распарили в горячей воде, разгладили – готово, пиши и радуйся: мягко, не колко и рука не так устает.

Мечта отца Заряпа была дорога и ему. Ну что с того, что русич Иоанн составил свою азбуку для греческих попов, которые придут к славянам и русичам и станут читать им свои книги на их родном языке? Придут ли еще, и станут ли еще, а вот самим русичам это потребно крайне. Будут, будут и у них свои книги!..

Зимой собирались у него в доме. Детей из других семей рода Ягила привечал тоже, и их успехи радовали его не меньше, чем растущее умение собственных.

Родители иных, отпуская к нему своих чад, поначалу только посмеивались:

– Ну ладно, пусть займутся там чем-нибудь. А то наши, пока мы в поле были, чуть избу не сожгли!

А когда те через несколько месяцев принесли им листочки все той же бересты с их собственными именами, долго не могли поверить, что слышимое можно вот так запечатлеть и потом когда-то, глядя на эти черточки и завитки, повторять снова и снова.

– Ой, а чистое ли то дело? – всполошилась одна баба, прибежав к Ягиле. – Если порча какая или колдовство, то...

– А хочешь, я и тебя научу писать? – едва не рассмеялся Ягила. – Вот возьмем, к примеру, твое имя. Нам потребуются буквы...

– Ой, ой, не моги, Ягилушка! Не моги! Я лучше мужика пришлю. Вот его и...

Убежала. Пришел ее муж, конфузливо помялся у порога и говорит:

– Запечатлей меня, я не боюсь.

Ягила исполнил. Показал написанное, прочел по буквам:

– П-р-о-ш-к-а... Писание – это отнюдь не заклятие, не чарование, не гадание. И не колдовство. А грамота!

Прощка повертел в руках обрезок бересты, понюхал, подумал и спрашивает:

– А что еще можно запечатлеть?

– Все, брат. Все, что око видит и ум слышит. Придет время, когда все наши люди будут уметь писать и честь написанное. Книги свои будут. И мы, как пчелы на цветы,

будем поспешать к ним за медом мудрости книжной. А начинается все это ныне, с наших с тобой чад.

– Ну, если как пчелы... если мед... Однако...

Не удержалась, встряла в мужской разговор и Милица:

– Ну и ты, Прось, туда же! Разве такое может быть, чтобы старейшина рода, умнейший человек, отец семейства взялся портить наших детей? Подумай и рассуди. Грамота им дорогу откроет, новую жизнь даст. Увидишь сам, потерпи.

– Дорогу – это хорошо. А вот другую жизнь – не надо. Дайте сперва эту прожить, – едва не захныкал здоровый дядька. – Он у нас один мужик. Кто без него мне в поле помогать будет?

Посмеялись, выпроводили окончательно сбитого с толку родовича и решили: ну, все, не отпустит он больше сюда сынишку. Однако – ничего, ходит по-прежнему, учится прилежно, не иначе княжеским посадником или тиуном решил стать...

Бывая в Киеве, Ягила не уставал удивляться и радоваться богатству киевского торгова, не иначе сам Велес взял его под свой божественный покров.

Не говоря уже о других товарах, к которым он успел привыкнуть, сколько тут всевозможных изделий ремесленников из предградья! С виду неприглядный муравейник из лачуг и землянок, а поди ж ты – и среди них находятся отличные мастерские, где трудятся превосходные мастера. И не только кузнецы, гончары, усмари, сапожники, но и ювелиры и оружейники, чей дорогой товар расходуется по всей Руси.

Многое делается ими по личным заказам и, естественно, на торг не поступает. Многие вывозятся в другие страны, где их знаменитые мечи и драгоценные украшения для женщин хорошо знают и всегда ждут.

Молодцы, молодцы кияне! Слава вашим золотым рукам!

В тот раз, походив среди их столов и лавок, Ягила направился к церквушке – закупить для дома восковых свечек, которые продаются только тут. В прошлую зиму их привез отсюда Добрец, и всем они очень понравились.

– Ну и что за беда, что церковные? – как бы оправдывался он. – Лишь бы светили, а свет он и есть свет.

Тогда Ягила недовольно поморщился, но промолчал. И вот жены попросили купить опять, как откажешь?

Церковка небольшая, не то что в Суроже или в Хорсунь, где это настоящие храмы. После того, как окрестились Аскольд с Диром и приехали греческие священники, Христову веру их приняло и несколько десятков русичей. Еще давно ему бросилось в глаза, что на свои моления они приходят дружно, но как-то уныло, низко опустив головы, боясь посмотреть по сторонам.

Чего бояться? Своих земляков, что могут и засмеять, и закидать гнилыми овощами или тухлыми яйцами? Это случается. И сам он не раз куражился над ними.

Чего стыдливо да уныло? А не любит их новая вера веселого и жизнерадостного человека. Грех! Запугала придуманным адом, в котором их вечно будет варить в котлах и сжигать в огне. Тело-то в могиле, выходит – душу будут жечь и варить, да она ведь без плоти! Ну не чудаки ли?!

Хотя – чужие боги-то, кто же их знает? Со своими проще и понятнее – с ними русичи в кровном родстве, ибо внуки Даждьбога. Ничего плохого родовичу они не сделают. И русичи их ни о чем не просят, те сами, ценя их любовь и верность, когда надо придут на помощь. И ада у них для русичей нет. Если прожил жизнь недостойно, просто не возьмут к себе в Ирний, и сгинешь ты в холодной мрачной Нави, будто тебя и не было.

А какой прекрасный у русичей рай! Если ты жил по законам Прави и шел ее путем, значит, ты жил праведно и по смерти тут, на земле, обретешь новую жизнь в

Сварге синей. Там, рядом с богами и пращурами, все почти так же, как и на земле: и солнце, и дождь, и сады, и степи вольные с травами злачными и водой живой. Нет только болезней, старости и смерти. Там и жито жнут, и снопы свивают, и говяд во степях водят. Ну не может русич и в раю без дела! Тем более что жизнь та – вечная.

Кабы не знали всего этого те новокрещены, можно было бы и простить. Но ведь знают! А раз знают, как простить такое?

Пробил, проплакал свое одинокий колокол – и опять потянулись сюда эти странные люди. Все больше – женки, все в черном, как черные галки, глаза – долу, повинные головы – ниц. Все равно что рабы-кабальники к хозяину на расправу. И в чем повинны, за что – под бичи?

Было меж них и несколько мужей. Тоже черных и бессловесных. Исключая одного, что, как гусак, возвышался над всеми, бойко вертел маленькой головкой и посверкивал горящими очами. Все перепалки, возникавшие тут, начинались с него. Ты ему – слово, он тебе в ответ – десять. Так горел любовью к своим новым богам, что готов был вцепиться в тебя за любое пустое слово.

Вот и сейчас – стоило Ягиле заметить, что зря чужих богов взяли: были гордыми и славными русичами, а стали рабами-кабальниками без роду-племени, как тот с криками «горбун!», «диавол!» кинулся на него, вцепился в бороду. Что было делать? Хоть и говорят их боги: «Люби врагов своих», – не стерпел. Но тот – прежде. Вот и помял малость, а потом раскрутил в воздухе и забросил далеко за церковную изгородь во двор.

Другие мужи тоже подступили к нему, но на этот раз он не стал дожидаться их подлой гнеси* и покидал туда же. Сбежавшиеся отовсюду люди уже готовы были спалить церковь, но тут явились варяжские дружинники, и после короткой стычки все разошлись.

Поднимаясь обратно на гору, Ягила еще долго слышал за спиной гусиный клекот рассерженных христиан и истошные крики его недавнего противника:

– Эй, горбун, у тебя черт на спине сидит! Вернись, я его колом с тебя стою!

Поддержанный ставшими вдруг крикливыми и боевитыми женками потрясал кулаками:

– Я тебя запомнил, горбун. Ты давно, аки зверь рыкающий, кидаешься на нас. Но мы тебя утишим, так успокоим, что собственными словесами подавишься, дикарь, скиф, варвар**.

Всю дорогу до самого дома переживал Ягила этот пустячный случай. Даже не сам случай, а то, из чего он проистек и что еще может проистечь впредь.

Сразу как-то само собой вспомнился рассказ отца Заряна о расколе, произошедшем среди братьев ириан. А ведь тоже из-за того, что кому-то очень захотелось поменять веру отцов. Поменяли, и к чему то привело? Почти две тысячи лет две части одного народа воевали друг с другом, пока не истощили себя вконец и не оказались под бичами соседей.

Вот и на Руси начинается подобное. Византия – давнее, многоопытное и злое государство. Она хорошо научилась раскалывать и стравливать племена, чтобы потом брать их под свои бичи.

Взять тех же готов, которые, став христианами, принялись в честь своих новых богов крестить на крестах славян. И крестили так люто, что не стало у нас самых славных князей наших.

* Преступление, несправое дело.

** Скифы – дикари, варвары... Это точка зрения кичливых ромеев. Не от них ли они сами переняли верховую езду на лошади, умение изготавливать сливочное масло, те же штаны, обувь и многое другое?

То же и с другими: приняли армяне их веру – и захлебнулись в крови. Разрушили ромен их мольбища, уничтожили святые места, а жрецов и волхвов заперли в храмах и сожгли заживо.

А с какой кровавой лютостью искореняют греки любое малое иноверие в собственной вере!

И в Русь уже запустили греки свои коготки. Начали с варягов, а думают захомутать всех русичей. Как и всюду, впереди идут попы с крестами, а следом пойдут их воины с мечами. А те уже на нашей земле. Вся Таврия под их сапогом. Скоро увидим и на Дону, и на Днепре, где варяги и хазары их союзники и наймиты.

Зря брат Добрец уличает его в нелюбви к грекам. Не греков не любит Ягила, а дела их злые. Не от Белобога они, а от Чернобога и должны быть повергнуты навсегда.

Еще и еще раз уяснил он для себя: прежде чем остановить посягательства эллинов, нужно изгнать варягов-готов. И как можно скорее, ибо потом будет поздно!

Дома спросили о свечках, а Ягила о них и забыл. Но хитрое ли это дело – взять и накатать самому? Воск есть, навить и пропитать маслом толстую нить несложно. Только воск следует сперва хорошо разогреть, чтобы как хлебное тесто стал, тогда и катать берись.

Вот и взялся. Вот и накатал. Теперь всю зиму в доме светло будет.

Не удержался, достал с полки очередную дощечку, начертил писалом линейки, по привычке закусил кончик правого уса...

«...Аскольд принес жертвы богам чужим, а не нашим... Есть у нас истинная вера, которая не требует человеческих жертв. А то делается у варягов, которые истинно всегда совершали ее, именуя Перуна Перкуном, и ему жертву творили. Нам же следует полевою жертву (богам) давать, и от трудов наших пшена, молока и жиров. Ведь подкрепляем мы Коляду ягненком, а во время Русалий в день Яров также, и Красной Горы. То ведь делаем мы в воспоминание гор Карпатских. И в то время род наш звался карпени. А как стали мы жить в лесах, то имя называли нам древичи, а на поле мы имели имя поляне. Так в любом случае, что греки начнут говорить на нас, что мы приносим в жертву людей, – а то ложь, потому как нет такого на самом деле, и у нас другие обычаи. А тот, кто хочет повредить другим, говорит недоброе. А с тем (только) глупый не борется, и такой он и есть...»

Так он ответил тем глупцам, что лгут на своих же русичей, что они варвары и чуть ли не людоеды. Кто учит их такому кощунству? Ясно же – кто: греки да варяги. А кто, мол, в их церковь ходит, тот чист и благ. Ах этот варяг Аскольд! На лжи в Киеве уселся, на лжи, будучи всего лишь вождем дружины, назвался князем, пришедшим на Русь по воле самого Огнебога, и теперь попирает землю нашу. Дир – тоже якобы князь. Вначале он был первым, а этот Аско у него воеводил. Но мало показалось власти воеводе, убил Диру и сам возвеличился над русами. Сейчас, испытав силу русского меча, заперся за стенами на Горе и притих. Надолго ли, кияне?

Древнее сказание предупреждает, что на Руси побываюот три Аскольда. Один уже был, явившись в образе германца-гота Германареха. Второго имеем сейчас. Но последует и третий. Когда? То будет зависеть от того, как обойдемся с двумя первыми. А под каким именем – узнаем, сойдясь в сече лицом к лицу. Злые хищники они. Злее греков.

И это вспомнил. И это отметил своим неутомимым писалом. Не для себя, для потомков.

«Вот, древние родичи рекли и старались клятву о верности держать до самой смерти. И надо нам умереть, а Русь освободить. Скажем, что если кто не желает идти в битву и пойдет домой, возьмем его за руки за ноги и отдадим грекам, чтобы как вол

работал, и кара его будет тяжелой, и род его извергнет, и плакальницы оплачут его, и имя его забудете и мы забудем...»

«Предречено от древних времен, что предстоит нам соединиться с другими и создать державу великую из родов тех... Говорили мы Матери Всеславе, что будем оборонять землю нашу лучше вендов, которые пошли на заход солнца и там перед врагами землю пашут и ошибочную веру имеют, побежденные ими... Венды, вернитесь в земли наши, в степи былые...»

«Посмотри же, народ мой, какой ты обезопасенный (богами) народ! И в том не ошибешься, судя по ранам твоим. И не бросишься ты рядиться, чтоб мы с вами врагов погнали, и от беды избавитесь, и жизнь другая будет у вас... И более тяжкие поражения будут за нами. И мы после тех тысячи пятисот лет, хотя и многие бывали у нас битвы и войны, а всё живы благодаря жертве юношей и воевод.»

«...В трудное время наше не обращаем мы на себя внимания и пойдем умирать за род наш. И вот, в тот день Яма* примет в жертву убитых. И вот, вороны съедят глаза их. И вот, трава прорастет сквозь черепа их. И не по силам нам видеть такое, чтобы потеряли мы добро и земли, и силу нашу, и неужели мы будем как рабы взяты к плугам их, чтобы как коням тянуть на наших их и жатву их жать, чтобы они ели хлеб наш, а мы ели землю? И не может это появиться в мыслях наших... А вот венды – и к ним пойдем помощи просить. И не иметь, потому как всякому народу надлежит себя охранять самому.»

...Поздняя ночь. За стеной глухо пошумливают огрубевшей за лето листвой могучие дубы, шелестит соломкой крыши беспокойный ветер, устало глядят с неба бессонные звезды, а тут тепло и тихо. Ласковый мягкий свет свечи, раздвинув плотную избяную темноту, скупо освещает уголок стола и склонившегося над ним человека. Это Ягила. Запечатлев последнюю мысль, аккуратно отложил исписанную с обеих сторон дощечку и задумался. Сейчас он далеко и от своего стола, и от своего погруженного в глубокий сон дома. Беспокойные мысли уносят его то в древлянскую, то в северскую, то в далекую повгородскую землю, пытаются о чем-то таких же, как он, неугомонных людей, ищут на что-то ответа.

У соседей-древлян он бывал не раз. Также хотел что-то понять, прояснить, чтобы от этой ясности легче стало на душе, лучше виделся путь. Говорил и с простыми огнищанами, и с лучшими мужами, и с княжьими людьми.

Говорили на одном языке, молились одним богам, пели славы одним пращурам, а порой не понимали друг друга. Случалось, что и изгоняли, даже с помолити. И даже камня бросали вослед.

У северян большое и сильное княжество. Несколько веков назад к тамошним русам прибилося вытесненное из-за далекого горного Орала небольшое воинственное племя савиров. Пришли из Сибири на Дон, огляделись – и тут кругом вражда и войны. С миром поклонились потомкам русколан, русам, тоже терпящим всякие притеснения от соседей, объединились, а теперь уж и слились в один народ. Русичи-север – их имя, а иначе – просто северяне.

Много славных дел на счету северских князей и воевод. Прежде всего – себя от хазар, алан и иных отстояли. Затем много десятков лет вместе с теми же хазарами отбивали натиск с полудня бесчисленных, как песок пустынь, арабов. Много своих голов сложили, много крови пролили, но все же наконец отвадили. И вот – живут. Поля их обширны, города крепки и богаты, мастера искусны. Князья их, по всему, понимают гибельность раскола, но пока в Киеве сидят варяги, никакому единству не бывать.

* Царь подземного царства мертвых.

Вся надежда на словен Новгорода. Княжество их древнее, еще со времен, когда два брата Словен и Скиф поделили между собой землю: Скифу – степи, Словену – леса. Там, уйдя на полуночь, и построил он свой первый город, объединился с кривичами, племенами чуди и веси, утвердил свою державу. Сотни лет стоит она, на многие сотни поприщ раскинувшись во все стороны от озера Ильменя и Новгорода.

Прежней столицей ее, говорят, была Ладога, да больно на виду, у самого Варяжского моря, опасно близка ко всяким находникам. Вот и перенесли княжеский стол в глубь державы, построили Новый Град. Прежде был у них и Старгород, да что-то теперь не слышно о нем.

Этот край вообще очень далек, отчего вести из него приходят весьма редко и в досадной малости. Ягила там еще не бывал, а как хочется! У русичей в других землях тоже бывали свои сильные державы, но продержались недолго, а вот эта все стоит, множество князей пережила. Похоже, именно от нее русская державность утвердится.

Так ли это? Посмотреть бы своими глазами, послушать тамошних людей, самому свое сказать. Глядишь, и поняли бы друг друга, камнем не закидали.

Долго, слишком долго собирался к новгородцам Ягила. Теперь там уже и Рюрика нет. Слышно, умер отчаянный славянский Сокол, оставил отрока-сына сиротой. Что будет после него? Да и сам он наконец – кто, из какого роду-племени, действительно ли был призван как наследник славянского князя Гостомысла? С каким сердцем приехал на родину матери? Чего хотел и что смог сделать? Каким путем пойдет его сын?

Вопросы, тревоги... Тревоги, вопросы...

Как утишить эту тревогу?

Кто ответит на эти вопросы?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Той весной, едва закончились работы в поле, родовичи собрались в дальнюю дорогу: закончилась соль, а на киевский торг ее еще не завезли. Предстояло самим съездить в земли соседей-галичан, чьи богатые соляные копи были хорошо известны не только на Руси.

Галичина – древний славянско-карпатский край. Ягиле очень хотелось там побывать, и он собрался одним из первых.

Карпаты – святое прибежище славян в их долгих скитаниях по свету. И не только русичей, но и чехов, ляхов, сербов, хорвов, вендов, теперь уже расселившихся в других краях, однако сохранивших в душе горячую привязанность и любовь к прекрасной карпатской земле.

Из Киева сюда шла проторенная за века дорога, которая так и называлась – Соляной путь. Возили по нему, конечно, не только соль, но она была тут главным и поистине бесценным товаром, ибо без нее человек не живет. Даже дикие животные, найдя в степи солонец, прибегают к нему за сотни поприщ, чтобылизать его серую, перемешанную с солью землю – редкое для них лакомство.

В обозе были повозки не только сурожцев из рода Ратибора, но и местных полян, людей бывалых, много повидавших и много знающих. На ночевках у костров Ягила любил послушать их рассказы о разных разностях из древних и не очень древних времен. Особенно любопытными были для него овечьи какой-то непонятной тайной пролежавшие на полудень от Пути Змиевы валы.

Неужто те, о которых говорится еще в стародавних преданиях? По всему, строились они так же, как и земляные укрепления городов.

Были и башни, на которых творились «дымы», своего рода сигналы, предупреждающие об опасности – появлении в степи врага. Значит, было кого предупреждать, и те даже издали могли видеть эти сигналы тревоги.

Были, стало быть, и враги. Конные.

– Вал вокруг города, – говорил словоохотливый полянин, – это два-три поприща. А эти тянутся на сотни. А в местах, которые считались тогда особенно опасными, – и в несколько рядов!

– На сотни чего? – не понял Ягила.

– Поприщ же. А всего наберется с тысячу. А то и поболее.

Уже знавшие об этом согласно кивали, а новички, слышавшие впервые, дружно зашумели:

– Не можно такое человеку сотворить! Баснь говоришь, брат.

– Зачем – человеку? Есть зверь посильнейше. Вот слушайте...

И рассказал полянин еще одно предание. О том, что очень давно, на заре веков, был у бога Перуна друг из земных смертных – кузнец Коваль. Ну, тот самый, что сковал Перуну меч с заклятием, с каким только и можно было победить Змия-Дракона, похитившего солнечный свет, священных коров, плодородие земли и даже саму жену бога. А до того случилось этому Змию зачем-то побывать в корчийнице* Ковалья. Все показалось ему там интересным, все хотел увидеть в действии, ну, Коваль и показывал и между дел ухватил раскаленными щипцами Змия за его длинный язык. С той поры у всех змей языки раздвоенные. А Коваль запряг Змия-Дракона в огромный плуг и погнал его от Днепра до Карпат и обратно. Вот отчего те валы и появились. И не случайно зовутся Змиевыми.

– Ну, уважил, – похлопал Ягила полянина по плечу, – хорошую баснь рассказал. А как было на самом деле, не скажешь?

– Не скажу, брат, не сердчай. Того, поди, уже никто не знает.

– А свою жену Перун освободил? – появились заинтересованные личной жизнью бога.

– Как победил Змия, так и освободил. Все, что тот схитил, вернул людям. Слава ему!

Так ехали, слушая то хитрую басню, где будто все ложь, то занятную быличку, то умное рассуждение, а то и крик души. А Ягила все пытал:

– И как же те Змиевы валы устроены? Видал ли сам, брат-полянин?

– Сам не видел, лжу говорить не буду. А вот отец видел, когда диких коней отлавливали в степи.

– Ну и что там?

Полянин оглядел сидящих у огня и, убедившись, что это интересно всем, стал пояснять. Оказывается, поначалу люди рубили лес. Только дубовый. Начерно мастерили срубы. Сотни и тысячи. Составляли в длинный ряд. Потом, копая перед ними ров, забивали их камнями, глиной, землей. А поверху еще ставили забороло из крепких дубовых лесин-палей. Опаленных, стало быть, потому что обожженная древесина не гниет в земле сотни лет.

– И что-то к тому времени еще сохранилось?

– Остатки башенок, заборол... В иных местах глядишь, а сруб-то пустой. С дверью, лавами и очагом. Должно, стражи там жили. И так по всей длине...

За разговорами и до места доехали. Пока грузились купленной солью, Ягила все ходил вокруг, всматривался в каждую горку и ложбину – и сердце его млело и

* Корчийница – то есть кузница.

таяло от великого счастья. Это не просто красивая земля, каких на свете, может, и не много, но все же есть. Это одна из самых любимых и памятных прародин славянства, святая, песенная земля, сохранившаяся в их жизни светлым праздником, имя которому Красная Гора. Праздник этот посвящен именно Карпатам, и отмечают его русичи каждый год.

А там, дальше на запад солнца, за высокими живописными хребтами, лежит чудесная равнина, где земля медом и молоком течет. Из-за этого так рвались сюда все, кто попадал в эти края из бескрайних степей Ра-реки, Дона, Днепра, Днестра и Дуная. С жесточайшими битвами и великой кровью, – киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, лангобарды, авары, славяне, угры-венгры... Значит, прекрасная земля эта стоила того!

Уезжая, Ягила поднял первый попавшийся на глаза камень и спрятал под рубашку – на память. Дома покажет своим, накажет хранить как зеницу ока, пока жив род Ратибора, пока живы русичи на русской земле.

Всю обратную дорогу Ягила снова и снова передумывал то, что довелось ему услышать и увидеть. Кто, к примеру, все-таки построил эти гигантские валы? Не тот же Змий-Дракон, в самом деле. Но – кто? И – от кого?

От кого защищались этими мощными сооружениями, понятно. От кочевых конных народов, волна за волной накатывающихся с восхода солнца. Спасти от их стремительных массовых нашествий можно было только в лесах и болотах. Так считалось. А выходит, не только там, но и вот за такими стенами, отгородившими пахарей от враждебной степи. При кимрах и скифах такой вражды не было. Когда это началось? При нашествии сарматов?

Кто были они, эти безымянные строители, великие труженики и герои? Сколько ни думал Ягила – все мысли об одном: славяне. Это как же нужно было любить свою землю, чтобы вот так, всем миром, изо дня в день, из года в год, всю жизнь, надеясь только на себя и своих богов, творить это горькое чудо!

Тиверцы, уличи, поляне, дулебы, вольняне... Борусы, анты... Особенно – анты, вобравшие в себя их всех и создавшие могучую славянскую державу от Карпат до Днепра. Но и она, верша свой ежедневный великий подвиг, не сдержала одну из накрывших ее волн. Или тех волн было много? Кто poleg на подступах к валам? Кто погиб, сражаясь на них? Кто сложил голову, когда злобным и алчным обртам-аварам удалось обойти эту преграду и зайти антам в тыл, сжигая на корню их жито, угоняя скот и увозя людей в рабство?

Горько и стыдно, плакался Ягила, одиноко сидя на своей телеге. Стыдно, что так мало знаем мы о себе самих. Горько оттого, что людям не стыдно этого незнания.

[О великий патриот и труженик Ягила! Как мог ты корить себя за малознание, ведая столько, сколько не знаем о себе, своих корнях и деяниях мы, твои далекие потомки, образованный ученый народ двадцать первого века! Ты хотя бы страстно горел, стремясь познать забытое и забываемое уже в твое время, 1150 лет назад, – нам такое святое горение уже не знакомо. Мы начинаем историю своего народа в лучшем случае с Рюрика и святого Владимира, как будто он, как шарик в руках фокусника, возник в одно мгновение и из ничего. Это нам, нынешним, должно быть стыдно и горько за наше невежество и холодное безразличие к себе самим, забывшим если не свое имя, то свою суть. Можешь радоваться – до нас дошло почти все, что ты запечатлел на своих дощечках, но ученые мужи нашего интеллектуального времени или не знают их, или считают подделкой*. И сам ты, такой страстный и неистовый в своих исканиях и борениях, – лишь несерьезная придумка чьих-то незрелых и каверзных умов. Тебя не было,

* Вспомним: с таким же недоверием и неприятием в свое время было встречено и «Слово о полку Игореве». А теперь это жемчужина русской культуры.

понимаешь? А раз не было тебя, то не было и той твоей, той нашей сто раз погибавшей и сто раз возрождавшейся Руси. Прости их, ведь ты умел прощать. Я – не умею.]

Вернувшись в родное поселение, Ягила сразу заметил: что-то произошло. Мужчин нет, женщины закрылись в домах, только непослухи-отроки бегают по дворам, размахивают руками, что-то кричат.

Остановил одного из своих, спросил:

– Что содеялось, сыне? Будто все в Богодесье на помолье ушли, пусто так.

– Так война же, отец Ягила. Новгородцы в Киев вступили. И новый князь теперь у нас. Отрок совсем!

Ягила едва не поперхнулся такой новостью.

– А варяги? А этот... Аскольд? – спросил о главном.

– Аскольда за самозванство и лжу на конья подняли! А дружинку его восвода юного князя переял, теперь ему служить будет.

– Так то, может, хазары, сыне?

– Наши, отче, наши! Славяне же. Из Нового Града.

– Ну, нас, славян, много... И новых городов еще больше...

Не верилось Ягиле, что вот так, вдруг, случилось наконец то, о чем он давно мечтал.

– А сеча большая была? Стены-то у нас вон какие!

– Про то не знаю, отец Ягила. Когда мы прибегли, там уж и ворота открыты, и мост опущен, и вся Гора людьми занята. Как будто праздник у них.

– А Перун наш стоит?

– И Перун стоит. И огни его горят. И славы ему кричат. Праздник, говорю же!

– Значит, без него не обошлось. Это хорошо. А дядька Добрец где?

– Там же...

Не утерпел Ягила, оседлал не успевшего отдохнуть с дороги коня и поскакал в Киев. Правду сказал сын, город бурлит, точно в праздник, повсюду на кострах готовится угощенье, а устье Почайны, плес и весь Днепр забиты лодиями и стругами – утлому челну рыбаля встать негде.

Святилище Перуна забито народом. Уходят одни – приходят другие. С жертвами, с песнопениями, славами богу грозы и побед, покровителю русских воинов. Был бы Ягила один – слился бы со всеми, да конь в поводу, с ним не протолкаться. Вот вернется домой – отслужит Перуну на своем родовом помолье.

– С праздником, брат Ягила! Дождались мы своего!

Вот и Добрец сыскался. Обнялись, расцеловались.

– С праздником, брат!

По дороге к дому Ягила подробно выспрашивал, как все это произошло, и остался очень доволен.

– Значит, новгородцы хорошо подготовились. Сторожась со стороны моря, такую силу на Киев повели. Очень радостно то!

– Еще Рюрик поход этот готовил. Мудрый муж, все предусмотрел. Зря ты не доверял ему – наш он был, русич!

– И кто его войско повел, раз сам не дожил? – все пытал Ягила.

– Воевода его князь Олег. И сын Рюрика Игорь с ним.

– Так, говорят, юн очень, отрок.

– Вот и хорошо, что юн. С победы начинается. А с таким дядькой быстро в рост пойдет. Удачливым князем будет.

– Слава Перуну!..

Дома первым делом принесли жертвы богам и сели за трапезу. После обильной сурицы стало еще радостнее.

– И надолго они к нам?

Вспомнил Ягила свой Сурож, доблестного князя Бравлина, что изгнал оттуда эллинов да скоро обратно ушел, а греки вернулись. Так бывало не раз, поэтому и не удержали за собой Сурожскую Русь.

– То, что побили Аскольда, то добро. А как уйдут в свой Новгород, кого киянам ждать – опять хазар?

– Ну нет, хазарам Киева боле не видать, брат. С этим покончено! – отсек всякие сомнения Добрец.

– Почему так думаешь?

– Потому что новгородцы никуда не уйдут. Теперь в Киеве будет их княжеский стол. Киев с Новгородом слились навсегда.

– А в Новгороде что? Снова варяги с моря не придут?

– Там поставлены свои воеводы с крепкой дружиной. Все пути им перекрыты. И на Днепр, и на Ра-реку.

– Добро, брат, ох добро!.. Зря я, выходит, неверье имел...

О большом, державном думали люди, но у огнищан-пахарей и на своей земле было немало забот. С запозданием взялись за сенокос, травы успели малость перестоять, поэтому Ягила с Добрецом трудились не покладая рук. Добро, что были в силе, да и радость последних дней придала бодрости, – наметали такие стога, что скоту на всю зиму сена достанет.

Не успели смыть пот и стряхнуть сенистую труху – подоспела жатва. И опять все-ми семьями – на поле. И так – до белых мух, до новой зимы. Но и в минуты редких передышек братья шли друг к другу и, отхлебнув из кринки терпкого стоялого кваса, продолжали все тот же разговор.

Начинал обычно старший, все опасавшийся какой-нибудь промашки молодых князей:

– Значит, еще в Киеве, говоришь?

Добрец согласно подтверждал:

– В Киеве.

– И чего у них на уме? Что дальше?

– Про то я, брат, не знаю... Я не воевода.

Но однажды порадовал новой вестью:

– В поход собираются.

– Куда на этот раз копье их глядит?

– На древлянскую землю, брат. С них начнем единить державу.

– Поляне пойдут: давно они не любят древлян.

– Не только поляне. А мы на что?

– И ты, Добрец, стало быть, тоже?

– Не один. Опять дружину собью. Это дело мне знакомо.

– И когда?

– Когда Олег кликнет. Думаю, не заставит ждать.

Не заставил. Пала древлянская воля, присоединилась их земля к Киевской Руси. Княжество северян вошло в державу без брани, а вот уличей и тиверцев пришлось брать мечом. Пронадеялись союзники Хазарии на помощь ее, но та не решилась на сечу с объединенными русичами, смолчала, затаившись на степных рубежах.

Ягила ликовал:

– Зрите, люди, опять Русь возродилась! Возродили мы свою Русколань, Скуфь великую! Теперь Русь Сурожская нас ждет. Поможем князьям своими сынами и плодами трудов своих!

И везли огнищане на княжий двор мешки с пшеницей, гречью, просом, гнали скот. И первыми тут были земляки и родовичи Ягилы. О чем думал, как переживал это бурное время, какие надежды питал он в те дни, рассказывают его дощечки, его «Влесова книга».

«...Аскольд, а потом и Дир, уселся над князьями как непрощенный князь. И они-то княжить начали над ними, на самом-то деле будучи (только) вождями, а мы еще *останки его храним**. Огнебог и от дома того отвращает лик свой, и от них, потому как были те «князья» греками крещены. Аскольд – темный воин, а так просвещен греками, что никаких русов нет, а суть они варвары. И тому можем мы смеяться, потому как были кимры тоже отцы наши, а они-то ромеев трясли и греков разметали, как поросят напуганных».

«...Гром гремит во Сварге синей, и надобно лететь нам на врагов, как ласточки громоносные и быстрые, и быстрота та – быстрота русского нового меча. И цель у нас иная нынче – чтоб степь за нами скифская была. А то всякие, кто бродит в ней, начали злыми становиться и захватывать у нас коров. Коровы наши там ходить должны, и наши родичи должны жить там... А кому то будет невдомек, таким-то будущее – кабала и рабство. Обороняй ты Землю Русскую и обороняй себя, а то б иных бы не было на шее на твоей, а то враги не прочь ведь охмутать и привязать к возам и чтоб тянули их туда, куда чужая хочет власть, а не туда, куда ты хочешь. Жаля самая великая с Карниною тому, кто не доразумеет эти слова, и гром ему небесный, чтобы повергся долу!»

«...Бьет крыльями Матерь Всеслава и кличет нам, чтобы мы шли за землю нашу и бились за огнища племен наших. Се, они ведь русские. Поспешайте, братья наши, племена за племенами, роды за родами, и бейте врагов на земле нашей, которая принадлежит нам, и никогда – другим. Так ведь умрете, а не повернете назад! Ничто вас не утратит, ничто вам не станется, потому как вы в руках Сварожьих!»

«...Вот Сварожич смотрит на нас со Сварги своей чудесной и, видя рати наши, считает их. А пальцев на руках не всегда хватает, так считает он пальцы и на ногах своих. И знает Працур наш, что мы – сила великая, и не смогут одолеть нас враги наши... И вот скажем в сердцах наших, что не вернемся к огнищам своим до тех пор, пока еще враги покушаются, и пренебрежем телами нашими, если враги возьмут землю нашу... Ведь разобьем скулы себе, лучше уж возьмем детей своих на коня, чем поворачивать спины свои врагам...»

«...Есть земли волжские по Ра-реке с обеих сторон. То была вся земля отцов наших. И она была у нас в те годы, и мы ее уберегали. Пойдемте туда перезимовать нам с вами. Рдяную кровь прольем за нее, как она будет литься из наших ран широких – нас и восвод наших... да не лишимся мы земли нашей и будем вовек русами. И строжет нам Перун стрелы свои, чтоб мы силу его приняли...»

Очень ждал Ягила удара по древним недругам славян – хазарам. Уж очень эти торговцы людьми досадили всем, у многих к ним немалый кровавый счет, и самый большой – у русов.

Вот были когда-то готы, и так они опротивели богам, что те их выплевали как самую последнюю мерзость. Пора, давно пора выплевывать и этих! Боги готовы, отчего же медлят князья?

Пытал об этом брата Добреца, когда тот ненадолго отлучался из дружины, но что мог сказать он, простой комонбранец**, командир всего лишь сотни конников? Или с этим можно еще подождать, а пока заняться устроением державы? Да, держава

* Речь о знаменитой Аскольдовой могиле.

** Конный воин.

русичей велика, бывшие между княжествами трения и разногласия устранены не все, а это в едином государстве недопустимо. Пора установить единые для всех уставы и уроки, научиться собирать подати, открыть все пути для торговли с иными странами, пополнять казну. Содержание сильного войска требует больших средств.

И еще была одна причина такого нетерпения Ягилы. Уходя из Суροжа, он поклялся над могилами предков, что русичи обязательно вернутся на оставленные земли. Те поверили и ждут, и ему не хочется, чтобы ожидание их было слишком долгим, чтобы они сочли его неверным легкословным человеком.

И опять же: вернуть себе отцовскую Суροжскую Русь невозможно, пока существует Каганат. Круг замкнулся. Где тот вещий Коваль, что сует им меч, способный разрубить этот круг?

И чья рука поднимет его?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вот и в Брюсселе возник Русский клуб!

Впрочем, где только они тогда не возникали! После революций и гражданской войны за границами бывшей Российской империи оказалась масса образованных, культурных, деятельных русских людей, в основном еще молодых и чаще всего – военных.

Проиграв кровавое противостояние на родине, они не переставали любить ее и жили принесенными с собой русскими страстями. В свой окончательный проигрыш и пожизненную эмиграцию верить не хотелось. На что-то надеялись, чего-то ожидали. Особенно на первых порах.

Выплеснутая в мир горячая русская масса, молясь и кровоточа, пульсировала на всю планету. Не привыкшие к одиночеству, и потому боясь его, люди двигались из страны в страну, с континента на континент – на зов родной души, на призыв соотечественников, братьев по борьбе, однополчан.

Китай, Австралия, страны Европы и Америки – куда и откуда только не шли их беспокойные письма. А когда поняли, что надежд на скорое возвращение нет, с той же активностью принялись создавать музеи своих дивизий, полков, казачьих братств, русские клубы, газеты и журналы. Это были центры, вокруг которых они объединялись, где могли чувствовать себя среди своих, обсуждать свое положение, помогать друг другу.

Вот и в брюссельский Русский клуб потянулись люди – и в военной форме, при всех своих наградах, и уже в штатском, но непременно подтянутые, стройные, точные в движениях, лаконично-корректные в общении – люди одной касты, военная косточка. Даже женщины их были такими же собранными и стройными. Даже дети.

Узнав о клубе, пришел и Изенбек. Достойного гражданского костюма у него еще не было, явился в далеко уже не блестящем, однако вполне еще добротном и солидном военном мундире. Артиллерийского полковника встретили по-русски радушно, провели в музейный уголок, предложили оставить в нем что-нибудь и о своем Марковском дивизионе, а потом посидели за самоваром, попели любимые русские песни и стали расходиться по домам.

Попутчиком его оказался моложавый, светлый типично русский интеллигент с совершенно не военной фамилией – Миролобов. Дорогой разговорились.

– Вас, Юрий Петрович, война, по-видимому, обошла стороной. Не так? – спросил полковник.

– Совершенно не так! А почему, позвольте узнать, вы так решили?

– Да уж больно фамилия у вас не боевая, – слегка смутился Изенбек. – И где служить довелось?

– В армии Антона Ивановича Деникина.

– В какой? Ведь под его началом были и Добровольческая, и две казачьи, и Туркестанская армии...

– В Добровольческой.

– Очень приятно. И я тоже.

На этом их знакомство пока и закончилось. Но со временем они сблизились. Федор Артурович Изенбек хотя и работал здесь фабричным художником по росписи тканей (чем только не занимались русские эмигранты!), однако давно интересовался историей, в молодости даже участвовал в археологических экспедициях.

Юрий Петрович тоже любил старину, был неплохим этнографом, собирал русский фольклор, находя в нем что-то древнее, сакральное. В разное время активно печатался, многие считали его писателем, но в Брюсселе он зарабатывал себе на хлеб трудом... лаборанта на химическом предприятии.

Узнав о пристрастии друга к древностям, Изенбек после одной из встреч в Русском клубе пригласил его к себе на квартиру, пообещав показать что-то любопытное.

– Думаю, вам это будет интересно. Впрочем, кто его знает...

– Новая картина? На историческую тему?

– Нет, что вы! Но... пусть будет сюрпризом.

Федор Артурович жил одиноко, поэтому позволил себе снять аж две комнаты в большом доме. В одной жил, в другой, претенциозно названной «Художественное ателье», работал над проектами росписей, писал любительские этюды и картины. Туда он и ввел своего гостя.

Сюрприз оказался валявшимся на полу грубым мешком, завязанным у самой горловины крепкой тесемкой.

– Вот. Полюбопытствуйте...

Заинтригованный Миролюбов развязал мешок, извлек из него одну дощечку, вторую...

– Это и есть ваш сюрприз? Или где-то там, под этими дровами?

– Хм, дровами... А вы, голубчик, возьмите пока одну дощечку и присаживайтесь к столу, тут светло.

– Одну?

– Одну. Ее вам надолго хватит.

Взял, сел, придвинул поближе настольную лампу, взгляделся.

– Да этой доске... знаете сколько лет?

– Нет, не знаю, – развел руками Федор Артурович. – Очень сухие, значит, старые. Но вы посмотрите внимательнее. Я смотрел, кое о чем догадался, но ничего не понял.

– Здесь... есть линейки. И... под ними* что-то... процарапано...

И вдруг Юрий Петрович заторопился, заволновался.

– Увеличительное стекло у вас найдется? И листок бумаги.

Стекло нашлось, появилась и бумага с карандашом.

– Ну вот, – сказал удовлетворенно хозяин, – вы пока знакомьтесь, а я пойду что-нибудь к ужину изобрету...

Несколько раз этот ужин пришлось разогревать, потому что Миролюбов никак не мог оторваться от заинтересовавшей его дощечки. Под конец попросил разрешить ему «посидеть» над ней еще пару деньков дома.

* Так, под строкой, написана вся «Влесова книга». Как и тексты санскрита, что также свидетельствует о древнем родстве индоариев и славян.

– А вот этого не могу, – задумчиво покачал головой Изенбек. – Я их, вот эти дощечки (их в мешке еще много!) нашел случайно, можно сказать, на краю их гибели. Еще в России. И едва не потерял, когда наша армия развалилась и мой вестовой с этим мешком пропал. Когда в Феодосии мы уже грузились на пароход, он разыскал меня и вот... принес. Хороший солдат был. Так что, извините, не могу: а вдруг что опять...

– Как же тогда быть?

– Если считаете, что стоит ими заниматься, приходите, изучайте. Но чтобы выносить из ателье... И, пожалуйста, о них пока будем знать только мы с вами.

Так началась работа Юрия Петровича Миролюбова с этим необычным посланием из прошлого. Из далекого прошлого! По некоторым словам, которые ему удалось прочесть и понять, он сделал вывод, что имеет дело с древним русским языком, гораздо более древним, чем самые старые русские летописи. К тому же летописи писались монахами на старославянском (вернее – церковнославянском) языке, который еще можно понять, а это...

Выходит, эти странные дощечки, эта совершенно невообразимая деревянная книга писалась во времена, когда на Руси еще не было церквей, а в мире – церковнославянского языка. Это поражало – фантастично! Но и озадачивало – может ли такое быть? Ведь тогда этим дощечкам более тысячи лет!

Вначале, горя нетерпением, он взялся было переводить их на современный русский язык, но вскоре понял, что на это не хватит всей его жизни*. И что-то подсказало ему: прежде всего эти тексты нужно тщательно скопировать, не вникая пока в содержание, а то ведь, не дай бог, опять что-нибудь с ними случится. А уж в процессе перевода откроется и содержание.

Но это дело будущего. Одному ему такая работа не по плечу.

Позже, когда, живя впроголодь, он это сделает, в письме к одному из своих единомышленников Юрий Петрович вспомнит: дощечки были «...приблизительно одного размера, тридцать восемь сантиметров на двадцать два, толщиной в полсантиметра.

Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совершенно испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло поотстало, сошло. Под ними была древесина темного цвета.

Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой. Размер одних был больше, других меньше, так что «дощечки» прилегали друг к другу неровно. Поверхность, вероятно, была тоже скоблена перед писанием, была неровна, с углублениями.

Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом...

Каждый раз для строк была проведена линия... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку «дощек», как в листах отрывного календаря. В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге.

На полях некоторых «дощек» были изображения головы быка, на других – солнца, на третьих – разных животных, может быть, лисы, собаки или же овцы. Трудно разобрать эти фигуры...

Буквы были не все одинаковой величины. Были строки мелкие, а были крупные... Некоторые из «дощек» потрескались от времени, другие потрухлявились, и я их склеивал при помощи силикатного лака...»

* Объем «Влесовой книги» в восемь раз превышает объем «Слова о полку Игореве».

И еще: «Первые «дощечки» я читал с огромными трудностями. А потом привык к ним и стал читать быстрее. Прочитанное я записывал. Буква за буквой. Труд этот тонкий. Надо не ошибиться... Одна дощечка брала у меня месяц! Да после я еще сверял текст, что тоже брало много дней...

Роль моя в «дощках» маленькая: я их случайно нашел у нашедшего их прежде Изенбека. А затем я их переписывал в течение 15 лет... Почему я взялся за эту перепись? Потому что я смутно предчувствовал, что я их как-то лишусь, больше не увижу, что тексты могут потеряться, а это будет урон для истории.

Я ждал не того! Я ждал более или менее точной хронологии, описания точных событий, имен, совпадающих со смежной эпохой других народов, а также династий князей и всякого исторического материала, какого в них не оказалось!

Зато оказалось другое, чего я не предполагал: описание событий, о которых мы ничего не знали, обращение к патриотизму русов, потому что деды переживали такие же времена, и т. д.»*.

Подвиг, совершенный Миролобовым, Изенбек оценил. Когда здоровье его сильно пошатнулось, он оформил на имя Юрия Петровича завещание, по которому тот становился собственником и «Влесовой книги», и всех его картин.

Кончились тридцатые годы двадцатого века. За какие-то два десятка лет Европа неузнаваемо изменилась. Из довольно легкомысленной и кокетливой дамы она как-то враз превратилась в сумрачную полунищую старушку, почти во всех ее странах грубо и властно зазвучала германская речь. 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз...

В маленькой Бельгии, оккупированной гитлеровцами, стало еще беспроектнее. Брюссельский Русский клуб перестал существовать. Почти все члены его, у кого еще были какие-то средства, разъехались кто куда. Остались такие, как Миролобов и Изенбек, потому что даже на поездку в Париж денег у них не было. Да и во Франции, тоже оккупированной, хозяйничали фашисты.

Нападение на Советский Союз, их последнюю надежду, стало для бывших честных русских офицеров катастрофой. Не вынеся такого удара, Федор Артурович Изенбек скоропостижно скончался. Миролобов остался один.

Похоронив друга, он долго не мог снова прийти на его квартиру. А когда пришел за оставленным ему наследством, квартира была пуста. Ни одной из шестисот картин Изенбека не было. Хуже того – полки, на которых были аккуратно разложены дощечки «Влесовой книги», оказались совершенно пустыми. Так и не прочитанная, не вернувшаяся на свою родину, она бесследно исчезла. Явившись из мрачной бездны древности, ушла в еще более мрачную бездну новых времен**.

[И все-таки с «Влесовой книгой» нам несказанно повезло: она, одна из многих, даже через тысячу лет все же пробилась в наше время. А кто скажет, что случилось хотя бы с теми, что были поименованы в «Книгорече» Сулакадзева в разделе «Книг не признаваемых, коих ни читать, ни держать в домах не дозволено»? «Коледник» пятого века, «Путник» четвертого, «Волховник» шестого, «Криница» девятого века... А таинственный «Лоб Адамль» десятого века «на белой коже», а сборник «О Китоврасе...» пятого века? Последний, как и «Влесова книга», тоже был вырезан на буквых дощечках, число которых поразительно – 143! Куда они подевались, в чьих коллекциях или тайных хранилищах укрыты? Какие богатства нашей истории, языка, народного

* Прошу читателя извинить меня за столь обширную цитату. Наверное, в художественном контексте ее можно было бы изложить «своими словами». Но надо ли? Ведь это описание «Влесовой книги», сделанное последним видевшим ее и работавшим с ней.

** Существует версия, согласно которой в Брюсселе «Влесову книгу» из квартиры Ф. А. Изенбека изъяли спецслужбы гитлеровцев.

духа хранят в себе? Или уже не хранят, потому что уничтожены? Не хочется верить тому: а вдруг? Ведь никто их не ищет, никто не озабочен ими, никто не плачет об их судьбе. И все же, – а вдруг?!]

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

– Се, было то у Карани, – начал Ягила свою беседу с пришедшими с Добрецом новгородцами. – А это город малый на берегах моря Русского. И был там князь, который сказал эллинов бить и отбросить от Руси. Собрал он рать и конницу и пошел на них, и победил их. И стали эллины жаловаться на бедствия свои и просили принять от них дань...

– У них, что же, кораблей не было, чтобы уйти к себе за море? – спросил молодой новгородец с мягкой светлой бородкой и спадающими на плечи льняными прядями. – Их бьют, а они только жалуются!

– Должно, мало били! – засмеялись его товарищи, такие же молодые, светлые и статные.

– Когда мы бьем, от нас бегут!

– А куда побежишь, если за спиной море, а корабли где-то в походе?

– Не в том дело, братья, – вступил в разговор Добрец. – Эти эллины так в нашу землю вцепились, что только мертвыми оторвать можно.

– Почто так? Изобильна очень?

– Изобильна, тепла, а главное – для торга весьма прибыльна. Торг – главное их дело.

– Самим торговать надо! – решительно стукнул по столу светлородый богатырь. – Зачем пустили козлов на свою капусту?

– Долгий то разговор, Всеслав. А ты, брат, реки, реки, что там дальше было, у нашей Карани.

– Так вот... Зная, что русичи пьют не только священную сурицу, и порой обильно пьют, привезли те множество резаных баранов и вина. А тут идут волхв Ухорез и брат его Соловень. Говорят они русичам, чтобы не зарились на дары те. Однако наши не послушались и упились, чего эллины и ждали...

На время беседа опять пресеклась – дочка Зарянка, заменив отлучившуюся мать, новые кринки с квасом принесла. Принесла, поставила на стол, скромно отошла в сторону, мельком поглядывает на гостей. А те – на нее: очень уж свежа да хороша Ягилина дочка-юнотка*. Что карие солнышки в камышах ресниц, что коса до пояса, что дешевенькое монисто на высокой стройной шейке и все остальное, что при ней. Забыли о квасе, молчат; такие большие ратные мужи, а стушевались перед юной красотой.

Спохватившись, Ягила сам разлил по кружкам квас – пейте, мол, очень уж жаркий ныне день! – и, вспомнив, на чем пресекался, продолжил:

– Ну вот и побили они наших. Погибель свою видя, побежали те в степь. И там они осерчали, силы свои собрали и пошли на эллинов опять. И повергли их. Это боги сделали их дерзостными и руки их укрепили. И они победили, хотя крови много зря пролилось...

– Мотайте на усы суть сказанного, – подмигнул молодым воинам Добрец, – благо они у вас уже выросли. У войны свои уставы суровые. А суровые для того, чтобы

* Юнотка, уюотка – девушка, то есть «юная».

выстоять и победить. Это не поселянская драка, где пынче побились, а завтра помирились. Сеча – это на смерть, сами знаете. Так что прав брат Ягила: расслабляться воину нельзя. Вот когда будет последняя победа и ты жив остался, тогда боги сами благословят... А квасок-то у тебя, Зарянка, и впрямь хорош. Точно со льда. Плесни-ка нам еще...

Ягила был доволен службой брата (стал сотником, может и тысячником стать!), поддерживал его дружбу с новгородцами, привечал, слушал их, а они его. Вот и сейчас, заметив, как переглядываются Зарянка с приезжим молодцем Всеславом, даже повеселел душой, оживился:

– Таких горестей в нашем бывалом много. Можно бы еще князя Кривоорога вспомнить, как он наш Сурож освободил, а после победы греки его, как мальчика неразумного, опростоволосили, и мы опять оказались под ними. А для чего я вам все это вспоминаю? Война, сыны мои, не только соперничество мечей, но и соперничество умов. Воюйте умно, без коварства, но и не очень уж бесхитростно. Вы еще молоды, у вас, может, еще много битв впереди, берегите себя, вы нужны Руси.

Помолчал, подумал и не удержался, высказал заветное:

– Мы не княине, не поляине, а сурожцы. И есть у меня, как у всех суренжан, большая мечта – пойти в земли праотцов наших, чтобы вернуть их в лоно русской державы. Явиться во всеоружии, с такими славными воями, как вы. Очень жажду того, сам меч возьму, род свой на коней посажу, только было б то поскорей. Как думаете, решатся на это князья наши?

Теперь задумались молодые.

– Мы – хоть сейчас! – первым отозвался Всеслав. – Сколько можно терпеть таких мизгирей на русской земле?

– Верно сказал Всеслав, – поддержали друга и остальные. – Войско у нас наготове. Пора, пора в новый поход!

Чувствуя нетерпение молодых, поднялся и Добрец.

– Так это же, братья, война с Византией. Но она не только хитра, но пока и сильна. Великую силу иметь и нам нужно, чтобы пойти на то. И она будет у нас, будет!

– Когда, брат?

– Скоро!

– Будем ждать. И помогать князьям нашим. Не забудут нас и боги, и пращурсы наши. Правое дело и им по душе...

Когда гости ушли, Ягила в нетерпении потянулся за своими дочечками. Перечел недавно написанное, приготовил последнюю. Вот сейчас заполнит и ее, провозит, как и прежние, свяжет крепким ремешком, а там можно и в Киев...

«...Это я говорю вам же. Поприте вы тех греков, как говорю, поскольку это ясно мне. И видел я (во сне) Кня, нашего Отца, и он сказал мне, что мы с вами их уничтожим, – уничтожим Хорсунь и мерзость амастридскую, и будем мы с вами великой державой с князьями нашими и городами великими, и железом* без числа, и будет несчетно потомков наших. А греки уменьшатся в числе и будут на минувшее свое дивиться и головами своими качать. Содейте так, поскольку будут нам грозы многие и громы грохотать, чередою непрерывною друг за другом идя. И окончательно так мы победим, сотворим мы это на века многие благодаря богам, и нас никто не уничтожит. Как львы стойте один за другого и держитесь князей своих! И будет с вами Перун...»

«...Вот речет Орею Сварог: «Сотворю вас из перстов моих. И будут говорить, что вы есть сыны Истварега... И, народ великий, победы одержите по всему свету и

* Имеется в виду оружие.

разобьете роды иные, – вы, те, которые вызовут силы из камней, чудеса сотворяя – без коней повозки, и всякие содете чудеса помимо кудесников, потому что всякий будет грести как кудесник... Любите заветы Ореэвы, мир зеленый и жизненный. И любите друзей своих, и будьте мирными между родами...»

«...В свое время были семьдесят князей наших, такие как Мезислав, Боруслав и Комонеборец, и Горислав. И так избираемы были вечно и отставляемы вечно, если люди не хотели их. Вот, эти князья весьма тружились. И Кышек был велик и мудр. И он умер, и после него были иные, и каждый делал что-то доброе для русов. Память наша это удерживает, потому должны мы их славить... и чтить память их, сынов наших, и никто не смеет этого забывать – се, проклят такой будет богами и человеками, и люди выбросят имя его из памяти навеки».

«...Ему (Киеву) мы подчиняемся, и с ним вообще Русь строится. И как на нас другая будет сила, не пойдем мы с ней, а с Русью, потому как есть она Мать наша, а мы ведь ее дети. И будем до конца мы за нее».

«...Тут ведь борьба великая непрестанно всякий час была и сечи многие, и стычки, ведь враги так поступать нас заставляют. И ничто еще не завершилось до конца».

Теперь в Киев Ягила ходил не только для того, чтобы купить что-то на торгу для семьи, полюбоваться с днепровских круч могучей рекой, безоглядными далями за ней, но и затем, чтобы почувствовать сердце города, а через него – всей Руси. Очень опасался он пропустить тот день и час, когда русская рать выступит в новый поход. Сколько ни убеждал его Добрец, что пока сильны Византия и Хазария, а их наймиты степняки только ждут момента, чтобы пройти с татьбой по киевским землям, надежда в нем все равно жила. А раз жила надежда, то и ожидание покоя не давало. Он себе уже и новое седло купил, и меч у хорошего мечника заказал, и коня подготовил. Только бы не пропустить день и час!

Лучше всего сердце города чувствовалось не тут, на Горе, где живут князья с дружиной и воеводами, а внизу, в мастерских мечников, лучников, шорников-седельщиков, литейщиков, кузнецов. По их стуку-перезвону угадывал Ягила ритм киевского сердца. В последние месяцы он был весьма напряжен, и это радовало: готовится город, работает на войско! А войску много чего надо: и мечей, и шоломов, и щитов, и луков, и стрел с копьями, и седел, и упряжи, и телег, и добротной обуви для дальних путей – всем работы хватит.

Постояв возле них, наслушавшись их стука и грома, повернул на торжище. Да и как обойдешь его, если есть у тебя в семье не только жена, но еще и две дочери. Старшая – и не заметил, как выросла! – поди уже сватов ждет, а вторая, через сына, тоже уже милой голубкой смотрится. Как им без сережек, без лент, без гребней? Ну а Милице – летний плат, легкий, мягкий, в цветочек, какие она любит. Хотел и Благе что-нибудь присмотреть, да поиздержался уже, значит, ей – в другой раз, брату сейчас не до того...

Походив по торговым рядам, снова вернулся к оружейникам. Не стерпело сердце, захотелось самому поглядеть, как мастер кует его меч. Хоть и сторонится народ ковалей, считая их едва ли не колдунами, для Ягилы они самые нужные люди. Может, и сейчас кто-нибудь из них, смертных, дружит с богом Перуном. А коли так, чего страшиться их? Ведают тайны руд, умеют заставить их плакать горячими железными слезами, из которых и отольют что надо, и откуют любую кузнь – от обруча на бочку до меча? Так это ж великое уменье, а не колдовство, это ценить надо. Вот князья и ценят: без них войско не войско.

Открыл дверь, вошел. В мастерской полутьма, гарь, только у горна светло от огня да у наковальни. Там и разглядел мастера. Улучив момент, когда тот заметил его, напомнил о мече. Не отрываясь от дела, кузнец лишь покачал головой.

– До твоего не дошел. На князя работаю, весьма большой заказ на войско.

– Так и мне в войско. Все уже есть, меча недостает.

– Тебе, речешь, в войско? – блеснул коваль белыми зубами. – А не припозднился?

Вон вся борода в окалине. Куда тебе?

– Не смотри на бороду, брат, смотри в душу. Не могу я в стороне стоять, праздно глядеть на дела других. Без меня там никак нельзя.

– Да ты не только стар, а уже, видно, отвоевал свое. Вон спина от прежних ратей горбится.

– А ты все-таки скуй!

– Ладно, раз ты такой горячий. Только не взыщи, после князя.

Обидно стало, да что поделаешь? Постоял, поглядел, как колдует мастер то над черным, то над огненным металлом, и ушел. А на улице уже вечер, а у греческой церквушки опять почему-то толпится народ. Зря князь-воевода Олег, казнив Аскольда, не порушил и его церковь. Мозолит она киянам глаза, раздражает. Почему, дескать, оставили? Для кого? Может, и новые князья туда же глядят?

Кривотолки, пересуды, разговоры. А новокрещены хоть и сторожатся, а нового бога своего не оставили. Очень хочется им пострадать. Ведь он, говорят, любит страдальцев, и путь на его небеса лежит через страдания...

Ягила сначала тоже бушевал, поносил Олега за такой недогляд, а когда, просидев с Добрецом целую ночь, разобрался что к чему, решил больше туда не ходить. Может, и в самом деле так надо, ведь на торг в Киев съезжаются гости из разных стран. Из Византии, к примеру, а тамошние люди давно все христиане. Надо же им где-то в Киеве помолиться. Есть же в греческом Царьграде для наших купцов святилище Перуна и Велеса, вот и тут пусть будет для них отрада. А торговать с империей нужно. И куда сновостее, чем сейчас. Русь от этого одна польза.

Решил не ходить, и долго не ходил. А тут с чего-то потянуло: вдруг там наших бьют или наши проказят? Крики и визг даже тут слышны.

Побежал – так и есть, что-то делят. Только появился – ор, гвалт: «Вот и ты, горбун! Опять куража для явился?» И – ух колом по голове.

От неожиданности и великой слабости все поплыло, ноги подкосились, и он на какое-то время точно в навь-сон ушел. Очнулся – тихо, все разошлись. Оперся спиной о забор церквушки, обхватил голову руками, а талишка. И ладони липкими стали. Где омыться?

Потащился Ягила к Днепру. Бледная луна еле высвечивала каменную тропу. По ней он спустился на узкий днепровский плес. Вот уже слышно, как плещется о берег вода. И тут что-то острое и, как показалось, горячее ударило в спину. Стрела! Унав, он еще слышал, как хрустнуло сломавшееся древко. И голоса: «Говорил же, что я тебя запомнил, горбун!», «Так он уже нав! Куда его теперь?», «А в челн. И на волю, днавола!..»

Очнулся Ягила в углой рыбацье лодчонке. Течение Днепра неслышно несло его в низовье, печально поплескивая за бортами. Высоко над лицом сияло и переливалось звездными огнями ночное небо. Самая большая и яркая из звезд, хорошо знакомая каждому страннику и мореплавателю, – Седава*. То есть седая, старшая из них. А раз старшая и седая, то особо почитаемая – святая. Только подумал и опять забылся. Через какое-то время почувствовал – глазам стало тепло, словно на лицо ему легла чья-то теплая рука. Приоткрыл глаза – Сурья. Прекрасный огнекудрый Сурья отыскал его в этой водной пустыне и согрел своими теплыми утренними лучами. После Перуна Сурья его любимый бог. А может, и до Перуна. Он же и Огнебог, и Ярила, и Солнце, и Дажьбог. И вместе со всеми другими богами – Сварог. Ибо бог русичей един и множествен. Как то? Не понять человеку, ибо тайна великая. Ум разверзнешь, а не поймешь!

* Полярная звезда.

Потом его заставила очнуться какая-то очень важная мысль, которую он не успел додумать прежде. О чем она? Почему так неотвязна?

А, вот о чем... Как-то Ягила насчитал семьдесят известных ему славянских князей. И не меньше великих пращуров и героев, сынов отечества. А вот кого-то вспомнить тогда никак не мог. Неужто так и не вспомнит?

А было их двое. Братья. Ну да, когда столетний старец Германарех отобрал у них красавицу-сестру... Нет, чуть позже! Когда этот готский полутруп-полукороль приказал ей идти на ложе и она пренебрегла им... Когда этот гадкий дряхлый старикашка приказал разорвать ее дикими конями и слуги исполнили то...

Вот-вот, как раз в это время они и вошли в его шатер, пронзили ненавистного мечами и... И что с ними самими стало? Зарубила на месте охрана? Или смогли отбиться? Не вспомнить... А главное – не вспомнить их имен. Как это досадно и несправедливо! Как стыдно и нехорошо...

Он и прежде каялся в этом, но сейчас все-таки мысль была не о том. Вот приходили к нему молодые новгородские вои. Он хотел напомнить им один случай из бызвалога. Ну да, с тем же Германарехом, чье имя боги выплюнули, как и амастридскую мерзость... Вот-вот, вспомнил!

Случилось так, что, напад на русов и получив крепкий отпор, его войско тут же попало под удар гуннской конницы. Чтобы избежать гибели, пошел на поклон к тем же русам, пил с ними вино дружбы и клялся быть заодно с ними против гуннов. Наши князья поверили и открыли ему дорогу в землю Русколани. Но прошло какое-то время, и он, сровнившись с гуннами, пошел на недавних своих спасителей – и плакала тогда гибнущая Русская Колунь.

А рассказал он им не этот, а другой случай, бывший у Карани. Только ли для того, чтобы пополнить счет русским поражениям и неудачам? Сказать, что мы излишне доверчивы и верим даже тому, кому заведомо верить нельзя? Пополнил, сказал. Но главное опять же не это!..

Так что же главное? Боги, дайте вспомнить. Никогда ни о чем не просил вас, только творил вам славы, а сейчас прошу. Помогите вспомнить. Вы же все знаете, для вас это так просто...

На этом Ягила опять ушел в Навь, а когда пришел обратно, все вспомнил.

Тысячелетия назад, когда людской мир только создавался, боги установили все-ленский нравственный закон Истины, Правды-Прави, Любви и Справедливости. По этому закону должно жить все во Вселенной, человеческое и нечеловеческое. Стать благим, близким к богам можно, только идя Путем Прави.

По этому закону все живое и неживое одухотворено и свято. В том числе, и особенно, Слово Истины, Слово Правды. И ответственным за его исполнение бог богов назначил своего первого сына Перуна.

Многие века люди знали и почитали это божественное установление. Даже когда стали забывать о нем, суть его оставалась жить в их душах. Они боготворили Правду и Истинное Слово, шли по жизни Путем Прави, а когда покидали ее, приобщались к богам.

Когда Перун строго следил за этим, все шло хорошо. Но вот многие племена и народы забыли о нем настолько, что начались между ними раздоры, ложь и обман. Поскольку войны стали постоянными, Перуну, видимо, стало не хватать времени для прежнего контроля, и человечество погрязло во зле.

Только славяне, да и то не все, остались верными богам. Даже живя в мире зла, они продолжали свято верить в Истину, Правду, Любовь и Справедливость. Не умея сами лгать и обманывать, они ожидали того же и от других, верили даже слову врагов, и те бессовестно пользовались этим. Отсюда столько бед выпало на долю славян, они

часто терпели поражения даже тогда, когда были сильны. Несомненно, это красит и возвышает их, но что будет с ними дальше, если человечество не порвет с миром зла, не вернется на путь Правды? Так и оставаться простаками?

[Пройдет еще тысяча лет, и мир погрязнет во зле еще глубже. И, глядя на русичей, будет гадать: что это за непокорный народ, почему он не похож на других, в чем загадка и тайна русской души? Но знать про то Ягила было не дано, ибо боги не дали человеку способности знать свое будущее. Нам тоже не дано. Но мы думаем, и наша «тайна» для нас не тайна. И мучает нас другое: стать такими же, как все, и не церемониться с теми, кто не церемонится с нами? Или, оставаясь в одиночестве, не поддаваясь такому искушению и борясь, найти силы сохранить себя для будущего? Что для нас ценнее? Думай, русич, думай! Жалок народ, который не умеет и не хочет думать о себе.]

В последний раз Ягила вернулся из нави совсем ненадолго и как-то странно. Он уже ничего не видел, не слышал плеска воды за бортами, ничего не хотел. Наверное, оттого, что все наконец вспомнилось, а других желаний у него не было. Даже открыть глаза. Но и с закрытыми глазами ему вдруг увиделась прекрасная юная дева вся в белом, ведущая в поводу белого коня.

Склонившись над ним, она горестно вздохнула и печально сказала:

– Ну, радуйся, русич, сейчас ты взойдешь на благословенную Сваргу нашу и увидишь пращуров своих...

Но сама почему-то не радовалась. Заволновался и он.

– Все будет хорошо. В полку Перуна тебя уже ждут. На вот, испей живой воды, неистовый воин Сварога...

– Но ведь я не воин, – поправил он ее. – И не в сече пал, а... – он попытался вспомнить, что же с ним приключилось, и не смог. – Иди к другим, Перуница. К тем, кто более достоин того.

– Не так, русич, не так, – покачала светлой головой небесная дева. – Ты всю жизнь был воином и пал как доблестный воин. Только сеча твоя особенная, вечная. Радуйся, русич... Пей...

Он испил ее живой воды, сел на белого коня и легко воспарил над темной землей...

Чем дальше, тем многоводнее становился Днепр. С приближением его знаменитых порогов течение все ускорялось, становилось шумным, неукротимым. Вот берега его, став высокими отвесными скалами, почти сомкнулись, вода меж ними закипела, загрохотала, превращаясь в белоснежную пену и взлетая до самых небес. Утлая рыбацья лодочка канула в эту гудящую бездну и за мгновение превратилась в прах. Но Ягила в ней уже не было. Зато в небе зажглась еще одна звезда.

...А что же Русь его?

Юный князь Игорь не вечно будет юн. И будет у него жена – пресветлая княгиня Ольга. И будет у них сын – великий воин Отечества Святослав. А у того будет сын Владимир...

Но это уже совсем другие времена.

А у каждого времени и своя история.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Тяжело пережил Юрий Петрович Мирлобов годы фашистской оккупации, да и послевоенное время благополучием не баловало, увы. Но была и радость – у него

сохранилась копия «Влесовой книги»! Ведь чувствовало, чувствовало сердце, что нужно спешить, пока дощечки в его руках! Не стало их, зато есть копия. Вникай, изучай, научись говорить с ней на ее языке – и тогда может открыться такое, что и представить трудно.

Годы работы сначала с самими дощечками, а затем с их копиями не пропали даром. Он уже многое понимал и еще больше предчувствовал. Имена древнеславянских богов, наставления и призывы автора следовать их указаниям, не щадить своей жизни, оберегая их и свои земли от всевозможных врагов, – все это было близко его душе этнографа, фольклориста, собирателя, литератора, историка и просто русского человека.

Попробовал переводить – ну хотя бы бегло, самую суть, чтобы получить более определенное представление о конкретном содержании книги. Получилось плохо, слишком уж «бегло». И тогда, чтобы привлечь к ней внимание научной общественности, он стал рассылать свои переводческие опыты и копии по научным институтам и университетам Европы и Америки. Узнав о том, что в Сан-Франциско в США организован и действует Музей Русской культуры, а также издается русский журнал «Жар-Птица», связался с ними. А когда его пригласили, не раздумывая перебрался в Америку.

После первых же публикаций в «Жар-Птице» быстро отозвались десятки людей из самых разных стран. Все те же русские эмигранты той еще, первой волны. К ним примкнули и свежие, кого выбросила в мир Вторая мировая война. Все находили в древних текстах что-то близкое и дорогое для себя, переводили, докапывались до смысла через толщу веков, радостно делились удачами, огорчались, когда оказывались бессильными перед сложностью задачи.

А огорчаться было отчего. Многие дощечки плохо сохранились, были расколоты на мелкие фрагменты, отчего поневоле возникло немало «темных мест». Кто-то обходил их, будто ничего тут и не было, кто-то, руководствуясь интуицией, заполнял такие места собственными сочинениями, что еще больше запутывало дело. Миролюбов, к которому часто обращались, категорически отвергал такой подход.

Очень разные результаты объяснялись еще и тем, что русская письменность тех далеких «языческих» времен еще не была «устроена». Ее устройством и занялся святой Кирилл, обнаруживший во время своего путешествия в Хазарию в греко-русском Херсонесе две христианские книги на русском языке. И не исключено, что это были именно те книги, которые «русскими письменами» перевел для богослужебных целей русский митрополит Иоанн в конце седьмого века в Таврии. Теми письменами как раз и написал свою «Влесову книгу» подвижник Ягила.

Одно то, что все тексты были написаны сплошняком, одним потоком, то есть без разбивки на предложения, а предложений – на слова, без каких-либо знаков препинания, доставляло много хлопот, требовало чрезмерных усилий. И тем не менее энтузиасты не отступали.

Над переводами «Влесовой книги» трудились Америка, Европа, Австралия, и лишь родина ее Россия (в составе тогдашнего Советского Союза) делала вид, что ей ничего не известно. И дело тут не только в атеистической идеологии, отвергавшей любую религию, – уж очень непривлекательными были тогда фигуры самих переводчиков, сплошь белоэмигрантов и украинских националистов, замаравших себя сотрудничеством с гитлеровцами. Как после страшных событий века опуститься до того, чтобы как ни в чем не бывало привечать своих вчерашних врагов?

Но время шло, меняя и идеологии, и традиции. Известна сейчас «Влесова книга» и в России. К ее переводу и изучению потянулись равнодушные к своей истории, культуре, истокам люди – и вдумчивые специалисты, и любители-энтузиасты, и

неизбежные в таких интересных делах дилетанты. Все меньше становится людей, отрицающих её подлинность.

В печати вышло несколько полных переводов, собираются и популяризируются факты из истории этого удивительного намятника древнерусской культуры, исходя из новых знаний, полученных из него, все дальше и дальше в глубь времен отодвигается и наша история. Пройдет еще какое-то время, и выражения типа «тысяча триста лет до Германареха» или «тысяча пятьсот лет до Дира» станут привычными даже для школьников. А ведь это целое тысячелетие до нашей эры.

А «первая тьма лет», когда изначальные индосвронейцы жили где-то на нынешнем Севере? А «вторая тьма лет», когда, гонимые «большими холодами», они двинутся вслед за светом-солнцем «на полудень», а потом и далее, – заселят половину Азии и всю освободившуюся от ледника Европу?

Что это – мифы? Или реальность, забытая нами?

Вместе это целых двадцать тысяч лет. Как заглянуть в них? Или опять поможет его величество случай? В виде книги на камне, мамонтовом бивне, «рыбьем зубе»?

Или успокоимся и ограничимся тем, что имеем? Ведь это так хлопотно – искать, ломать в спорах копы и устоявшиеся представления, двигать историю в ту самую глубь, у которой, может, и дна-то нет!

Знания беспокоят, отягощают, обязывают. Не зря же предостерег нас древний мудрец, сказав, что от многого знания много печали.

Но будем помнить и великого русича Ягилу, обронившего в своей бессмертной деревянной книге вот эти скорбные и обнадеживающие слова:

«И НИЧТО ЕЩЕ НЕ ЗАВЕРШИЛОСЬ ДО КОНЦА».

2009 – 2010 гг.

Эпизоды моей жизни

НАЧАЛО НАЧАЛ

Старший сержант Талгат Аюпов.
Северный флот, 1962 год.

А началось всё это с того, что я решил привести в порядок свой архив, выбросив то, что никому, кроме меня, интереса не представляет. Естественно, стал вчитываться в то, что подлежит уничтожению. Над чем-то посмеялся, над чем-то задумался, о чём-то пожалел, и вдруг меня осенила мысль: почему бы эту кучу мусора не просеять, чтобы остались только рациональные зёрна. Сел за компьютер и начал отбирать интересные, на мой взгляд, эпизоды. Затем систематизировал их в хронологическом порядке. Потом дополнил комментариями, и получилось то, что получилось. А получилось фактологическое повествование для домашнего чтения, даже не столько детям, сколько внукам, — дабы не забыли, в какое время жили и какими были их предки. Даже, думаю, гордиться станут и об этом говорить своим детям и внукам. Сколько они будут помнить — столько мы и проживём. Таков предел моих мечтаний, к большему я и не стремился.

* * *

Я не помню, кем я хотел стать в детстве, но использовал любую возможность, чтобы испытать себя в каком-либо качестве. Говорят, неплохо пел, но на республиканском конкурсе не вошел даже в призовую тройку. Занимался авиамоделизмом, хотел поступить в аэроклуб, но не прошел медицинскую комиссию: при удачном росте оказалось неподходящее расстояние между коленями. Хотел стать геологом, но завалил вступительный диктант. Пытался стать военно-морским инженером, но споткнулся на экзамене по физике. Задумал поступить на переводческий факультет Московского института иностранных языков, но количество синтаксических ошибок в сочинении превысило моё ретивое желание. Хотел профессионально вырасти по полученной специальности, но трудности достижения места непосредственной работы оказались камнем преткновения на пути следования к успеху.

Всё остальное — благодаря комсомолу, который раскрыл мои возможности, совпадающие с моими желаниями, и из своего нелегкого детства и юности, без «лохматой» руки, я достиг того, о чём не мечтали даже мои родители.

Талгат Гареевич Аюпов родился 30 августа 1939 года в Уфе. Окончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. Автор книги «Этапы большого пути». Работал в Башкирском обкоме ВЛКСМ, Верховиом Совете Башкирской АССР, Министерстве труда и занятости и социальной защиты населения РБ.

Поучительна ирония поэта: «Не делайте под Маяковского – делайте под себя!» С годами понял, что самый надёжный человек, который может решить мои проблемы, – это я сам!

РОДИТЕЛЬСКИЙ ПРИЧАЛ

Жили мы в городе Уфе, в частном доме по ул. Левая Набережная, д. 23, – на так называемой Цыганской (Кооперативной) поляне.

Именно здесь на 24 сотках два родных брата: Гарей и Султан Аюповы, женатые на двух родных сестрах – Сайме и Гульсум, – в начале тридцатых годов построили пятистенный деревянный дом. В правой половине дома обитала семья Гарей и Саймы с детьми: Таслима, Венера, Талгат и Ляля. В левой половине – семья Султана и Гульсум с детьми: Зиля, Зухра, Роза, Фанир.

У каждой семьи были свои 12 соток земли, отдельный вход, общие сени, своя печь, свой подпол. Но и была одна общая дверь в общей стене, через которую перетекала детская масса с одной половины на другую, и наоборот. Половина – это квадратов 16, два из которых приходились на печь. Маминна кровать, узкий деревянный диван («папин»), стол, швейная машинка «Зингер». Дети спали на полу. Так было теплее под общим одеялом.

Мой папа – Аюпов Гарей Давлетович (1907–1943 гг.) – родился в деревне Каратяка Кушнаренковского района, рано остался без родителей. Мама – Аюпова Сайма Мустафиевна (1911–1953 гг.) – родилась в деревне Ново-Курмашево Кушнаренковского района, в многодетной крестьянской семье.

С чердака нашего дома мы в детстве кричали, изображая радио, в трубу от папиного граммофона и играли в фотографа, используя оставшуюся от папиной деятельности треногу и сотни сохранившихся фотонегативов на стекле. Жаль, что ни у кого не хватило ума сберечь хотя бы часть из них на память. Но во многих деревнях Кушнаренковского, Салаватского и других соседних районов еще до недавнего времени могли вспомнить и показать плоды деятельности разъездного фотографа.

С началом Великой Отечественной войны папа стал работать в системе охраны завода им. Кирова в городе Уфе, откуда и был призван 25 июня 1942 года в действующую Красную армию. Только 18 марта 1947 года за № 2/163 Ждановский районный военный комиссариат города Уфы направил официальное извещение Аюповой Сайме Мустафиевне: «Ваш муж, Аюпов Гарей Давлетович, уроженец д. Каратяка Кушнаренковского р-на БАССР, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество. В ноябре 1942 г. пропал без вести. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

А мы всегда надеялись, что он жив. Тем более что все, знавшие папу, – а он был очень темпераментный, рискованный – говорили: «Такие люди, как Гарей, не погибают. Он жив, не может пропасть». Я даже не успел понять, что у меня был папа. 220 рублей пенсии на четырёх несовершеннолетних детей были по тем, карточным, временам меньше, чем на рынке стоила буханка черного хлеба.

Страшное слово «война» не только всех напугало, но и опустошило семьи, забрав главных кормильцев. Несмотря на это, у нас постоянно кто-то проживал из деревенской родни. Шамгун-абый из Бакраково – пока учился на бухгалтера; Мансаф-абый – сын Закарии Аюпова из Зилим-Караново; сын сестры отца Фархиямал – Заки, которого мама забрала из детской колонии; сестра дедушки.

Зуриной (бабушка) была очень старенькой. Однажды она не удержала в руках горячий чугунок с супом и уронила его, потом собрала с пола лапшу и накормила нас, лопали только так.

Когда в город хлынул поток эвакуированных, обе сестры с детьми перешли в одну половину, а в другую подселили семью из Рыбинска: дядя Коля – инвалид, тетя Валя, двое детей и бабушка. Ещё два парня, которые работали на Моторном заводе и частенько оставались ночевать прямо в цехе, потому что добраться до нас после работы по бездорожью у них просто не было сил.

Бедная мама. Она осиротела вместе с нами. Не имея образования, профессии и работы, в одночасье она лишилась всего: мужа, достатка, покоя, защиты. Выручали волевой характер и большой авторитет среди родственников. Эта красивая моложавая чёрненькая татарочка никогда не плакалась. Бралась за все, что могло бы хоть как-то поддержать жизнь семьи.

Были и в ту пору подлые, что пользовались нуждой других. Однажды мама притащила большой бумажный пакет «крахмала», но когда его вскрыли дома, то оказалось, что ей продали сырой речной песок, который хрустел внутри пакета, как настоящий крахмал. Все горько рыдали.

Во время войны в Уфе было много госпиталей. Мама «доставала» там кровавые обрывки рубашек, кальсон, отстирывала их, красила, шила из них платья, везла в деревню менять на что-нибудь съестное. Или перепродавала из-под полы остродефицитные галоши и бижутерию.

Вела изнурительную гонку на ножном «Зингере», чтобы к очередной «толкучке» успеть сшить дамский плюшевый жакет или телогрейку и сбыть их. При этом прятала продукт своей индивидуальной трудовой деятельности от бдительного ока милиции, которая постоянно проводила облавы на таких бедолаг, как и она. Можно было не только лишиться собственного товара, но и «загреметь» за спекуляцию. Мама часто брала меня с собой на Красноярскую «толкучку» в конце улицы Новомостовой, и я всегда с животным страхом воспринимал угрозу: «Атас!» Я тогда еще не понимал, как должен тебя защищать, и со всех ног бежал к родственникам со слезами на глазах: «Забрали!» – чтобы те успели припрятать остатки швейной продукции.

Не уберегли мы тебя и от чиновничьего сволочизма. Ты ещё не знала, что уже вдова воина, погибшего в Великой Отечественной войне, и от безысходности голодного существования с четырьмя детьми неоднократно пыталась найти поддержку в органах социальной защиты. Сестра Таня, в то время студентка пединститута, которой было уже 23 года, рассказала, что на вопрос мамы: «Что же теперь мне, вешаться?» – там ответили: «Вешайтесь». Последние годы мама много и тяжело болела. «Скорая» оказывала помощь на дому, но толку было мало. Несколько раз мама прощалась с нами, давала наказы. Главное – учиться, только таким путём можно выбиться в люди и найти место в жизни.

Сегодня ты бы гордилась нами: все мы получили высшее образование и нашли своё достойное место в жизни. Я достиг того, о чем ты даже не могла мечтать. Жаль, что результатами моей благополучной жизни ты так и не смогла воспользоваться.

Моя старшая сестра Таслима окончила Уфимский педагогический институт. Учительница немецкого языка в школе № 34, затем – № 100 г. Уфы. Отличник народного образования РСФСР. Ей было присвоено звание «Старший учитель». Она не отдала нас в детский дом, как предлагали органы опеки, и сохранила семью. Её нравственный высочайший поступок преопределил в целом и мою судьбу. Низкий ей за это поклон. Спасибо за терпенье. Прости меня и за твои слезы.

Сестра Венера Гареевна начинала обучение в Уфимском авиационном институте, а окончила Башкирский сельскохозяйственный институт. Инженер, учитель, увлечённый флористикой. Живет в Челябинске. Вечный наставник и совесть нашей семьи.

Сестра Ляля окончила техникум пищевой промышленности и ВЗФЭИ. Технолог-пищевик, экономист. Живёт в ближнем зарубежье – в г. Калуш Ивано-Франковской области на Украине.

ОТРОЧЕСТВО

В школьные годы я был достаточно шустрым пацаном и, чтобы усидеть на одном месте, должен был быть обязательно чем-то занят. Поэтому с первого класса наша учительница очень часто меня на уроках спрашивала и таким образом увеличивала объем моих знаний, повышала качество оценок и решала проблему моей усидчивости (в начальной школе № 64).

Проблема в перемены решалась значительно проще – директор школы отводил к себе в кабинет или в учительскую и ставил там в угол, чтобы, не дай бог, что-нибудь не учудил. С другой стороны, это была, на мой взгляд, благотворительная акция: в перерыв учителя пили чай, ну и мне в те голодные времена кое-что доставалось.

* * *

Маму частенько приглашали в школу. Проблемы были не в обучении (оценки не ниже 4), а в очередном мальчишеском озорстве. В то время тетради были в большом дефиците, поэтому иногда приходилось их делать самим из упаковочной бумаги. Такая тетрадь у меня была по «Арышанию», то есть по арифметике. Писали мы перьевыми ручками, а чернильница была одна на две парты. Моя соседка Нина Семёнова (жила в бараке артели «Луч» и была года на два меня старше) сидела слева и, поворачиваясь вправо, чтобы обмакнуть перо в чернильницу, которая стояла на парте сзади нас, превысила предел безопасности и воткнула мне перо чуть ниже брови, едва не повредив глаз.

В третьем классе я участвовал в театрализованном представлении «Стрекоза и муравей», и, естественно, на всю оставшуюся школьную жизнь ко мне приклеилось прозвище «Муравей».

Семилетняя школа № 34, куда нас отправили учиться дальше, располагалась на Екатерининском тракте. От реки Белой булыжная мостовая на Оренбург пересекала Цыганскую поляну с севера на юг – это улица Лаврентия Павловича Берин. После того как вся страна пропела: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков», улицу переименовали, и она стала называться улицей Зои Космодемьянской.

Все, что оживляло экономику Цыганской поляны, находилось здесь, на этой улице с тротуарами из жидкого асфальта, шаг влево или шаг вправо в любой переулочек – остаешься без галош.

Тракт был всегда заполнен послевоенными студебекерами, ЗИСами, полуторками, телегами, запряженными лошадьми и коровами, а также стадами всевозможной скотины, ожидающей наведения мостовых плашкоутов через Белую перед последним броском на бойню мясокомбината.

Среди этой массы снуют пацаны с бидонами: «Воды, кому холодной воды?» – стакан за пятак. Здесь же мелкие торговцы: «Кому тянучки, за рубль штучка?»

У реки слева на небольшом песчаном пляже огорожена площадка для пленных немцев. Сюда их приводили под конвоем для восстановления деревянного моста, спешенного весенним половодьем. Мы скрытно устраивались на высоком берегу и из рогаток мстили за своих погибших отцов. Интересно было наблюдать и за нашими мужиками – вчетвером они многопудовой дубовой «бабой», балансируя на неустойчивых настилах, забивали сваи, подбадривая себя протяжным: «Эй, ухнем! Ещё разик, ещё раз!» Тяжелейший труд. Ведь их надо было забить достаточно много на расстояние почти 100 метров и в самый короткий срок, так как никакой другой объездной дороги в город не было.

С левой стороны улицы, вдоль реки вверх по течению – крупный по тем временам лесопильный завод, на котором было занято все трудоспособное население, созываемое на работу рано утром протяжным заводским гудком. На реке – плоты. На берегу – брёвна, которые закатывали на лесопилку. К сожалению, потом она сторела.

Рядом – база «Заготзерно», где извозчиком при своей лошади работал мой дед Мухамадеев Мустафа – картатай. Хозяйственный был дед – у него в сарае было ведёр пять глухих ржавых гвоздей, которые он подбирал на дороге. Замечаю, что и у меня таких гвоздей немало. На всякий случай. При нём – вечная домохозяйка, скромнейшая и добрейшая моя бабушка Таифа – картиней, или, как её называли, ак эби, – белая бабушка. Она пользовалась огромной любовью не только родных, но и соседей. Это – мамины родители, жили они по улице Луговой в доме № 5. Блины из толчённого в ступе пшена, или кыстыбый, были для нас самым любимым бабушкиным угощением. Пшеничную муку она молола из зёрен на жерновах: два дубовых чурбака по 20 см, набитых изнутри кусочками металла, с отверстием и удерживающим штырём в центре. Сверху ручка в ладонь, и крутишь вкруговую. Занятие не из лёгких, но приходилось.

Недалеке – наша семилетняя двухэтажная кирпичная школа № 34. В её дворе и по сей день растут высокие сосны. На центральной аллее у нас проходили занятия по физкультуре.

Самое хорошее время – лето: купание, рыбалка. Играть ходили к устью Дёмы. Туда же, у кого была, водили пасту скотину. Однажды корова преподавателей Судаковых (их дом стоял напротив школы № 64 в переулке) нагнала меня, подхватила на рога и сбросила под берег к реке. Удача состояла в том, что рога попали мне со спины под руки. Да и рубашка была из вечного – «чертового» – материала, которую носить – не сносить. У Судакова я учился потом в техникуме, он преподавал геодезию.

В город переправлялись на лодке, которую надо было ежегодно конопатить и смолить. Когда сестра Таслима училась в пединституте и возвращалась поздно, то я поджидал её на берегу. Уже в вечерних сумерках, когда невозможно было её разглядеть на противоположном берегу, для профилактики кричал: «Таня!» В ответ кто-нибудь, бывало, крикнет: «Нет её пока». Через некоторое время процесс повторялся. И если сестра кричала с того берега: «Талгат!» – я садился в лодку, независимо от погоды, и плыл её встречать. Процедура эта была достаточно сложной и трудной. Сама лодка – плоскодонка – тяжёлая на ходу. Вёслами тоже сотни раз помахать нужно. Течение реки довольно резвое, и напрямик не проскочишь – снесёт вниз. Приходилось вначале подниматься вверх против течения, а потом с учётом сноса выруливать к противоположному берегу, где скорость течения была более высокая и нужно держать ухо востро. Но у нас, кто жил непосредственно на берегу реки, все могли управлять лодкой.

Осенью – непролазная грязь. Резиновые сапоги были мечтой каждого мальчишки, но не все могли её реализовать. До глубокой осени – ботинки за плечо и босиком до школы, и только там – снова в обувку.

Зимой – лыжи, санки, таратайки. Фуфайки на вате – самый фирменный вид одежды. Даже заплатки на неё ставили как украшение. Печь топили дровами, их заготовка на зиму была моей обязанностью. Деревянные «козлы», двуручная пила и... сноровка. Керосиновая лампа – вместо лампочки Ильича. За керосином ходили в город с десятилитровым бидоном. В начале улицы Пушкина у керосиновой лавки, напоминающей блиндаж, надо было ещё и в очереди постоять.

Весной – ожидание ледохода и наводнения. Ледоход был для нас очень важным событием. Это было страшное и захватывающее зрелище, когда метровый, а то и более лёд под натиском стихии трещал, дыбился, выползал на берег, грозил заторами, вызывал панический страх. Особенно когда начинались первые подвижки льда и последние пешеходы металась в поисках возможности выскочить на берег по отко-

ловшимся льдинам, или когда по реке проплывали снесённые дома и дворовые постройки. Однажды на большой льдине осталась запряженная в сани лошадь. Хозяин сам успел выскочить на берег, а её так и унесло вниз по течению. Многие свидетели этого случая плакали, но никто не смог ей помочь.

В половодье можно было готовить дармовые дрова, которые плыли по реке вперемешку со льдом. Если брёвна плыли рядом с берегом, то выдёргивали их баграми. Если ими нельзя было достать, наш сосед дядя Семён Арбузов использовал следующее приспособление: фунтовую гирику привязывал к прочной верёвке и, раскрутив с руки, забрасывал ее так, чтобы веревка обернулась вокруг бревна, а потом оставалось только подтянуть его к берегу. В это время шла рыба, и в мутной весенней воде её ловили черпалками, такая сеть на круглом деревянном обруче, закрепленном на длинной рукояти. В начале половодья, когда вся Цыганская Поляна оказывалась под водой, передвижение только на лодках, как в Венеции. Дома затапливало по окна и даже выше, поэтому жить приходилось на чердаке. Температура низкая, обогрева – никакого. Так и кутались кто во что горазд. И получались каникулы, так как школу тоже затапливало. Правда, школьники старших классов всё же продолжали учебу на втором этаже, куда их на лодках подвозили родители.

В конце концов половодье сыграло и с нами злую шутку – нижние венцы деревянного сруба настолько прогнили, что в стене со стороны реки вымыло бревно и образовалась большая дыра. И только после этого и бесконечных мытарств нам как семье погибшего в 1954 году выделили комнату в коммунальной двухкомнатной квартире деревянного дома на улице Социалистической. «Кухня» – стол в проходном и тёмном коридоре без окон, с керогазом для приготовления пищи. Печное отопление, и опять проблема заготовки дров. Вода – из уличной колонки. Зато у нас наконец-то был электрический свет.

* * *

С питанием всегда были большие проблемы. Весной мы частенько заготавливали крахмал: собирали с огородов после половодья остатки картофеля, который сушили, разложив на крыше, а затем перетирали в муку для блинов. Ухитрились делать лепёшки из черных зёрен серой лебеды. Крапива, ботва свёклы – деликатесы. Собирали щавель, дикий лук и всё, что в природе есть съестное. Главная нища – картошка в мундире, так меньше отходов. Но её надо было растянуть, чтобы и на семена для следующей посадки осталось.

На лето меня частенько отправляли на пропитание к родственникам в деревню. Одно время Султан-абый работал продавцом в продовольственной лавчонке посёлка 5-й Совхоз. Это теперь в районе торгового центра «Метро», справа. Я иногда приходил к ним в гости. Жили они скромно в небольшом домишке, но по тем временам в достатке – держали корову. Смущала назойливость мух, поэтому Гульсум-гутей давала мне поручение их уничтожить и за каждую голову обещала платить по 5 копеек. Навыки по ловле мух у меня с малолетства были профессиональными (и сейчас не утрачены), так как для нас это была лучшая наживка, на которую великолепно клевала баклёшка. Естественно, в первое же своё посещение я выловил всех мух в доме, полный спичечный коробок. Их пересчитали по головам, оказалось штук 50. Тётя заплатила мне за выполненную работу, как и договорились. В связи с тем, что она вначале недооценила мой профессионализм, предупредила: теперь будет платить за штуку только 3 копейки. А когда я принёс уже две коробки с мухами, она, заподозрив, не без оснований, что значительная часть из них выловлена в скотном сарае, они и по виду-то отличались от сытых домашних, заплатила мне после аккуратного пересчёта

по одной копейке за штуку. Для меня, десятилетнего пацана, это были очень большие деньги. Заработанных денег мне хватило не только на кино, но даже на мороженое, как, думаю, и предполагала тайно моя тётушка, заключая со мной необычный договор.

В деревне Бакраково Гафурийского района (стояла на берегу реки Белой) жили зуриней, старшая папина сестра Махубьямал, добрейшей души человек, и зуратей, дедушка Нурулла. Со слов его приёмного сына Хасана, наш дед в составе царского полка участвовал в подавлении революции в Китае. Вернулся героем – три креста. Но когда произошла Октябрьская революция в России, надо было скрывать это, и кресты выбросили. Документы несколько десятилетий хранились в семье, но при переездах с одного места жительства на другое были утеряны. Нашей бабушке во время уборочной страды доверяли очень ответственное задание – она должна была у себя дома выпекать ржаной хлеб для тех, кто работал в поле. Она выпекала несколько партий в своей печке дома и так уставала, что, садясь пить чай, роняла голову на грудь и засыпала. Бабушкин пышный, из горячей печи «деревенский» хлеб со свежайшей сметаной из-под сепаратора – это что-то. С братом Раисом ходили по ягоды или ловить пестрачей на перекате у паромной переправы. Паром представлял собой небольшой баркас с площадкой, на которой помещалась лошадь, запряженная в телегу с грузом. Баркас был выше по течению заякорен на длинном тросе, а от берега до берега был другой канат, который тянули сами пассажиры. В той же деревне жил двоюродный брат мамы, Шамгун-абый, инвалид войны, который великолепно играл на скрипке и сочинял стихи. Совсем недавно узнал, что Рашит Хужин, председатель профкома «Салаватнефтеоргсинтеза», его сын, это мой троюродный брат, а мы с ним так ни разу ещё и не встретились.

Каждое воскресенье в центре деревни праздник, большой и богатый базар, на который съезжались жители близлежащих деревень не только купить-продать, но и пообщаться. Мы с пацанами проводили время у водяной мельницы, на которую привозили молоть зерно со всей округи. Любопытно было наблюдать толпы паломников, которые с железнодорожной станции Белое Озеро шли через деревню на богомолье в село Табынское, чтобы поклониться знаменитой иконе Табынской Божией матери.

С дедушкой частенько колесили по полям и фермам на тарантасе, в который был впряжён конь по кличке Герой. Был безмерно счастлив, когда дедушка доверял мне править.

Не раз с мамой бывали и в деревне Шаганай Салаватского района у бабушки Маргубьямал (тоже папина сестра) и дедушки Хамзы. Дед держал несколько семей пчёл и, когда гнал на медогонке мёд, давал нам его пить в тёплом виде. Хотя село, где родился Салават Юлаев, в давние времена спалили дотла, в народе считают Шаганаево его родиной, и на пригорке, выше деревни, есть посвященный ему музей. В конце 20-х – начале 30-х годов несколько семей, в том числе и наши родители, переселились сюда из Кушнаренковского района и организовали колхоз. Здесь в 1932 году родилась моя сестра Таслима, и потом родители переехали в Уфу. Шамгун-абый Хужин в своих воспоминаниях написал о жизни переселенцев в Шаганаево и о том, что мой отец Гарей-жизней пользовался большим авторитетом. К нему часто вечерами приходила молодёжь слушать граммофон, который он приобрёл в Уфе и который был тогда в большую диковинку.

* * *

Учителем черчения и рисования был у нас тогда еще молодой и малоизвестный Борис Федорович Домашников. В классе шестом (1952–1953 гг.) одноклассник мой,

Колька, забаловался, и его поставили в угол у круглой печки – голландки. Борис Федорович слегка картавил, и ученики частенько подтрунивали над ним. Особенно старался Колька. Только учитель отвернется – тот гримасу, в классе смех. Учитель пытается унять, но только отвернется – онять. Тогда, не выдержав, Борис Федорович берет в руки голову Кольки, бьет оной по печке, приговаривая, чтобы тот прекратил свои шуточки. И до того распалился, что поранил-таки Колькину голову о рифленый обруч голландки. Пролитая кровь (пу сколько ее может быть в пустой Колькиной голове?) и стала главной причиной отрешения Бориса Федоровича от должности. И слава богу! Ведь именно после этого случая Борис Федорович Домашников занялся только живописью и преуспел так, что стал мировой знаменитостью. Его можно было частенько встретить на берегу Белой с этюдником, в неизменной беретке. А жил он здесь же, на Цыганской Поляне, недалеко от школы. Хорошо знал нашу семью (его брат Иван даже одно время ухаживал за моей сестрой Таней), и мы с ним при встречах всегда общались. В 1968 году, когда я работал в обкоме комсомола, мы с ним горевали по поводу его картин, сгоревших в городе Салавате, где он их выставлял по просьбе горкома комсомола в связи с награждением Салаватской городской комсомольской организации орденом Трудового Красного Знамени. Компенсация была, конечно, но по тем временам небольшой.

* * *

Была у нас славная математичка Софья Михайловна Суфиянова, завуч, школьное прозвище Бородавка (потому как на подбородке у нее бородавка была). Имела она одну интересную привычку: когда во время урока ей надо было переговорить с учителем, ведущим урок, она приоткрывала дверь, просовывала свои пальчики и быстро-быстро ими перебирала, приглашая учителя. Но я-то об этом еще не знал. И, сидя один на первой парте, вдруг вижу: кто-то шурудит пальцами. Полагая, что это удаленный из класса Толя Агапиев, я недолго думая вскочил, на цыпочках подбежал к двери, хорошенько размахнулся и что есть силы врезал по тем самым пальчикам.

Довольный своей шуткой, открываю дверь и... бледнею: там не менее бледная стоит, пожимая свои пальчики, Софья Михайловна. «Свинья», – буркнула она мне, и я покорно поплелся на свое место.

Учительница, которая вела урок, поняла, что случилось что-то из ряда вон, и старушечьей трусцой побежала в коридор. И пока там шел между ними разговор, в классе стояла гробовая тишина.

Меня спасли искренние извинения и капитальное знание предмета, который вела обожаемая Софья Михайловна, недаром же я и до и после ходил у нее в любимчиках и отличниках по математике.

* * *

Школу я окончил в 1953 году с благодарностью (по всем предметам только пять и четыре), за что на выпускном вечере мне доверили сидеть в президиуме. Велели постричься. Дома сестра Таслима пыталась меня постричь дядиной трофейной ручной машинкой, но она не стригла, а только клоками выдирала мне волосы. Я орал. Ладно хоть стричь начала с затылка, но и в таком виде не только в школе, но и на людях было невозможно появиться. Я рыдал. Сестра решила подровнять ножницами, в результате – стрижка «лесенкой». Еле уговорили меня пойти в школу.

В президиуме общего собрания я просидел, как вбитый кол, боясь повернуть голову.

ЮНОСТЬ

Романтика потянула меня в геологоразведочный техникум, который находился на ул. Ленина, 37. Еёхватило до первого экзамена – диктанта. В школу, которая к этому времени стала десятилеткой, возвращаться не хотелось, особенно после президиума. Выходит, не оправдал надежд. Но деваться некуда. И вдруг сестра Таслима приносит весть о том, что её одноклассник Николай Овчинников договорился насчет меня в Уфимском коммунально-строительном техникуме, где проводили дополнительный приём. Именно этот техникум окончил с отличием сам Николай и теперь учился в Ленинградском строительном институте.

Пока мы выбивали документы в школе, пока добрались до техникума, прошло два дня, а в техникуме набор уже закончился, документы не принимают, мало того, уже идет экзамен по математике, который принимал тот самый преподаватель (сожалею, что за давностью забыл его фамилию), к которому нас рекомендовал Николай. Упрекнув за столь позднее появление, преподаватель тут же завёл меня на экзамен, который я дописывал уже в кабинете преподавателя, заодно приняли и документы.

С благодарностью вспоминаю директора техникума Генриха Львовича Ладыженского за человечность, последующую опеку, отеческую заботу и терпение. Я все четыре года обучения находился на государственном обеспечении: получал талоны на питание, одежду, обувь, а для нашей семьи это была очень существенная поддержка.

Учили нас уму-разуму преподаватели – наставники.

Михаил Алексеевич Чистяков – строительные материалы. У него итоговые оценки получали по следующей схеме. «Кому тройку?» – спрашивал он. Кто был согласен, поднимал руку. Если он тоже соглашался, то ставил в зачётку тройку, и будь здоров. Логика – уж на тройку-то всяко знания получили. «Кому четвёрку?» С кем соглашался, ставил оценку, и – будь здоров. Остальные будут сдавать экзамен. Ростом он был под два метра, я – менее полутора. Чтобы я мог дотянуться до его строки, написанной на доске, он мне подставлял сосновый чурбак из своего наглядного пособия. Хороший был человек, уважительный, – как товарищ.

Николай Николаевич Семенов – водопровод и канализация. Объясняя, как нужно точно отмерить, всегда рассказывал анекдот о том, что Иван отмерил руками ширину проёма в одном месте и с растопыренными руками пошел примерять этот размер в другое место. Но по дороге его отвлекли, спросив, куда он пошёл. Иван, показав рукой направление движения, вернул её в исходное положение и продолжил движение дальше с растопыренными руками, «удерживая» размер ширины проёма.

Алевтина Николаевна Шихман – статистика. Редко кому удавалось сдать её экзамен с первого раза, зато и знания приклеивались, не отодрать.

Спасибо сестре Таслиме за то, что не опустила руки, когда за очередные свои «хохмы» я стоял на грани исключения. Прodelки-то были мальчишеские: то пугал девчат по коридору собственноручно изготовленной деревянной змеёй, то по углам табуретки мелкими гвоздями выбивал свои инициалы и инициалы понравившихся девушек, т. е. портил казённое имущество, за что был изображен в стенной газете в виде первобытного человека с каменным топором, и т. д., и т. п. Один из преподавателей, которому я в результате своей бестактной шутки подпортил красными (а пользовался ими только я) чернилами костюм, даже поставил перед директором условие: или он, или я. Сестра упростила директора и преподавателя дать мне последний шанс. Утром

собираюсь на учёбу – она со мной. Доходим до ворот, она говорит, что теперь будет сидеть со мной рядом на занятиях. Какой позор – меня, шестнадцатилетнего парня, водит за ручку на занятия сестра. Тогда я поставил условие: или я иду на занятия один, или она. При этом я клятвенно обещал, что отныне и во веки веков с «хохмами» покончено. Она мне поверила. И я это доверие оправдал. Всё-таки я не был таким уж злостным хулиганом. Слава богу, мне самому хоть хватало ума хорошо учиться.

К тому же я участвовал в художественной самодеятельности. С моим другом Хандарисом, который был на голову выше меня, играли сценку «комический бокс», и я, метр с кежкой, естественно, его побеждал на радость зрителям. Однажды на репетиции, раздухарившись, я нанёс Хандарису несколько пенуточных ударов, он, отбиваясь, ответил одним – правым хуком, да так, что меня пришлось откачивать. После этого я снял боксёрские перчатки и больше никогда их не надевал. Кроме того, у меня был мальчишеский тенорок, и я совсем неплохо исполнял песню «Родина»: «Вижу чудное приволье, вижу реки и моря...». Принимал участие даже в республиканском конкурсе, вместе с двумя девушками исполнил песню «Ой, цветет калина». Однако необычное сочетание исполнителей не было поддержано членами конкурсной комиссии. Однажды выступил в концерте перед началом киносеанса в кинотеатре «Октябрь». Имел успех.

* * *

10 июня 1958 года я первым на специальности защитил диплом техника-строителя по водопроводу и канализации. Планировал получить направление на работу в Петропавловск-на-Камчатке, но меня опередили. Дали направление в город Тулун Иркутской области, но, пока телепались, место успели занять. Переориентировали на город Бийск Алтайского края, но и здесь – не судьба.

СЛУЖБА НА АРКТИЧЕСКОМ АТОМНОМ ПОЛИГОНЕ

Призывался я Ленинским РВК города Уфы. Однако с моим ростом в 149 см, говорили, в армию не берут, а очень хотелось. Пришлось тянуться у планки до 150 см.

8 июля 1958 года нас построили у сборного призывного пункта Башвоенткомата на ул. Владивостокской. Оттуда – строим на товарную станцию железнодорожного вокзала Уфы. Погрузили в «стольнинские» вагоны на деревянные нары, и... служить на Северный флот.

Через три дня прибыли в город с деревянными тротуарами Северодвинск (по улицам впору ходить в болотных сапогах) и расположились в учебном отряде. Одели нас во флотское обмундирование, и с утра до вечера строевая подготовка на плацу. Куражился над нами, гоняя вдоль и поперёк, старшина второй статьи, как мы его прозвали, Чапай. Украинец под два метра ростом и такой службист, что оправдывал поговорку «Хохол без лычки, что справка без печати».

В середине августа погрузили нас, человек 300, на крейсер «Чапаев», и вперед, на архипелаг Новая Земля. В громадном трюме двухъярусные деревянные нары, матрац, сверху шинель, бескозырка под голову – вот и все удобства. Походный паёк на три дня: по буханке хлеба на брата и трехкилограммовая банка тушенки на двоих, кипятка неограниченно.

В связи со штормовым предупреждением задрали люки. Успокоили, что на море волнение будет не более 3–4 баллов, и посоветовали, что лучшее спасенье – на-

лопаться и спать. Поесть-то мы поели, а вот уснуть не успели. Началась монотонная качка, а вместе с ней приступы морской болезни. Вокруг большого флотского бачка, заранее установленного в центре трюма, начали кучковаться первые желающие. Круг позеленевших от немоготы матросиков с каждой минутой расширялся. Многие уже не успевают даже добраться до бачка. На третий день пришли в залив Белушья Губа на Новой Земле. Сутки простояли на рейде и приводили себя в порядок. У причала посёлка Белушья Губа – комплекс деревянных домов начала XX века. С левой стороны большое здание контрольно-пропускного пункта, за ним здание прокуратуры и суда (дом полярного исследователя В. А. Русанова).

КПП расположен в бывшей церкви. Церковь была сооружена из бревён и обшита тёсаными досками, внутри перепланирована в связи с нуждами КПП. У входа размещена металлическая табличка с текстом: «В этом здании с 1924 года по 1954 год размещался Новоземельский островной Совет депутатов трудящихся под председательством бессменного Президента островов Новая Земля Тыко Вылки». То есть здесь была в своё время республика самоедов. С правой стороны на пригорке большое одноэтажное деревянное здание штаба военно-морского гарнизона. Под пригорком неказистый дом, в котором когда-то жил Тыко Вылка, а теперь приспособлен под гауптвахту.

На северо-западной окраине посёлка у обочины грунтовой дороги установлен монумент в честь основания посёлка Белушья Губа. Монумент представляет собой железобетонную конструкцию из двух стел. На центральной – эмблема с изображением белого медведя на льдине, ниже расположена надпись: «Основан в 1897 году». На боковой – надпись: «Белушья Губа».

Здесь в 1954 году был создан секретный «Объект 700» для испытания ядерного оружия. В военно-морском гарнизоне Северного испытательного полигона Новая Земля нам предстояло отслужить четыре года. Начальником военно-морского гарнизона на островах Новая Земля был контр-адмирал Иван Иванович Пахомов (он же командир в/ч 77510), начальником штаба – капитан первого ранга Василий Константинович Стешенко.

Разместили нас на северо-восточной окраине поселка в палаточном городке, в учебном отряде. Опять та же строевая с песнями, изучение оружия, огневая подготовка. Обучение завершился тремя выстрелами из автомата СКС, которые удачно прошли мишень. В конце августа – снег. Постоянные пронизывающие влажные холодные ветра с Баренцева моря. В палатках колотун, спальные мешки из овчины ночью мало спасают, особенно если дневальный проспал подтопку «буржуйки». Все удобства во дворе, в том числе и примитивный трехметровый умывальник – полтрубы с отверстиями для стока воды, – в котором по утрам лёд.

Наконец 14 сентября приняли воинскую присягу, и по частям.

Из штаба в/ч 77510 пришел «покупатель», старший матрос Сергей Калинин. Он по третьему году служил старшим чертежником в оперативном отделе штаба и должен был подготовить себе замену. Посмотрел по документам и нашел, что матрос «Аюпос» окончил коммунально-строительный техникум. Вызывает: «Чертить умеешь?» Отвечаю: «Учили». – «А ты что – грек?» – «Нет, татарин, а окончание в фамилии писарь перепутал». Так я стал помощником старшего чертежника штаба военно-морского гарнизона.

Начальником оперативного отдела штаба был капитан первого ранга Василий Семенович Худяков, интеллигентнейший человек и наш непосредственный начальник.

Калинин чертил схемы и рисовал «петухи» – стрелы воображаемых ударов красных и синих на оперативных картах. Сергей – деревенский русский парень из-под Пскова. «Пскапской» был невероятно придиричивым и любил показывать мне свою

командирскую власть. Рукопашные схватки по этому поводу были еще те. И я вначале частенько ходил хоть и битый, но не побежденный. Потом подружились. Сергей был самородком: рисовал офицерам на морскую тему миниатюры на циферблатах ручных часов и подрабатывал изготовлением орденских колодок из плексигласа. Мне доверялось в качестве подмастерья полировать их пастой для чистки пуговиц.

Вскоре и мне поручили рисовать «петухи» на оперативных картах, вследствие чего был приближен к главному руководству. Знал в лицо весь высший офицерский состав гарнизона, естественно, и они меня узнавали. Однажды сижу в большом кабинете, где проводятся оперативные совещания. Офицеры заняты изучением карт и не замечают, что вошёл начальник гарнизона контр-адмирал Иван Иванович Пахомов. Я даю команду: «Товарищи офицеры!» Все вытягиваются по команде «смирно». Пахомов: «Товарищи офицеры!» – что означает команду «вольно». Мне потом В. С. Худяков сделал замечание – не за то, что я проявил смекалку, а, оказывается, низшим чинам, т. е. мне, матросу, не положено командовать офицерами.

Несмотря на мою приближённость к такой элите, вся черновая работа в отделе была только на мне, в том числе и ежедневная приборка во всех четырех кабинетах оперативного отдела. Однажды вечером приборку в кабинете старших офицеров пришлось делать в присутствии заместителя начальника оперативного отдела, капитана второго ранга Павла Николаевича Содоль. При таком случае я, конечно, демонстрировал усердие: и воды – побольше, и тряпку – почище, и пыль – старательней. Кабинет блестит, и я тоже – от чувства хорошо исполненного долга. Он посмотрел на меня и понял – жду оценки. Был он лет на десять старше меня, ленинградец, ростом под 180 см, с бравой осанкой и видом очень интеллигентного офицера.

Спрашивает: «Закончили?» Я кивнул. Он большими пальцами проводит по нижним перекладинам стула, на котором сидел. Поднимает руки. На пальцах – горкой пыль. Видимо, она здесь накапливалась годами. Кошмар! Он ушёл, а я принимаюсь заново: протер стулья, столы, тумбочки, полки книжного шкафа, подоконники, еще раз прошелся по полу. С утра заглянул проверить реакцию. Павел Николаевич подошел к портрету Владимира Ильича и чиркнул пальцем по нижней кромке багета... Что за чёрт?! Опять весь вечер был посвящён чистоте. Утром Павел Николаевич встал на стул, вынул из кармана белоснежный носовой платок и провел им по плафону люстры. Ужас! Еле дождался вечера. Зато уж на следующий день утром я поджидал, чтобы удивить моего учителя сияющей чистотой кабинета. Меня уже задело так, что весь вечер я вылавливал каждую пылинку. За всю свою историю кабинет не видел такой стерильной чистоты.

Торжествующий, я заглянул в кабинет. Вижу, Павел Николаевич доволен результатами своего воспитательного урока. «Теперь, – говорит, – вы научились делать полную приборку». Вынимает носовой платок, проводит им по телефонной розетке, которая притаилась на стене у него за спиной в куче проводов, и с улыбкой показывает мне... след пыли.

Такой же урок я преподавал в своё время и своим сыновьям. Они до сих пор помнят, как я у них принимал экзамен на уборку их комнаты. Школа, однако.

Кроме того, приходилось помогать главному «физкультурнику гарнизона» капитану Владимиру Помозову – организатору всевозможных спортивных соревнований, рабочий стол которого был в том же кабинете оперативного отдела. Как-то он меня спросил, как переводится на русский язык моя фамилия. Я ответил, что «аю» – это «медведь». С тех пор он меня называл только Медведевым и привлекал к судейству на лыжных соревнованиях, которые проводились зимой на озере в центре посёлка. Дорос я аж до судьи второй категории, а главным судьёй всегда был начальник химзащиты гарнизона капитан первого ранга Г. Шкуропат, отъявленный шахматист, не

оставлявший меня без внимания: «Грамота. Награждается старший матрос Аюпов Т. Г. за хорошее судейство соревнований по лыжам на 5-й зимней спартакиаде гарнизона войсковой части 77510. Главный судья спартакиады капитан 1 ранга Г. Шкуронат, 12 мая 1960 года».

Был в отделе ещё капитан третьего ранга Шестопалов. Хороший мужик. Тоже относился ко мне по-товарищески. Кстати, это характерная особенность взаимоотношений между офицерами и рядовыми на Севере. Никакой офицерской чванливости. Запомнился эпизод, связанный с ним. Накануне его отъезда в отпуск случился пожар. Ночью загорелся финский сборно-щитовой дом, и он с другими жильцами еле успел выскочить практически в чём был. Всё пропало – документы и отпускные, по тем временам немалые. Утром искали на пожарище, но ничего не нашли. И вот через какое-то время в гарнизонном магазине появились два солдата и отоварились, расплатившись палёными деньгами. Их, конечно, тут же в прокуратуру. Выяснилось, что оба принимали участие в поисках на месте пожарища, нашли тугой пакет с деньгами и решили припрятать до лучших времён. Потом надумали нетронутые огнём деньги оставить на предстоящий дембель, а на те, что чуть обгорели, ну не пропадать же добру, решили прикупить себе кое-какие припасы. На чём и погорели сами.

Адьютантом начальника штаба контр-адмирала В. К. Стешенко был мой земляк старший матрос Борис Силаев. Рабочее место у него было в приёмной. Однажды случился большой шум, после которого Бориса отправили служить в другое место. Оказалось, что Борис к празднику решил приготовить брагу. Достал у лётчиков авиационный бачок литров на десять. Заправил в него соответствующие ингредиенты и закинул сей бачок на чердак, через лаз, который находился в углу приёмной. Да, видать, не рассчитал по срокам. Брага перебродила, выбив пробку, вылилась на потолок и протекла в кабинет начальника штаба. Когда тот утром пришёл на работу, то увидел в своём кабинете лужу, которая издавала характерный запах. Расследование было коротким, а выводы – жесткими.

Строевой подготовкой нас особо не донимали, распорядок дня по индивидуальному режиму, передвижение по гарнизону свободное, чем нередко и пользовались для реализации неуставных дел. Питались мы в гарнизонной матросской столовой. Кормили нас очень даже прилично. Особенно приятно и патриотично было вкушать стуженное молоко Карламанского молочного завода из родной республики. Непривычным был только сушёный картофель, из которого пюре получалось похожее на клейстер, с не очень-то приятным привкусом. Я любил ходить в наряд на кухню, когда ночью жарили свежую треску, – объедение. Однажды пришли во вторую смену, а в столовой – буза. В супе нашли какие-то серые волосы. Стали разбираться и вытащили из котла большую крысу. Пищу готовили в огромных чугунных котлах, вмонтированных в печь, и не углядели, как туда попала одна из многочисленных тварей. Старшину Дзярика, заведующего столовой, и поваров чуть не растерзали на месте – спасло прибывшее начальство. Помыли котлы, сварили макароны по-флотски, и всё забылось.

Природа на островах по-северному суровая. Один месяц – весна, два – лето, один – осень, остальные месяцы – зима.

Летом в полярный день, когда солнце светит круглосуточно, на окнах светомаскировка из пергамин, иначе не уснуть.

Зимой – полярная ночь. Туманное солнце появляется только к обеду и тут же исчезает, а в ясную погоду вечером на небе феерическое явление – северное сияние: подвешенный в небе в несколько рядов разноцветный забор, который колыхается, создавая причудливые красочные узоры.

В пургу хождение по гарнизону запрещалось, так как в сплошной снежной круговерти невозможно было ориентироваться. Морозы редко за 30–40 градусов, но с влажным пронизывающим ветром с Баренцева моря, это жуть в полосочку. Под шквалистыми порывами ветра снег моментально спрессовывался в твёрдый наст. Устоять на ногах невозможно.

Были случаи, когда после двух-трехдневной пурги нам вручали лыжные палки, выстраивали в ряд не более метра меж собой, и мы, протыкая снежный наст, проходили участок за участком в поисках пропавших. Слава богу, такие случаи были очень редкими. Пропавших товарищей находили, как правило, только весной и вовсе не там, где их искали.

Мой земляк-уфимец, старший матрос Валентин Алексеевич Матвеев, рискнул как-то в пургу в одиночку проскочить расстояние в сто метров, чудом остался жив, проплутав вблизи казармы более часа.

В 1959 году в кадровый отдел штаба пришла разнарядка в Ленинградское морское высшее военно-инженерное училище им. Фрунзе. Меня надоумили – я подал заявление, и вот я уже в Ленинграде, на улице Каляева, 22. Днём консультация, вечером ежедневная прогулка строем по набережной Робеспьера. И такая «лафа» целый месяц. Но срезался на физике.

Жаркий июль. Московский железнодорожный вокзал Ленинграда. Очень вкусное шоколадное эскимо, ем впрок – когда еще потом попробую. Пока добрался до части – воспаление легких. В гарнизонном госпитале меня «подлечивал» земляк, матрос Мутагар Мусалаямов, с которым до сих пор встречаемся у него на родине, в деревне Уксуны Аургазинского района.

После госпиталя стал проситься, чтобы меня направили служить по моей специальности техника-строителя. В это период для матросов, проходивших службу в береговых частях, ввели трехлетний срок службы. Я был знаком со старшиной первой статьи Иваном Семёновым, который демобилизовался и стал бригадиром группы сантехников на строительстве объектов в посёлке Северный, получая просто неприлично большую зарплату. Он был готов принять меня к себе в бригаду через год, то есть после окончания срока моей службы. После настойчивых просьб меня направили служить в КЭЧ (коммунально-эксплуатационная часть), чтобы я не потерял свои профессиональные навыки. Командиром войсковой части 77510 «Б» был подполковник Иван Васильевич Куц, бакинец, страстный любитель игры в нарды. Уравновешенный, интеллигентный и уважаемый начальник.

Назначил он меня на должность коменданта здания, но поручил работу в техническом отделе, где я занимался паспортизацией подведомственных зданий и сооружений, так как сносно печатал на пишущей машинке.

Коллектив был небольшой: пять офицеров, три сверхсрочника, жёны гарнизонных офицеров. Нас, срочнослужащих, трое: я – старшина второй статьи, Володя Бахарев – старший матрос, специалист по учету жилья, и Анатолий Букатин – матрос, водитель автомобиля ГАЗ-69, возивший командира части. Жили мы в небольшой комнатке, квадратов на шесть, одноэтажного деревянного здания КЭЧ на берегу залива. В комнатке размещались только две кровати, одна из них двухъярусная, три тумбочки и стол. Из неё мы могли входить через небольшой тамбур непосредственно в рабочие кабинеты или улизнуть по своим делам с «черного» хода. За нашим зданием была стоянка гидросамолетов. Было любопытно наблюдать, как эти «Каталиты» тросами вытягивали на берег или как они с рёвом взлетали с глади залива.

Я всегда был «на подхвате». Сверху – одни начальники: кто и куда быстрее пойдёт. Бросали меня и на те участки работы, где по какой-то причине образовывался кадровый дефицит.

Перед отопительным сезоном 1960 года меня, старшину первой статьи, назначают заведующим гарнизонной котельной, которую вводили в эксплуатацию для нового микрорайона в северо-восточной части посёлка. В моём подчинении в качестве кочегаров оказались солдаты инженерного батальона, в том числе и мои земляки, с кем вместе призывался из Башкирии. Один из них, рядовой Рифкат Хайруллин, потом остался служить сверхсрочником. Котельная было достаточно большой. Трёхсменная вахта по три кочегара. Ребятам, конечно, доставалось. Большой совковой лопатой за смену покидать каменный уголь – работа не из лёгких. Кроме того, надо следить за равномерностью сгорания угля и время от времени трехметровой кочергой тревожить его, спекающегося в шлак. Затем на большой одноколёсной тачке вывезти шлак на улицу в отвал и завезти новую порцию угля.

Я добросовестно и старательно относился к службе. В январе 1961 года мне предоставили краткосрочный отпуск сроком на 45 суток. С группой офицеров вылетели из Рогачёва на военном самолёте ИЛ-14 в Москву с посадкой в Амдерме. После Амдермы летели в неблагоприятных метеоусловиях: такие были воздушные ямы, что при падении в очередную казалось, что у самолёта отвалится крылья. После приземления в аэропорту им. Чкалова под Москвой нас мотало, как после морской качки.

Отпуск пролетел быстро. Запомнилось лишь, как я в поисках своего друга, однокурсника по техникуму Хандариса Габбасова поехал на рейсовом автобусе в матросской шинельке и ботиночках в тридцатиградусный мороз за 60 километров от Уфы, в деревню Ибрагимово Чишминского района.

Возвращаясь из отпуска, на железнодорожном вокзале славного города Ярославль был задержан военным патрулем с бутылкой в руке: хотели с попутчиками отметить завершение отпуска. Водку отобрали, а в командировочное удостоверение сей факт нарушения режима вписали.

Прибыл в Архангельск и в ожидании транспорта до Новой Земли прогуливался по центральной улице, знакомился с городом. Опять патруль: «Почему причёска не по форме?» Объясняю, что возвращаюсь из очередного отпуска. Опять замечание вписывают в командировочное удостоверение.

Наконец добираюсь до части и докладываю командиру, что прибыл из краткосрочного отпуска, имею два замечания. Подполковник Иван Васильевич Куц – строгий и справедливый: «Два замечания – двое суток гауптвахты». Что делать, пошел «на губу», успокаивая себя матросской байкой: кто «на губе» не сидел, тот службы не знает.

Командантом гарнизона был легендарный двухметровый борец майор Сосна, он не ленился сам догнать нарушителя и доставить его в кутузку. А начальником гауптвахты – белорус старшина Владимир Мацкевич. С ним я уже был знаком, когда однажды старший матрос Сергей Калинин, будучи помощником дежурного по гарнизону и осерчав в очередной раз на меня, «по-чапаевски» под дулом пистолета привел «на губу» в воскресенье и говорит старшине: «Посади, я завтра принесу приказ». Тот, конечно, посмеялся и меня «на губу» не принял, но запомнил.

Вот теперь я пришел с приказом на себя. Старшина принял меня как старого знакомого, разместил в одной из камер неказистой гауптвахты (бывшего дома Тыко Вылки, может быть, именно в этой комнате когда-то спал Президент острова?). На жесткой армейской кровати – только матрац, на котором мне предстояло провести одну ночь. Делать нечего: прилег и уснул, накрывшись собственным овчинным тулупом. К обеду я уже был в части.

В конце апреля 1961 года меня бросают на новый участок работы: командируют в составе группы специалистов ОНЧ (опытно-научная часть) на дизель-электроходе «Лена» непосредственно в район испытаний ядерного оружия в юго-западной части Северного острова. Вначале корабль должен был доставить груз в посёлок

Северный, расположенный в проливе Маточкин Шар, который в то время был скован льдом.

«Лена» – это корабль полуледокольного типа, который наваливается на лед, ломает его собственным весом и таким образом делает проход для дальнейшего продвижения. Толщина льда в проливе доходит до двух и более метров, поэтому его иногда подрывали. С одного разгона – метров двести. Потом задний ход, и корабль с разгона снова наползает на лед. Впервые комфортно чувствовал себя на корабле. Команда у нас небольшая, поэтому у каждого отдельная каюта. Питались вместе в кают-компании. Трапезу начинали с рюмки рыбьего жира, бутылку с которым стояла в углу на столике. Капитан корабля – старый морской волк (тихоокеанский), капитан первого ранга, небольшого роста, но страшный матерщинник.

До поселка от Баренцева моря пробивались более суток. Корпус корабля сотрясался от титанических усилий. Лед из-под него выворачивался глыбами, и специфический запах гниющих морских водорослей наполнял воздух.

По обе стороны пролива высокие скалы. Справа на берегу мощная техника. Огромные дыры в скале и каменные отвалы свидетельствовали о том, что здесь роют штольни. Их использовали для испытаний в 1964 году.

Поселок небольшой: несколько жилых строений, складские сооружения, и завершался строительством клуб мест на двести.

Выгрузили оборудование, продукты, вернулись в Баренцево море и пошли дальше к месту назначения в район губы Матюшиха на боевое поле Д-8, где мы должны были развернуть палаточный городок для участников испытаний ядерного оружия. Командир группы испытателей – начальник ОНЧ подполковник Орест Гусейнович Касимов, бакинец, выпускник Московского инженерно-физического института, инженер-физик, кандидат наук, в числе первых был назначен в организуемое 6-е Управление ВМФ, призванное осваивать новое ядерное оружие. Один из первых военно-морских атомщиков, изумительно воспитанный, эрудированный, грамотный офицер в период организации отдела читал лекции адмиралам и офицерам Центрального аппарата, затем одним из первых принимал участие в организации испытаний ядерного оружия на арктическом атомном полигоне на Новой Земле. В 1960–1964 годах на полигоне возглавлял опытно-научную часть, командиром которой назначались только офицеры 6-го Управления ВМФ. На равных с нами терпел все бытовые неудобства многомесячного проживания в палатке в суровых арктических полевых условиях. Он один из немногих командиров, который всегда был на передовой: лично инспектировал установку, замену испытательной аппаратуры, первым вступал на боевое поле после испытания ядерного оружия, последним покидал его после подготовки к очередному взрыву. Родился 27 июня 1921 года, умер в 2004 году.

Шесть палаток и две вертолетные площадки оборудовали на самой высокой (около 100 метров над уровнем моря) площадке мыса Сухой Нос, в северной части губы Матюшиха. С правой стороны более пологий берег, там находился пирс, склад ГСМ и бронеказемат для укрытия транспортных средств. С левой – более крутой спуск к заливу, за которым метрах в 200 небольшой и малодоступный скальный островок с почти отвесными берегами. На нём находился большой старинный деревянный крест. Вдали просматривался выход в море.

Одна из палаток – штабная. В другой – медпункт, которым руководил капитан Цветков. В третьей – столовая, ведомство старшины Титова. Три палатки – жилые. Чуть в стороне стояла пекарня. Это цилиндрическая, диаметром метра полтора и длиной около двух метров печь, внутри которой на горизонтальной оси были подвешены на плечиках люльки, куда закладывалось дрожжевое тесто. Сбоку – во всю длину – люк печки, который на время топки закрывался. Подтапливая, нужно было

время от времени большой рукояткой поворачивать ось и менять местоположение люлек, чтобы хлеб был хорошо пропечён. Наш повар и пекарь матрос Алексей Л. выпекал не только очень вкусный хлеб, но иногда баловал нас отличными пончиками.

Места там великолепные. Тундра, покрытая мхом и лишайником. Изредка – полуметровая стелюющаяся березка. Небольшие фиолетовые цветочки – очень похожие на картофельный цвет. Вечно заснеженные горы до 1500 и более метров полны россыпью нетронутого хрустала. У нашего командира Касимова был геологический молоточек с длинной рукояткой, и он частенько приносил показать довольно-таки крупные экземпляры горного хрустала. В заливе: рыба, нерпа, изредка белый медведь. «Каркает» коричневатый песец, зимой он – белый. Летом под ногами кишат полевые бесхвостые мыши – лемминги. Чирикают пуночки – что-то среднее между хитрым воробьём и доверчивой синицей. На утесах – тысячи кайр, которые устраивают такие птичьи базары, что рядом ничего не слышно. Гусей в период линьки бери голыми руками.

Там впервые в горном озере я ловил рыбу... «по телевизору». Пешнёй вырубается лед размером с небольшой экран. Подстелив картон, ложисься в овчинной шубе на лед, опускаешь в прорубь на леске несколько крючков-тройничков и ждешь, пока «по экрану» не поплывет приличная рыба – голец, из семейства лососевых. А там уж азартно подсекай: за что прихватил, за то и вытащишь. Другая рыбалка – кто на спор быстрее других наловит почтовый бумажный мешок рыбы. В апреле уже тепло, и рыба в озерах начинает задыхаться от нехватки кислорода. Если прорубить пешнёй небольшую лунку (а работа эта не из легких – лед толщиной более метра), то она просто кипит от сайки и наваги, которых успевай подсекать тройниками и вытаскивать. Самое трудное – это отцепить рыбу.

Первый ядерный взрыв СССР был произведен 29 августа 1949 года на Семипалатинском испытательном полигоне, последний – 24 октября 1990 года на Северном испытательном полигоне Новая Земля.

Первое ядерное подводное испытание мощностью 3,5 килотонны было произведено здесь еще 25 сентября 1955 года.

В 1957 году ещё четыре, в том числе: 7 сентября – единственное наземное ядерное испытание мощностью 32 килотонны; 24 сентября – первое воздушное испытание – сброс авиабомбы мощностью 1600 килотонн.

В 1958 году – 24 ядерных взрыва в атмосфере. Этот год был особенно напряженным для гарнизона. Только в октябре было произведено 12 испытаний. Но нас это не коснулось. Хотя вместе с нами в казарме жили ребята, уже побывавшие на боевом поле «А» в губе Чёрной, но говорить на эту тему им было запрещено. Конечно же, разговоры были, всё-таки интересно послушать бывалых.

В 1959–1960 гг. и до 1 августа 1961 года СССР не проводил ядерных испытаний, участвуя в моратории на ядерные испытания вместе с США и Великобританией.

Таким образом, нашей команде предстояло подготовить техническую базу для продолжения ядерных испытаний на боевом поле Д-8. Месяца через два меня отозвали в связи с предстоящей демобилизацией.

Обстановка в мире была напряженной, и противостояние двух атомных сверхдержав усиливалось. В этих условиях ожидаемый нами приказ министра обороны СССР о демобилизации придержали на неопределенный срок. В конце июля 1961 года около 20 старослужащих пригласили к начальнику штаба в/ч 77510 контр-адмиралу В. К. Стешенко. Василий Константинович, сославшись на кадровый голод, военно-политическую обстановку и сложившуюся ситуацию с демобилизацией, предложил остаться на сверхсрочную службу. В числе немногих я подписал контракт на два года. А приказ о демобилизации министр все же подписал в декабре.

В то время я был вольной птицей. Дома, кроме взрослых сестер, никто не ждёт. Квартира бронируется. Северный двойной коэффициент на зарплату. Полное военное довольствие.

Оформили надлежащим образом, одели, обули, посадили на эскадренный миноносец ЦЛ-80, и снова комендантом палаточного городка на Д-8. Этот корабль Северного флота прибыл обеспечивать работу испытателей в Северной зоне. Мы вышли из Белушьей Губы в Баренцево море и пошли к месту назначения. По какой причине нас выпустили в море при штормовом предупреждении, мне неизвестно. Но если вначале волнение на море было балла 3–4, то потом оно стало нарастать и дошло до 9 баллов, а это уже волны более пятиметровой высоты. Наш эсминец бросало только так. К тому же северо-восточный ветер, а отсюда и киле-бортовая качка.

Помня свой первый морской переход, я сразу же завалился спать на верхнем ярусе парусиновой койки. Проснулся оттого, что чуть было не выпал из неё. Шторм уже был в разгаре. Мы размещались в носовом кубрике. Когда корабль взлетал на очередную волну, подкашивались колени от сильнейшего притяжения к палубе. А когда нос корабля проваливался с гребня волны вниз, то казалось, что я висел в воздухе, а все мои внутренности перемещались к горлу, пытаюсь проскочить через него. Тому, кто, летая самолетом, падал в затяжные воздушные ямы, будет несложно представить себе эти ощущения.

Боевое поле, где проходило испытание ядерного оружия, находилось за сопкой в нескольких километрах от палаточного городка, куда обычно добирались на ГТС. А наблюдали за испытаниями ядерного оружия с командного пункта, расположенного юго-восточнее от нас на полуострове Паньковская Земля, в 97 километрах от боевого поля. Командный пункт автоматики был построен в 1957 году для проведения ядерных взрывов в атмосфере и использовался с 1958 по 1962 год включительно. Испытания проводились в трудных полярных условиях, в том числе и в полярную ночь, с большим риском для здоровья и жизни испытателей, личного состава гарнизона и прибывших на учение кораблей.

10 сентября 1961 года с целью испытания ядерного оружия был произведен воздушный взрыв мощностью 2700 килотонн. Бомбу доставил самолет-носитель. На это время мы вышли на эсминце в безопасное место. В ожидании взрыва задрали люки, иллюминаторы. Но мы были молоды и любопытны. У кого не было защитных темных очков, пользовались закопченными стеклами. Около 9 часов над боевым полем мы увидели огненный шар. Яркая вспышка и световое излучение длились несколько секунд. Огненный шар, увеличиваясь в размерах, поднимался вверх, образуя грибовидную головку. Затем ударная воздушная волна дошла до нас и с шипением стала проникать через плотно закупоренные иллюминаторы. Страх не было, но всё же было немножко не по себе.

После получения данных с самолета-дозиметриста об уровнях радиации на опытном поле с вертолётов был высажен десант испытателей, которые сняли плёнки и необходимые измерительные приборы, снова зарядили аппаратуру для следующего взрыва. Наиболее высокие уровни радиации были зафиксированы в эпицентре взрыва. Затем на эсминце прибыл основной десант испытателей. Он провёл наземную разведку, полностью восстановил боевое поле и подготовил к очередному испытанию. Нас встретили лишь ослепшая собака, разбросанные около пирса пустые бочки из-под бензина для заправки вертолетов и пустые площадки нашего палаточного городка. Выдали средства химзащиты: комбинезон, бахилы и личные счетчики Гейгера для измерения радиации. Они были схожи с авторучкой, внутри которой встроена цифровая шкала набежавших рентген. Наш врач капитан Цветков заносил данные счетчиков в свой медицинский журнал, а я этим мало интересовался, так как реаль-

ной радиационной опасности тогда себе не представлял. Много позже прочитал в воспоминаниях Г. Г. Кудрявцева – начальника Новоземельского атомного полигона, что последствия на людей ядерные взрывы имели при всех видах испытаний и что эти последствия накапливались и затем сказывались на здоровье людей. И хотя, как утверждает Гавриил Григорьевич, был налажен учёт полученных радиационных доз каждым испытателем, я так и не смог, несмотря на неоднократные запросы, получить сведения (ввиду их секретности) о дозах, «заработанных» мной на боевом поле. Лишь подтвердили, что я в 1961, 1962 годах длительное время работал в условиях высокого уровня радиации. Только за эти два года на боевом поле полуострова Сухой Нос было испытано ядерное оружие с поражающей суммарной мощностью более 220 мегатонн. Для сравнения: ядерная бомба на Хиросиму – 20 кт, первая атомная бомба на Семипалатинском полигоне – 20 кт, атомная бомба на Тоцком полигоне – 40 кт, взрыв атомного реактора в Чернобыле – около 5000 кт. В составе инвентаризационной комиссии принимал участие в оценке материального ущерба, нанесённого в результате ядерного взрыва.

Завершив работы на поле, вернулись в Белушку, хотя испытания затем продолжались, и в 1961 году было произведено 24 взрыва, в том числе 30 октября мощностью 50000 килотонн – самое мощное ядерное испытание СССР.

В 8.33 утра 30 октября 1961 года взрыв состоялся над боевым полем на заданной высоте. В Белушке мы наблюдали, как клокочущий ядерный шар быстро поднимался вверх, увеличиваясь в размерах. Внутри его ещё несколько секунд продолжались вспышки. Создавалось ядерное грибоподобное облако. Дошла сейсмическая, а сразу за ней и воздушная ударная волна. За этим – мощные громopodobные звуки. На боевом поле один из трёх казематов, находившийся в эпицентре взрыва, был вдавлен в землю и сплюснен. У другого каземата вблизи пирса, где хранились транспортные средства, были покорёжены только входные ворота. Но в посёлке никаких разрушений не было, хотя нас всех предварительно вывели из казарм.

За участие в специальных учениях многих наградили орденами и медалями, а мне вручили грамоту: «Награждается старший сержант Аюпов Т. Г. За успехи в боевой и политической подготовке, за добросовестный труд и хорошее содержание вверенной техники. Командир в/части 77510-Ф инженер-капитан 1 ранга Голованов. 30 апреля 1962 года».

Так моё участие в работах на боевом поле в 1961 году оценил руководитель работ на боевом поле, а министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский объявил своим приказом благодарность, о чём внесли запись в мою военную учётную карточку.

Жили мы на втором этаже новой гостиницы в северо-восточном районе посёлка в двухместном номере со старшиной Петром Балясниковым, бакинцем, очень воспитанным и выдержанным, приятным в общении, знатоком многих исторических фактов. Это был период моего увлечения поэтическим творчеством. Ни дня без строчки.

Однажды сидим в офицерской столовой, и мой товарищ старшина Геннадий Злобин рассказывает мне, как он всю ночь мучился, сочиняя песню, и, кажется, получилось. И напевает: «Хорошо, когда снежинки падают на ресницы и на волос твой. Хорошо, когда тебя обрадует твой любимый дорогой...» Исполнив куплет, он сказал, что было бы неплохо, если бы я помог ему закончить эту песню. Я в восторге от слов и музыки песни, даже стал подбрасывать кое-какие мысли по поводу продолжения. Геннадий доволен, от похвалы потирает руки. Минут 10–15 идёт живейшее обсуждение темы. Вдруг по радио, раньше это практиковалось очень часто, просят приготовиться для записи новой песни и звучит: «Хорошо, когда снежинки падают...». Я смотрю с

недоумением на своих друзей, и они начинают дико хохотать, видя результат своего розыгрыша на моём лице.

Атмосфера закрытого гарнизона, конечно, угнетала многих офицеров из нашего окружения. Однажды на дежурстве наш сослуживец, очень даже габаритный майор Виктор Журко решил попробовать, сможет ли он застрелиться. Приставил пистолет к виску и выстрелил в потолок. Утром нам демонстрировал опаленные волосы на виске.

Для оценки материального ущерба, нанесенного самым мощным ядерным взрывом, в начале 1962 года небольшая комиссия во главе с начальником опытно-научной части, подполковником Касимовым, в состав которой меня также включили, вылетала на вертолете в поселок Северный в проливе Маточкин Шар.

То, что я увидел там, меня поразило. От клуба, который должны были ввести в эксплуатацию 7 ноября, остались только два крыла, а центральную часть вместе с залом как ножом срезало. Потом мне специалисты разъяснили, что ударная волна идет не стеной, а в виде турбулентного потока, а он пришелся как раз на среднюю часть клуба.

Напрочь были снесены также все жилые строения. Осталась только часть стены от большого вещевого склада. Многие материальные ценности, видимо, просто не успели вывезти. Сапоги, валенки и прочее военное имущество взрывной волной разнесло по льду пролива. Рулонами валялись вафельные полотенца, тюками – портяночный материал. Особенно много было коробок из пищевого металла с запаянными в них галетами. Склад, устроенный в скале, был забит сливочным маслом в коробках по 24,5 кг.

С 5 августа – новые серии взрывов, начали с 21 100 килотонн. Мы вышли в море и, несмотря на запреты, задранные люки и иллюминаторы, подвергая себя опасности, ухитрились наблюдать за развитием ядерного взрыва. Всего по декабрь было произведено более 30 ядерных испытаний различной мощности. Наибольшее количество испытаний было произведено в сентябре.

В сентябре, когда уже появился первый снег, начали строить палаточный городок в оконечности мыса на пологом берегу. Вначале поставили штабную конторку на саиях типа прорабской. Два кабинета: слева и справа, а в центре – буржуйка, отапливаемая углем. Я с разрешения командира стал жить в ней и охранять вверенное мне имущество, которое, кроме белых медведей, и тащить-то некому, да и тем не очень надо.

Питаться ходил на корабль, который был пришвартован к пирсу. Однажды попросил у коков курные яйца, чтобы иногда готовить у себя и не ходить лишней километр. Они положили мне с десяток яиц в бачок из-под второго и, чтобы по дороге не разбились, переложили их соломой, которая используется при транспортировке (тогда у нас ещё не знали, что такое гофре). Была метель, запорошенный снегом бачок оставил на полу, и яйца с соломой смерзлись так, что не отодрать. Тогда я залил их водой и поставил на буржуйку.

В это время, оказывается, прилетел на вертолете начальник гарнизона генерал-лейтенант Гавриил Григорьевич Кудрявцев и решил осмотреть, как подготовлена площадка под палаточный городок, а меня об этом не уведомили. Лежу и читаю Байрона, как вдруг открывается дверь и входит генерал со свитой.

Вскочил, докладываю: «Командант палаточного городка старшина Аюпов». Подошел ко мне, пожал руку. Взял книгу и – удивленно: «Байрон?!» Пару вопросов о ходе работ и на выход, однако остановился у буржуйки и со словами: «А что готовите?» – открыл крышку бачка, а там – под парами яйца в соломе.

Конфуз! Особенно после Байрона. Генерал молча накрыл крышку и вышел из «штабной». Командир Касимов в воспитательных целях погрозил мне кулаком и вышел вслед.

Через два-три дня в палаточном городке осталось не более 15 офицеров и пять-шесть матросов, в основном водители ГТС. Жил в офицерской палатке, в которой было 10 двухъярусных армейских кроватей со спальными мешками. В центре – буржуйка. В углу – стол и 200-литровая бочка 96-процентного спирта (совсем недавно узнал, что спирт выводит из организма стронций, тогда мы об этом не знали, но организм с его помощью активно защищали). В принципе, он предназначался для технических целей: им промывали регистрирующую аппаратуру на точках каждый раз, когда выезжали снимать с них показания.

Кстати, я оказался неплохим цирюльником. Такие под ножницы модные причёски делал – закачасься. Мои сыновья потом оценили мой профессионализм и стриглись только у меня. Не без слёз, конечно.

Для помывки оборудовали баню в одной из палаток: из двухсотлитровой бочки сварили печку, рядом поставили для горячей воды другую бочку, срезав верхнюю крышку, и наполнили её снегом.

Приказ командира: первому опробовать баню коменданту. Ветреная погода, мороз градусов 15. В этих условиях со мной согласился на эксперимент лишь старший лейтенант Геннадий Тумчёнок. Натопили углем так, что печь раскалилась докрасна, рядом стоять невозможно – обжигается та часть тела, которая к печи, а противоположная замерзает. Ни на скамейке посидеть, ни на полу постоять, – все прихвачено морозом. Пританцовывая и матерясь, начали мыться. Намылились, а вода не смывается: горячая вода из снега, и охлаждали её снегом. Дали команду матросам нарубить срочно лед, и только после этого банный процесс удалось завершить.

Однажды со старшиной Титовым решили поймать песца. Они частенько крутились около помойки невдалеке от палатки-столовой. Зверь очень осторожный. Стрелять – шкуру испортишь. Тогда я, припомнив, как в детстве ловил синичек, взял большую фанерную коробку из-под папирос, поставил на кучу пищевых отходов и, подперев сторожевой палочкой, залёг за палаткой. Пришёл подкормиться песец, и тут я накрыл его, выдернув палочку. Титов, надев меховые рукавицы, чтобы песец не прокусил руку, вытащил его из-под коробки. Зверь был просто красавец – северный лис чисто-белого окраса. Принесли, показали и другим поселенцам, но потом решили отпустить. Держать живём – негде. Шкуру обработать – некому.

Тумчёнок подстрелил нерпу. Их на льду в заливе, особенно в солнечную погоду, – тьма. Но очень чуткий зверь. Близо не подпускает – сразу в лунку и под лёд. Однако Геннадий в белом маскхалате сумел достаточно близко подползти и из автомата расстрелять нерпу. Все потом ели её печень и говорили, что очень похожа по вкусу на свиную. Но я не стал пробовать.

К ноябрьским праздникам в залив зашел знаменитый ледокол «Красин». На нём пришли крупные ученые-ядерщики из Ленинграда и высокопоставленные военные чины из Москвы. Это было связано с подготовкой заключения договора 1963 года о запрещении ядерных испытаний в трех средах и переходом на реализацию программы подземных ядерных испытаний.

Всех офицеров-испытателей пригласили на корабль. Командир, начальник ОНЧ Касимов, включил в состав группы и меня. Корабль стоял километрах в двух. Добирались на лыжах. Поднимались по штормтрапу на борт высотой не менее 10 метров. Пока шло совещание офицеров, мне организовали небольшую экскурсию по легендарному ледоколу, – познавательно и интересно. Экипаж – гражданский.

После завершения совещания в честь испытателей – банкет. Я единственный старшина – комендант палаточного городка – принял в нем участие. Кают-компания блестит богатым убранством: вся обшита красным деревом, большой овальный стол из дуба, из него же кресла с резными орнаментами и мягкими сиденьями. После наших

палаток это был рай. На столе – все по высшему разряду. Из-за молоденьких офицанток чуть не свернули шеи, а глаза крутились, как у хамелеонов, на 180 градусов.

Утром проснулся с такой головной болью, что не только ходить, даже говорить не хотелось. Остальные были уже при деле. Спал я на втором ярусе, а через проход спальный мешок пустовал, хозяин был в отъезде. Вот туда и перебрался, замаскировав своё место так, как будто лежу в своем спальном мешке, и снова забылся глубоким сном.

Через какое-то время слышу шум, крики. Встал и начал одеваться. В палатке сидит капитан-лейтенант Евгений Кокорев (классный волейболист, никто не мог принять мяч, который он, как гвоздь, забивал рядом с сеткой), увидев меня, стал смеяться.

Оказалось, что после того, как я перебрался в чужой спальный мешок, в палатку пришел командир и спросил меня. Ему сказали, что я ещё сплю. Тогда он подошёл и стукнул своим геологическим молотком по спальному мешку, чтобы таким образом разбудить меня. Тут выясняется, что в спальном мешке никого нет. Все в удивлении – спецпошив (так мы называли утепленную штормовку) здесь, но самого нет, а на улице мороз под двадцать.

Пошли искать, кричать. От этого шума я и проснулся.

Кокорев предупредил, что командир очень злой и выплет по первое число. Я быстренько оделся, отогнул край задней стенки брезентовой палатки, вылез наружу и побежал к своему складу, где хранились буржуйки, искрогасители, трубы и прочее. Схватил первый попавшийся искрогаситель, сунул его под мышку и пошел обратно, у входа в палатку стояли офицеры и командир, занятые моими поисками. Ему показали в мою сторону, и он с удивлением спросил: «Где был?» Докладываю: «Меняю искрогаситель». Зашел в палатку, забросил в угол ненужный теперь искрогаситель и залез в свой спальный мешок досыпать.

Последний ядерный взрыв на полигоне состоялся 23 декабря 1962 года. Палаточный городок расформировали, нас на вертолетах вернули в поселок Белушья Губа. Подвели итоги работы на боевом поле: испытателям – заслуженные ордена и медали, а мне – грамота: «Старшине Аюпову Т. Г. За умелые и самоотверженные действия при подготовке и проведении специальных учений и проявленные при этом высокую организованность и дисциплинированность. Командир войсковой части 77510 генерал-лейтенант Г. Кудрявцев. 24 января 1963 года».

Грамота ценна мне тем, что, во-первых, не всем подряд такую вручали, а во-вторых, эту грамоту начальника военного гарнизона на островах Новая Земля можно сейчас приравнять к Почётной грамоте Президиума Верховного Совета БАССР, которую мне вручили как высшую правительственную награду республики к 50-летию со дня рождения.

Новый, 1963 год встретил в костюме Деда Мороза и на новогоднем вечере в Доме офицеров пригласил на вальс жену начальника гарнизона генерал-майора Гавриила Григорьевича Кудрявцева. И чуть не опростоволосился: объявили вальс, а оказалось, что это вальс-бостон, который я танцую неважно. Выручила смекалка и поддержка партнёрши.

В 23 часа 50 минут я должен был сидеть за столом с ребятами у Геннадия Злобина, который к этому времени женился на Большой Земле и привёз в Белушку свою жену. Смотрю, время уже без 15 минут. Все потянулись к банкетному столу. Я в костюме Деда Мороза выскочил из Дома офицеров и припустился по главной улице посёлка к месту назначения. Встречные с удивлением и восхищением кричали мне что-то вслед, но я бежал изо всех сил. С первыми ударами кремлёвских курантов распахнул дверь комнаты моих друзей.

В один из январских дней 1963 года вызывает меня ставший к этому времени начальником КЭЧ и подполковником Николай Николаевич Клёнов и говорит:

«Сформирован новый взвод инженерного батальона, офицерских кадров не хватает. Учитывая ваше образование и опыт работы, принято решение назначить вас командиром этого взвода».

Я краем уха слышал, что до этого несколько старшин-сверхсрочников нашей части уже отказались от такого назначения. Я что – рыжий? Зачем мне это нужно, тем более что в конце лета заканчивается срок моего договора. И заявляю, что категорически против.

В это время звонок «по вертушке». По тому, как вытянулся Клёнов, я понял, что звонит начальник гарнизона, и хотел деликатно улизнуть, но Николай Николаевич остановил меня движением руки, предлагая присесть. Я остался.

Клёнов доложил, в том числе и о ходе формирования взвода, добавив, что есть проблема с назначением командира, так как старшина Аюпов отказывается исполнять приказ. «Тот самый», – сказал Клёнов и передал мне трубку.

«Старшина Аюпов, принимайте взвод», – услышал я в трубке знакомый голос генерал-лейтенанта от артиллерии Гавриила Григорьевича Кудрявцева. «Есть, товарищ генерал», – ответил я и пошел принимать взвод.

В инженерном батальоне было три роты: дорожников, строителей и обслуживания водо-тепломагистралей и котельных. В роте обслуживания, где командиром был капитан Сысоев, сформировали третий взвод из числа матросов и солдат разных частей, потому что их просто некуда было пристроить после полевых работ. В основном это были старослужащие, у которых впереди демобилизация. Им по 22, а мне 23 с половиной, но приказ есть приказ, его надо исполнять, тем более что формальности были уже улажены и представление состоялось.

И вот, отутюженный и начищенный до блеска, пришел заранее в казарму на первый подъём. В 7 часов утра вхожу в спальную комнату и объявляю: «Подъём!» Зашевелились и стали одеваться. А человек пять-шесть и не думают. Подошел, сдернул с них одеяла. Начали вставать и эти, но один снова натянул на себя одеяло и лежит. Повторно сдернул одеяло, тот даже не шевелится. Был у меня тогда помощником командира взвода старшина второй статьи, ему я и поручил поставить на ноги рядового Лапшина. Поставили. «Всем умыться, одеться и построиться на утреннюю поверку».

Построились. Объявляю: «Рядовой Лапшин, выйти из строя». Стоит. Повторяю. Вышел. «За невыполнение приказа при подъёме два наряда вне очереди». Молчит. Хотя по Уставу должен сказать: «Есть два наряда вне очереди». Объявляю: «Три наряда вне очереди». Молчит. «От имени командира роты четыре наряда вне очереди». Молчит.

Командую: «Разойдись!». Сам – на доклад к командиру роты. Тот приглашает рядового Лапшина и в моём присутствии начинает воспитывать: «Ты что же, сопляк, усы отпустил, а команды выполнять не научился? От имени командира батальона 5 суток гауптвахты». – «Есть пять суток гауптвахты», – отвечает мой подчинённый. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Оформил приказ командира батальона и отвел Лапшина «на губу». Заодно попросил своего знакомого старшину Мацкевича, чтобы он поставил моего на «золотое место», т. е. чистить туалеты типа сортир, коих в гарнизоне было предостаточно. Через пять дней Лапшин вернулся как шёлковый.

Я за это время пригляделся и внёс командиру роты предложение о переназначении младших командиров. Он поддержал, из числа выявленных мною неформальных лидеров произвел назначения и представил их к присвоению соответствующих званий. Проблема дисциплины была снята. Мне оставалось лишь контролировать, чтобы не было перегибов со стороны младших командиров. Для закрепления их авторитета я

всегда удовлетворял просьбы на предоставление им, а через них матросам и солдатам увольнительных из части не только в воскресные, но и будние дни.

Мне повезло: мои младшие командиры и сами не нарушали дисциплины, и другим не позволяли, да так, что наш взвод очень скоро стал числиться на хорошем счету у командования. Вскоре выяснил, что досрочной демобилизации будет способствовать поступление в высшее учебное заведение. Я принялся за дело и выбрал в качестве объекта переводческий факультет Института иностранных языков имени Мориса Тореза в Москве. Заручился поддержкой – рекомендательным письмом от партийной организации воинской части 77510 «Б», согласованным с врио начальника политотдела в/ч 77510 капитаном первого ранга Полухановым.

Так состоялась моя демобилизация.

Кстати, это единственный документ «с синей печатью», подтверждающий, что я действительно в звании старшины занимал офицерскую должность командира взвода. Ни в военный билет, ни в учётную карточку, как потом выяснилось, эта запись не была внесена.

Офицерское звание я всё же получил, но значительно позже. Лейтенанта мне присвоили 31.03.1972 г., а старшего лейтенанта – 30.04.1977 г. С 1.01.1994 г. снят с воинского учёта Кировским РКВ г. Уфы в связи с достижением предельного возраста, но уже при росте 170 см.

В 1992 году в центральной газете «Правда» впервые предали гласности факты ядерных испытаний на Новой Земле, о неразглашении которых с меня в своё время была взята подписка. А в начале 1995 года я узнал, что при Доме офицеров начали формировать республиканское отделение Комитета ветеранов подразделений особого риска Российской Федерации.

Организационными делами занимался Наиль Гизатович Ягафаров – член Комитета. Он принимал участие в испытаниях ядерной бомбы на Тоцком полигоне, в создании Комитета ВПОР (ветеранов подразделения особого риска) РФ и республиканского отделения. Наиль Гизатович мне подсказал, куда следует обратиться по поводу оформления документов.

Через Кировский райвоенкомат я обратился к командиру в/ч 31100 с просьбой подтвердить моё участие в ядерных испытаниях. В день рождения получаю ответ: «Настоящим сообщая, что командиром войсковой части 31100 вы утверждены в списках непосредственных участников испытаний ЯО на о. Новая Земля».

В Ленинграде прошёл мандатную комиссию. Вскоре вызвали в Башвоенкомат и вручили удостоверение ветерана Подразделений особого риска Российской Федерации.

(Окончание следует)

Триады. «Аксаковский след» в творчестве Эрнста Юнгера

1

В апреле 1941 года один капитан вермахта, служивший при штабе командующего немецкой армией во Франции Штюльпнагеля, записал в своем парижском дневнике о впечатлениях, полученных во время посещения местного заведения «Монте Кристо», где работали девушки, дочери русских эмигрантов. Среди прочего выделим такую фразу: «Я сидел возле маленького меланхолического существа двадцати лет от роду и, немного захмелев от шампанского, вел с ней беседы о Пушкине, Аксакове, Андрееве, с сыном которого она когда-то дружила»¹.

Через два года этот же офицер, прошедший зиму 1942–1943 гг. на русском фронте, на Кавказе, снова в Париже, где отмечает в дневнике, что разговаривал с русским доктором Залмановым об Аксакове, Бердяеве и Розанове².

В обеих триадах Эрнста Юнгера – а это был именно он – присутствует С. Т. Аксаков. Чтобы оценить всю, на первый взгляд, странность и фантазмагоричность исторического контекста, в котором прозвучало имя русского писателя, вспомним некоторые факты биографии Эрнста Юнгера (1895–1998), немецкого писателя, публициста, эссеиста, философа.

Эрнст Юнгер с детства грезил о приключениях и при первой возможности в 1913 г., будучи гимназистом, сбежал в Африку, записавшись в Иностраннный легион, из Алжира его вызволил отец. Молодой человек возвращается к учебе, но тут начинается Первая мировая война, куда Э. Юнгер отправляется добровольцем.

Лейтенант райхсвера, командир роты 73-го ганноверского пехотного полка принца Альберта Прусского, он был ранен 18 раз, получил множество наград за доблесть и героизм, в том числе высший прусский военный орден Pour le merite. На войне он начал вести дневники, из которых впоследствии выросли его публицистические и художественные сочинения – например, «В стальных грозах», книга, которую на Западе сравнивают с романами о «потерянном поколении» Э. М. Ремарка и Э. Хемингуэя.

В 1920-е годы Эрнст Юнгер – лидер молодежи «со шрамами войны», так называемого «военного», или «фронтового», поколения. Он был членом «Июньского клуба», переименованного в 1924 году в «Клуб господ», который стал провозвестником «консервативной революции» в Германии и внедрял в сознание своих адептов идеи царизма и фюрерства. (Показательно, что на заседаниях «Клуба» выступал с докладами Освальд Шпенглер, там же будущий глава национал-социалистической Германии знакомил единомышленников со своей политической программой.)

Идеи «Клуба господ» о «сильной руке», которая сможет обрушить хаос демократии, прощизывали художественную прозу и публицистику Эрнста Юнгера 1920 – начала 30-х гг. В милитаристских и националистических по духу книгах «В стальных грозах» (1920), «Бой как душевное переживание» (1922), «Авантюрное сердце» (1929), «Роцца 125» (1925), «Тотальная мобилизация» (1931), «Рабочий» (1932) он героизировал и мистифициро-

Галина Григорьевна Ишимбаева родилась 2 марта 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Автор книг: «Проблема фаустианства в Германии», «Фаустианская тема в немецкой литературе». Публиковалась в журналах «Иностранная литература», «Вестник МГУ». Доктор филологических наук, доцент БГУ.

вал войну, возвеличивал война-германца, прославлял «великую миссию» немецкого солдата.

Эмигрировавший из фашистского фатерланда Клаус Манн хлестко написал по этому поводу: «...современная война! Кого не ужаснет ее убийственное тупоумие, ее апокалипсический идиотизм? Надо быть истеричным романтиком, как Эрнст Юнгер, чтобы находить удовольствие в опустошительных ужасах “материальной битвы”. Будучи цивилизованным человеком, являешься естественным пацифистом, как же иначе?»³.

Цивилизованный человек, Э. Юнгер не был пацифистом – он был военным, фронтовым офицером с четким представлением о воинской доблести. С середины 1920-х гг. и после Веймарской республики, в первые годы рейха, он сотрудничал с журналами «Штальхельм», «Арминус», «Комменден», «Видерштадт», где опубликовал множество политических статей национально-революционного характера, издавал и редактировал националистические антологии, продолжал проповедовать идеи «консервативной революции», «революционного национализма», «элитарного национализма». Поэтому Ф. Леннарц в справочнике «Писатель нашего времени» (1938) имел все основания аттестовать Э. Юнгера как «великого пролагателя путей к возрождению Германии»⁴. Несомненно прав и юнгеровед Г. Кауфман, заметивший, что писатель «нарисовал картину национал-социалистического государства незадолго до того, как оно стало действительностью»⁵.

За Эрнстом Юнгером тянется шлейф национал-социалиста, запятнавшего себя союзом с Третьим рейхом, талантливым певцом которого он был. Для всех было очевидно, что Юнгер великолепно владеет пером и произведения его безусловно находятся на территории настоящего искусства. Но его идеология никак не вписывается в антифашистский и антивоенный контекст, поэтому зачастую у его читателей и исследователей его творчество появлялось большое искушение проявить благодушие и эстетический аморализм. Иначе говоря, последовать Оскару Уайльду, однажды заявившему: «То обстоятельство, что человек – отравитель, не может служить аргументом против его прозы».

Однако все не так просто, потому что Эрнст Юнгер подобен двуличному Янусу: имея национально-патриотические убеждения, он никогда не доверял нацистской идеологии.

Дважды,

в 1927 и 1933 гг., он отклонил предложенный Гитлером мандат в рейхстаг от НСДАП. Он был в числе тех немногих писателей, облаканных властью, которые отказались от звания академика Прусской академии: летом 1933 г. не принял членства в Немецкой академии поэзии, куда его избрали как признанного автора книг о войне и яркого публициста. Он демонстративно приютил в своем доме семью друга, большевика Эрнста Никиша, брошенного после переворота 1933 г. в концлагерь. Он позволял себе публично оскорблять Геббельса. И он был объектом слежки гестапо, пережив несколько обысков в 1933, 1934, 1940-х годах.

Духовно свободный человек, не изменявший самому себе ни при каких обстоятельствах, Эрнст Юнгер во второй половине 1930-х гг. уходит во «внутреннюю эмиграцию», что проявляется в дистанцировании от общественной жизни и в переезде из Берлина в провинциальный Гослар. В символической и аллегорической повести 1939 г. «На мраморных скалах» (самый образ этих скал прочитывается как поэтическая параллель к флюберовской «башне из слоновой кости») зазвучит замаскированная оппозиционность Э. Юнгера режиму. Конфликт между варварством и культурой – так можно определить причины противостояния орд лесничего и двух ученых-отшельников, вынужденных в конце концов покинуть страну.

Подобный конфликт переживал и сам Эрнст Юнгер, который, однако, не имел возможности, да и не хотел уезжать из страны. И в августе 1939 г. период частной

Э. Юнгер

жизни, куда он спрятался от публицистики и политики, закончился после его мобилизации в чине капитана в вермахт и отправки на Западный фронт. Вскоре он был назначен в штаб оккупационных сил Третьего рейха и оказался при штабе германского военного командования в Париже, где ходил в штатском (на это ему было дано исключительное право) и вел артистически-богемный образ жизни, пропадая в букинистических магазинах, музеях и кафе, встречаясь с Пикассо, Селлином, Мораном и др.

Непосредственный начальник Э. Юнгера Штюльпнагель был казнен за участие в «заговоре генералов» 20 июня 1944 года против Гитлера. Эрнст Юнгер был допрошен как свидетель и избежал суда и репрессий только благодаря личному заступничеству Гитлера (ефрейтор Первой мировой, фюрер был захвачен пафосом ранних книг Юнгера с их прославлением война и духа войны). Но его все же увольняют из армии за политическую неблагонадежность и близость к кругу заговорщиков фон Штаффенберга, что, кстати, впоследствии, после падения нацистского режима, помогло ему избежать тюрьмы.

Поверженная Германия тем не менее запретила издание произведений Эрнста Юнгера, который, опираясь на учение Дарвина о борьбе за существование и на книгу Ницше «Воля к власти», трактовал войну как стихийное выражение биологических законов, как проявление витализма и естественного желания человека самоутвердиться в этом мире (цензурный запрет будет снят только в 1949 г.).

Феномен Э. Юнгера в том, что, будучи национал-патриотом, он не был апологетом нацистской войны и нацизма как таковых, подобно Г. Гримму, Э. Г. Кольбенхейеру, Г. Ф. Блунку, Ф. Гризе, Г. Йосту. Он был слишком неортодоксален и самодостаточен в своем развитии, которое происходило по законам его, юнгеровского, имманентного представления о философии жизни, чтобы обрести искомый космический идеал в убогой реальности Третьего рейха. Юнгер не примыкал ни к одной партии, не разделял ни одно из популярных общественно-философских течений своего времени – ни фашизм, ни марксизм, ни экзистенциализм.

И вот здесь необходимо прервать хронологически последовательное изложение биографии Эрнста Юнгера, чтобы понять всю неслучайность – я бы даже сказала, закономерность – присутствия имени Сергея Аксакова в юнгеровских триадах, процитированных в самом начале этой статьи.

В их судьбах, судьбах людей, разведенных во времени и пространстве (Аксаков родился почти на двести лет раньше, чем Юнгер, на излете екатерининского века), есть внутренне родство и некая перекличка. Выделим в биографии Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859), писателя, критика, мемуариста, государственного чиновника и общественного деятеля, то, что, на наш взгляд, так или иначе стыкуется с данными из жизни Эрнста Юнгера.

Историческое время С. Аксакова не в пример юнгеровскому спокойное: XIX век не знал потрясений XX столетия, однако тоже проходил в обстановке идеологических споров и баталлий. С. Аксаков, подобно Э. Юнгеру, не выписывался ни в одну из готовых идеологических схем – недаром называл себя человеком «совершенно чуждым всех исключительных направлений». Он не принимал участия в полемике романтиков и классицистов, причисляя себя к «партии умеренных»; отец двух славянофилов, Константина и Ивана, он не был собственно славянофилом, не разделяя взглядов своих сыновей и их единомышленников, не был, однако, и западником, тем более революционным демократом, оставаясь национальным патриотом.

В этой связи, на наш взгляд, особенно показательны акценты, которые расставляет Э. Юнгер, чуткий к вопросам национальных интересов, по прочтении «Семейной хроники»: он находит там «потрясающе живые картины колонизации русскими их Востока»⁶ – по сути дела, находит историю становления Российской империи.

С. Аксаков, как и Э. Юнгер, серьезно занимался журналистикой, сотрудничая в журналах «Вестник Европы», «Московский вестник», «Московский телеграф», «Галатее», «Молва», «Атеней», а это накладывает отпечаток на способы художественного осмысления действительности.

С. Аксаков тоже находился в простых отношениях с государственной

властью. Чиновник, служивший в Московском цензурном комитете (в какое-то время даже председатель этого комитета), он имел репутацию не лояльного к власти человека, испытывал цензурные трудности при публикации отдельных своих произведений (прежде всего «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Семейной хроники»), стал фигурантом дела, открытого Третьим отделением, и только заступничество князя А. А. Шаховского перед А. Х. Бенкендорфом спасло его от неприятностей.

В отличие от Э. Юнгера, отказавшегося от вступления в Прусскую академию, С. Аксаков принял членство в Имперской Санкт-Петербургской академии наук, но, как и Юнгер, пытался в какие-то периоды своей жизни пересмотреть отношения с властью: в конце 1830-х гг., например, он уволился с государственной службы и занялся хозяйственными и семейными делами.

Как видим, частная и общественная жизнь Э. Юнгера явно резонирует с аксаковской.

2

Эрнст Юнгер был великим читателем и знатоком мировой литературы. Он дружил с Андре Жидом, Жаком Кокто, Генри Миллером, Луи-Фердинандом Селином, чье творчество, разумеется, хорошо знал, встречался с почитаемым им Борхесом. Излюбленное чтение Юнгера – Гомер, Гесиод, Гераклит, «Эдда», «Тысяча и одна ночь», Гете, Шиллер, Гельдерлин, Новалис, Гофман, Ницше, Гюнсманс, Достоевский и др. Центнное творчество Э. Юнгера насквозь аллюзивно, пронизано явными и скрытыми цитатами из множества авторов и продолжает традицию позднеантичных писателей и отцов Церкви, вплетавших в свои сочинения многочисленные заимствования из работ предшественников.

С. Т. Аксаков тоже находился в центре интеллектуальной жизни своего времени, знал и любил русскую и мировую литературу. Круг его общения в разные годы составляли Г. Р. Державин, А. С. Шишков, Н. В. Тоголь, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, В. Г. Белинский, М. С. Щепкин, Т. Н. Грановский, М. П. Погодин, Н. И. Надеждин, М. Н. Загоскин, И. В. и П. В. Киреевский,

Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков и др. Он переводил на русский язык сочинения Софокла, Мольера, Буало, В. Скотта. В ранний период творчества С. Т. Аксаков писал, опираясь на традиции Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Его зрелое творчество стало предвосхищением золотого века русской литературы.

В этой связи не могу не процитировать публициста, философа и литературоведа В. В. Кожинова. Среди множества работ, посвященных С. Т. Аксакову, концептуально важна глава из его монографии «Победы и беды России», где рассматривается представление об Аксакове как о писателе второго эшелона русской литературы XIX века. Автор доказывает, что «Семейную хронику» с определенной точки зрения можно считать «источком классической русской прозы», что «это своего рода сердцевинное явление отечественной литературы, животворные токи которого пронизывают ее всю целиком». Приведа высказывание И. С. Тургенева о «Семейной хронике»: «Вот он, настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот задатки будущего русского романа», В. В. Кожинов заключает: «И можно с полным правом сказать, что аксаковская книга стала своего рода прообразом величайших «семейных романов» – «Войны и мира» и «Анны Карениной», «Подрустка» и «Братьев Карамазовых»⁷.

Если проза Аксакова стала родоначальницей великой русской литературы, то проза Юнгера – это своего рода энциклопедия немецкой и мировой литературы. Совершенно справедливо об этом написал Х.-П. Шварц, заметивший почти полвека тому назад: «Юнгер разбрасывает по своим книгам цитаты, как семена»⁸. Исследователь воспользовался метафорическим образом, который отметил сам Юнгер, взяв в качестве эпитафии к собственной книге «Сердце искателя приключений истины» слова Иоганна Георга Гамаана: «Семя всего, что есть в моем уме, я нахожу везде».

С. Аксаков и Э. Юнгер пишут такие книги, которые находятся в особом отношении с Литературой. Сочинения первого содержат в себе «семена» будущих романов Толстого и Достоевского, второго – предшествующей и современной литературы.

3

После Первой мировой войны и службы в армии Э. Юнгер учился в Лейпцигском университете на факультете философии и биологии. Как и В. Набоков, он собирал насекомых (Юнгер признан мировым научным сообществом как выдающийся энтомолог, которому принадлежит одна из крупнейших в мире коллекций жуков). Как В. Бианки, М. Пришвин и В. Песков, он описывал представителей флоры и фауны, – и этот интерес сохранится у него на всю жизнь. В последние десятилетия он жил в местечке Вильфлинген (Южный Вюртемберг), в доме бывшего лесничества, буквально растворенный в природе, которая по-прежнему являлась главным предметом переживания и главной героиней его творчества.

Мир, в который с раннего детства и на протяжении всей жизни был погружен С. Аксаков, – тоже природный. Помещик, владелец земель, он неразрывными нитями был связан с родной природой, к которой испытывал поэтическую страсть, – и в этом смысле он родственен тем же Набокову, Бианки, Пришвину, Пескову. Его глубокое проникновение в жизнь богатой и щедрой природы происходило главным образом во время самой разнообразной охоты – от сбора грибов и ловли бабочек до рыбной ловли и промысла мелкой и крупной дичи.

Интересен процесс зарождения и становления художественного или публицистического замысла Э. Юнгера и С. Аксакова. Оба принадлежат к числу писателей, ведших дневники, в которых не просто фиксируют события, но занимаются саморефлексией, проговаривая и осмысляя то, что впоследствии обретет законченную форму романа, повести, новеллы, статьи. С другой стороны, те же вопросы они любили обсуждать в личных беседах и в письмах.

Э. Юнгер адресовался к младшему брату, философу Фридриху Георгу, с которым его связывали доверительные отношения. Они выступали друг для друга первыми читателями и критиками – можно говорить об их сотворчестве, рожденном из устного или письменного сообщения. Это, кстати, в некоторой степени объясняет то, что сочинения братьев имеют философско-поэтическую форму: строй мысли

Фридриха Георга поэтичен, Эрнста – метафизичен; у одного философия осмыслиется как поэтический акт, у другого – поэзия как философский.

С. Аксаков, знаток и вдохновенный певец российских пейзажей, растений и животных, тоже поэтически философичен в своем творчестве, основные темы которого были сформулированы в охотничьих дневниках. В течение долгих лет он рассказывал семейные предания, бесконечно исповедовался родным и друзьям (особенная духовная близость связывала его с братом Н. Т. Аксаковым, который 12 лет был губернским предводителем Симбирской губернии), и из этих воспоминаний и устных рассказов впоследствии возникла его мемуарно-автобиографическая трилогия «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания».

С. Аксакова и Э. Юнгера, проводников национальных идей, роднят наблюдательность, пытливість, любовь к природе, знание сельской жизни. В творчестве же их интересует поэзия обыденного – особое внимание они уделяли изображению самого процесса опредмечивания человеческого бытия. Эмпирический, образный, чувственный уровень обобщений, характерный для дискурса Юнгера, типологически близок способу мировидения, порождаемого определенным ходом мысли и ведущего к определенной организации поэтического пространства, Аксакова.

С последним связаны и удивительные тематические переклички. В аксаковских сборниках «Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» можно найти «семя» (вновь воспользуемся уже прозвучавшим образом) некоторых новелл из сборника Эрнста Юнгера «Сердце искателя приключений» (например, «Тигровая лилия», «Синие ужи», «Из прибрежных находок I», «Старший лесничий», «Дары моря» и др.). Оба, поэты и знатоки природы, пишут о том, чему были свидетелями, что сами видели и слышали, в чем принимали участие. Оба чуждаются эстетского любования природой, выступают как следопыты, натуралисты, исследователи, проникающие в таинства окружающего мира.

Э. Юнгер, как и С. Аксаков, не столько

сочиняет какой-то сюжет, а раскрывает себя – наблюдателя, постигающего тайны природы, а через них и человека, связанного с миром Божиим, ибо подлинным лирическим героем их прозы, которую отличают острота взгляда, острота пера и особая эпическая повествовательная манера, является именно человек. И это не удивительно: сходный опыт бытия и субъективного переживания рождал сходную рефлексию, чистую поэзию с укорененной глубокой философской мыслью.

Полагаю, что Э. Юнгера в творчестве С. Аксакова могло импонировать и внимание к темам сна. По убеждению немецкого писателя, «все спелые плоды, которые дарит нам дневная сторона жизни, созрели на ее ночной стороне»⁹. На «ночной стороне» «созрели» многие книги Э. Юнгера – и самая его знаменитая, антитезия «Гелиополис». Конечно, в снах, которые описывает С. Аксаков, нет изощренного психологизма, присущего сновидческому опусам Э. Юнгера, в которых он одновременно наблюдает за тем, кто участвует в событиях сна, и сам оказывается этим участником, выступая таким образом и героем, и автором-повествователем, что ведет к усложнению структуры текста. Но это обстоятельство в какой-то мере можно объяснить тем, что на смену классическому реализму, в русле которого всецело находился С. Аксаков, пришла эпоха модерна с новыми методологическими установками в искусстве, которые во многом определили особенности поэтического мышления и стиля Э. Юнгера.

Чтобы закольцевать сюжет о триадах, обращусь к свидетельству переводчика и литературоведа Ю. Архипова, который встречался с престарелым писателем. На вопрос о наиболее сильных впечатлениях от русской литературы Эрнст Юнгер ответил: Достоевский, Горький, Аксаков¹⁰.

Получается, что С. Аксаков был спутником жизни Э. Юнгера на протяжении многих и многих лет. И речь должна идти не только о читательских пристрастиях немецкого писателя, в отношении С. Аксакова неизменных, но и о внутреннем и одновременно типологическом родстве между автором «Семейной хроники» и автором «Гелиополиса» – при всей разности их стилей и стилистик. Оба на основе субъективного переживания национальной идеи и природы как прародины пации шли к осмыслению, к рефлексии, и оба имеют поэтизирующее мышление чутких к миру и слову людей.

Примечания:

¹ Юнгер Э. Излучения. Первый Парижский дневник. СПб, 2002. 6.4.41.

² Юнгер Э. Излучения. Второй парижский дневник. СПб, 2002. 15.4.43.

³ Маш К. На повороте. М., 1991. С. 412.

⁴ Lennartz F. Die Dichter unserer Zeit. Stuttgart, 1938. S. 145.

⁵ Kaiser H. Mythos, Rausch und Reaction. Der Weg Gottfried Benns und Ernst Jungers. Berlin, 1962. S. 152.

⁶ Архипов Ю. Мафусаил немецкой словесности (О нем знали все, но читали его единицы) // Аксаковский сборник. № 2. Уфа, 1998. С. 180.

⁷ Кожин В. В. Победы и беды России. М., 2002. С. 95-108.

⁸ Schwarz H.-P. Der conservative Anarchist. Freiburg, 1962. S. 249.

⁹ Цит. по: Михайловский А. Послесловие // Юнгер Э. Сердце искателя приключений. М., 2004. С. 245.

¹⁰ Архипов Ю. Мафусаил немецкой словесности (О нем знали все, но читали его единицы) // Аксаковский сборник. № 2. Уфа, 1998. С. 180.

Город глазами художника

Красота нашей столицы многолика, она меняет свой облик в разные эпохи и времена, но её неповторимый колорит остаётся. Величественные шиханы и омывающие город реки, уют старинных улочек и исторических построек, живописные склоны – это то, что придаёт Уфе её извечную своеобразную красоту, которая вдохновила многих башкирских художников на создание поэтических произведений.

Наш земляк, великий русский художник Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) в работе «В Уфе» запечатлел уголок родного города, где прошли его детство и юность, – вид из отеческого дома на Гостинный двор и Александровскую часовню. Сейчас иным стал облик этого места, и тем дороже для нас эта небольшая живописная зарисовка мастера, сохраняющая дух и образ времени. А сколько работ он посвятил реке Белой, о которой писал: «Белая, как капризная девушка, постоянно меняет направление, то она повернёт вправо, то влево... Берега живописные, мягкие, дно неглубокое, воды прозрачные, бледно-зелёные. Недаром названа она Белой». В его пейзажах – плавное течение её вод, отражающих световые, цветовые рефлексы.

Вслед за М. В. Нестеровым уже через несколько лет первые башкирские художники создают произведения, посвящённые Уфе. Старейший художник Порфирий Маркович Лебедев (1882–1974) в 1914 году пишет пейзаж «Улица Бельская», который запечатлевает панораму убегающей вдаль улочки с невысокими домишками, редкими прохожими. В перспективе улицы высятся на фоне шихана храмы. Столь же убедителен образ тихого, провинци-

ального города и в другой его композиции 1918 года «Уфа» с изображением зимнего города. Исполненные ощущения уюта и спокойствия пейзажи, написанные мастерской рукой, сегодня волнуют нас не только своей живописностью, но и ароматом ушедшей старины.

То же самое можно сказать и о многочисленных работах Анатолия Петровича Лежнева (1888–1956) первой трети двадцатого столетия. «Посадская улица», «Фроловская улица», «Старая Уфа» – это лишь несколько произведений его уфимского цикла. «Дубки» 1918 года в полную силу демонстрируют живописное мастерство автора, стремящегося к выразительности фактуры письма, декоративной насыщенности цвета, придающим произведению романтическую окраску. В небольшом этюде «Монастырская стена» 1929 года ему удаётся передать величественный пейзаж старой Уфы, ощущение монолитной силы древнего сооружения с башней, которое время «расписало» множеством оттенков, не ускользнувших от взгляда художника.

Уфа занимает особое место в творчестве «патриарха» башкирской живописи Александра Эрастовича Тюлькина (1888–1980). Начало было положено в 1915 году, когда он написал красивый по композиции и цвету холст «Троицкий собор», – возвышающийся на зелёном холме величественный храм, золото куполов которого радостным звоном сияет на синем небе. Надо отметить, что это самое красивое в Уфе церковное сооружение, удачно расположенное на возвышении холма и царящее в окружающем пространстве,

Валентина Мефодьевна Сорокина родилась 9 апреля 1940 года в Уфе. Искусствовед. Автор ряда монографических изданий о творчестве художников Башкирии, многочисленных публикаций в энциклопедиях, российской, республиканской прессе. Член Союза художников. Заслуженный работник культуры РБ.

неизменно привлекало внимание художников. Его писали также А. П. Лежнев (1888–1956), В. С. Сыромятников (1885–1979), акцентируя внимание на его торжественно-монументальной архитектуре, несущей дух величия и незыблемой веры.

В 1920 году А. Э. Тюлькин создал одно из самых проникновенных своих творений – «Гортензии», ставшее одним из первых произведений башкирских мастеров, приобретенных в коллекцию Башкирского художественного музея им. М. В. Нестерова. В трудные голодные и холодные годы художник обращается к зрителю с верой в жизнь и неизбежность торжества светлых начал. Свои чувства и размышления он воплощает в композиции, изображающей нежно-розовые гортензии, стоящие на окне, из которого открывается вид на пейзаж старой Уфы с Покровской церковью, домиками, свободно раскинувшимися по склонам холмов. Свет солнечного дня согревает полотно тёплыми красками, сливающимися в единую жизнеутверждающую гармонию.

1922-м годом датируется работа Александра Эрастовича «Старая Уфа». Он жил в этих местах, которые стали «героями» многих его полотен, наблюдал жизнь людей. Взгляд художника привлекает старая улочка, живо сбегающая к реке Белой, на берегу которой купеческие лабазы, фигуры башкирок в национальных нарядах, красочность которых усиливает мажорное звучание пейзажа, освещённого золотисто-оранжевыми лучами заходящего солнца.

Уфимские пейзажи стали для Тюлькина тем художественным средством, которое позволяло ему передавать философские размышления о жизни и гражданственные чувства. Таков его холст 1948 года «Праздник на окраине», который трогает своим глубоко человеческим содержанием. Возмущен рассказ художника о светлом празднике, вошедшем в трудную послевоенную жизнь людей. Нам знаком и дорог этот мотив – улица Волновая, дворик Александра Эрастовича. Из окна собственного дома автор наблюдает тихую, скромную жизнь городской окраины, погружённой в состояние прохладного дня ранней весны. На воротах домов алеют праздничные флажки, они привносят в сдержанную цветовую

мелодию полотна торжественно-радостные ноты.

Лирическую трепетность и монументальный размах уральской природы передаёт мастер в картине «На родине Нестерова» (1946). Серия его работ, посвящённых Уфе, обширна. В ней и «Строительство моста в Уфе» (1952), «Уфа строится» (1954), «Ледоход на Белой» (1963), «Морозное утро» (1963). Есть и по-тюлькински романтизированное полотно «Огни большой химии» (1960-е гг.). Часто «героем» его работ был родной двор – в пору цветения яблонь, сирени, или утопающий в ярком наряде георгинов, мальв – «Солнце весеннее», «Яблони цветут» (обе – 1960-е гг.). Красота, которая его окружала, стала символом красоты мироздания, жизни.

Самая значительная работа этой серии – «Уфа. Шиханы» (1953). В ней – вид на город со стороны Цыганской Поляны. Спокойное течение вод Агидели, могучие шиханы, силуэты которых торжественно выступают на фоне неба. Благородные, глубокие охристо-серебристые тона темперной живописи, величественная пластика слиты в единую гармонию, озвучивающую эпический образ полотна. Удивительно мастерство художника, передающего в знакомом, близком ощущение вечности и торжества жизни.

Современник Тюлькина Иван Иванович Урядов (1893–1962) также отдал дань этой теме, создав в 1930-е годы ряд работ – «Асфальтировка улиц», «Постройка инструментального цеха», «Пристань Уфа» и др. В его работах иная направленность, он стремился передать дух современности, когда жизнь города стала определять индустриализация. Есть в его работах документальная точность, ощущение времени.

Тема индустриальной Башкирии звучит и в работе Алексея Васильевича Храмова (1909–1978) «Паровозное депо» (1932).

В годы войны в Уфе в эвакуации находился ленинградский архитектор Абрам Ильич Лапиров (1905–1975). Его знакомство с А. Э. Тюлькиным переросло в творческую дружбу, которая не прерывалась до конца их жизни. Лапиров «заболел» красотой здешних мест, в 1943 году он выполнил обширную серию графических работ, запечатлевающих облик старой Уфы.

В 1982 году их передал в дар уфимскому художественному музею им. М. В. Нестерова его брат Семён Ильич – режиссёр ленинградского Малого театра оперы и балета. Карандашные рисунки, слегка подцветенные гуашью и акварелью, изображают улицу Салавата с её старыми постройками. Соборную мечеть с разных ракурсов, виды на реку Белую со стороны города. Все они объединены единым ностальгическим чувством, исполнены в тщательной манере с лёгкой, прозрачной фактурой. Глаз специалиста позволяет ему точно передать строение архитектурных построек, умело построить пространство, как в рисунке «Колокольня Троицкого собора», где автор тщательно показывает детали полуразрушенного памятника и даже фрагменты сохранившейся расколеровки. Особой филигранностью отличается серия рисунков с изображением уфимских резных заборов, ворот, несущая эмоциональную выразительность, пронизанную светом фактуру.

Старейшая художница Мария Николаевна Елгаштина (1973–1966), как известно, работала преимущественно в акварели и писала камерные уфимские мотивы, но есть в собрании художественного музея им. М. В. Нестерова и живописная её работа «Уфа уходящая» (1951–1952). В ней – узнаваемый мотив пейзажа Архирейки с деревянными домиками на крутом берегу реки Белой, на безлюдной улочке старуха, погоняющая впереди себя козу. Сам мотив, спокойные ритмика и цвет – всё передаёт дух тихой патриархальной жизни, сценку из которой подсмотрела художница.

Уфимская сюита в изобразительном искусстве значительно обогатилась в послевоенные годы, когда в творческую жизнь влились новые поколения, отразившие новое время и иной облик Уфы. В 1952 году Владимиром Петровичем Андреевым (1910–1955) написана картина «Весна в Уфе». Городской пейзаж с современными домами, освещёнными солнцем, с ребятишками, которые пускают бумажные кораблики, пронизан ощущением новой мирной жизни.

Уже в ранних произведениях к теме уфимского пейзажа обращается Борис Фёдорович Домашников (1924–2003). 1956 годом датирована его работа «Под

Уфой. Шиханы», которая композиционно перекликается с одноимённой работой А. Э. Тюлькина. В ней также открывается вид со стороны Цыганской Поляны на Уфу. Жизнерадостное мировосприятие молодого художника рождает просветлённое полотно. Пусть мощно высятся шиханы и величаво течение реки Белой, но здесь живёт человек, это его мир. Косогоры прочерчены тропинками, по склонам лепятся дома, вдали простирается город. Яркое впечатление рождает обилие цвета, ярких красок. А если и взяты местами густо-зелёные, плотно-коричневые, то для контраста, чтобы ещё ярче звенели светлые тона, озвучивающие мажорную мелодию автора. К этому мотиву художник вновь вернулся в 1983 году в картине «В память об отце». Полузанесённые снегом шиханы, осенняя холодная река, серый день, гасящий краски, звучание которых обретает драматическую тональность, – всё окрашено чувством скорби и одиночества.

В начале 1950-х годов семья Домашниковых переехала с Цыганской Поляны, где они жили всю войну, в новую квартиру. Борис Фёдорович рассказывал: «Однажды подошёл к окну и ахнул. Белая комната, белый снег, красный трамвай. Сколько света во всём, новизны! Тут же стал писать этюд». Так родилась картина «Зима на окраине» (1955), хранящаяся в Третьяковской галерее, а её вариант в уфимском художественном музее. Обаяние картины состоит в том, что о времени автор говорит не декларативно, а прочувствованно и тепло. Его аромат, дыхание передаются лишь несколькими точно подмеченными деталями, не нарушающими лирической направленности произведения. В композиции с плавным разворачивающимся пространством – ощущение почти комнатного уюта, а колорит с преобладанием серебристо-белых тонов и контрастно звучащих красных, синих пятен придаёт ему праздничное звучание. Лёгкая фактура холста, трепетный, мягкий мазок, утончённая звучность цвета – таков изобразительный язык художника.

«Белый город» – так назвал Домашников работу 1963 года. Современная Уфа, массивы её новых светлых домов, сливающихся с белым цветением черёмухи, рождает у художника поэтические ассо-

циации. Можно вспомнить и его известное полотно «Стадион. Сумерки» (1969), создающее образ нового города, живущего динамичной жизнью.

Работа 1989 года «Ледоход» интересна сочетанием домашнего лиризма и эпического размаха композиции, наполненной светлым чувством обновления неизменно величавой природы.

В непростые 1990-е годы Борис Фёдорович обращается к уфимским мотивам, которые позволяют ему передать веру в неизбежность наших святынь, в духовное единение людей. В центре многих его полотен – Уфимская Соборная мечеть, образ которой возвращает зрителя к общечеловеческим ценностям. От таких работ, как «Дорога к храму» (1992), где при всей лирической, живописной выразительности прослеживается «портретность» мотива, автор приходит к композициям с широко развёрнутым картинным пространством – «Уфимский романс с минаретом» (1992), «Май в Уфе» (1993), вмещающим его представление о местном, национальном как части огромного мира. В своём ключе, в своих красках пишет он эти пейзажи, несущие высокий эмоциональный накал. Словно потоки фантастического света обрушиваются на холсты, они рассыпаются множеством оттенков, создавая ощущение многоцветия, драгоценности окружающего мира.

Подлинным певцом Уфы был и Александр Данилович Бурзянцев (1928–1997). Он говорил: «С возрастом как-то по особому начинаешь ценить и любить тот край, где ты живёшь, работаешь. Я много ездил, видел, писал. Всё это позволило мне почувствовать особую красоту нашего города, его старины и новостроек, его рельефа и колорита. Вот почему в последнее время тема уфимского пейзажа меня особенно привлекает. Для меня Уфа неотделима от таких имён, как Сергей Тимофеевич Аксаков, Михаил Васильевич Нестеров. Я с большим желанием и волнением пишу наши шиханы, реку Белую, которую писали Нестеров и Тюлькин. Мне хочется передать вольную красоту этих мест».

Интересное поэтическое преломление получили в многочисленных работах живописца пейзажи с конкретными уголками Уфы – «Сергиевская церковь»

(1989), «Посадская улица» (1992), «Большая Московская улица» (1994) и др. Полотно «Ледоход на Белой» (1989) навеяно произведениями С. Т. Аксакова, два других – «Сад Луначарского. Место, где родился С. Т. Аксаков» (1989) и «Здесь учился С. Т. Аксаков» (1990) – изображают мемориальные места, связанные с жизнью писателя. Повествование художника ведётся на повышенно-поэтических, романтических нотах, на выразительности его живописи, плотной, матерьяльной, страстной.

Очень любил Александр Данилович писать Уфу зимнюю, и это ему великолепно удавалось. В этой теме он находил особую романтику, и так по душе ему были краски зимы – светоносные, чистые. Таковы его пейзаж «Сутолока» (1984), картина-поэма «Рассвет» (1988) с феерией завораживающего бело-голубого цвета, с фантастической красотой зимы и города, окутанного морозным дыханием, одетого в белый наряд, холст «Над Белой» (1984), создающий обобщённый образ города, раскинувшегося на холмах, с его приметными старины и современности.

Последней значительной работой мастера, посвящённой родному городу, стала «Старая Уфа. Первый снег» (1995). Написана она в тяжёлое для художника время, когда он, пережив ампутацию ноги, адаптировался к жизни. Картина стала свидетельством огромного мужества и жизнелюбия Бурзянцева, который, общаясь с миром из окна своего дома, написал этот светлый, добрый холст. Он выбрал такой момент в жизни природы, который позволил ему с наибольшей силой передать игру красок. Звучными аккордами на белом снегу поют синие, золотые, багряные краски, сливаясь в единую мелодию жизни.

Идеи добра, жизнеутверждения основополагающие и в творчестве замечательного живописца Павла Петровича Салмазова (р. 1930 г.), стремящегося передать гармонию жизни природы и человека. Его пейзажи «Город» (1968–1969), «Уфа майская» (1977) «населены» человеком, потому в них непременно вводятся сюжетные сценки, происходящие на фоне цветущих деревьев, светлых современных домов. Холсты озарены сиянием дня, голубыми, розовыми и белыми цветами. Дар поэти-

чески просветлённого восприятия жизни позволяет Салмасову, избегая бытовизма, превратить реальный мотив в образ подлинно художественного звучания. Живопись Салмасова декоративна, насыщена множеством цветов и оттенков, при этом автор добивается мягкости и гармонического созвучия тональных переходов.

В 1970-х годах Павел Петрович создал также ряд пейзажей, посвящённых теме башкирской индустрии. – «В теплицах химзавода» (1974), «Утро химзавода» (1978). Потому живут в наше время эти произведения, исполненные по социальному заказу, что автор вдохнул в них человеческое, поэтическое содержание, выраженное как в трактовке сюжетов, так и в их цветовой, линейной пластике. Так, во втором холсте он отодвигает в глубину изображение цехов, установок, помещая на первый план зелень деревьев, цветущие клумбы. Даже нефтяные ёмкости, трубопроводы, показанные на фоне бирюзово-зелёных газонов, окрашены в нежные светло-голубые тона, что дополняет лирическую окраску произведения.

Иное преломление тема индустриальной Башкирии нашла в творчестве Александра Васильевича Пантелеева (1932–1990), стремящегося передать дыхание и ритмы современной индустрии. «Здесь меня захватывает размах работ, размах разума человека. Созидательная сила человеческой деятельности ярко выражается в этих новых памятниках нашего времени. Возникали и мысли о том, что люди должны очень внимательно и разумно вторгаться в природу. В итоге хотелось создать картину о гармоническом равновесии сил», – писал он. С содержанием его полотен «Индустриальный пейзаж», «Праздничный натюрморт» (оба – 1972) связано их изобразительное решение – продуманная конструктивность пространственного решения, монументальность формы, чёткий рисунок. Эстетизация цвета, звучащего как грани драгоценных камней, – всё во имя воплощения идеи гармонии природы и созидательной деятельности человека. Работы А. В. Пантелеева – праздник изобретательности, основанный на ассоциативном восприятии автора.

Свою летопись истории, жизни города создали художники последующих поколе-

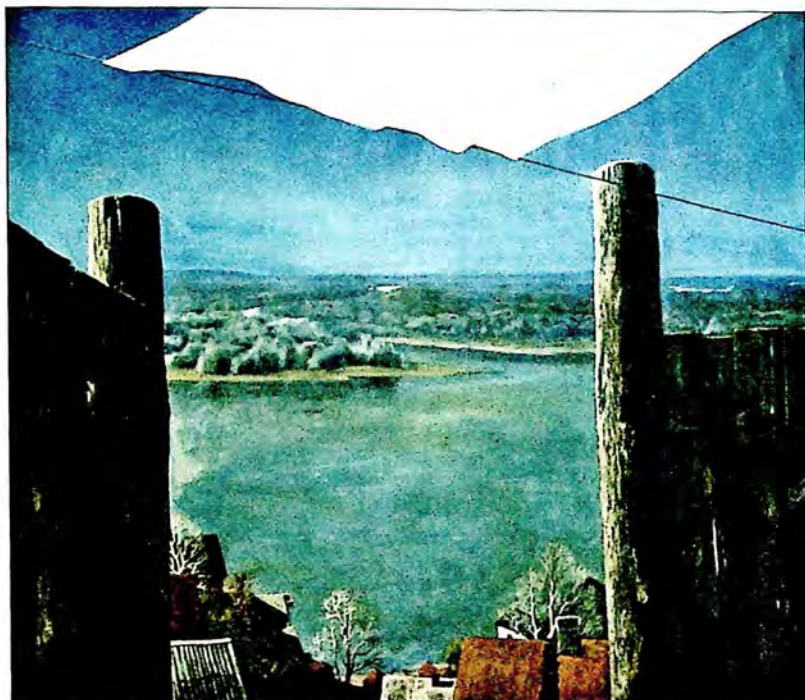
ний. Евгений Александрович Винокуров (р. 1946 г.) считает себя учеником Пантелеева, так как работал вместе с ним над монументальными произведениями, пользовался его советами и поддержкой. Но в творчестве он иной, ему по душе поэзия, согретая человеческим теплом, родная милая Родина, частью которой является город Уфа. Здесь он родился в 1946 году на Мало-Ахтырской улице, которая, по его словам, заканчивалась небом, а пролетающих птиц отсюда можно было увидеть сверху. Видимо, отсюда идёт эпичность его композиции «Уфа. Весна на окраине» (1985), где точка зрения сверху открывает вид на далёкие зелёно-голубые дали за распахнутыми воротами, улочку, сбегающую к Белой, широкую гладь реки. Неторопливая манера письма художника, любящего плавность линий, ритмов, цветовых отношений, определённая форма, сродни традициям русской пейзажной живописи, что отличает и его холст «Уфимский дворик» (1993). Лирико-романтическая устремлённость живописца обогащается его размышлениями о жизненности традиций в работе «Древние камни», которую автор строит на контрастном сочетании современности и древней старины.

В коллекции художественного музея им. М. В. Нестерова находится одна из последних работ Е. Винокурова «Двенадцатое апреля» (2006), которая покоряет неожиданностью взгляда на знаковый мотив с домом-музеем С. Т. Аксакова, глубиной лирических, гражданственных чувств автора.

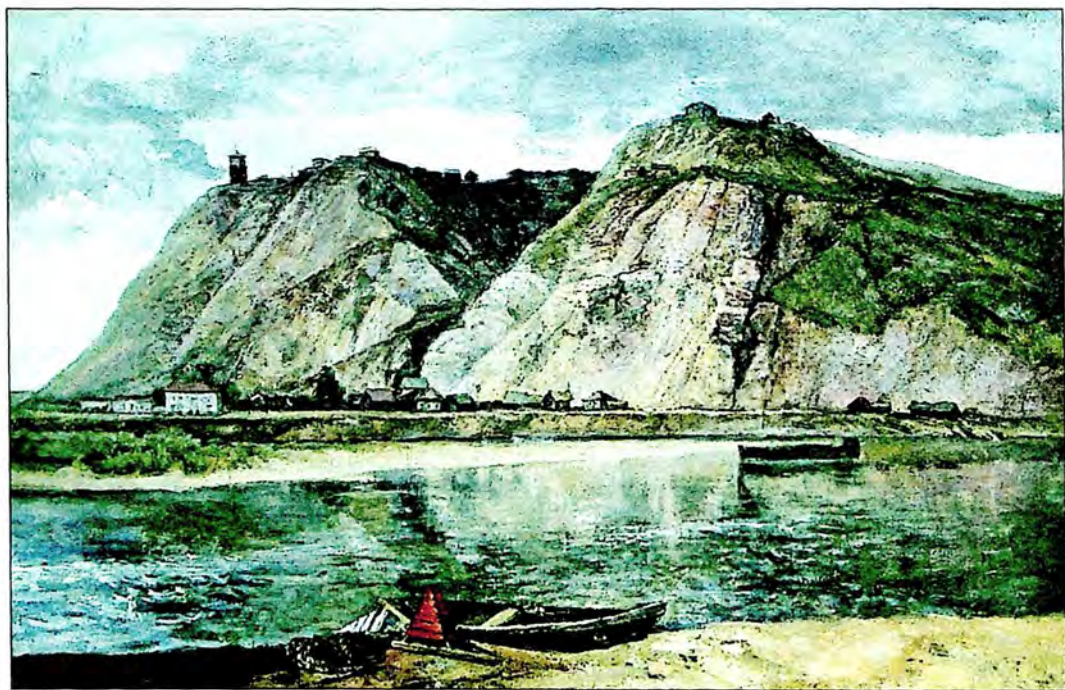
Для Владислава Эдуардовича Меоса (р. 1946 г.) тема уфимского пейзажа – одна из главных в его творчестве. С конца 1950-х до сегодняшнего дня он обращается к ней, находя всё новые сюжеты. Он пишет индустриальные мотивы «В уфимском порту» (1974), «Первенец нефтехимии» (1976), сюжеты с изображением новостроек города. Более всего в его серии лирических композиций, запечатлевающих уголки старины, – «Бабушкин дом» (1975), «Зима в Архирейке» (1986); живописную красоту окружающей природы – «Август кончается» (1976), «Осень прошла. На Белой», «Весна на Забайкальской» (обе – 1986) и др.

Взгляд на воспетые им мотивы рождает ностальгические нотки, погружая

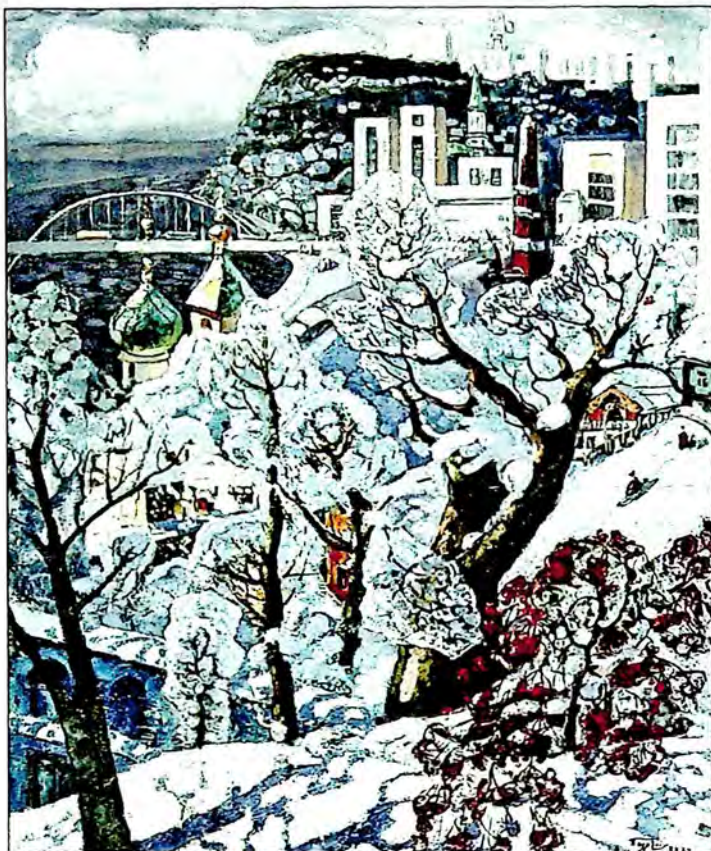
Город над Белой рекой

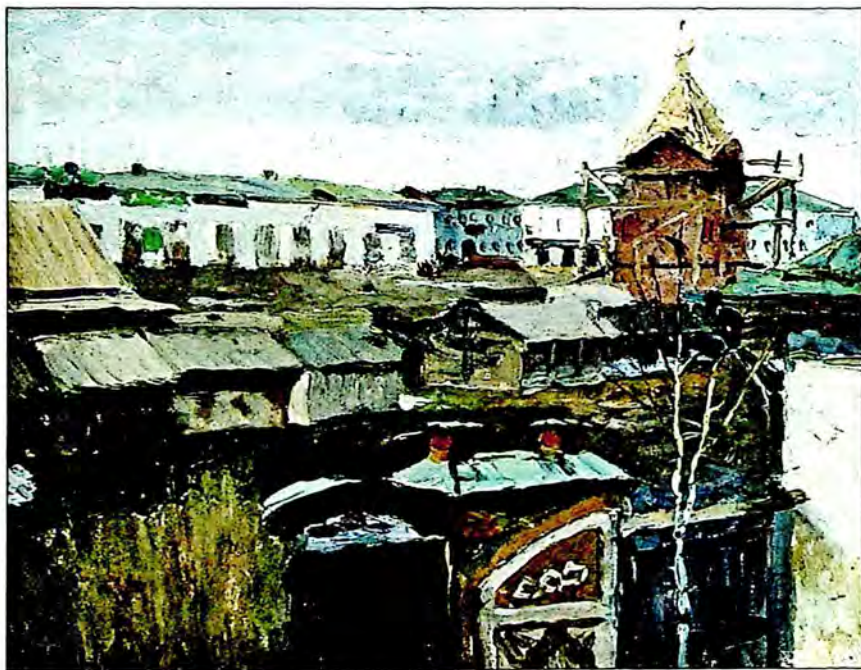
Винокуров Е.А. Уфа. Весна на окраине. 1985

Тюлькин А.Э. Уфа. Шиханы. 1953

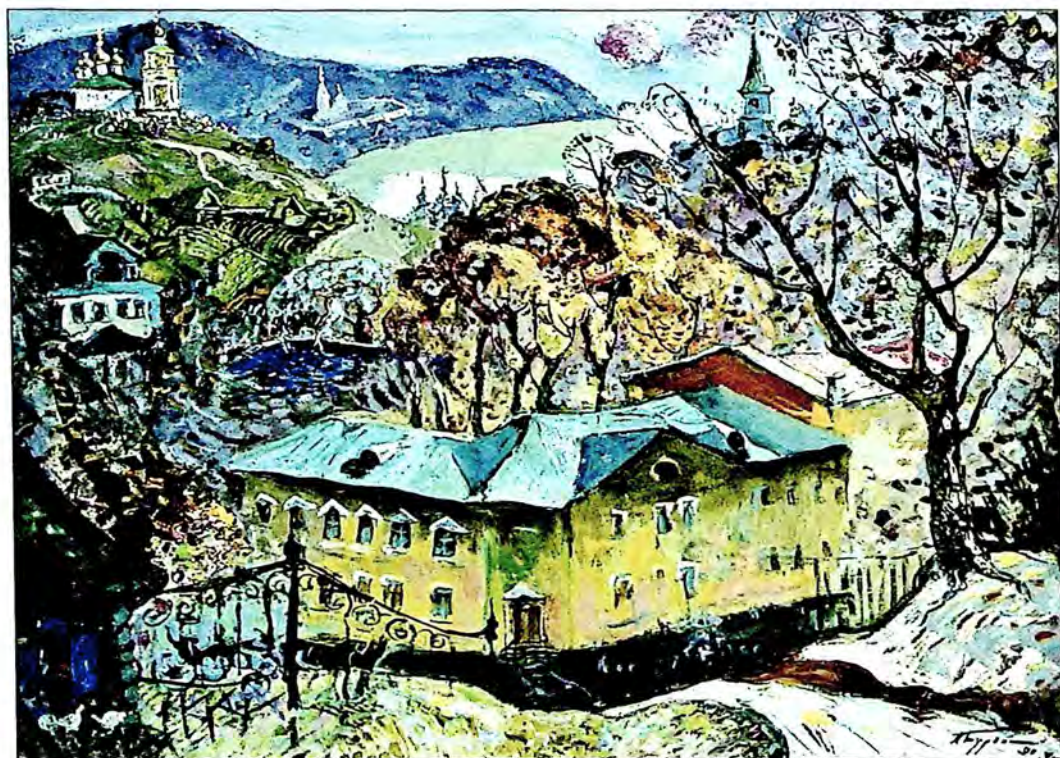
Бурзянцев А.Д. Над Белой. 1984

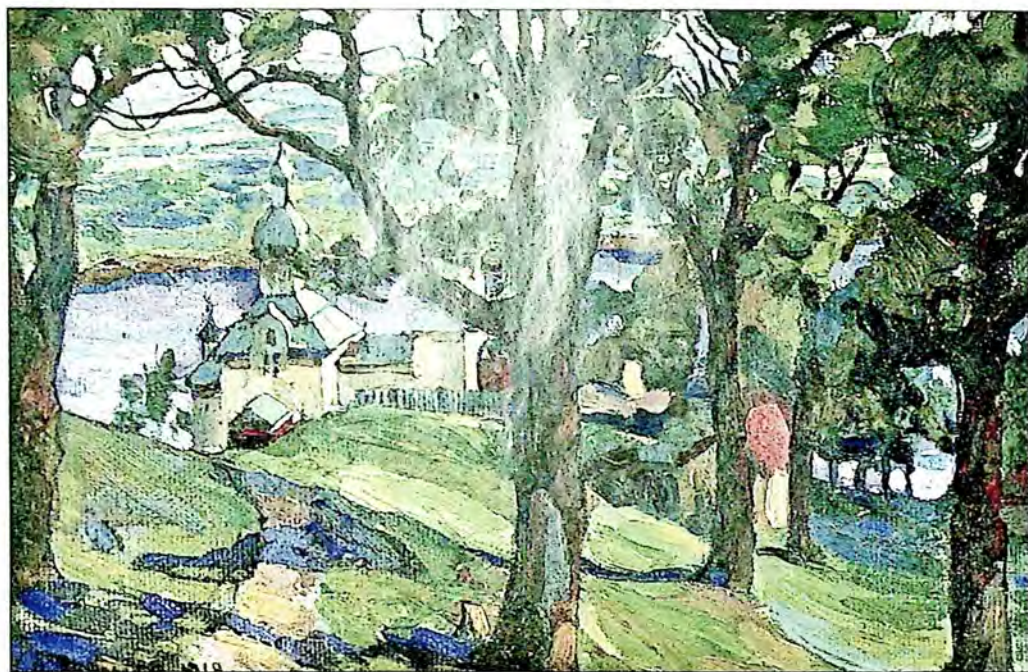
Нестеров М.В. В Уфе. 1890

Домашников Б.Ф. Апрельский снег. 1957

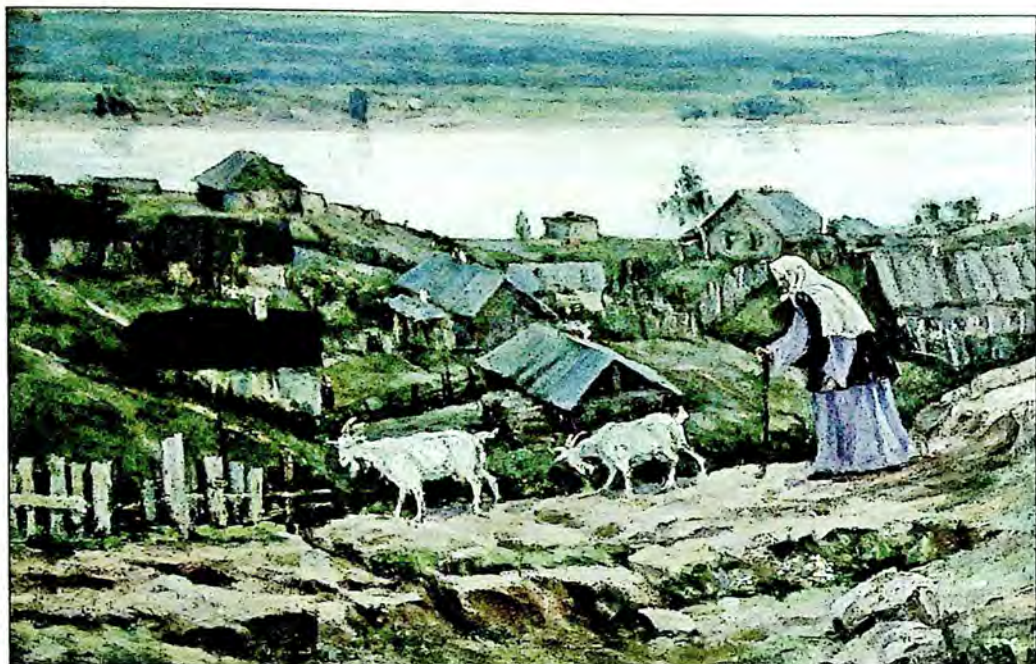
Бурзянцев А.Д. Здесь учился С.Т. Аксаков. 1990

Лежнев А.П. Дубки. 1918

Тюлькин А.Э. Старая Уфа. 1922

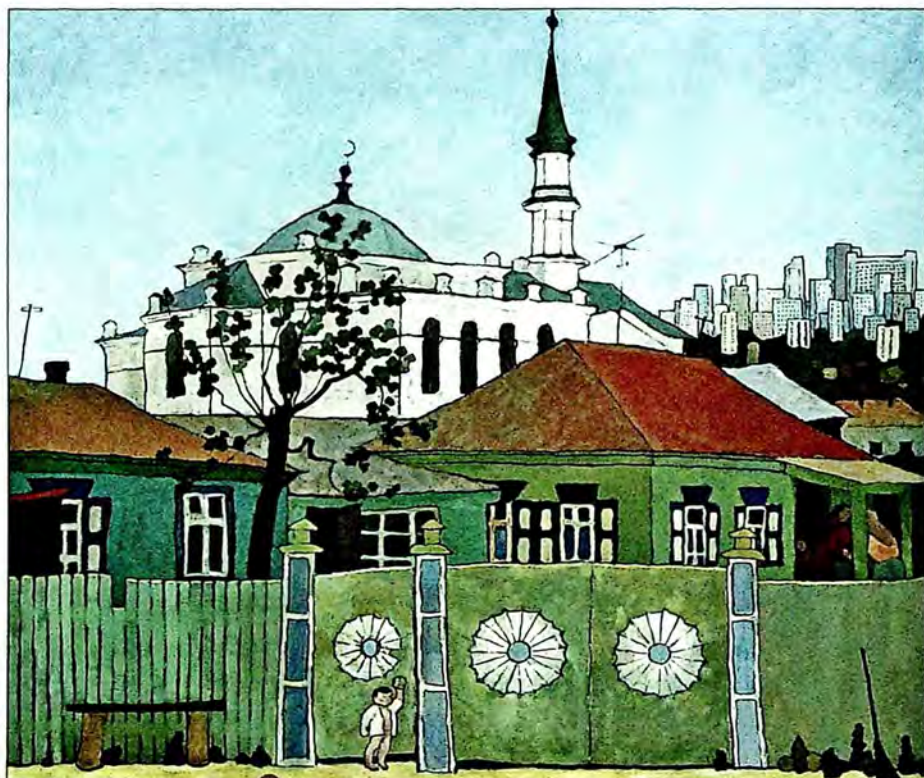
Елгашина М.Н. Уфа уходящая. 1951 – 1952

Лапиров А.И. Резные ворота в Уфе. 1943

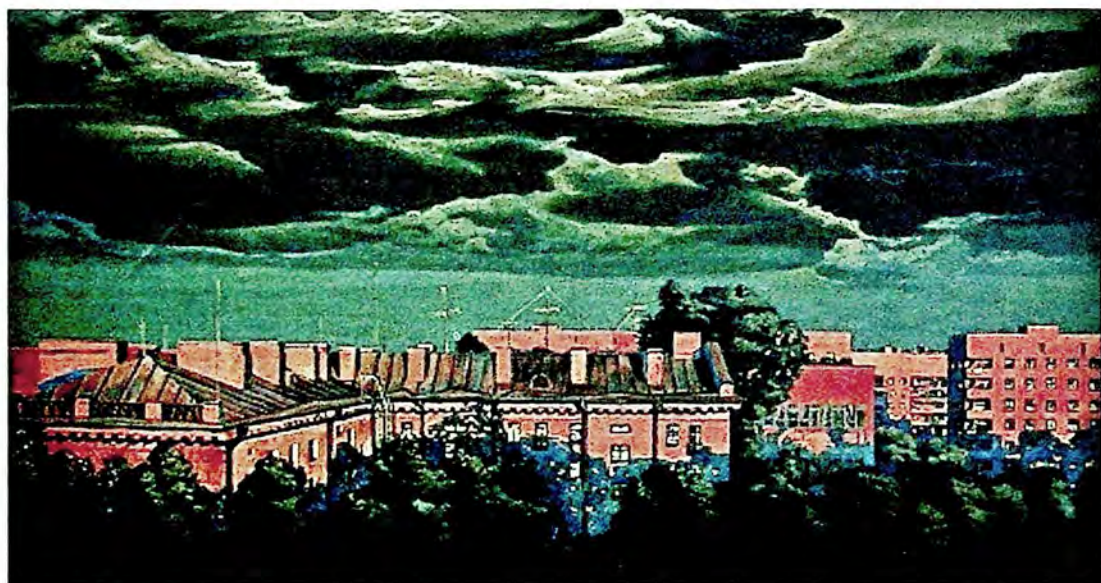
Арсланов Р.М. Мост. 2001

Гильманов И.Р. Улица Салавата. 2001

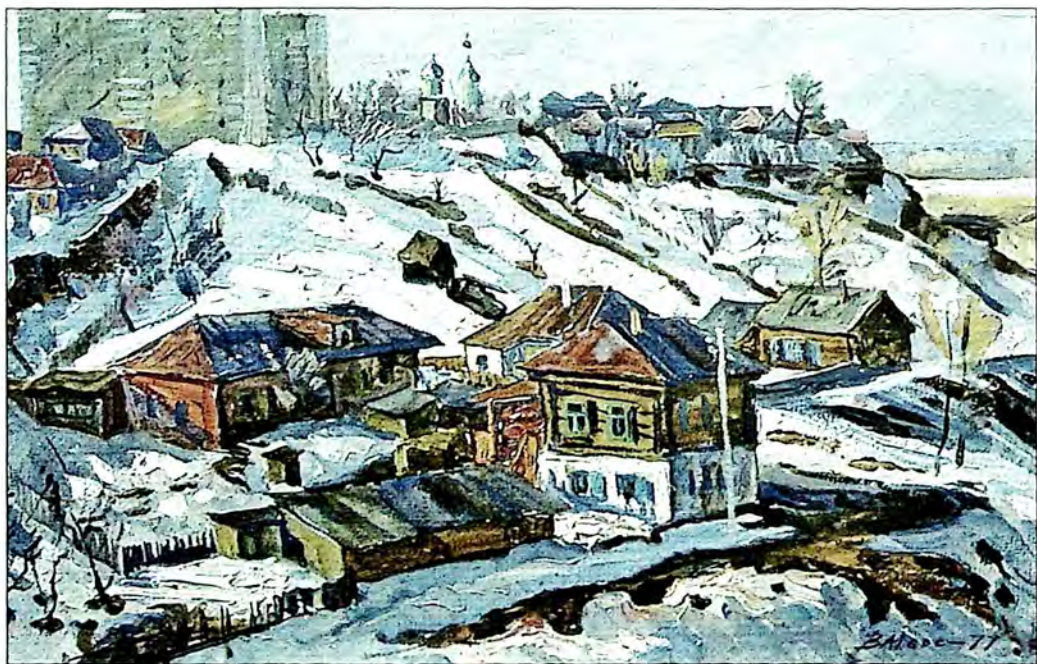
Урядов И.И. Асфальтировка улиц. 1930

Краснов С.Б. Красные дома. 1982

Салмасов П.П. Утро химзавода. 1978

Меос В.Э. Апрель. Окраина Уфы. 1977

зрителя в воспоминания и размышления. Непосредственность восприятия в сочетании с сочной живописью, подвижным мазком обуславливают образную выразительность работ мастера – приверженца реалистической манеры письма. Неповторимый живописный облик нашего города нарисован кистью и сердцем художника, преданного его красоте. Интонации автора не громки, не декларативны, а скорее камерны, лиричны, но они непременно связаны с понятием «Родина».

Лирический характер дарования замечательного мастера реалистического искусства Рашида Султановича Хабирова (р. 1953 г.) подсказал ему выбор темы в работе над уфимской серией. Это тихие городские окраины, сохранившие приметы старины, небольшие улочки, уютно укутанные снегом, и, конечно, культовые памятники города – мечеть, церкви – «Нижегородка» (1981), «Улица Социалистическая» (1982), «Старая Уфа» (1986) и многие другие. Лучшие традиции русской школы пейзажа оживают в его работах, несущих глубокое проникновение в жизнь природы, умение уловить характерные признаки в особом колорите нашего города, мастерство живописи, композиции.

Свой взгляд на Уфу у художника Рифата Мухамедовича Арсланова (р. 1946 г.), который отходит от академического реализма, насыщая свои полотна игрой затаенных линий, цветовых пятен. Его пейзажи «Уфимский дворик» (1990), «Мой город» (1994), «Пожарка» (2004) – это вечный праздник жизни, которая течёт в старых стенах и дворах домов, потому в них непременно присутствуют жанровые жизненные сценки, композиция выстроена так, чтобы передать зрителю ощущение теплоты и уюта. В них нет документальности, условно построено пространство, форма – и тем не менее безошибочно передан характер старой городской застройки, где дома лепятся по склонам, и из века в век здесь происходят события, обозначающие естество и бесконечность жизни. Богата живописная фактура работ Р. Арсла-

нова, в которых игра насыщенных красок составляет один из главных элементов их эмоциональной выразительности.

Иной почерк в работах Ильдара Глимнуровича Бикбулатова (1953), который в 1989–1990-х годах создал серию полотен – «Уфимская мечеть», «Красный закат», «Панорама Уфы». Это было время, когда художник входил в объединение «Чингисхан», искал, как и его другие участники, современные изобразительные формы, основанные на приёмах авангардного искусства. Свободная манера письма, стилизованная форма, декоративизм живописной гаммы сообщают его произведениям самобытность авторских интонаций.

Если вы, уважаемый читатель, однажды в зимнюю стужу встретите на склонах шиханов у памятника Салавату Юлаеву одетого в валенки, шапку-ушанку, с этюдником за плечами художника, скорее всего, это будет Георгий Валерьянович Прокшин (р. 1946 г.). Он очень любит писать эти места, и ему непременно нужна натура, с которой он общается в любое время года. Натура – это великая школа, при этом умеет художник обобщить, увидеть в конкретном мотиве характерное, уловить тонкое дыхание природы и передать всё это в своей мягкой, серебристой живописи – «Зимняя рыбалка» (1983), «Архиерейка» (2005).

Произведения башкирских живописцев, пришедших в искусство уже в XXI веке, дают повод говорить о том, что городская тема находит дальнейшее развитие. Можно назвать имена молодых авторов Ильдара Гильманова (р. 1970 г.), Ольги Цымбаленко (р. 1982 г.), которые языком современного искусства говорят о неповторимой красоте города Уфы.

Данная тема столь обширна, что в этой статье не удалось назвать имена всех живописцев, прикоснувшихся к ней, акцент сделан на тех, кто работает в этом направлении целенаправленно. Богатый материал представляют также графические произведения башкирских мастеров, посвящённые Уфе, что может послужить материалом для последующего исследования.

Родина Аксакова

Краеведческий калейдоскоп

АКСАКОВСКИЙ САД

По плану Уфы, утверждённому в 1803 году Императором Александром I, кроме расширения города на северо-восток предполагалось проложить новые улицы поперёк давно существующих Казанской, Ильинской и Голубиной (ударение на букву «у») слободки. Новые улицы первоначально так и назывались – поперечные (по тогдашнему написанию – «поперешные»). Планировалось засыпать несколько оврагов или построить мосты через них.

С целью экономии средств предпочтение было отдано насыпям. Двести лет назад нынешнюю улицу Новомостовую только на отрезке от мечети до Спасской церкви пересекало целых три оврага. В нынешнем Аксаковском саду не осталось и намёка на то, что когда-то здесь был овраг с безымянной речкой. В доме, стоявшем у самых истоков этой речки, и родился 20 сентября 1791 года Сергей Тимофеевич Аксаков. Родной дом писателя, стоявший на территории нынешнего Аксаковского сада, сгорел во время пожара 1821 года, до 1970-х годов там стояло другое здание, в советское время в нём размещался детский дом. Но для удобства обозрения памятный знак, установленный на этом месте в 1991 году, позже был перенесён ближе ко входу в сад.

По-видимому, хозяева земли, располагавшейся на территории усадьбы, в конце

XVIII века принадлежавшей семье Аксаковых, воспользовавшись появлением насыпи через овраг, решили использовать её как запруду и устроить в овражке искусственное озеро. Так что история пруда в саду Аксакова ведёт своё начало с 1820-х годов.

В 1875 году тогдашний владелец усадьбы Александр Блохин построил в саду театр и посадил большое количество берёз. В 1888 году усадьбу купил Василий Ильич Видинеев, в честь которого сад долгие годы назывался Видинеевским. Весной 1894 года появился тот Летний театр, что до сих пор остаётся в памяти многих уфимцев.

В 1920-е годы сад, расположенный на месте бывшей усадьбы Аксаковых, стал носить имя наркома просвещения СССР А. В. Луначарского. Молодёжь сократила длинное название, и появилось ставшее известным всей Уфе новое имя любимого места отдыха – «Лунный». Ежедневно летом здесь до полуночи играл духовой оркестр. Работали павильон-читальня, бильярдная, ресторан, на эстраде ежедневно давались концерты. Здание ресторана, как и театра, было деревянным – ещё видинеевским – и открывалось только на лето. Зимой на озере работал каток и выдавались коньки напрокат.

В 1955–56 годах был построен новый главный вход (арх. С. Калимуллин) в виде арки с колоннами и установлена металлическая изгородь. В 1989 году, в преддверии 200-летнего юбилея С. Т. Аксакова, сад получил имя нашего знаменитого земляка. В 1991-м были произведены некоторые ремонтные работы и безо всяких видимых причин (утверждалось, что в целях пожарной безопасности) снесён Летний театр, ставший за свою почти вековую историю визитной карточкой сада. Чуть позже у входа со стороны улицы Пушкина были спилены огромные тополя-осокори, по преданию посаженные самими Аксаковыми.

ДОМ-МУЗЕЙ С. Т. АКСАКОВА

Этот дом на Случевской горе известен не только в Уфе, не только в России. «Мы жили тогда в губернском городе Уфе и занимали огромный зубинский деревянный дом... Дом стоял на косогоре, так что окна в сад были очень низки от земли, а окна из столовой на улицу, на противоположной стороне дома, возвышались аршина три над землёй; парадное имело более двадцати пяти ступенек, и с него была видна река Белая почти во всю свою ширину», – строки из книги «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова.

Дом построен, возможно, в середине 1700-х годов, и, стало быть, на сегодня это самая старая постройка в Уфе. За свою долгую историю он принадлежал многим владельцам, одним из них мог быть и вице-губернатор Оренбургской губернии К. А. Случевский. После революции здесь был детский дом, кожно-венерологический диспансер, а в 1966-м едва ли не единственный сохранившийся уголок Уфы XVIII века и вовсе чуть не был уничтожен. Нашлись «аксаковеды», уверявшие всех, что Аксаков в этом доме никогда не жил и что его дом вообще сгорел ещё в 1821 году. К счастью, исследования краеведов П. Ф. Ищерикова и Г. Ф. Гудкова позволили представить неоспоримые доказательства того, что здание связано с именем великого писателя.

В самом начале 1900-х годов неизвестный фотограф сделал несколько снимков аксаковского домика. Явный интерес фотографа к этому месту заставляет предположить, что до революции значение этого дома было ясно всем. Даже через полвека после этого старожилы именовали дом и сад аксаковскими.

В середине 1980-х годов, во время подготовки к празднованию двухсотлетия писателя, началась реставрация здания

(тогда в нём была библиотека). Некоторые предлагали сломать дом и возвести на его месте новый. К счастью, реставрация не превратилась в разрушение. В октябре 1991 года в дни юбилея Сергея Тимофеевича Аксакова музей писателя в Уфе открылся.

История появления в этом доме Аксаковых такова. Когда жизненные испытания подкосили здоровье Николая Семёновича Зубова и его разбил паралич, все дела по дому легли на плечи старшей дочери Маши. Н. С. Зубов был крупным чиновником Уфимского наместничества, далёкий его предок – казак Семён Зуб – известен в Уфе с конца XVI в. Однажды в церкви девушку увидел единственный наследник оренбургского помещика из старинного дворянского рода Т. С. Аксаков. Тимофею Степановичу удалось получить согласие на брак с «первой умницей и красавицей» города. Обручение будущих родителей писателя состоялось в доме отца Марии Николаевны, в большой гостиной. В мае 1788 года молодые обвенчались в Успенской церкви (тогда она стояла на территории Благовещенского монастыря). На деньги, выделенные отцом, Мария Николаевна купила новый дом Веселовских в Голубиной слободе (на территории нынешнего парка имени С. Т. Аксакова) – тот самый, что сгорел в 1821 году, – и первые годы супруги жили в нём. После смерти деда в 1792 году семья переехала в его дом и прожила там до отъезда из Уфы.

Экспозиция мемориальных залов музея во многом следует тем описаниям, которые даны в книгах С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» (в этих книгах Н. С. Зубов назван Зубиным).

* * *

В литературных залах музея посетители могут познакомиться с прижизненными изданиями книг С. Т. Аксакова. «Записки об уженье» – его первое крупное произведение – принесли писателю широкое признание. «Уженье просто свело меня с ума! – писал Аксаков, вспоминая детские годы. – Я ни о чём другом не мог думать ни говорить». С. Т. Аксаков писал Гоголю, что «...затеял написать книжку об уженье

не только в техническом отношении, но в отношении к природе вообще...». И. С. Тургенев заметил однажды, что если бы тетерев мог говорить, «они ни слова бы не прибавил к тому, что о нём рассказал Аксаков».

Поездка с родителями в Казань, предпринятая в 1799 году, определила, как писал сам Аксаков, его «будущность». Через год он стал казанским гимназистом. Годы обучения в гимназии и Казанском университете нашли своё отражение в книге «Воспоминания» – одной из автобиографической трилогии.

Сергей Тимофеевич и Ольга Семёновна Аксакова венчались в 1816 г. в Москве. Вырастили четырёх сыновей и шесть дочерей. Ольга Семёновна – дочь «екатерининского генерала» Заплатаина – была женщиной «самых героических и патриотических стремлений». Будучи наполовину турчанкой (портрет её матери Игель-Сюмы из рода Эмиров висит в центре экспозиции), Ольга Семёновна была глубоко верующей православной христианкой. «Русские обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа – всё это было ей родное», – писал сын Аксаковых Иван.

Зал сыновей С. Т. Аксакова посвящен Константину, Ивану и Григорию Аксаковым. Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860) – старший из детей. Как все дети, был воспитан в духе любви к России и благоговейного отношения к её истории. За свою короткую жизнь многое успел, хотя большинство его трудов и художественных произведений были опубликованы после смерти.

Иван Сергеевич Аксаков (1823–1896) – «печальник земли русской», радетель за всё славянство. В течение двадцати лет И. С. Аксаков возглавлял Московский

славянский комитет, сыгравший заметную роль в освободительной борьбе южных славян от османского ига. Издавал газеты и журналы.

Григорий Сергеевич Аксаков (1820–1891) – с 1861 по 1867 год был гражданским губернатором на родине отца.

ДОМ ГУБЕРНАТОРА

До 1782 года Уфа находилась в ведении казанских губернаторов. В 1796 году губернское управление по указу Павла I было переведено в Оренбург. Уфа стала уездным городом. Однако в 1802 году

ей вернули статус губернского города с местопребыванием гражданского губернатора. Военный же губернатор находился в Оренбурге.

В истории нашего города Григорий Сергеевич Аксаков навсегда останется одним из лучших его руководителей. Имена братьев его Ивана и Константина известны были всей России и в Европе. Сам же он, казалось, тихо исполнял чиновничью должность, хотя и входил в состав Комитета по освобождению крестьян, где вместе с помещиками Карташевским, Дашковым и Тимашевым прослыл либералом. Но именно при нём женское училище в Уфе было преобразовано в женскую гимназию, построено здание Духовного управления мусульман (1863 г.), начало действовать отделение Государственного банка (1865 г.) и открылся первый городской театр (1861 г.). Примечательно, что театр возводился «усердием Софьи Александровны Аксаковой», супруги губернатора, на пожертвования разных лиц. Здание стояло в городском саду, разбитом также по инициативе Софьи Александровны и потому называемом горожанами просто «Софьиным садом».

Дом губернатора в Уфе по образцовому проекту архитектора А. Захарова был

реализован А. Гопнусом в 1849–50 годах. До этого 11 лет здание стояло без крыши.

В 1917 году, после Февральской революции, в доме губернатора размещался Уфимский Совет рабочих депутатов. 1 мая 1918 года дом был переименован в Дом Советов. Позже в этом здании располагались центральная амбулатория, станция скорой помощи, поликлиника, а сейчас в нём Министерство здравоохранения РБ. Здание является заметным памятником архитектуры Уфы. К сожалению, при непродуманной реконструкции последних лет были уничтожены все интерьеры, парадная лестница, искажена планировка здания, колонны потеряли свои капители.

УЛИЦА АКСАКОВА

Когда-то эта улица носила звонкое название – Каретная. Но с пуском железной дороги она стала едва ли не визитной карточкой Уфы, так как была самой первой на пути въезжающих в город гостей (подъём по Александровской – К. Маркса появился лишь после начала Первой мировой войны). Потому-то отцы города решили дать ей более достойное название. «Каретную улицу, получившую значительное оживление с устройством шоссе от города до вокзала железной дороги, наименовать впредь Аксаковской», – записано в постановлении Уфимской городской думы от 10 сентября 1891 года.

Многие видные горожане дореволюционной Уфы жили на Аксаковской или имели на ней дома: «уфимская легенда» Гурвич, художник Тимашевский, полицеймейстер Бухартовский, купцы Алексеев, Козлов, Кошкин... А аптека и библиотека, находившиеся на улице, по старой традиции даже в советское время именовались Аксаковскими. В полувековую годовщину со дня смерти писателя (1909 г.) были попытки назвать улицу Пушкинской (а Пушкинскую, соответственно, Аксаковской), но затея не удалась.

АКСАКОВСКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

Самые торжественные мероприятия в нашем городе проходят в Башкирском государственном театре оперы и балета

(Аксаковском народном доме). И потому будет несправедливо не вспомнить имя уфимского губернатора (в 1905–1911 гг.) Александра Степановича Ключарёва – как основателя и строителя Народного дома имени С. Т. Аксакова.

Именно при Ключарёве открываются библиотеки, читальни, организуются общества, попечительства, комитеты. В период его управления губернией организованы новые учебные заведения, значительное развитие получила почтово-телеграфная связь, открывались электро-театры (кинотеатры), начали действовать приют-лечебница для алкоголиков, ветеринарная лечебница. А на строительстве существующей и ныне «заразной больницы» губернатор лично внёс 100 рублей. Он же явился организатором школы огородничества и пчеловодства для мальчиков-сирот при железнодорожном разъезде Горнов (будущий Юматовский сельхозтехникум) – факт столь значительный, что школе с разрешения императрицы Александры Фёдоровны было присвоено имя основателя, а разъезд с тех пор и даже в советское время именовался «Ключарёво».

В 1910 году уфимский адрес-календарь указывал: «По счастливой мысли г-на губернатора А. С. Ключарёва пятидесятилетний юбилей со дня кончины С. Т. Аксакова предложено было ознаменовать сооружением в Уфе Аксаковского Народного Дома». Александр Степанович возглавил «Комитет увековечения памяти С. Т. Аксакова». По Высочайшему разрешению была объявлена подписка на сбор пожертвований на сооружение Народного дома, подписные листы были разосланы всем губернаторам и предводителям дворянства, председателям губернских и земских управ, ректорам университетов, настоятелям церквей. Кроме того, «было разослано особое, на татарском языке воз-

звание по сему же предмету, обращенное к духовным лицам магометанского вероисповедания». На приглашение комитета откликнулось очень много сочувствующих лиц, и потекли со всей России пожертвования.

14 сентября 1909 года Аксаковский народный дом был заложен. Комитет объявил конкурс на лучший его проект, но в конечном итоге был принят проект, разработанный губернским инженером Павлом Рудаевским по эскизам самого Ключарёва. В Народном доме должны были разместиться театр, музей уфимского края, картинная галерея из картин, подаренных городу М. В. Нестеровым.

Основная часть Народного дома была возведена к осени 1914 года (было устроено отопление и проведено электричество), в нём стали работать городская Аксаковская библиотека, кинотеатр и несколько учебных заведений, здания которых были заняты под госпитали.

В сентябре 1919 года в здании, названном Дворцом труда и искусств, стали ставиться спектакли, в нём проводились собрания, съезды, конференции. На его сцене дала первые спектакли труппа созданного в том же 1919 году башкирского драмтеатра, в связи с чем здание начинают называть Башгостеатром.

В конце 1920-х почти половина помещений была передана под конторы, которые в погоне за площадями снесли крышу задней части дома и надстроили два этажа, в результате чего эта часть здания сейчас имеет достаточно нелепый вид, ничего общего с проектом не имеющий. Но почему-то считается, что Аксаковский дом был достроен именно тогда.

НАДЕЖДИНО

«В 1821 году Тимофей Степанович согласился, наконец, выделить сына Сергея, у которого тогда уже было четверо детей, и назначил ему в вотчину село Надеждино в Белебейском уезде Оренбургской губернии. Это то самое село, которое в «Семейной хронике» называется Парашино, место злодейского подвига Куролесова или Куроедова, заключения Надежды Ивановны и мучительной кончины её изверга...

Летом 1822 года он отправился с семейством в Оренбургскую губернию... и прожил там безвыездно до осени 1826 года...»

Эти строки взяты из «Очерка семейного быта Аксаковых» Ивана Аксакова.

После смерти С. Т. Аксакова Надеждино перешло к его сыну, Григорию Сергеевичу Аксакову, а в 1892 году имение унаследовали внуки – Сергей Григорьевич Аксаков и Ольга Григорьевна Аксакова. О. Г. Аксакова, которой писатель в своё время посвятил «Детские годы Багрова внука», достойно пронесла по жизни это посвящение: основала рядом с Надеждиным напротив только что построенной железнодорожной станции Аксаково первую в Башкирии стационарную курьезолечебницу для туберкулезных больных (ныне санаторий им. С. Т. Аксакова). Ольге Григорьевне вместе с женой Ивана Сергеевича Анной Фёдоровной Тютчевой, дочерью великого русского поэта, мы обязаны изданием 4-томного собрания сочинений И. С. Аксакова. Благодаря ей сохранился семейный архив, который она сумела спасти в самое трудное время революционного лихолетья. Она умрёт в 1921 году от голода в селе Языкове. Ещё в 80-е годы прошлого века в Надеждине были живы старушки-крестьянки, которые с теплотой вспоминали о своей помещице.

Новая жизнь Надеждина началась в 1991 году, когда к 200-летию со дня рождения С. Т. Аксакова решением правительства республики в село были проведены газ, водопровод, асфальтированы улицы, построен пруд, а главное, был восстановлен храм.

Впоследствии в селе был создан Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», где действуют воскресная школа, школа народных ремесел, а 28 сентября 2002 года в восстановленном с нуля

усадебном доме был открыт музей семьи Аксаковых. Впервые в Башкирии была воссоздана обстановка дворянской усадьбы XVIII–XIX веков, включающей в себя помещичий дом, церковь и усадебный парк, заложенный в 2001 году.

ЗУБОВО

В «Семейной хронике» С. Т. Аксаков пишет, что «... всё состояние старика [Зубина] заключалось в двух подгородних деревушках: Зубовке и Касимовке, всего сорок душ с небольшим количеством земли...».

Село Зубово находится в 13 километрах от Уфы по правую сторону автомагистрали Уфа–Стерлитамак. Оно получило своё название по фамилии его владельца Николая Семёновича Зубова – деда писателя со стороны матери.

4 июля 1785 г. коллежский советник Н. С. Зубов купил земли с усадьбой и угодьями по рекам Дёме и Чесноковке у уфимской помещицы Авдотьи Михайловой за 150 рублей, 26 марта 1786 г. он приобрёл у вдовы отставного сержанта У. О. Каловской за 300 рублей смежную с его поместьем земельную дачу по реке Дёме. 16 сентября 1787 г. Н. С. Зубов совершил покупку соседнего с ним владения подпоручика И. П. Колокольцева по речке Чесноковка за 30 рублей.

Николай Семёнович Зубов служил товарищем (т. е. заместителем) уфимского наместника. У него были дети от первого брака – дочь Мария (мать писателя С.Т. Аксакова) и два сына – Сергей и Александр. Во втором браке он был женат на Александре Петровне – дочери Петра Ивановича Рычкова. От этого брака родились две дочери, Надежда и Екатерина, и сын Николай. Н. С. Зубов умер в чине коллежского советника 12 апреля 1792 года.

В 1870 году Зубовка состояла из двух примыкавших друг к другу частей, расположенных на левом берегу речки Берсия: деревни и сельца. В деревне Зубовка было в восьми дворах 50 жителей, имелись две водяные мельницы, жители помимо сельскохозяйственных работ занимались плетением лаптей. А в сельце Зубове в 42 дворах было 244 жителя, имелась водяная мельница, а жители занимались еще и извозничеством. В 1969 году в Зубове проживало 559 человек.

От тех давних пор в Зубове осталось разве что название, но каждый год жители вновь вспоминают о былом, ведь в конце сентября туда приезжает многоголосый и цветастый Аксаковский праздник – в Зубове проходит большой многонациональный фольклорный праздник.

КАСИМОВО

В имени своего деда Касимовке С. Т. Аксаков, возможно, никогда и не был. Но вот что он писал в автобиографической повести «Детские годы Багрова-внука»: «Кормилица моя была господская крестьянка и жила за 30 верст; она отправлялась из деревни пешком в субботу вечером и приходила в Уфу рано поутру в воскресенье; наглядевшись на меня и отдохнув, пешком же возвращалась в свою Касимовку, чтобы поспеть на барщину».

В результате исследований В. Л. Назарова упоминание о касимовской молочной маме Сергея Тимофеевича Аксакова было обнаружено в ревизской сказке 1795 года: в принадлежавшем деду Аксакова Зубове проживала крестьянская женщина Марфа Васильевна, 25 лет. К моменту рождения Сергея Аксакова ей был 21 год.

Упоминания о деревне Касимовка появляются в первой трети XVIII века. По утверждению З. И. Гудковой, самый ранний из известных документов о Касимовке – это купчая от 30 января 1728 года. Название села, вероятно, произошло от фамилии Касимов (в начале XVIII века в Уфе по некоторым сведениям был служилый человек Михаил Касимов).

В 70-х гг. XVIII столетия дед Аксакова Н. С. Зубов приобрёл земли в Голубцовской пустоши, располагавшейся

в западной части Касимова. К середине XVIII века, когда была возведена Свято-Никольская деревянная церковь, Касимово упоминается как село. Касимовку стали называть также селом Никольским. Из справочника «Уфимская епархия» 1899 года: «Деревянная церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая построена (вместо сгоревшей 15 мая 1865 г.) тщанием прихожан и освящена 9 октября 1866 г.».

В 1930-е годы церковь закрыли и использовали под школу, сельсовет, общежитие, позже – под зерносклад, конюшню, птичник. Строительство новой церкви стало возможным в 90-е годы.

26 сентября 1997 года состоялось торжественное открытие мемориального гранитного знака в память Сергея Тимофеевича Аксакова. На нём славянской вязью начертано: «Во второй половине XVIII и первой половине XIX века здесь было имение деда С. Т. Аксакова Н. С. Зубова и его наследников».

КИИШКИ

В «Детских годах Багрова-внука» деревню у озера Кишки Аксаков называет Сергеевкой. «Сергеевка занимает одно из самых светлых мест в самых ранних вос-

поминаниях моего детства... Около деревьев в цвету видели и жужжали целые рои пчёл, ос и шмелей... Следы недавно сбывшей воды везде были приметны: сухие прутья, солома, облепленная

илом и землёй, уже высохшая от солнца, висели клочьями на зелёных кустах; стволы огромных деревьев высоко от корней были плотно как будто обмазаны также высохшею тинной и песком...»; «Особенно был красив и живописен наш берег, покрытый молодой травой и луговыми цветами, то есть часть берега, не заселённая и потому ничем не загаженная; по берегу росло десятка два дубов необыкновенной вышины и толщины».

С 2004 года народные гулянья в рамках Международного Аксаковского праздника проходят в новом парке имени С. Т. Аксакова.

*По материалам статей
З. Гудковой, М. Чванова, А. Чечухи*

Мы были немного знакомы

Моё детство прошло в обществе двух врачей – мамы и отца. Я был невольным участником их разговоров. Зачастую деловых – они касались болезней, лечений, смертей, а также и врачей, с которыми им приходилось сталкиваться. Я молча слушал, подспудно в каких-то извилинах мозга откладывались медицинские названия, термины и фамилии коллег моих родителей – Анны Ивановны Праксиной и Леонида Николаевича Попова.

Бывая у них на работе, я встречал врачей – профессоров, ассистентов, лечащих врачей – женщин и мужчин. Врачи бывали у нас в доме. И совершенно естественно, что я был знаком с их детьми. А с некоторыми из них дружил.

Сейчас, читая местных авторов от медицины, их воспоминания, я нахожу фамилии известных мне людей. И радуюсь им, как встрече с давними знакомыми. Недавно в мои руки попала книга Г. Х. Кудоярова мемуарного характера «Офтальмология – моя жизнь». Читал с большим интересом. Но больше всего меня привлекли фамилии трудовых спутников Габдуллы Хабировича, которые мне знакомы не только по профессии, а просто по жизни.

ВETERАН БОРЬБЫ С ТРАХОМОЙ

Первая встреча со знакомой фамилией – И. А. Агарёв. Несколько озадачен тем, что фамилия пишется через «А». Считал, что её следует писать через «О» – Огарёв, как фамилию друга А. И. Герцена. Впрочем, среди русских фамилий такое чередование нередко: Анучин – Онучин, Апраксин – Опраксин и т. п.

В середине 30-х годов около глазной больницы на Пушкина, 88 можно было увидеть людей из деревень. Их сюда привёл бич того времени – трахома. Как-то заболели глаза и у меня. Отец, ещё будучи студентом Казанского университета, ездил на борьбу с трахомой у северных народов. Посмотрев мои «ясны оченьки», сказал: «Нужно будет к Агарёву пойти – не трахома ли?» И мы пошли к таинственному Агарёву.

В общем зале ожидания народу – битком. Врач Попов к врачу Агарёву прошёл, минуя очередь. Я послушно плёлся за ним. Рассматривая глаза юного пациента, Иосиф Андреевич даже шутил. Очень ловко вывернул веки, кому-то дал задание

сделать анализ и для начала на всякий случай прижёт глазоньки каким-то «карандашом». Эта неприятная процедура вызвала у меня неприязнь к доктору. Визиты в глазную больницу через какое-то время отец заменил домашним прижиганием. Применялись два специальных «карандаша»: мутно-белёсый и мутно-голубой. И с детства их латинские названия застряли в голове: аргентум нитрикум и купрум сульфурикум (ляпис и медный купорос).

Пройдёт много лет, и с моей мамочкой подружится приятная дама с лёгким дефектом произношения звука «р» – Анна Иосифовна Агарёва, дочь Иосифа Андреевича, в прошлом тоже врач-офтальмолог. Мне вспомнились мои визиты в глазную больницу, доктор Агарёв и прижигания, и я не удержался от шутки: «Помнят, помнят мои глазки вашего папеньку».

ВОРОНЦОВЫ-ВНУКИ

В 1913 году учительница музыки Варвара Дмитриевна Головкина прове-

Боря Попов. 1932 г.

ла в актовом зале Уфимской мужской гимназии концерт, поставленный любителями музыки и пения. Среди исполнителей были бас Максим Михайлов (будущий народный артист СССР) и доктор Иван Иванович Воронцов. Аккомпанировала им 17-летняя Муся Курчатова (двоюродная сестра Игоря Курчатова). Похвальную рецензию об этом концерте написал некто под инициалами «Е. Е.», за которыми скрывался Евграф Еварестов – протоперей, настоятель Воскресенского кафедрального собора.

Самое забавное то, что в 1937-м у В. Д. Головкиной учился и я. К сожалению, недолго. В том достопамятном году моя мама «буквально сбилась с ног», подыскивая мне учительницу немецкого языка. Но не зря в народе говорят «На ловца и зверь бежит»: однажды возле самого нашего двора (Пушкина, 82) шла седовласая дама с мальчиком, бойко говоря с ним по-немецки. Упустить такое было бы грешно, и мама вступила в разговор. Выяснилось, что дама – из ссыльных ленинградцев. Она даёт уроки немецкого языка детям местной интеллигенции, в том числе внуку доктора Воронцова. Мама обрадовалась. Она хорошо знала дочь Ивана Ивановича – Зою Ивановну. Спросила, не может ли дама давать уроки ещё одному мальчику. К её радости, та согласилась, и добрейшей души человек Анна Георгиевна Круминг стала появляться у нас.

Анне Георгиевне было удобно, что Воронцовы жили недалеко от нас в собственном доме (Аксакова, 39). Пару раз она брала меня туда с собой для разговорной практики. При доме был чудный сад, где Витя и я пытались разговаривать по-немецки, но по-русски выходило много лучше, и мы просто веселились.

А жизнь всё время что-нибудь да преподносит. Много лет я не был возле «дома

Воронцовых». Однажды, проходя мимо него, я увидел на стене мемориальную доску, сообщавшую, что в этом доме останавливался... Владимир Галактионович Короленко. Очень могло быть, хотя я об этом никогда не слышал, ведь Короленко и доктор Воронцов – современники. В этом историческом доме уютно расположилось «Бюро ритуальных услуг». Непредсказуемы, жизнь, пути твои! А дома того уже нет.

СМОРОДИНЦЕВЫ И ПУШКАРЁВЫ

Из книги Г. Кудоярова я узнал о трагической судьбе врача из Бирска Александра Амвросиевича Смородинцева. В 1938 году он был репрессирован и умер во время пешего перехода. Ему было 80 лет – малоподходящий возраст для таких «марш-бросков». О сыне его, академике и неутомимом борце с вирусами Анатолии Александровиче Смородинцеве, я кое-что узнал, став взрослым. Зато дочерей его – Людмилу и Ольгу – как друзей моих родителей я хорошо знал.

Людмила Александровна, в обиходной речи Милочка, была замужем за симпатичным человеком – Владимиром Александровичем Плешко. Их сын Владик, младше меня года на три, бывал у нас вместе с папой, в частности на первой моей ёлке в 1936 году. Вместе с папой и Владиком мы ходили гулять на Случевскую гору. Людмила Александровна с мужем у нас бывала редко, зато я помню, как она щеголяла в украинском народном костюме на бале-маскараде, устроенном врачами мединститута в 1938 году.

Ольга Александровна была замужем за врачом-офтальмологом Алексеем Петровичем Пушкарёвым. Я хорошо помню его, брюнета, с приятной улыбкой. Всех умняла их дочурка Лизочка, которую Ольга Александровна называла Зязей. С лёгкой руки мамы и все остальные её называли так же. Мне очень нравился этот ребёнок.

Ольга Александровна принимала активное участие в так называемой «кругосветке» Мединститута – на лодке по Белой и Уфимке вокруг Уфы с привалами и купанием. Лодочный поход начался от станции ОСВОД с утра. День – по Белой, до деревни Черниковки. Там – ночлег. Но-

чью на подводе лодку перевезли к Уфимке. Утром – завтрак и вниз по течению, к Белой. Вечером вернулся к станции ОСВОД. Устроил этот «круиз-сюрприз» преподаватель кафедры лечебной физкультуры Медицинского института Александр Иванович Шепелев при содействии Александра Петровича Пушкарёва.

В конце 30-х или в 1940 году у Пушкарёвых родилась двойня – мальчики Толя и Миша. Я с мамой ходил смотреть близнецов. Похожи! Как две капли воды! Тогда их различали по завиткам волосиков на затылке: у одного два, у другого – один. Алексей Петрович был счастлив. И тут – война. Многодетный родитель Пушкарёв, как и отец Владика Плешко, погиб в этой мясорубке.

В конце прошлого столетия мне стали встречаться знакомые имена Пушкарёвых – Анатолия и Михаила Алексеевичей. Они пошли по стопам своих родителей – стали врачами и научными работниками.

ДОЧЕРИ ОПАЛЬНОГО ПРОФЕССОРА

Детская больница. 1940-е.

В 1933 году моя мама, мечтавшая заняться наукой, поступила в Бактериологический институт (Бакшститут). Научным руководителем её стал профессор Степан Абрамович Белявцев. Я запомнил маму, что-то пишущую по вечерам за столом в кабинете. Рядом на столе росла пачка какой-то бурой испанской бумаги. И вдруг всё разом прекратилось. Профессор был арестован. Без мужа осталась супруга профессора Надежда Александровна Митюкевич, тоже врач. Без отца – дочери: Ирина, на год старше меня, и Ниночка, годом меня младше. Освободился

Степан Абрамович через восемь лет. Тогда Г.Х. Кудояров помог ему устроиться на работу в Институт глазных болезней.

После ареста профессора мама ушла в детскую больницу, занимавшую бывший архиерейский дом на краю южного косого-ра, где «правил бал» профессор и чудный человек Григорий Васильевич Голубцов. Но война оторвала мою маму и от детской больницы. Всю Отечественную она проработала в эвакогоспитале № 1741. После войны профессор Николай Иванович Мельников пригласил её ассистентом на кафедру микробиологии БМИ. В январе 1948 года группа студентов третьего курса сфотографировалась вместе с ней и подарила фотографию с тёплой благодарственной надписью: «Мы благодарны Вам за те знания, которые получили от Вас...». Среди студентов группы находилась и Ниночка Белявцева.

И. С. Белявцева училась в одном классе с моим соседом Олегом Александровым, ставшим тоже врачом и главным редактором «Медицинской газеты». К знакомству с Ирриной Степановной меня подтолкнула неприятная ситуация. В 60-х годах я стал выступать Дедом Морозом в детских садах. Там для этой роли имелись готовые костюмы, а валенки приносили бог знает с чьих ног – дворника или топщика. В результате я подцепил грибок эпидермофитии – малоприятная плата за новогодние детские радости. Пошёл в кожный диспансер на Благоева, 4 (сейчас там Дом-музей С. Т. Аксакова) и попал на приём к Ирине Степановне. Моя фамилия ей ни о чём не говорила, потому я назвался сыном Анны Ивановны Праксиной. И получил «карт-бланш». Разговорились, вспомнили Ниночку, и Ирина дала мне весьма толковые рекомендации, как бороться с грибком.

Спустя длительное время я снова встретился с Ирриной Белявцевой. Она уже стала начмедом Республиканской кожно-венерологической больницы, тогда находившейся на улице Фрунзе, 48. В то время я работал в Уфимском библиотечном техникуме. Контигент учащихся – в основном из сельской местности. Ирина была тревогу по поводу распространения венерических заболеваний среди молодёжи и была обеспокоена появлением чесотки среди учащихся. Она

просила меня содействовать проведению в техникуме медосмотров и лекций на данные темы.

ДВАЖДЫ СОСЛАННЫЙ

Бакинститут. 1949 г.

В середине 30-х годов мама привела меня в Бакинститут к врачу, который говорил с каким-то непривычным акцентом. Мама объяснила, что он – венгр, и назвала его по имени, отчеству и фамилии. Узнав, что я собираю марки, Шандор Иосифович сказал: «Я могу принести тебе венгерскую марку». И принёс марочку с портретом какого-то господина, аккуратно вырезав её из конверта, обрезав при этом все зубчики. На этом моё знакомство с «настоящим венгром» закончилось.

В августе 1939 года я познакомился с Олегом Еварестовым. Он пригласил меня к себе домой на Аксакова, 39. На звон колокольчика дверь открыла его мама Мария Мартирьевна, и я поразился, до чего же они похожи. Меня приветливо встретили бабушка Олега Анисья Ивановна и его дед, Мартирий Алексеевич Курчатов. Тогда его фамилия никому ничего не говорила. Самым радушным человеком была мама Олега, тётя Муся. В этой семье я очень скоро стал своим человеком и подружился с их собакой, которую звали Анной (или Айной).

Однажды я обратил внимание на висевшую на стене фотографию мужчины, которого сразу узнал, – Шандор Иосифович. Дабы не ошибиться, я спросил: «Кто это?» Олег замялся, потом забормотал что-то невразумительное. Тогда я сказал: «А я его знаю. Это – Шандор Иосифович

Кора!» И напряжённость была снята. Олег признался: «Дядя Шоня – второй мамин муж. Его арестовали и сослали куда-то в Сибирь. Айна – его собака».

Собака ждала хозяина, который куда-то ушёл, и нет его и нет. Давно пора на охоту, а он всё не идёт. Однажды зимним днём Шандор Иосифович был освобождён, Айна издали услышала его голос и встретила с присущей собаке радостью. Дождалась! И вскоре умерла. Вот она – собачья преданность.

Шандор Иосифович меня узнал, заговорил со мной о маме, об отце, о моей учёбе. О себе – ничего. И позже о своём заключении он говорить не любил. Кое-что рассказал жене, а та, по-видимому, – Олегу, а тот уж мне.

Шандор Кора был арестован по пресловутой 58-й статье. Какое-то время содержался в бывшей церкви Рождества Богородицы, ставшей застенком и пересыльной тюрьмой. Сложна судьба у этой церкви. Мало того что до революции она так толком и не была достроена, так и при советской власти её приспособили под тюрьму. Это я знаю по рассказам и «церковным останкам». В 50-х годах там была авиамастерская аэроклуба. В 60-е годы бывший источник «дурмана для народа» был сменён на центр культуры – в нём открылся кинотеатр «Йондоз» («Звезда»). В 1990-м помещение было передано епархии, и началось возрождение храма.

Именно здесь Шандор Кора испытал «прелести» тюрьмы, фарс суда и в итоге

Ул. Кирова и бывшая Рождественская церковь. 1940-е

отправку этапом в «края не столь близкие» – в Сибирь. И в тюрьме, и в ссылке условия жизни были не для слабых телом и духом. Но и после освобождения «не долги были радости». Началась война. Шандор Иосифович, как венгр (Вен-

грия была союзницей фашистской Германии), был сослан вторично. На этот раз всего лишь в Толбазы. С ним уехала Мария Мартирьевна. В Уфе остались дед Мартирий Алексеевич с Олегом и с приезжими эвакуированными постояльцами.

Когда я в 1950 г. вернулся из армии, деда Курчатова уже не было. Дом на Аксакова был продан, в нём разместилась адвокатура. Шандор Иосифович с Марией Мартирьевной жили в маленькой квартире в конце улицы Ленина. С ними теснились Олег Еварестов с женой и сыном. Шандор трудился в Институте глазных болезней, куда его по возвращении из ссылки устроил Г. Х. Кудояров. Незадолго до смерти он вместе со своей Мусенькой съездил в Венгрию. Поездка была очень интересной, но никого из родных там не осталось. Шандор Иосифович Кора скончался в 70-х годах и похоронен на Сергиевском кладбище. Марию Мартирьевну в апреле 1980 года приняло Южное кладбище. «Мусю с Шоней» разлучила смерть.

РАДИКИ

В 50-х годах я «процветал на ниве» молодёжной самодельной эстрады. Среди номеров имели успех музыкальные политфельетоны наподобие таких: «Лишь только смолк орудий гром и в мире тихо стало, поднёс Европе Белый дом крикливый план Маршалла». Совершенно огушительный успех имели «дружеские пародии на некоторых мастеров эстрады и театра». Все персонажи безымянные, но угадывался каждый – будь то артист оперы, исполнитель интимных песен, популярный певец эстрадного оркестра, артисты театра музыкальной комедии или солистка цыганского ансамбля таборной песни. Моим постоянным аккомпаниатором был Олег Еварестов, замечательный пианист-слухач.

Его жена Галина приводила на наши концерты подругу по техникуму – Нину Менч. Обе дружно и заразительно смеялись, когда я вёл программу. От Олега

узнал невероятную историю: однажды отец Нины получил посылку, и когда он её вскрыл, грохнул взрыв. Менча не стало.

Нина Менч, обращаясь ко мне, очень быстро усвоила фамильярный тон и называла меня запросто – Борька. Да мы тогда все друг друга называли так – Галкой, Нинкой... Как-то вместе с Олегом и Галиной Нина Васильевна пригласила меня в семейство Менч, причём сделала это в присущей ей манере: «Ну, Бодька, приходи. Дадки будут». Дело в том, что на звуке «р» её язык давал «осечку» и получалось «д». Стало быть, «Дадки» – это не кто иные, как супруги Радик и Римма Кудояровы, объединённые Нинкой одним словом – Радки.

Когда-то девочек, Ирину и Нину, обучали музыке, и в квартире было пианино. Их гостями были художники, музыканты, литераторы. При сёстрах находились их мама Надежда Васильевна и тётя Вера Васильевна. Друзьями этого семейства были Кудояровы. С Радиком (Радомесом) Кудояровым Олег был знаком ещё с довоенного времени, когда в доме Курчатových устраивали новогоднюю ёлку.

После знакомства с Радиком я дважды был у него дома. Первый раз ещё в доме на улице Гоголя. Он представил меня отцу. Габдулла Хабирович, узнав, что я сын Леонида Николаевича Попова, радостно сказал: «Я твоего отца помню. Маму твою хорошо знаю».

Особые отношения установились с Лялей (Лейлей) Кудояровой, сыграла роль её дружба с Ниной Менч. Работая в библиотечном техникуме, я вместе с Ниной Васильевной подготавливал тематические музыкально-литературные вечера. Писал сценарии, подбирал стихи, репетировал, а Менч брала на себя музыкально-лекционную часть – и приглашала Лялю. Благодаря её лекторскому мастерству и нашим усилиям все тематические вечера в нашем техникуме отличались художественной и общей культурой.

Радика и Ляли Кудояровых уже нет, ещё раньше ушли Олег и Нина Менч, но в памяти моей они все живы. Спасибо тебе, память!

Национальной библиотеке имени А.-З. Валиди – 175 лет

ПРОЕКТ Н. С. МОРДВИНОВА И СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В УФЕ

Идея создания публичных библиотек в губернских центрах России принадлежала Вольному экономическому обществу, от лица которого в апреле 1830 г. к правительству Николая I с соответствующим предложением обратился его президент, известный государственный деятель, адмирал Николай Семенович Мордвинов. Как отмечалось, «публичные библиотеки для чтения учреждаются по губернии с той целью дабы по возможности распространять повсеместно общее просвещение и, в особенности, полезные сведения до местности каждого края относящиеся». Вместе с тем создание библиотек входило в качестве компонента и в проект либерального развития российского общества, разработанный Н. С. Мордвиновым. Он считал необходимым работать над изменениями экономических отношений и культуры, с тем чтобы в новых условиях крепостничество исчезло «само собой».

Во всех губернских и уездных городах России предполагалось открыть 52 публичные библиотеки, причем оговаривалось, что денежных средств на содержание и комплектование фонда государство выделять не будет.

Учреждение библиотек и контроль над их функционированием с 1831 по 1834 г. были возложены на Министерство народного просвещения. Самая существенная его поддержка выразилась в организации пожертвований в пользу создаваемых библиотек, а также в бесплатной рассылке книг. Местные власти сами должны были

изыскивать средства на приобретение книг и обеспечение работы библиотек.

Открытие публичной библиотеки в Уфе, входившей в состав Оренбургской губернии, затянулось на несколько лет и состоялось лишь в 1836 г. Помещение для нее было выделено в здании Дворянского собрания. В состав попечительского комитета вошли оренбургский гражданский губернатор А. П. Гевлич, губернский предводитель дворянства Е. Н. Тимашев и директор Уфимской гимназии И. В. Базилев. Заведывание библиотекой было поручено секретарю Дворянского собрания, титулярному советнику Шевякову. Его обязанности состояли в следующем:

а) приняв в свое ведение журналы и газеты, какие до сего времени поступили от издателей к гражданскому губернатору, разделить по годам и сделать им реестр;

б) из пожертвованных Мензелинско-го и Бирского уездов дворянами 144-х рублей употребить нужное число денег на покупку двух шкафов, из коих в одном хранить книги на русском языке, а в другом – на иностранном;

в) имеющим поступать от соревнующихся просвещения книгам в дар библиотеки вести каталоги с разделением на русские и иностранные».

Судя по архивным данным, в Уфе задержка с открытием библиотеки была связана с волокитой со стороны администрации гражданского губернатора и равнодушием к этому вопросу местного дворянства. Подобные причины, отмечал К. И. Абрамов, были характерны и для ряда других регионов России: в Пензе, Вятке и Гродно библиотеки открылись лишь в 1837 г., а в Симбирске – в 1848 г.

Римма Аскарровна Гильмиянова родилась в 1960 году в Кармаскалинском районе, доцент кафедры культурологии и социально-экономических дисциплин Башкирского госпедагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат исторических наук, автор двух монографий и почти 60 статей.

Книжный фонд как Уфимской библиотеки, так и публичных библиотек других губернских городов начал формироваться за счет бесплатного получения трудов и сборников Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства, журналов Министерства внутренних дел, народного просвещения и финансов, «Московского телеграфа», издаваемого Н. Полевым, а также частных пожертвований. Других источников комплектования не было. Как писал К. Н. Дерунов, «шумиха с открытием губернских публичных библиотек была оживлена снаружи, но мертва практическими результатами». Отсутствие постоянных источников финансирования и недостаточная подготовленность городского общества неблагоприятно сказались на судьбе первых (в том числе и Уфимской) публичных библиотек. Первоначально в Министерстве внутренних дел полагали, что «учреждение подобных библиотек возродит дух общечеловечности, откроет большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности». Однако осознание роли библиотек как возможного местного центра общественной жизни еще не произошло. Либеральные идеи были неприемлемы для традиционного общества, где господствовала вера во всеисие власти. Следствием всего этого было сворачивание деятельности ряда губернских публичных библиотек, в том числе и в Уфе.

БИБЛИОТЕКА УФИМСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

В период подготовки и реализации реформ второй половины XIX в. большое значение придавалось сбору статистических сведений. Особую роль приобретали такие учреждения, как губернские статистические комитеты, «Положение» о которых было утверждено в 1860 г. Кроме сбора статистических данных комитеты призваны были выполнять функции местных отделений Русского географического общества, организуя изучение края. Определенное значение в развитии книжного дела российской провинции имела издательская деятельность статистических комитетов. В провинции под эгидой

В вестибюле библиотеки. 1947 г

статистического комитета объединялась местная интеллигенция. В Уфимской губернии, выделенной из Оренбургской губернии в 1865 г., в число активных краеведов входили член-секретарь губернского статистического комитета, член Русского Географического общества Н. А. Гурвич, заведующий статистическим отделом губернской земской управы М. П. Красильников, краеведы В. А. Абрютин, А. Е. Алекторов, М. В. Лоссиевский, В. А. Новиков, А. А. Калачев, В. Михайлов, С. Г. Рыбаков, а также член Русского Географического общества, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Р. Г. Игнатьев. Активную поддержку статистическому комитету оказывал губернатор Уфимской губернии Григорий Сергеевич Аксаков – сын писателя, человек, горячо преданный делу русского просвещения.

Статистическим комитетом был организован ряд статистико-экономических, этнографических исследований, проведены переписи населения в Уфе и губернии в 1867, 1879, 1886, 1897 гг. Издававшиеся статистическим комитетом «Списки населенных мест Уфимской губернии»,

«Памятные книжки», «Адрес-календари Уфимской губернии», различные сборники и обзоры благодаря своему содержанию высоко ценились современниками.

В 1861 г. при губернском статистическом комитете началась организация библиотеки. Первоначальный фонд библиотеки состоял из небольшого количества книг, частью пожертвованных, частью приобретенных на средства комитета, кроме того, в библиотеку был передан и фонд уже не функционировавшей к тому времени публичной библиотеки при Дворянском собрании. Поэтому библиотеку статистического комитета можно считать преемницей первой публичной библиотеки в г. Уфе. Первоначально функции библиотекаря выполнял секретарь статкомитета Н. М. Остапков. По предложению губернатора Аксакова было решено открыть при библиотеке и бесплатную читальню для всех сословий.

В 1870 г. библиотека была переведена в здание бывшей гауптвахты на Верхнеторговой площади, которое в 1872 г. было надстроено и стало двухэтажным. Второй этаж здания сдавался в аренду, а на первом расположились статистический комитет, краеведческий музей и библиотека.

В течение двадцати лет заведующим библиотекой был Н. А. Гурвич, родившийся в 1828 г. в семье польского помещика. После смерти родителей мальчик был усыновлен польским евреем Гурвичем. В 1846 г. Н. А. Гурвич окончил с золотой медалью гимназию в Германии, в 1852 г. – Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. С 1853 г. и до последних лет своей жизни он занимался врачебной практикой в Уфе, принимая одновременно участие в различных областях общественной жизни Уфимской губернии и Уфы. Долгие годы Н. А. Гурвич был членом губернского училищного совета и почетным мировым судьей Уфимского округа, депутатом Дворянского депутатского собрания от Белебеевского уезда и губернским гласным, членом многих комитетов и обществ. Н. А. Гурвич провел большое количество статистико-экономических исследований, опубликовал ряд работ по экономической, демографической и санитарной статистике, по истории и этнографии местного края. Особо следует подчеркнуть роль Н. А. Гурвича в создании библиотеки и

читальни при статистическом комитете, заведующим которой он был в течение 20 лет. Именно благодаря стараниям Н. А. Гурвича книжный фонд библиотеки увеличился с 438 до 3785 томов. С 1884 по начало 1886 г. библиотекой заведовал Р. Г. Игнатьев – историк, археолог, этнограф, фольклорист, архивист, журналист, окончивший Институт восточных языков и Парижскую консерваторию.

Фонд библиотеки Уфимского статистического комитета был разнородным по видовому составу и включал инструктивные материалы, сводки статистического комитета о социально-экономическом развитии губернии, памятные книжки, сводки по сбору урожая за разные годы, обзоры губерний, труды, отчеты научных обществ, а также научные, справочную литературу исторической, географической тематики. Фактические сведения, содержащиеся в этих материалах, широко использовались учеными, краеведами, историками, географами, экономистами, этнографами, служащими статкомитета. Кроме того, в фонде имелись литературно-художественные и периодические издания. Фонд библиотеки делился на одиннадцать отделов: законоведение, история, естествознание и др.

Основными источниками комплектования фонда служили обмен изданиями Уфимского губернского статистического комитета со статкомитетами других губерний, получение книг из Центрального статистического комитета, Археологической комиссии в Санкт-Петербурге, а также пожертвования частных лиц. С первых лет существования библиотеки для нее выписывалось от семи до десяти периодических изданий и еще несколько приобреталось по обмену на «Уфимские губернские ведомости». По свидетельству Н. А. Гурвича, «это, несомненно, привлекало горожан Уфы в библиотеку». Уже в 1865 г. количество читателей в библиотеке составило 618 человек – значительную по тому времени цифру. Из них 235 читателей были чиновниками, 202 – учащимися Духовной семинарии, 106 – гимназистами, и 75 читателей – лицами других сословий. Несмотря на небольшую величину фонда (в 1865 г. – 690 экз., в 1876 г. – 2135, в 1889 г. – 3785), его ценный по содержанию состав, бесплатность в пользовании чи-

тальной и относительно небольшая плата за пользование абонементом сделали эту библиотеку популярной среди читающих уфимцев того времени.

К сожалению, угасание деятельности статистического комитета в начале XX в. привело к снижению роли библиотеки в общественной жизни Уфы, а затем и ее ликвидации. Библиотека была переведена в канцелярию губернатора, точнее – законсервирована в одной из комнат канцелярии, а затем отпущена в подвал губернаторского дома.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Открытие библиотек городскими думами на территории Башкортостана началось в 1880-е гг. в плане реформы городского самоуправления. Разрешение на открытие «городской общественной библиотеки» в Уфе было дано Уфимским губернатором 13 ноября 1889 г. Большая часть выделяемых городской думой денег тратилась на содержание помещения, и лишь небольшая сумма – на покупку книг. Поэтому основными источниками ее финансирования, наряду с отчислением городской думы, являлись добровольные пожертвования, плата за чтение, доходы от устройства концертов, спектаклей и т. п. Управление библиотекой осуществлялось комитетом или советом, избранным из числа гласных думы. Думой утверждался и заведующий библиотекой. Комитет организовывал комплектование библиотеки и обслуживание читателей, решал хозяйственные и финансовые вопросы. Фонд Уфимской городской общественной библиотеки, имевшей на момент открытия 3500 экз., в основном был сформирован путем пожертвований. Поэтому в первое время своего существования библиотека не могла удовлетворять разнообразные запросы своих подписчиков. В последующие годы ее фонд стал более упорядоченным, целенаправленно укомплектованным. Это показывает анализ печатных каталогов Уфимской городской общественной библиотеки. Изучение каталогов дает возможность утверждать следующее: книги по различным отраслям знаний, имевшиеся в

фонде, представляли собой разнообразные типы изданий, рассчитанные на различную степень подготовленности читателей и позволявшие последним, получив первоначальные знания по той или иной теме, переходить к следующим уровням самообразования. Например, в разделе каталога за 1899 г. «История. Биография. Археология» представлены работы Ф. Шлоссера «Всемирная история», Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (СПб, 1895), Ф. Гизо «История цивилизации в Европе» (СПб, 1892), Д. Дрэппера «История умственного развития Европы» (Киев, 1895), Н. Данилевского «Россия и Европа» (СПб, 1895), Н. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», С. Соловьева «История России с древнейших времен» и др. – всего 213 названий в 262 томах. В разделе «Естествознание. Физика. Химия» отражены книги А. Брема «Жизнь животных» (СПб, 1893–1896) в 10 томах, К. Тимирязева «Жизнь растений», Д. Кайгородова «Беседы о русском лесе», работы Ч. Дарвина – 126 названий в 146 томах. В фонде имелись также книги по технике и сельскому хозяйству научно-популярного характера.

В 1897 г. для библиотеки были выписаны двадцать пять периодических изданий, в том числе «Русский вестник», «Русский архив», «Вокруг света», «Новь», «Нива», «Вопросы философии и психологии», «Живописное обозрение», «Вестник иностранной литературы». Уфимская городская общественная библиотека располагала достаточно ценными краеведческими материалами. Среди них имелись статистические отчеты, местные газеты и журналы, а также получаемые из соседних губерний периодические издания – «Волжский вестник» (Казань), «Пермский край», «Вятский край», «Уральская жизнь» (Екатеринбург), сборники циркуляров начальника губернии, книги по различным отраслям знаний, выпускаемые местными типографиями. Для читателей – банкир и татар – в Уфимской городской общественной библиотеке в течение нескольких лет был сформирован подфонд светской литературы на языке тюрки. Книгами из него пользовались в основном шакирды местных медресе.

Одним из важных источников комплектования фонда Уфимской городской

В читальном зале республиканской библиотеки. Фото из альбома 1947 г.

общественной библиотеки являлись частные пожертвования. Например, ценной по содержанию и составу была личная библиотека Дашковых. В «Каталоге книг пожертвованной Дашковым библиотеки», изданном в 1908 г., отражено 2323 ценных по своей тематике и содержанию книги по всем отраслям знаний: социально-экономическая, историческая, философская, юридическая литература, религиозные издания, книги по естествознанию, технике, сельскому хозяйству, географии и этнографии, педагогике и искусству, большое количество беллетристических изданий. Влившаяся в фонд Уфимской городской общественной библиотеки личная коллекция Дашковых, несомненно, повысила его ценность.

Фонд библиотеки статистического комитета наряду с фондом Уфимской городской общественной библиотеки лег в основу созданной в 1921 г. Уфимской губернской научной библиотеки. Все библиотеки – и первая уфимская публичная библиотека, и библиотека статистического комитета, и Уфимская городская общественная библиотека – выступали центром общественной жизни города и губернии, так называемым «культурным гнездом», собирая, храня и предостав-

ляя в пользование грамотным жителям книги, журналы, газеты, т. е. выполняли социализирующую функцию. Такую же социализирующую функцию, но в условиях советского государства, стала выполнять и Уфимская губернская научная библиотека, поэтому можно говорить о преемственности библиотек.

Таким образом, началом истории Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди – центральной библиотеки Республики Башкортостан – можно считать учреждение в Уфе 25 марта (7 апреля) 1836 г. губернской публичной библиотеки, деятельность ее преемниц – библиотеки Уфимского губернского статистического комитета и Уфимской городской общественной библиотеки.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РЕСПУБЛИКИ

В 1922 г. Уфимская губерния была упразднена, большая часть ее территории была передана созданной в 1919 г. Башкирской республике со столицей в Стерлитамаке. С 14 июня 1922 г. Уфа стала столицей Башкирской АССР. Уфимская

Семинар по изучению биографии И. В. Сталина. 1947 г

губернская научная библиотека была преобразована в Уфимскую научную библиотеку, которая с 1925 г. стала именоваться Центральной научной библиотекой БАССР. В 1927 г. библиотека получила статус научного учреждения, в соответствии с которым в нее начала поступать литература, издаваемая в стране по профилю библиотеки. Это были издания по педагогике, медицине, биологии, сельскому хозяйству и другим отраслям, в том числе книги на тюркских языках. В течение нескольких лет (с 1932 по 1939 г.) библиотека получала бесплатный обязательный экземпляр печатной продукции, выходящей на территории страны, замененный в 1940 г. платным обязательным экземпляром по профилю республики. В то же время принцип партийности советских библиотек, ставший на долгие годы руководящей идеей в их деятельности, приводил к регулярным чисткам библиотечных фондов, в том числе и Центральной научной библиотеки БАССР, исключению из них идеологически «вредной» литературы, передаче ее в созданный при Республиканской библиотеке в 1938 г. спецфонд.

Эксперимент по созданию единой библиотечной сети в г. Орехово-Зуево Московской области 1929–1931 гг. был перенесен и на территорию республики, став основой централизации сети библиотек Башкирии. В 1930 г. решением секретариата Башкирского обкома ВКП(б) «Об объединении библиотечного дела БАССР» была создана Центральная республиканская библиотека БАССР, куда вошли все библиотеки г. Уфы, в том числе Центральная научная библиотека (как научный отдел) и Государственная публичная башкирская библиотека (в качестве башкирского отдела). В соответствии с «Положением о Центральной республиканской библиотеке БАССР» все государственные, профсоюзные, кооперативные библиотеки, библиотеки учебных заведений Башкирии объединялись в единую сеть как филиалы Центральной республиканской библиотеки БАССР. Реорганизация библиотек республики, но замыслу инициаторов эксперимента, должна была дать значительный эффект за счет экономии финансовых и материальных ресурсов, привлечения средств общественных организаций и привести к улучшению

1947 г.

комплектования фондов библиотек, повышению качества обслуживания населения.

Но программа централизации оказалась непродуманной. Механическое слияние библиотек разных типов в единую сеть не привело к преодолению межведомственных барьеров. В 1933 г. решением руководства республики эксперимент был прекращен. Научный отдел Центральной республиканской библиотеки БАССР вновь стал самостоятельной научной библиотекой. В 1936 г. приказом № 215 народного комиссара БАССР Г. А. Давлетшина Республиканская научная библиотека была объединена с Центральной массовой библиотекой им. М. Горького и получила название Республиканской библиотеки БАССР. В ней открылись новые отделы, библиотека стала методическим центром для массовых библиотек республики.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на сокращение в три раза штата сотрудников, уменьшение поступления литературы, деятельность библиотеки осуществлялась в тесном сотрудничестве с эвакуированными в Уфу ор-

ганизациями, учреждениями, учебными заведениями, предприятиями, действующими в республике, и была направлена в первую очередь на удовлетворение их информационных потребностей. Только в 1941 г. было выдано 5026 библиографических справок, в том числе 320 письменных. Например, Институту высоких давлений Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР была подготовлена справка «Нефти Ишимбая и их особенности», Крекинг-заводу – «Получение уксусной эссенции», Наркомзему БАССР – «Определение вредителей сельскохозяйственных культур». Для эвакуированных учреждений и промышленных предприятий были дополнительно открыты 23 пункта межбиблиотечного абонеента (МБА). Абонентами МБА стали 25 заводов, 22 военных учреждения и госпиталя, 19 научно-исследовательских институтов, 8 вузов, 58 предприятий.

В послевоенный период деятельность Республиканской библиотеки разворачивалась в русле восстановления библиотечной сети страны. К 1951 году она не только

восстановила основные показатели своей работы по сравнению с довоенным периодом, но и превзошла их. В 1957 г. началось строительство нового здания библиотеки, переезд в которое состоялся в 1960 г. В том же году решением заседания бюро обкома КПСС библиотеке было присвоено имя Н. К. Крупской. Типовой устав областной, краевой, республиканской (АССР) библиотеки, утвержденный в РСФСР в 1965 г., придал данному типу библиотек статус научных библиотек универсального профиля. Перестройка системы обслуживания, организация специализированных отделов привели к качественному изменению состава читателей: если в 1961 г. количество читателей-специалистов составляло 7576, то в 1970 г. уже 12754, в 1980 г. – 17397 человек. В 1970-е гг. под руководством специалистов библиотеки была осуществлена централизация сети массовых библиотек БАССР, и к 1980 г. в республике функционировало 66 централизованных библиотечных систем. Централизация коснулась и самой Республиканской библиотеки.

В 1988 г. распоряжением Совета Министров БАССР произошло объединение трех библиотек. В состав Республиканской библиотеки БАССР им. Н. К. Крупской на правах филиалов вошли Республиканская детская библиотека и Республиканская юношеская библиотека. Предполагалось, что это приведет к ликвидации параллелизма и дублирования в работе центральных библиотек республики. Это было первое подобное объединение в Российской Федерации, но, как показало время, не самое удачное.

В статусе республиканской универсальной научной библиотека просуществовала до 27 апреля 1992 г., когда вышло постановление Совета Министров Республики Башкортостан «О преобразовании Башкирской республиканской научной библиотеки им. Н. К. Крупской в Национальную библиотеку Республики Башкортостан». В том же 1992 г. Национальной библиотеке было присвоено имя Ахмет-За-

ки Валиди. Начался новый этап в деятельности центральной библиотеки региона.

Литература

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России / К. И. Абрамов. – М.: Либерея, 2000. – 176 с.

2. Барсов Н. Н. На заре книжного и библиотечного дела. / Н. Н. Барсов // Путь тропам былого: краеведч. сб. – Уфа, 1980. – С. 88–89.

3. Гайсина Р. Х. Храм сокровищ. Национальная библиотека имени Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан: ист. очерк / Р. Х. Гайсина, М. А. Машанов. – Уфа: Ай, 1996. – 162 с.

4. Дерунов К. Н. Типичные черты в эволюции русской общественной библиотеки / К. Н. Дерунов. – М.: Кн. склад «Для самообразования, б-ки и шк. Е. Д. Трауцкой, 1916. – 56 с.

5. Каталог книг пожертвванной Дашковым библиотеки. – Уфа: [Б. и.], 1908. – 94 с.

6. Латыпова В. В. Н. А. Гурвич – наш земляк / В. В. Латыпова // Живая память: краев. сб. – Уфа, 1997. – 232–251.

7. Об учреждении в городе Уфе публичной библиотеки. – ЦГИА РБ ФИ – 110. Оп. 1. Ед. хр. 79.

8. Основания, на которых вообще учреждаются в губернских и уездных городах России публичные библиотеки для чтения // Библиотека. – 1992, № 2. – С. 23–24.

9. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг. – Уфа, 1868. – 215 с.

10. Шнак А. П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х – начало 1880-х гг.) / А. П. Шнак // Книга: исслед. и материалы. – М., 1986. – Сб. 54. – С. 160–168.

Эксперимент 11.09.2001

*Постиндустриальное общество и его двойники:
критический эксперимент 11 сентября 2001 года*

Хайдеггер сформулировал теорему: «Атомная бомба взорвалась, когда Декарт сказал: *«Я мыслю, значит, я существую»*. Можно считать, что к концу XX века эта теорема была доказана.

Дуалистическое миропонимание современного Запада, при котором каждое человеческое действие есть отношение «субъект-объект» (и борьба противоположностей), неминуемо ведет к тому, что действие порождает свое отрицание. Рано или поздно оно «взорвется». Рациональный гуманизм Декарта нес в себе зародыш иррационального антигуманизма атомной бомбы над Хиросимой.

В новой доктрине просвещенческого фундаментализма, которая намечала строительство постиндустриального «общества знания», зародыш развился гораздо быстрее. Порождение и двойник этого «общества» объявился в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Вскоре после этого события философ постмодерна Жан Бодрийяр почти повторил теорему Хайдеггера, сказав: «В конечном счете, совершили это они, но хотели этого мы».

Теракт 11 сентября как *система*, со всеми его составляющими (организацией, техникой, информационной поддержкой, ритуальными интерпретациями и ответной войной), есть высшее достижение постиндустриального «общества знания». Это такой же шедевр, каким была атомная бомба для науки и техники западного индустриального общества. Другой философ-постмодернист (Славой Жижек) сказал поэтому: «Америка получила то, о чем грезил». Так, наверное, раби Лёв восхищался своим творением – Големом – даже в тот момент, когда тот вышел из-под контроля и стал убивать своего создателя.

Идеологический контекст событий 11 сентября показывает, что важные блоки мировоззренческой матрицы «общества знания» века Просвещения сохранились

практически в неизменном виде и в постиндустриальном «обществе знания» начала XXI века. Более того, они радикализировались, как это и бывает во всех фундаменталистских течениях.

Новое время создало «картину мира» («мир как картину»), так что природа оказалась противопоставленной человеку как «объект». Природа и стала тем резервуаром, куда рациональное (онаученное) сознание сбрасывало или вытесняло все *иное* – то, что не укладывалось в рамки рациональных моделей.

Вот несколько структурно схожих примеров.

Рыночная экономика – недавняя социальная конструкция, возникшая как мутация в специфической культуре Запада. Когда Рикардо и Адам Смит, уже освоившие достижения Научной революции и пережившие протестантскую Реформацию, заложили основы политэкономии, она с самого начала создавалась и развивалась ими как наука о *хрематистике*, о той экономике, которая нацелена на производство богатства (в западных языках политэкономия и хрематистика даже являются синонимами). В «Капитале» Маркса именно рыночная экономика представлена как *нормальная*, а натуральное хозяйство, в системе которого жило большинство человечества, считалось дикостью и атавизмом – ему для контраста посвящены обильные примечания. Нерыночное хозяйство было для политэкономии *иное* – «часть природы».

У российских неолибералов этот фундаментализм доходил в 90-е годы XX века до гротеска. Активный в те годы экономист В. Найшуль даже опубликовал статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики» [Журнал «Огонёк» – 2000, № 45]. Это тоталитарное утверждение нелепо. Православные страны есть, иные из

них существуют по полторы тысячи лет – почему же их экономику нельзя считать нормальной?»¹

Вот второе фундаментальное понятие Просвещения – *гражданское общество*, о котором Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» (1755) сказал так: «Первый, кто расчленил участок земли и сказал: «это мое» – стал подлинным основателем гражданского общества».

Концепцию гражданского общества разработал Локк. Суть ее в том, что люди западной цивилизации делятся на две категории – на *собственников* (профетариев) и *пролетариев* (тех, кто не имеет ничего, кроме своего потомства – *proles*). Пролетарии живут в состоянии, *близком к природному*; собственники объединяются в гражданское общество – *Республику собственников*. По словам Локка, «главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, – сохранение их собственности».

Вне Запада жили *дикари*. Они находились в *природном* состоянии. Они – *иное* для Запада. Локк, чье имя было на знамени буржуазных революционеров в течение двух веков, вложил все свои сбережения в акции английской компании, имевшей монополию на работорговлю. В этом не было моральной проблемы – негры касательства к гражданским правам не имели, они были «дикарями».

Гражданское общество уравновешено войной с немущими. Читаем в фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата – собственности и капиталу. Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Начиная с революции 1848 года устанавливается правительство страха: те, кто не имеет ничего, кроме себя самих, как говорил Локк, не имеют представительства в демократии. Поэтому гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию,

а политическое право – собственностью. Поэтому такая демократия означает, что существует угрожающая «народу» масса рабочих, которым нечего терять, но которые могут завоевать все. Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством» [Historia de la ideología (Eds. F. Chatelet, G. Mairret). 3 Vol. Madrid: Acaal. 1989 – с. 523]².

Осталось ли в XVIII веке убеждение, что «дикари – часть природы»? Нет, оно так и застряло в культуре западного человека, благополучно дожив до постиндустриального «общества знания» при всей его демократии. В 1989 году вышла книга Донны Харауэй «Представление о приматах: пол, раса и природа в мире современной науки» – монументальный труд, скрупулезно исследующий историю приматологии (науки о человекообразных обезьянах) в XX веке [Haraway D. Primate vision: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science. New York: Routledge, 1989]. В нем есть такое наблюдение. Обезьяны живут, в основном, в колонизованных в прошлом европейцами зонах иных культур, и ученый-приматолог неизбежно проявляет себя в контакте с этими культурами (образуется сложная система культурного взаимодействия: ученый – местное население – обезьяны – местная природа). В 80-е годы телевидением и журналом «National Geographic» создан целый эпос о белых женщинах-ученых, которые многие годы живут в Африке, изучая животных. Живут в одиночестве, посреди *дикой природы*, их ближайший контакт с миром – в городке за сотню километров. Те помощники-африканцы (в том числе с высшим образованием), которые живут и работают рядом с ними, не считаются *людьми*. Тем более людьми не считаются жители деревни, которые снабжают женщин-ученых всем необходимым (в одном случае по вечерам даже должен был приходить из деревни музыкант и исполнять целый концерт). Африканцы бессознательно и искренне трактуются как часть дикой природы.

И еще красноречивая мелочь – бригады приматологов после трудных полевых сезонов любят сфотографироваться, а потом поместить снимок в научном журнале, в статье с отчетом об исследовании. Как

добрые товарищи, они фотографируются вместе со всеми участниками работы (и часто даже с обезьянами). И в журнале под снимком приводятся полные имена всех белых исследователей, включая студентов (и часто клочки обезьян), – и почти никогда имена африканцев, хотя порой они имеют более высокий научный ранг, чем их американские или европейские коллеги. И здесь африканцы – *часть природы*. Речь идет именно о неосознаваемом элементе мировоззрения, в сознании этих ученых-приматологов наверняка нет никакого расизма.

Вот парадокс: либеральное общество скреплено страхом перед *Иными*, обитающими за пределами их «цивилизации», в *природе*. Этот страх поддерживает постоянную готовность к борьбе с этими неизвестными угрозами, к Великому походу против них. Культурологи считают, что в мистико-художественной форме это манихейское состояние выражено Мелвиллом в романе «Моби Дик». Белый кит для капитана Ахава – воплощение *иного*, как стена, наступающая на его цивилизационное пространство. И эта борьба приводит к единству противоположностей – так, что Ахав и кит становятся почти неразличимы в своей иррациональности.

Все большие кампании борьбы просвещенного западного общества против *иного* отличаются этой иррациональностью и этим надрывом, какой-то непропорциональной ненавистью. Таково было преследование ведьм во время Реформации (несравнимое по масштабам с жестокостью Инквизиции), потом антикрестьянское чувство (и в огораживаниях, и в Вандее), потом ненависть к церкви («Раздавите гадину!»), поразительная «очистка» Северной Америки от индейцев с символической подвижной границей («фронтир») между цивилизацией и дикостью. Тот же иррациональный характер носила русофобия XIX века, а затем психоз холодной войны («Русские идут!»)³.

В 70-е годы иррациональный страх стали вызывать «голодные орды с Юга», которые якобы наступали на цивилизацию, как варвары на Рим. В 1995 году новый президент Римского клуба Р. Диц-Хохляйтнер заявил, что ситуация стала хуже, чем 20 лет назад, и жители Запада «все более превращаются в некое гетто,

которое окружают возмущенные, готовые к бунту орды голодных, неграмотных и безработных... В своей нынешней форме демократия вряд ли пригодна для решения предстоящих задач»⁴.

Этот сдвиг западного общества к имперскому тоталитаризму зафиксирован уже в докладе Римского клуба «Первая глобальная революция» (1991). В нем сказано: «США с их законами и конституционными правами посягают на международное право всякий раз, когда серьезно задеваются их национальные интересы. В действительности это не является чем-то новым, однако огромное значение последствий любого шага во взаимозависимом мире представляет собой совершенно новый феномен, глобальный характер которого очевиден» [Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс. 1991 – с. 174-175].

После краха коммунизма «общество знания», неспособное существовать без врага, на время оказалось в мировоззренческом вакууме. В этот период мы видим небывалый всплеск производства фильмов, в которых на «цивилизацию» наступают самые различные фантастические враги – ящеры, инопланетяне, вампиры, пауки и пр. Схема наступления зла «из-за горизонта» от фильма к фильму не меняется, но в совокупности вся эта культурная продукция отражает психопатическую потребность общества во враждебном *ином*.

В рамках рационального дискурса был порожден иррациональный страх перед вирусами – невидимыми и всемогущими агентами природы. Фон для страха был создан СПИДом, а затем и совершенно ничтожные по масштабам вспышки вирусных заболеваний (вроде «коровьего бешенства» или птичьего гриппа) вызывали на Западе массовые психозы.

Поиски закончились созданием образа вселенского зла в виде *международного терроризма*. Это зло делокализовано, оно не имеет конструктивных целей, по своей технической и информационной оснащенности оно стоит вровень с «обществом знания». Оно – воплощение хаоса, наступающего на порядок цивилизации. Будучи непонятным и вездесущим, оно внушает ужас. Терроризм оживил латентный параноидальный «страх Запада». 11 сентября вместе с психологической подготовкой к

нему и с ритуальной интерпретацией события как начала большой войны со Злом задала новую социокультурную парадигму для постиндустриального общества.

Можно провести аналогию с той парадигмой, которую выразил роман Уэллса «Война миров». Он так точно выразил мироощущение западного человека в момент острого кризиса индустриализма, что даже простая передача в 1938 году по радио инсценировки романа вызвала в США массовый психоз и панику. Но разница между двумя случаями существенна. Марсиане Уэллса были явно *Иньми* – могучими, но хорошо обозначенными и в этом смысле понятными. Террористы начала XXI века, скорее, воспринимаются как *Тень*, которая нападает на своего хозяина. Она невидима и неразличима, что внушает особый страх. Уэллс внушал оптимизм – марсиане погибли от бактерий, которые были безопасны для людей. Сейчас положение другое – цивилизации угрожают ее же «бактерии», с которыми произошла мутация. Ведь Бен Ладен и талибы – создание самих США, а международный терроризм – «непристойный двойник» транснациональных корпораций.

Эффект от телевизионной презентации атаки террористов 11 сентября Жижек сравнил с тем психологическим эффектом, который в свое время вызвал фильм Хитчкока «Птицы», – человек, воспитанный в рационализме и детерминизме, стал жертвой необъяснимого и неодолимого нападения «природы». Этого не может быть! Мыслительные структуры «общества знания» исключали подобные аномалии из своих моделей. Это – огромный дефект того типа сознания, которое сформировала мозаичная массовая культура рационального Запада.

Дж. Грей пишет о тех «силах», существование которых игнорировала либеральная мысль: «Гегемония либерального дискурса и идеалов приводит к тому, что эти силы, например, этничность и национализм (подобно сексуальности в викторианские времена) предаются интеллектуальному забвению, откуда они периодически появляются вновь как свидетельства живучести человеческой иррациональности, чтобы боязливо обсуждаться на ущербном «новоязе» в терминах «различия и инаковости» или просто отбрасы-

ваться как с трудом доступное пониманию отклонение от основного интеллектуального русла. Выдержанное в подобном духе понимание господствующих сил столетия как прискорбного атавизма или отклонения от требований внутренней непротиворечивости теории не предвещает ничего хорошего современной политической философии или либерализму» [Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Практикс, 2003 – с. 43].

Что же показало изучение событий 11 сентября в интересующем нас контексте? Речь идет о том, как он высветил социокультурную сущность постиндустриализма, независимо от технических деталей самой акции и даже от того, кто в действительности совершил теракт. Такому анализу посвящена большая литература и выступления видных философов и культурологов. Представительную совокупность текстов собрал и прокомментировал М. Рыклин [Рыклин М. Apocalypse now. Философия после 11 сентября. – Клуб «Красная площадь». 22 мая 2006]. Он представил выступления и эссе философов-постмодернистов Жака Деррида, Жана Бодрийера, Поля Вирлио, Славоя Жижека и Сюзан Бак-Морс, а также теоретика СМИ Бориса Гройса и правого либерального философа Ричарда Рорти.

Вот существенные для нашей темы выводы из этих текстов (главные тезисы сформулированы М. Рыклиным [Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М.: Логос. 2002] и дополнены нами).

Все философы, за исключением Рорти, сходятся в том, что глобализирующийся на матрице «общества знания» мир производит террор как свой собственный продукт; терроризм не является внешним и автономным от глобализации явлением. Исполнители терактов владеют не только техническими и финансовыми средствами нынешнего постиндустриального общества, но и соответствующими интеллектуальными технологиями. Так, они эффективно программируют массмедийное воздействие своих символических жестов, то есть обладают структурами мышления самого продвинутого информационного общества и владеют современным информационным оружием Запада. Они действуют в культурном про-

странстве постмодернизма и глубоко проникли в сущность «общества спектакля» как важной ипостаси «общества знания». Таким образом, современный терроризм имманентен постиндустриальному обществу. Перефразируя Маркузе, сказавшего, что немецкий фашизм был закономерным продуктом либерального индустриального общества, можно сказать, что нынешний терроризм – продукт неолиберального постиндустриального общества.

Американское общество действительно «грезило» терроризмом. В предыдущих главах приведено много суждений, содержащих предчувствия такого ответа на новую волну технизации, подавляющей всякое *иное* Западу. Художественными средствами это предчувствие было выражено в большом числе фильмов, которые точно, вплоть до деталей, создали апокалиптический образ того, что произошло 11 сентября (несколько подобных фильмов были еще в производстве и их запретили к прокату). По словам Бодрийера, США «питали террористическое воображение» буквально во всем мире. Они и породили явление, которое ударило по ним самим. «Нас уверяли: «Бог не может объявить войну самому себе», – сказал Бодрийер. – Нет, может. Запад, ставший Богом (обладающий божественным всеислием и абсолютной моральной легитимностью)... объявил войну самому себе».

Новый терроризм, подобно вирусу, пребывает везде и не может быть локализован. Идеология «общества знания» здесь дает сбой, поскольку трактует явление нового типа в терминах фундаментализма («архаизирует конфликт»), как борьбу Добра и Зла (борьбу демократии против исламского тоталитаризма), которую Запад может выиграть силовыми методами. Невозможность адекватного ответа на атаку подобного «вируса» предвидели уже в первых дебатах о постиндустриальном обществе. Жак Аттали писал в 1990 году: «Проблемы, которые будут досаждают человеку грядущего тысячелетия, требуют, чтобы мы восстановили идею зла и идею святости, поставив их в центр политической жизни» [Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения. 1993].

Таким образом, постиндустриальное общество генерирует хаос, но не может

создать аттракторы, которые втягивали бы этот хаос в структуры желаемого порядка. Аттракторы создают враждебные *Иные*. Глобализованный под эгидой США мир столкнулся с выделяемыми им же «антителами». Террористический ответ на террор Нового мирового порядка питается ненавистью всего многообразия социальных и культурных идентичностей, которые репрессированы (в широком смысле слова) нынешней технизацией и глобализацией. Ислам не более чем грубое обозначение антагонизма, который разлит везде и пребывает «в каждом из нас».

11 сентября показало, что утратила свою объяснительную силу рациональная модель общественного конфликта, берущая свое начало в Просвещении и сводящая дело к конфликту *социальных интересов*. Терроризм как ответ «голодных орд Юга» на запредельное социальное неравенство подавляла рационализацию, а значит, и контроль с помощью социальных технологий и технических средств (бомбардировки и устрашение, подкуп элит и манипуляция сознанием, гуманитарная помощь). Ничего этого не добивается своим шантажом новый терроризм. Бодрийер сказал: «Террористы-самоубийцы воплощали терроризм бедных, здесь перед нами терроризм богатых. И это нас особенно пугает: они стали богатыми, не перестав желать нашей гибели».

Это выбивает важное звено в логике неолиберальной глобализации. Эта логика строилась на том, что будет создана глобальная наднациональная каста людей, соединенных возможностью наживы в системе новой экономики информационного общества («финансомики»). Эта каста (или даже раса – «золотой миллиард») будет сплочена именно «чистой» наживой, измеряемой символическими «электронными» деньгами. Этика накопления символического богатства (денег или знания) должна была стать силой, цементирующей глобальное господствующее меньшинство. М. Вебер пишет об этике современного капитализма: «*Summum bonum* [высшее благо] этой этики прежде всего в наживе... Эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека»

[Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – В кн.: М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990 – с. 75].

«Терроризм богатых», желающих гибели миру, стоящему на этике наживы и на технологии, равнодушной к «счастью» отдельного человека, ставит крест на всей доктрине такой глобализации. Сейчас надо вспомнить, что уже при первом предъявлении этой доктрины прозвучали предупреждения о том, что ее механистический детерминизм неадекватен сложности реальной структуры человеческих стремлений и разнообразию культур. Конфигурация общественного конфликта к концу XX века стала сложной, и загнать ее в равновесную ньютоновскую модель борьбы Добра со Злом невозможно.

А. Турен писал о социологии общественного конфликта в информационном обществе (он называл его «программированным»): «В индустриальную эру общая основа называлась справедливостью, будучи связана с возвратом рабочим плодов их труда и индустриализацией. В программированном обществе единой основой как протеста, так и контрнаступления является счастье, т. е. всеохватывающее понятие организации социальной жизни, основанной на учете потребностей индивидов и групп в обществе.

Это значит, что арена социальной борьбы в программированном обществе определяется уже не так, как в предшествующих: в аграрных обществах все, очевидно, было связано с землей; в торговых обществах горожанин, жигель был главным «актером»; в индустриальном обществе таковым был рабочий. Но в программированном обществе это уже социальный «актер» в любой из многих своих ролей, можно даже сказать – просто живое существо.

Вот почему движения протеста действуют во имя коллективного целого, будь то индивид, рассматриваемый в понятиях его телесной природы и его планов, или же само сообщество. Вместе с тем все различные аспекты, которые придают социальным конфликтам в программированном обществе исключительную жизненность и широкое распространение, являются одновременно и причиной их слабости, поскольку обобщенная природа этих конфликтов в данном случае лишает их

общей основы. Пользуясь грубой аналогией, пламя может вспыхнуть в любом месте, но обществу меньше, чем прежде, угрожает огромный пожар [Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. – В кн.: Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986 – с. 424].

Бодрийяр говорит примерно то же самое, называя наступление глобального капитализма («всеобщей обмениваемости») подавлением всяких *сингулярностей*, т. е. качественных различий: «Терроризм является действием, которое восстанавливает несводимость сингулярностей внутри системы всеобщей обмениваемости».

Турен и Бодрийяр дают общую, фундаментальную постановку вопроса. Она может показаться отвлеченной, но на деле эта общая модель сразу наполняется содержанием, если конкретизировать типы конфликтов, порождаемых глобализацией, загоняющей разные культурные общности в структуру неолиберального «общества знания». Очень красноречиво явление «бунтующей этничности». Этнолог Дж. Комарофф пишет (1993): «Несмотря на утверждения некоторых консервативных мыслителей и, особенно, Фрэнсиса Фукуямы о том, что мы дожили до «конца истории», практически нет сомнений, что история нашего времени в полном смысле слова переписывается под воздействием этнических и националистических форм борьбы. Мне как ученому трудно не испытывать достаточно сильного смущения перед сложностью тех исторических процессов, начало которым положила постколониальная политика самоосознания, а также из-за той массы убийств и геноцида, что совершаются во имя различных форм национализма, распространившихся по всей планете.

Публикации последнего времени на тему политики самоосознания начинаются обычно с того, что отмечается, насколько удивительно ошибочной и банальной оказалась евро-американская теория национального государства в ее объяснениях этого феномена. Взрывная живучесть этнического и национального сознания опрокинула все самонадеянные исторические предсказания, делавшиеся слева, справа и из центра, об отмирании культурного плюрализма в конце

XX столетия. Нам говорили, что всем «некопным» культурным привязанностям придется окончательно исчезнуть под влиянием «современности», возмужания национального государства и глобализации индустриального капитализма...

Страны становятся частями обширной и интегрированной общепланетарной мастерской и хозяйства. Но по мере того, как это происходит, их граждане восстают против неизбежной утраты своего неповторимого лица и национальной суверенности. По всему миру мужчины и женщины выражают нежелание становиться еще одной взаимозаменяемой частью новой общепланетарной экономической системы – бухгалтерской статьей «прихода», единицей исчисления рабочей силы. В результате возник новый «трайбализм». На всем пространстве от бывшего Советского Союза до Боснии и Канады люди требуют права на выражение своего собственного этнического самосознания» [Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века. – В кн.: Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука. 1994 – с. 35, 48].

Но терроризм только начал показывать Западу масштаб тех последствий для него, которые порождает глобализация. В 1989 году аятолла Хомейни вынес смертный приговор писателю Салману Рушди и призвал к его исполнению на территории Англии. Принципиальным моментом здесь было отрицание юридических границ законодательства Великобритании – именно это потрясло жителей Западной Европы. Они стали объектом неизвестного им судопроизводства по неизвестным для них законам иных стран. Как считает Дж. Комарофф, «транснационализация насилия и вызов, бросаемый принципу юрисдикции национального государства, являются особо значительными моментами в развитии глобализма» [там же – с. 51].

Именно этим символическим изменением, а не уровнем реальной угрозы для жизни обывателя объясняется тот мистический страх перед международным терроризмом, который овладели европейцами и американцами. «Международный» террорист, который устраняет национальные границы, обрушил один из важных

устоев того национального государства, которое западная цивилизация три века выстраивала для защиты своих наций от «варваров». Это обнаружило хрупкость и незащищенность постиндустриального информационного общества. С. Жижек сказал по этому поводу: «Ощущение того, что мы живем в изолированном, искусственном мире вызывает к жизни представление, что некий зловещий агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне». «Фронтир», защищающий от *того*, оказался фикцией. Это открытие вызвало замешательство, и оно толкает к действиям, которые подавляют саму суть информационного общества и тем самым еще более ослабляют его. Например, в США наложен запрет на показ фильмов, как-то напоминающих о том, что произошло 11 сентября; такая «репрессия символического отражения» событий затрудняет их рационализацию и еще больше архаизирует конфликт.

Теракт 11 сентября стал и важным экспериментом, который высветил внутреннюю слабость мировоззренческой основы «общества знания», которая, как предполагалось, включала в себя ценности гуманизма и прав человека. В массовом сознании произошло оправдание («амнистия») государственного терроризма США, проводимого по всему миру, общество даже склоняется к принятию идеи легализовать *пытки*⁵. Оказалось, что культура информационного общества вполне совместима с применением пытки человека как источника информации – так же, как индустриальная наука включила в свой метод «допрос Природы под пыткой».

Жижек считает, что современное общество оказалось перед сложной моральной дилеммой. И однозначное осуждение терактов, ведущее к утверждению «невинности» США, и анализ причин, подспудно приводящий к осуждению США, которые якобы «это заслужили», неадекватны структуре реального противоречия. Рациональность «общества знания» недопустимо упрощает реальность. Жижек предлагает разработать такую модель: «Бороться с терроризмом необходимо, но нужно дать ему более широкое определение, которое включит в себя некоторые действия Америки и западных держав... По отношению к «нам» и Буш, и Бен Ладен являются

«ими». Тогда станет ясно, что американские «каникулы от истории» были фикцией, что «невинность» покупалась ценой экспорта катастроф вовне. Презумпция того, что глобализованный мир содержит нечто внешнее себе, 11 сентября оказалась совершенно несостоятельной».

В цитадели «общества знания» западный человек чувствовал себя в безопасности и успокаивал свою совесть теле-репортажами о гуманитарной помощи в Сомали. 11 сентября оказалось, что вся сетевая технологическая стратегия США вовсе не так эффективна, как было принято думать. Был рассеян миф о всемогуществе постиндустриальной техники и глобальном информационном доминировании спецслужб, армии и ВВС США. Научно-технический барьер, отгораживающий Запад от *Иных*, был важным устоем мироощущения постиндустриального общества. Он рухнул от абсурдной атаки четырех пассажирских самолетов, которые причинили ущерб в два раза больший, чем атака на Пирл-Харбор. Самая современная военно-техническая система США оказалась неспособной ни предвидеть, ни предотвратить угрозу.

Сигналы о том, что неуязвимость техносферы США есть фикция, были и раньше, но СМИ уводили внимание от смысла этих сигналов. Вот одно из важных событий. В 1992 году произошли волнения в Лос-Анджелесе, в которых погибло 70 человек и был нанесен урон городскому хозяйству в 2 млрд. долларов. Поводом послужило то, что четверо полицейских остановили водителя-негра, проехавшего на красный свет, и избili его так, что он еле выжил и остался на всю жизнь инвалидом. Случайно инцидент был снят на видео (человек купил камеру и решил ее попробовать прямо у двери магазина). Видеофильм четыре часа подряд просматривал суд присяжных – и оправдал полицейских. Внимание общества было направлено на этот расовый конфликт, и замалчивалась другая сторона дела. Погромы и грабежи в центре большого города были организованы людьми без образования и без технических средств, но так, что мощная полиция была парализована. Изучив карту города, погромщики устроили ряд пожаров в критических точках – так, что прибывшие пожарные команды вызва-

ли автомобильные пробки и полиция не смогла прибыть в зоны, где толпа громил магазины. При «молекулярной» гражданской войне сложные технические системы трудно защитить традиционными силовыми средствами. Источник угрозы заключается в том, что само западное общество провоцирует «молекулярную» войну.

Тему вины общества определенно поставил Жак Деррида: «Абсолютное сочувствие жертвам 11 сентября не мешает мне сказать: я не верю в чью-либо политическую невинность перед лицом этого преступления». Речь о том, что о невинности постиндустриального мира не может быть и речи. С. Бак-Морс подкрепила этот вывод тем, что в результате эмбарго и бомбардировок Ирака в 1991 году погибло 5% населения этой страны, но самосознание американцев с их трактовкой «невинности» блокировало понимание этого. Большое воздействие на арабов оказал и характер того массового ликования, которое наблюдалось в Нью-Йорке во время празднования «победы над Ираком»⁶.

Для социологии «общества знания» важен и такой многозначительный факт. 12 октября 2006 года был обнародован доклад комиссии, которая по заданию ООН произвела подсчет числа жертв среди населения Ирака в результате войны, начатой США в 2003 году под предлогом необходимости ликвидировать оружие массового уничтожения, якобы созданное в Ираке. В докладе сказано, что в Ираке погибло 665 тысяч человек (подсчет проводился по официально принятой в США методике). При этом никаких следов ядерного и других видов оружия массового уничтожения в Ираке, как известно, обнаружено не было, но при этом половина американцев продолжает одобрять эту войну.

На основании переключки философов М. Рылкина делает такой общий вывод: «Будучи, по сути, террористической системой, новый мировой порядок долгое время удачно осуществлял экспорт насилия вовне – 11 сентября оно бумерангом вернулось в его лоно и разрушило его важнейшие символы. То, что господствующей системой определяется как террор и с необходимостью овнешняется в образе врага, представляет собой ее же собствен-

ную сущность (особенно резко на этом настаивают Бодрийяр, Вирилью, Жижек, Бак-Морс и Гройс). Отказываясь опознать ее в качестве таковой, доминирующая система не в состоянии поставить правильный диагноз».

На этом фоне примечательна позиция Рорти, виднейшего либерального философа США. Он отвергает диалог культур как альтернативу войне в Афганистане после 11 сентября: «Я не ожидаю ничего от подобного диалога. За последние 200 лет после Французской революции в Европе и Америке развилась секулярная, гуманистическая культура, устранившая многие виды социального неравенства. Остается еще многое сделать, но в главном Запад стоит на правильном пути. Я не думаю, что он должен чему-либо учиться у других культур. Нашей целью, напротив, должно было бы стать распространение западных ценностей на другие планеты».

Когда собеседник заметил философу, что распространение западных стандартов жизни на все человечество невозможно по экологическим причинам, он ответил: «Возможно, наших ресурсов будет действительно недостаточно для создания средних слоев в глобальном масштабе. Если было бы реально убедить американских и европейских избирателей снизить свой жизненный уровень, я бы это приветствовал. К сожалению, такого рода предложения не особенно популярны; так что скорее всего окружающую среду спасти не удастся».

По сути, Рорти легитимирует террористов, поскольку зеркально воспроизводит их аргумент, который представляет террор как «экспроприацию экспроприаторов». Запад присваивает ресурсы многих народов, лишая их благ развития, – в ответ террористы экспроприируют некоторые символические блага Запада (такие как ощущение безопасности или гражданские свободы). К тому же большинство человечества не согласится оплачивать безудержное потребление «американских и европейских избирателей» ценой разрушения окружающей среды, вовсе им не принадлежащей. Из высказываний Рорти следует, что либеральное сознание определено толкает мир на тропу войны. Рационализм с какого-то момента начинает подавлять здравый смысл.

Относительно возможности западного общества изменить фатальную тенденцию своего собственного развития философы «третьей волны» высказывались весьма пессимистично. Ф. Джордж писал: «Пожалуй, главным фактором, детерминирующим происходящее, является быстрота, с которой западный мир сможет обрести свое направление – будь то посредством новой религии, тоталитарного контроля с помощью «промывки мозгов» и использования медикаментов или же через колонизацию космического пространства. Возможно, рецепт придет из некой комбинации всех этих вещей, и тогда средства, более изощренные и менее опасные, чем алкоголь, который мы употребляем, смогут открыть подлинную личную Утопию».

Одно кажется определенным, что западный мир ведет человечество в пропасть, из которой нет возврата, а потому следует отыскать [другой] верный путь» [Джордж Ф. После 1984. Перспективы лучшего мира. – В кн.: Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986 – с. 370].

Примечания:

¹В 2000 году, когда всем были очевидны разрушительные для хозяйства России последствия ваучерной приватизации, он с гордостью называл себя автором этой идеи: «В 1985 году я написал самиздатскую книгу о приватизации. Только называл приватизационные чеки не ваучерами, а инвестиционными рублями». Точно так же он высоко ставит либерализацию цен, которая не только привела к массовому резкому обеднению населения, но и парализовала производство, оставив предприятия без оборотных средств. Он пишет: «Правильно было сделано освобождение цен. Теперь люди ходят и видят полные прилавки, могут купить не просто сыр, кофе, пиво, а пиво, сыр и кофе разных сортов и наименований. Это свобода» [1].

²Таким образом, народом в гражданском обществе были собственники. Некоторые западные наблюдатели (де Кюстин) и о России середины XIX века писали:

«Здесь следовало бы все разрушить для того, чтобы создать народ».

³В 1948 году на собрании промышленных магнатов США формулируется такая установка: «Россия – азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умеющая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». Замечательно, что эта риторика фанатизма исходит от наиболее рационального и прагматического общества США.

⁴Еще в 80-е годы была бы немислимой сама эта фразеология в устах международного деятеля такого ранга: «готовые к битву», «орды» и т.д.

⁵Примечательно, что предложение узаконить пытки исходит от элиты «общества знания». Выдавать американским судьям «ордера на пытки» предложил профессор права Гарвардского университета Алан Дершовиц, который слывет в США «либералом». А советник президента Буша (позже генеральный прокурор США) Альберто Гонсалес подал докладную записку, оправдывающую методы, примененные в тюрьмах на базе в Гуантанамо и в Абу-Грейв. Гонсалес предложил

считать пыткой только такую боль, которая причиняет серьезное повреждение или смерть, а также утверждал, что Буш, как главнокомандующий, имеет конституционное право приказывать пытать заключенных.

⁶Незадолго до этого произошло другое примечательное событие. В 1988 году военный корабль США «Винсенс», находившийся в Персидском заливе, среди бела дня сбил ракетой иранский самолет с 290 пассажирами на борту. Самолет только что поднялся в воздух и находился еще над иранскими территориальными водами. Когда «Винсенс» вернулся на базу в Калифорнии, огромная ликующая толпа встречала его со знаменами и воздушными шарами, духовой оркестр ВМФ играл на набережной марши, а с самого корабля из динамиков, включенных на полную мощность, неслась бравурная музыка. Стоящие на рейде военные корабли салютовали «героям» артиллерийскими залпами. Н. Хомский, проводя структурный анализ этого случая, приводит выдержки из американских газет, которые внушили американцам уверенность в праве совершать такие действия.

Боже, благослови Америку

Было это давно, изменилось многое. Тогда пиво в баночках – не столько пиво, сколько предмет возвышенный и надменный.

В Америку никто не ездил. Единицы. Полубоги. Америка была империей добра и несбыточной мечтой тихих головастиков.

Везли из Америки микроволновые печи, впечатления о супермаркетах, в которых есть все, и фразы про воздух свобод.

Съездил и я, по знакомство было с долей разочарования. Неделю ходил по магазинам в поисках нужного. Нужного нет, есть избыток. Постояв на Бродвее, рассеянно потрогал подбородок: больше в магазины ши ногой. Трата времени. Не купив книгу пик, сэкономил взгляд. В результате со статусом богоравного привез из Америки заметки. По жанру не публицистика и не поэма. Зарисовка. Прошло время, многое не актуально: секретарь горкома... – что-то знакомое, но что? На местах больших красных щитов, призывавших перевыполнять план, теперь большие красные щиты, призывающие курить «Мальборо». Хотя малюсенький Минздрав таки против.

Россия повзрослела слишком быстро и сейчас выглядит болезненной и усталой. Не до Америк. Зарисовки остались. В зарисовках от глубин толстовских наблюдений осталась здоровая непосредственность. Что ж – не мало.

Американцы не посят домашних тапочек. Зря. В манхеттенской квартире вполне социалистический таракан. Я взял тапочек и убил. Не из идейных соображений, от задумчивости.

Наука насчитывает тысячу шестьсот семейств тараканов. Таракан – самое реактивное существо, самое древнее крылатое насекомое, не изменившееся за 300 млн. лет. Способное синтезировать каротин в безумных количествах и псевдомый науке

антибиотик. Самое чистоплотное, между прочим, насекомое. Ну да и хмырь с ним – дело в квартире. Квартира в Америке как погоны. Знак отличия.

За знаками следят.

Итак, квартира: светла и просторна, как сон Веры Павловны, хотя санузел на хрущевский манер. Квартира бела, пуста, но бела и пуста не потому что стиль, а потому что – временно. Быт без мебели – с кое-какой, случайной. Получив очередную звезду, переедут. Двери без звонка – внизу привратник с телефоном. Белая рубашка, темные зеркала, стены под мрамор, лифт под бронзу. У привратника телеэкран – следить, кто в лифте пишет непристойности. Никто не пишет, боясь привратника.

Привратник быстро улыбается лицом и открывает двери, какие успеет. Закрываются двери очень томно, провоцируя зевок. От порога начинается парк Ривсайд. Вдоль парка река. Американцы называют ее Хадсон, но вообще-то это Гудзон. В пяти минутах расслабленного бега Центральный парк: искусственный рельеф, искусственные водоемы. Мило. И рельеф, и водоемы. Америка – страна недавняя, вождей не накопили, и улица обозначена без затей, порядковым номером. Вот тут квартира Леннона – со стареющей вдовой в траурных очках, – а тут квартира Джаггера. Там никто не стареет, но такие соседства не бесплатны. За 200 тысяч можно купить квартиру на Манхэттене, но есть квартиры, которые не продадут за любые деньги, если покупатель свалился с луны. В Америке за деньги можно все – это банальность, любопытнее продолжение: можно все, но не всем.

Распродажи – миф. Полумиф. В витрине жирная надпись «30% офф», но цены прежние. Иногда над баншаками два ценника – пугающая цифра написана фломастером и фломастером же перечеркнута.

и цифра поспокойней, шрифт аккуратный, механический. Не зануда, по логичней, если б наоборот. Зато прохожему маленький праздник, подешевели. Но прохожие эти народ тертый, они знают: суетиться не надо. Какие-то товары дешевлеют – устаревая, а не к Рождеству. Проста и арифметика с лимонами. Один лимон стоит столько-то. Умножив на четыре, получим доллар. Но купив четыре, получим пятый бесплатно. Держа в руках такой подарок судьбы, иванушка, не спешит благословить Америку. Пять лимонов стоят доллар, ну и не мелочись, бери по пять. И помни, мил человек, для твоей радости никто ничего себе в убыток.

Мифом оказались и счастливые улыбки. Америка выиграла любые соцсоревнования по мифам. Доброжелательность, если всмотреться, тоже миф. Откуда, если конкуренция? Столько лет орденоносные газеты писали об эксплуатации, о неуверенности в завтрашнем дне, о человек человеку волк. Оказывается, правда. Чтобы американец не забывал четких истин, каждую минуту на переходах загорается ВОЛК. Принцип жизни. И если это не стало понятным из бытовых телесериалов, обратимся к фольклору, к народным образам, так сказать.

В Америке гордятся Америкой. В России стыдятся России. Беглый сравнительный анализ, что-нибудь на клеточном уровне:... пастух.

В России это мальчик-подросток в лапоточках и с собачкой – хвост колечком. Заметим, и с дудочкой. В Америке это неутомимый любовник, выпивающий боценок рома за раз, это четыре нагана и щетина из-под шляпы.

В России все говорят о хамстве. Хватают. В Америке о хамстве не говорят; босс посылает клерка в задницу, клерк называет босса ублюдком, но это деловой стиль: оба в галстуках.

Борьба систем не интересна, интересно, откуда берутся восклицательные знаки вокруг географического понятия. Ничего загадочного в Америке нет. Кроме одного: на нее работает мир. Весь мир. Цивилизованный и не слишком. Электроника из Японии, сантехника из Финляндии, мебель из Швеции, многостаночные фото-модели из нечерноземной полосы, обувь со вкусом из Италии, прочая обувь из

Кореи, автомобили – откуда угодно. Автомобиль американский как лакированный бульдозер. Что остается бульдозеристам? Гордиться. Это получается. В России над агиткой всегда посмеивались, здесь – принимают к сердцу. Здесь столько песен про Америку, сколько не пели ни про одну родную партию. Поют с чувством, со слезой, как в последний раз, как Александр Матросов. С прекрасной мыслью о правах человека во взоре, поют непоколебимо. А потянуть за рукав, спросить, кого знает, ну философа, скрипача, художника, рожденного под синими звездами в красную полоску. Отмахнется.

И не мешайте американцу петь.

...Вытягивая откровенность, однажды услышал: если бы Америки не было, ее надо было бы придумать. Признание многого стоит. Ведь миф и о свободе: у привратника есть одна свобода – улыбаться. Свободы не улыбаться у него нет. Все занято, самая малая ниша. Иди, романтик, свищи свой шанс. Тебя пригласят в Голливуд, твою улыбку оценит рекламная компания, ты станешь Майклом Джексонем. Иди. Чтобы узнать: привратник – это не временная работа, это социальный статус. Можно сменить двери, но не судьбу. Трезвая философия, привратник.

Что еще достопримечательного. Чувство любви к ближнему. Для волков ближний – собака. О них заботятся. Когда заморосит, как-то так по-доброму собаке оденут пластмассовый чепец. Чтoб лицо не промокло. А дерьмо собачье американец собирает в п/этиленовый пакет, жутко смущаясь. Чего не сделаешь ради славы на земле: накопит 100 огромных мешков и снесет в книгу рекордов, оригинал.

Оригинального много: галереи. Числом – бесконечность. Галереи бывают очень престижные, престижные, средней престижности, так себе, не престижные и на Брайтоне.

Картин нет. Концепции. Длинные, на листочках, не остроумные. Высосанные из пальцев, часто не из своих. Условия рынка. Не до творчества. Деятельные американцы вообще не любят слово «талант», они не любят никакие «небеса». Они любят, чтобы имя художнику сделал продюсер. Тогда все на местах. Этот, в белых штанах, будет наклонять голову влево и цокать языком, он будет щурить глаза и загадочно

щупать нос, он будет восхищаться – умно и с достоинством – только потому, что эту кляксу ему всучили за миллион. Когда зазвонит телефон и принесут извинения, накладочка, сэр, это испорченный подрамник, а не бессмертное произведение, он ответит умно и с достоинством: нет-нет, бессмертное. И положит трубку.

Этот в штанах не дурак, и решение его гораздо изящнее, чем показалось. Есть вещи, их не называют, но и не нарушают. На них стоит Америка, на них стоит порядок. А без порядка – беспорядок.

Не дай бог, по ТВ покажут голую попу, американцы высоко поднимают брови и идут, с бровями, к Белому Дому. В едином порыве, в решительном, они требуют поправку, все равно какую, отставки президента и уменьшения налогов. Потом расходятся, оставляя мусор.

С 11 вечера по 33 каналу Н-Ю ТВ самокритичные девчата показывают иную сторону жизни. Блюстители нравственности краснеют, но ТВ не выключают. Гласность.

Задавались ли социологи вопросом, откуда в Америке столько борцов за экологию или против расовой дискриминации? Откуда идут демонстрации? И при чем тут расовая, если кастовая гораздо жестче. Борьба за экологию – героический предлог, чтобы крикнуть гадость даме в норковой шубе. Даже накопив денег, зеленый борец не купит себе длинный автомобиль. Деньги позволяют, а положение – нет. Надо соблюдать правила. Усомниться в правилах – все равно как усомниться, что цели партии – цели народа. То есть общего много. Некоторые правила кажутся формальными, но – кажутся. Некоторые умны до неузнаваемости. Например, нехорошо про негра говорить «негр». Начальник запрещает. Потому что, потому что, короче, права человека. Как же говорить про негра? Как-нибудь так: американский полноправный гражданин не совсем белого цвета. Это не корявый юмор и не забота о братьях меньших. Начальнику обильно наплевать на ранимость угнетенных народов, ему важно знать, кто не соблюдает директивы. Тест на лояльность. На политикл коррект. И все перед ним ролеют, перед политикл коррект. Есть как бы два варианта: бояться или уважать. Поэтому, застенчиво отряхивая пиджак, американец

говорит: я – уважаю. И даже на кухне не расскажет анекдот. Чтобы не быть совсем униженным в глазах девушки, он открыто выражает какое-нибудь несогласие с президентом и парламентом. И все довольны: и он, и девушка, и президент, и парламент.

...Легсингтон под Бостоном. Городок для богатых. Тут нет нищих и налогов на спортивные товары. Где же нищие? Нигде. Вывезли. Мудрое решение. Почему бы не вывезти из Нью-Йорка? О, нет-нет, не гуманно.

В Легсингтоне дом Майка, корни голландские, дом в голландском стиле. Обильное застолье, сладковатый сквош. Чтобы его съесть, нужно вытаращить глаза. Среди гостей – Элеанор, старушка, мы долго разговаривали о Гойе. Пригласила помычать на редкий рисунок в офисе в бостонский музей. Рисунок найден недавно, атрибутирован. Элеанор – крупный специалист по Гойе. А ноги не ходят – костылики. Элеанор ко мне прониклась. И не за Гойю. И я проникся к Элеанор – и не за костылики. Детство и юность в музеях мира, девушка тонкой психической организации, она хотела любить – как все девушки, и умела любить – как немногие. Она хотела качать ребенка и петь ему незатейливые американские песенки. Внучка президента Вильсона, она была вправе требовать от судьбы широкую зеленую улицу. Сегодня жизнь прошла. Элеанор больна и скоро умрет. Жизнь прошла жизнью Гойи, его любовью, его нервами, его безумием.

Блестела пожилая слеза, обнимались. До свидания, Элеанор.

Круг ее общения – светский. В этой пустоте я был ей интересен. Потому что свое мнение в стране свобод – и роскошь и редкость. Роскошь? Потому что профессиональная среда структурирована так же категорично, как и социальная, и если полковник сказал, лейтенант не возразит. Редкость? Ответ обнаружит любопытнейшее: искусствовед с гарвардским образованием, работающий в известном музее, не знает, где и когда, хотя бы век, жил Рембрандт. Гарвард – это оч-чень престижно. Но этим все исчерпано. Гарвардский выпускник имеет спокойную речь, в рамках этикета холодноватый тон, прямую осанку; у него на футболке написано «Гарвард», у него на лице на-

писано «Гарвард», он собирается писать диссертацию по истории философии, но он не слышал про Диогена. (Ни про Лаэртца, ни про кииника.) Слово «Декарт» не ассоциируется даже с системой координат. Конфузливое чувство, смешанное с чувством пиетета порождает обтекаемые формулировки вроде: у них так, узкая специализация.

Никакая не узкая. Назовем этого гоголого короля своим именем – невежество.

Но откуда чувство пиетета – эта страсть напряженно вытягивать шею, дабы увидеть хоть краешек сказочной страны заходящего солнца. Почему пигмент духа охотно покидают свои Ганги, Таити, Тольятти и спешат куда-то в неизвестность? Ведь тут еще никто не расцвел. Почему так старательно поддерживается этот миф? Зачем так упорно шлют на восток счастливые фотографии с автомобилем, купленным на пособие, почему не напишут, какое унижение на этом автомобиле ездить?

В русском квартале видел, как дипломированные соотечественники таскают ящики: американские ящики слаще. Турист соотечественник в стране тоталитарной демократии быстро усваивает главное – манеру жевать, класть ноги на журнальный столик и курить в салоне самолета. Эти шаромыжники за два часа ожидания в Шенноне накурили так, что подох весь персонал, а цветы сделались бумажными.

Америка рекламирует сигареты за океаном, но сама не курит. В Нью-Йорке 32 курильщика, все на учете, как неблагонадежные. Америка не курит, Америка мудро бегаёт.

Хочешь быть здоровым – бегай, хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть умным – бегай. Это открыла не Америка, а Древняя Греция. Да-да, это где-то в Европе, Карл Великий привел своих шумеров, и даже гуси не спасли.

Зачем бегают Америка – это загадка. Бегают утром, днем и вечером. Бегают в «Найке», в «Тайгере», в «Рибоке», черт-те в чем. Бегают с бантиком в пышной прическе и с сединой на чернокожем лице. Бегают безногие жертвы Вьетнама и подставные президенты. Бегают с собачками и без. Бегают с детскими, инвалидными и прочими колясками. Бегают

хриплые дедушки и хрупкие девушки. Заткнув уши негритянскими скороговорками и зажмурив глаза под черными очками – бегают. Бегаю и я. По инерции лет. И – в «Адидасе», консерватор. Бегаю, а женщины не смотрят. Факт, заинтересовавший в научном смысле, в исследовательском. Билль о правах учат? Достоинство блюдут, блюдуны? Впрочем, смотрят. Из-под черных очков, из-под лакированной челки, из-под полей немислимой шляпки нет-нет да скользнет заинтересованный взгляд по блестящим рейтузам. И не без риска для жизни.

Например.

В черном лимузине черные же очки, нетерпеливые поготки поигрывают на руле. Как в кино: настоящая стерва! Надменный подбородок слегка повернут в сторону рейтуз. Заминка на перекрестке, перебегаю перед стервой – не спеша... И завизжало желтое такси, завизжала с акцентом толпа на перекрестке, и только показал им всем о'кей из пальчиков, и побежал дальше. Не спеша. Такая история. Полная драматизма и романтики.

Кстати, об истории.

Колумб америк не открывал. Веспуччи тоже. Туда ходили за 20 лет до Колумба, за 500, за 1000, за 2000. То есть – всегда. Викинги – сын Эрика Великого, – открыли Америку в 486 году. Ходили туда португальцы, кельты, римляне, финикийцы. Даже арабы: с каким-то твердым намерением ушел крупнейший флот, причем, не вернулся. Ходил лично Марко Поло. Серебро из Америки тамплиеры возили тоннами. Открытие континента повлекло за собой другие открытия, менее масштабные, но многочисленные: греческие статуэтки, римские монеты, пунические письмена, шотландские щиты и мечи, доспехи средневекового рыцаря, который в полной экипировке угодил в болото со своим конем, и – египетский саркофаг (!) в устье Амазонки.

А где курсировал Одиссей – десятилетие, неужели в Эгейском море? За это время можно пройти любые расстояния и в любых направлениях. И не один раз. В каких краях лотофаги угостили чем-то таким Эврилоха, отчего тот лишь счастливо улыбался, остальные же на это блаженство отреагировали испугом и бы-

стренько ушли из счастливой страны? В Бермудах или, наоборот, в Море Дьявола корабли Одиссея рисковали провалиться в бездонную Харибду? А лестригоны, эти огромные каменные люди в шеренгу, чем не – двадцатиметровые – ребята с острова Пасхи.

В эпоху Колумба в Америку ходили уверенной походкой, но на цыпочках. (Контрабанда). Собрался и Колумб – официально. Христофор Колумб, он же Кристобаль Колон, а на самом деле Христофоро Коломбо разложил перед собой какие-то старые карты и, склонив светлую голову (Колумб был евреем, но блондином), что-то сверил. Потом выпрямился и – поги на ширине плеч, скрестив на груди руки – задумчиво покачался на каблуках. Созвать командный состав! Каждый персонально дал клятву: в какой бы материк не уткнулись, это Китай, Китай, альма матер вашу! И точным курсом пошли в Америку: сверху попутные ветры, снизу попутное течение. На беспокойство по поводу отклонявшейся стрелки компаса Колумбу успокаивал: ничего, бывает.

За эту историю с открытием Колумба упрекали современники. Вместо ответа он взял яичко и попросил поставить вертикально. Никто не смог, не стоит яичко. Колумб прилепнул оно об стол – стоит. Он улыбнулся им в лицо: вот и все.

Новый Свет увидел лошадей, стрельбу, рабство, пьянство и подорожник. Старый Свет увидел много золота, наркотики, календарь, с точностью до шестого знака после запятой, каучуковый мяч, табак и картошку. Обменялись венерическими болезнями. Началась эра цивилизованных отношений. Позже в Америку пришли миссионеры, паровозы, таверны, расстроенный рояль и красотка Мэри. Потом асфальт, небоскребы, квакающие автомобили, сухой закон, автоматы под черными плащами и великая депрессия. Потом – еще небоскребы, дюралевые переплеты окон, гирлянды крошечных лампочек на деревьях, электроножи для ветчины, публичные дома и прочий расцвет.

А долетала ли любовь до этих берегов? Как она, со своими тяжелыми крыльями, – в узких лабиринтах социальной иерархии? И вопрос не риторический.

Огромная цементная ко́ра поднимает свой факел, чтоб другие девушки, стан-

дартные и теплокровные, могли прочесть лозунг во все американское небо: если выгодно – не раздумывай. Мудрость древняя, еще от времен, когда обнаружилось: женщина безнадежно слабее остальных. И кто же ее упрекнет, если на одну чашу легли фундаментные блоки гранитного благополучия, а на другую – розовые облака? Женщина принимает верное решение, но без сомнений, а это потрясающе. Есть слабый шанс, теоретический, когда в день икс что-то случайное царапнет боковое сознание, что-то замельтешит хаотично и стремительно, как хвостик киноленты, затем вспыхнет и замрет пустым экраном: нечто важное, о чем мечталось, уже не произойдет.

Женщина долго и напряженно смотрит в зеркало, потом трагически закрывает глаза. Оставим ее одну, пусть постоит.

А вот – вечер и дождь. В бронзовом лифте журнальными зубами улыбается девушка – красоты необычайной. Неожиданной. Месяц назад вывела из дверей свою атласную собаку, собака поклонилась учтиво, а девушка как-то столкнулась взглядом, и вспыхнула, и растерялась. Ну что ж, девушка, бывает. Хорошо, что вспыхнула, что растерялась, это по-человечески.

...Вечер и дождь, Белоснежка в бронзовом лифте. Белые локоны в капельках жемчуга. Улыбается журнальными зубами. И так непосредственно, что рыдает душа моя. Принцесса! Фея Ренессанса! Сказать что-нибудь, упасть к туфелькам, предложить руку и сердце – станет разглядывать. Рука понравится, но зачем ей оно – эта чужая и страшная вещь. До свиданья, Белоснежка. Дай бог вам принца на пегом коне. Умного и нежного. С длинными ресницами. Дай бог вам, Белоснежка, ложиться только по любви, что-то тихо лепетать на лунном языке, целуя длинные ресницы. До свидания. До иных миров. До Ренессанса...

Американцы дорожат семьей: признак благополучия. Американский покой охраняется государством. Если нет камня, купи видеокассету, и три часа несгораемое полено будет согревать неприятительную душу. Вкрадчивые мужские голоса за кадром споют о счастливом Рождестве. Куда же вы, развитые? Скорблю вослед... (О, субъект в пальто на велосипеде, в чер-

ном пластмассовом котелке: какая тихая печаль, какая мутная.) Скорблю.

Из глубоких чувств допустима сентиментальность. Америка сморкается в бумажную салфетку над пузырячатой мелодрамой, но шекспировского накала она себе не позволит и не простит. Норма жизни исключает. Сверкай, безнадежный оптимизм! Огромный, как лица агитации. Под этим счастливым присмотром ребенок зарабатывает на игрушку. Увы, педагоги, пока зарабатывал, из детства улетели какие-то бабочки. Его сводят в Диснейленд, но бабочки не вернуться. И купюра, заложенная в детские сны, будет работать: перпетуум.

Но как проглядели замедленную бомбу – музеи? Не те, современного искусства с пустыми подрамниками Раушенберга, а постоянные, с древними греками и малыми голландцами. Не подозрительно? – ежедневно красивые люди приходят сюда для сомнамбулических ритуалов. Как прозевали? Почему не запретили вход с младенцами? Решили усложнить игру, зная исход? Но этот сюжет Борхеса имеет свою развязку: или культура, или – ничего.

Я подобрал двух художников. Они борются за выживание, Нью-Йорк. У них вкус и умение. О творчестве не думают; ночью пищут с открыток, днем продают с панели. У Саши золотые зубы, но религиозное лицо. У Наташи большие глаза, беззвучная походка и крохотная грудь. Повел в музей. Они третий год в Америке и впервые в музее. Оглядываясь на советское прошлое, Саша сказал: мы и не думали, в каком раю жили. Как Вергилий, я водил по залам и зальчикам, говорил, что Питер Ластман прогнал Рембрандта, что Рафаэль младше Тициана, что Тициан родился 20.12.1480, что этих цифр прочесть негде.

Музей Метрополитен богатейший в Америке. Богатейший по деньгам. Негры в синей униформе (...полноправные), эскалаторы, комната Ллойда Райта. Богата и экспозиция, много маленьких открытий. Рейнольдс в холодной гамме, Курбе, оказывается, эротичен и игрив, Гольбейн-то – маленького размера, Петер Кристус совсем миниатюра; у Вермеера много странного ультрамарина (видимо, при реставрации вместе с лаком сняли и лессировку), есть незакон-

ченный Дель Сарто и Рембрандт филигранной сделанности, есть Бронзино, надменный, изысканный, есть Корреджио сомнительной подлинности и даже Савольдо, редкий для музеев. Есть все что пожелаешь, даже ошибка в четырехэтажном имени Энгра.

Интересный пустячок: какое-то метительное чувство заставило snobов писать имена «традиционных» американцев после названия картины. Купленные, вероятно, за скромно, несут они, добросовестные, эту снисходительную улыбку в спину. А ведь пейзажная школа крепка без оговорок. Ведь самое яркое и неожиданное – американец-символист, рубеж веков, всего одна работа, сцена из короля Лира. Елки вы мои палочки! По динамической организации это Рубенс, по духу это между Бёклиным и Шаваном, по живописи это Малявин. Это восторг и изумление, это взволнованное хождение туда-сюда, это рыдания на белых плитах, это Олег Кошевой с голосом отчаянья: как жить, мама?

Действительно, зачем они, музеи? Только травят. Зачем прекрасные залы, где и перламутровые фонтаны, и растительность по стойке «смирно», и – никакого времени. В полумраке среди романских скульптур растет большая синтетическая ель. Под сладкий гул хорала столпились люди, улыбаются. Открывая восхищенный рот, радуется ребенок, протягивает пальчик к стойке игрушечных ангелов, к игрушечному монаху с осликом под мышкой, к Деве Марии с мальчиком на коленях. Не ель это и не ленты, это тихая эпитафия всем иллюзиям и мифам. Радуйся, детка, протягивай пальчик, смейся своим непонятным мыслям, живи жизнью, пока не подрос, пока не усвоил что и почему.

* * *

На севере, за Лейк-Плесидом, доисторические леса, страшные и в снегу, на нью-йоркском ривсаиде фонари, усталые и безразличные, а на аккуратных камнях Центрального парка – мокрые листья.

Спасибо, Америка, за комфорт и беззаботность, спасибо за мудрость, за это новое чувство – симпатии к родным местам.

Над Нью-Йорком мало звезд, восемнадцать. Одна поярче, остальные так. Луны нет вовсе. Утром на Манхеттене журнальные страницы, вечером на Манхеттене журнальные страницы, днем страниц не видно: люди. В Центральном парке толстые белочки и конная полиция со шпорами, пижоны. Но все зыбко в этой столице мира. Ведь задует ветер – и покроется Манхеттен ломаными зонтиками, как листвой, и сорвет ухающие вывески, и унесет на куличики, и пойдет дождь, и затопит ржавое метро. Засуетятся вертолеты в свете белых вспышек, очнутся люди, посмотрят друг на друга

– и не узнают. Закачаются небоскребы чикагской школы и уйдут под землю, как не бывало, как град Китеж, как «Титаник» в огнях, как Атлантида Платона.

Господи, прости их и не дай сгнить в неведении. Прости этих неплохих, в общем, людей, придумавших детскую игру в касты, с их смешными длинными автомобилями. Спаси эту самоуверенную процветающую страну, ведь не за себя прошу, не за Россию. Россия выживет, потому что потертый человек с татуировками на пальцах (из зоны; и надолго ли – из зоны) положил – я видел – свою монету уличному музыканту.

Ты что, — не русский?!

*...Самое умное, что можно сделать —
это возвратиться в дураки...*

Максим Горький

*Сторож — самая массовая профессия;
каждый себе охранник чувства собственного достоинства.
России не хватает лирических новостей...
Поэтому ДНК-овать Россию лучше словом.*
Из дневника

— Ты что, — не русский? — кричала мать на сына интернациональной наружности за то, что тот ковырялся в грязи, испачкав обувь и одежду.

Странный вопрос для России?

А ведь звучит часто и повсюду на одной шестой части планеты. Вот и вчера слышал:

— Ты что, — не русский? — кричала киргизка буряту на сибирском рынке. В России всё больше и больше нацменьшинств, говорящих на одном языке, но всё меньше понимающих друг друга.

Если в России бессмыслицу поставить вне закона и автору под барабанный бой отрубить голову, то бессмысленность, обгаренная кровью, наполнится смыслом страдания. И тогда под ее знамена встанут миллионы людей, чтобы первым делом захватить власть и начать казнить тех, кто не сумел понять смысл усвоенной ими бессмыслицы. Недаром в России смысл ищет форму при помощи топора, а бессмыслица — крепко-накрепко скрепляется кровавым содержанием...

У человечества накоплено на душе русскими... Поэтому Россия не может развалиться на удельные княжества, оттого что в её основе лежит ген империи. Россия даже теряя свои территории всё равно устраивается и ДНК-уется при помощи имперского гена, который живёт в каждом русском человеке на подсознательном

уровне объединяющего языка. И нужно помнить, что благодаря этому имперский ген будет всегда собирать нашу страну, даже теми русскими, кто эмигрировал, и теми нерусскими, кто обрусел, и заново выливаться расплавленным историческим металлом в горнило большой империи. Даже если на территории Азии разрушить всё до основания, то Россия восстановится снова по странному стечению обстоятельств такого хода истории, когда закон центробежных сил окраин и русского зарубежья снова будет стянут и заново сформирует централизованную Россию с вечной вертикалью духовности. Только благодаря этому Россия хотя и с большими человеческими и материальными потерями, но всегда выходит из экстремальной ситуации в ещё более экстремальную, — и это называется вечный апокалипсис. Он стал повседневной средой всеобщей русской империи: поскреби любого инородца, а он уже в основе русский, хотя и поровнит доказать обратное, — что он уже ЧЕЧЕНО-вечество.

В России ложь, вывернутая наизнанку, оказывается голой правдой, а стократно повторённая правда превращается в ложь на содержании у прошлого. Такие метаморфозы отечественной стихии не раз заставляли многих русских людей держаться подальше от политической, общественной, светской и церковной жизни, прячась глубоко с головой в семейные

заботы. Но в русской семье, как это ни прискорбно, лжи ещё больше, чем в российском государстве, потому что государство на виду у всех, а семья за семью печатями, где явное становится тайным. В России всюду рассчитываются честно, правда, но сдачу принимают чаще всего лжью. Поэтому русский человек, даже если вынужден обмануть, всегда старается говорить правду.

Русское государство, перепуганное своим, а больше чужим, историческим опытом, чаще всего любит мёртвых героев, но всегда больше доверяет палачам вершить историю, а потому уже много веков ищет чистую правду преимущественно в доносах.

Провалилась очередная попытка переместить Россию на запад, чтобы привить её к либеральным ценностям Европы. Ведь Россия слишком восточна для запада и слишком западна – для востока. И потому лежит неповоротливым увальнем на своём отогретом месте, куда с запада на неё стремится военнизированная объединенная Европа, а с востока – такие же льстивые Китай и Япония.

Но наши внутренние метания между ними опасны для всех, потому что русские, вооруженные очередными космическими идеями, могут расшатать берлогу мира и сорвать планету с орбиты. Даже если всего-навсего очередной Раскольников, для восстановления исторической справедливости, выйдет убить топориком никчемную старушку процентщицу, то как-то так невзначай получится, что грохнет при этом и невинную её сестру. А вместе с ней и нерожденного ребенка. Таково отношение русского человека к щепкам создаваемой им истории, потому что в России всё восточное слишком западно, а всё западное слишком восточно. А посему и с той, и с другой стороны наша страна воспринимается шизоидным обществом. «Россия – диагноз», – испуганно повторяют друг за другом Запад и Восток. И в этом они наконец-то сошлись, с большим желанием растерзать страну на удельные княжества с полезными ископаемыми для себя. Но русские опасаются пустить к себе других, потому что боятся: эти другие у нас украдут больше, чем мы способны сами у себя украсть.

Как когда-то русские шли в гуляй-поле, а затем в Сибирь, потому что по представлениям славян эта часть земли была пустыня. Так теперь европейцы и азиаты идут на Россию, потому что им всегда казалось, что Россия – пустошь, а разбросанные по территории крохи народа нуждаются в лучшем управлении. И это стремление сохраняется по сей день, по причине короткой исторической памяти. Они не пошмягают силу топора или новой «Булавы».

Наши постоянные метания в поисках лучшей жизни происходят потому, что в глазах России мир надежно обустроен и нам не хватает только этого повседневного мирового уюта. А на взгляд мира, в России всего вдоволь, у нас есть всё: и нефть, и газ, и лес, которыми лучше всего могут и хотят распорядиться другие. А русским достаточно оставить только стихи, которыми легче всего обустроить их умы и души.

Русскую литературу сначала испортил татарский вопрос, следом – немецкий вопрос, затем – французский вопрос, потом – кавказский вопрос, потом – еврейский вопрос... Русскую литературу портит любой вопрос, в итоге которого мы не получаем никакого ответа. Недаром Герцен заметил, что в России все те, кто читают, ненавидят власть, а кто ее признаёт – не читают вовсе. Теперь следует уточнить: и те и другие сейчас в лучшем случае смотрят телевизор. А если читают, то опять ненавидят власть, за которую сами же и голосуют.

Русская цивилизация бодро просыпается под звуки истории последних повостей. Не успеваешь протереть глаза, как тебе сообщают о ночной жизни президента, нападении на страну и очередном футбольном побое на той стороне света... Из всего разнообразного потока истории ты вылавливаешь сообщения, что неизменно дорожают хлеб и мясо, на кофе неурожай, а принц Датский все еще думает «быть или не быть» на сцене русского провинциального театра...

Когда русский человек рождается, то ему в лицо заглядывают и отражаются в нём Бог или Дьявол, добро или зло. Не

важно, кто первый. Важно усвоить, что в каждом отражается лишь тот, кого человек заслуживает. В одном – Бог и добро, в другом – Дьявол и зло, а может, одновременно Бог и Дьявол или добро и зло вместе. И это предопределено изначально, как пынче говорится, генетически. Недаром сказано: не трудно быть святым, будучи по рождению агнёнком, а ты стань агнцем, будучи от рождения волком. И пока русский человек ищет бога, Господь расходится с ним. Но как только находит, то выясняется, что он встретил Дьявола.

А если русский человек начинает корчить из себя Бога, то максимум чего он может достичь, – это разбудить в себе Дьявола, которому уже не пужно закладывать душу, поскольку Дьявол устроился прочно в такой душе и уютно там себя чувствует. В современном русском человеке Дьявол и Бог уживаются одновременно, – это заметил ещё Герман Гессе, читая романы Фёдора Достоевского. И потому в России добро зла не помнит, а зло – добра не держит! А когда делают добро, одни греют на этом душу, другие – руки! Уже в который раз Бог уволен и ликвидирован человечеством. А его место снова занял Дьявол с человеческим лицом доброго мудреца. И людям с ним лучше, уютнее. Творить зло индивидуальности, личности гораздо удобнее, приятнее и, как показывает история, даже доходнее, чем добро. Хотя зачем напрягаться: смена Бога на Дьявола стала рутинной заменой игрока на футбольном поле истории.

Русский всей своей жизнью ищет одно-единственное письмо Богу, но первым его читает Дьявол. В России Вечность знает своё место. Особенно на кладбищах... Бог знает своё место – особенно в душе заблудшего человека. Недаром русские люди всё чаще и больше стремятся вывалить свою душу в небо, а Бога – в дерьме!

Иногда поражаешься простым открытиям внутри себя. Люди просят Бога обо всём, чем Бог не располагает и чего у Бога никогда не было. Всевышний из Слова вышел и в Слово ушёл, прикрывшись фиговым листком Слова. И если его попросить о Слове, то он его может ещё дать или, по крайней мере, позволить прочувствовать.

Но кто просит Слово? Только пастырь, поэт или писарь. А остальные с чем к нему пристают? С мирскими делами своими, которые только утяжеляют нашу жизнь в частности и бытие в целом. Но ведь всё мирское под контролем у Дьявола. Он, как сказал евангелист, – князь мира сего.

Самое опасное состояние русского человека – это когда нечего больше выпить. Мир, отраженный в пустом гранёном стакане, мал и похмелен. И чтобы реализовать эту свою насущную потребность по утрам, русский человек пойдёт на любую крайность, вплоть до убийства. У пьяного русского аномалия крайних черт характера становится особенно отчетлива. И потому российские мыслители возвели в степень, а потом стали говорить об особом русском характере. Как много у русских на лице от вчерашнего пьяного дня. Одним словом: Россия – хоспис!

В России всякий, кто знает, как управлять страной, государством, народом, на самом деле работать не любит. А для этого никогда не сотворяет себе кумира, а становится им сам. Не случайно среди нас по вертикали сверху донизу неизменно складывается власть, широко открытая панегирикам... людей, которые её же и ненавидят.

Даже если всю жизнь русский человек что-то делал, то при этом его не покидало ощущение, что он занимает чужое место. И лишь когда он ничего не делал, то точно знал, что на этот раз делает только своё дело. Ничего неделанье – наше и только наше, никто не мог совершить это за нас. И от этого русский человек еще больше собой гордится. Потому что еще в «Климе Самгине» Максим Горький заметил: «В России бесчисленно много лишних людей, которые не знают, что им делать, а может быть, не хотят ничего делать. Они сидят и лежат на паровозных пристанях, на станциях железных дорог, сидят на берегах рек и морей, а всё чего-то ждут». Таких людей полно и сейчас, хотя их место сегодня уже диваны (вот путь русской цивилизации XX века). И они чего-то ждут, поскольку нищего не разорить, а сытый нищий не бунтует.

Но я знал одного русского, который был известным халявщиком и потому под-

ле себя других халаявщиков не терпел, всячески их изобличая. Его любимым тезис «Халаява – бессмертна!», доставшийся от другого великого халаявщика современности, стал ходовым политическим инструментом, с помощью которого он жил за счёт других, причём всё время безбедно.

Спасти Россию призывают нас патриоты, демократы, фашисты и прочая политическая сволочь. И невдомёк им, что Россия может быть спасена тем, что давно пошла своим путём без них. Патриоты, демократы, фашисты и прочее отребье у власти, а народ живёт отдельно от них, только раз в четыре года несознательные элементы почему-то всё ещё ходят голосовать за этих придурков. Но скоро на выборы никто ходить не будет, и тогда они никогда не победят.

– Утопия! – скептическиотреагировал мой товарищ на мою сентенцию.

– Да пошел ты на хрен, дай хоть помечтать!

Всякий знаменосец неплохо устроится в России, если будет только тем и заниматься, что крепко держать в руках древко чужого знамени, используя его как зонтик, когда над головой разразится гроза.

Странное противоречие: среди простого сословия полно предательств, измен, недостойного поведения, а писали в XX веке преимущественно об интеллигенции, на нее возложили всю ответственность за многие исторические ошибки, грехопадения, как будто простой человек ни в чем не повинен. Не потому ли это произошло, что сочинители знали лучше всего своих, а народ как не знали, так и не знают по сей день, сохраняя его в наивной литературно-нравственной чистоте. А ведь фадеевский Мечик мог быть и токарем, и пекарем... И горьковский Клим Самгин возможен в любой среде. Почитаешь книги античности или средневековья – там всякий предатель. В XX веке в России предатели только умные.

Одни пытаются замести следы, другие не могут следы даже завести.

Многие русские люди рождаются с задачей на дело, со временем они укрепляются опытом дел, а есть немало людей,

которые рождаются с пустотой и всю свою жизнь только и делают, что заполняют эту яму и не могут это простое дело довести до конца. И умирают с пустотой внутри, ничего после себя не оставляя. Пшик один. Те, что с задачей – большой или малой, – оставляют после себя дело, память, веху истории. А те, что с пустотой, оставляют после себя пустоту, которую наследуют такие же, как они, люди. И таких людей, кажется, становится всё больше и больше, и благодаря таким пустота множится до Ничто, а вокруг рождается новое социальное сословие – Никто. Всё чаще ломаю голову: я при деле или при пустоте? Всю жизнь тянулся за людьми дела, окружали меня люди больших задач, а оказался записан за пустотой с пустотой внутри. А ведь прежде у меня была хорошая жизнь дела, но потом имел неосторожность родиться.

Русский человек не любит вспоминать время, дурно прожитое. Поэтому даже из процесса похорон чаще всего любит слушать и сам рассказывает о поминках, особенно о той их части, когда люди сбиваются на песни.

Не люблю эпитет «великая» в сочетании с культурой, с искусством. Что это такое – «великая культура», «великое искусство», – когда имеют в виду, в частности, русскую культуру, русское искусство? А что, французская, английская или немецкая культуры не настолько великие? Хотя этот штамп в нашем языковом обороте можно ещё стерпеть, прояснить. Но как понимать словосочетание «великая духовность»? В этом случае «великое» что нам объясняет, какие качества оттеняет? Духовность или есть, или её нет, и великая духовность – это уже берега необразованности, я бы сказал даже, заштампованной глупости, хуже масла масленого. Так зачастую говорят наши корифеи, когда хотят придать многозначительность своему пустословию. И примеров приводить не надо: два века так говорят в России. А редакторы молчат, хотя надо искоренять эту пустопорожнюю болтливость калёным пером нещадно.

Русские рождаются и живут под прищипом «нельзя». И все время интересуются, а когда будет можно. «Вам скажут»,

– утешают нас носители запрета «нельзя». Вот настает пора, что кажется, можно, но выясняется, что тоже нельзя, потому что появились новые обстоятельства, и нельзя говорят совершенно другим людям, которые забыли уже про «можно». Так узнаем, что можно только говорить «нельзя», причем только тем можно, кому разрешено говорить «нельзя».

Кирилл Ковальджи в книге «Обратный отчет» рассказал, как добивался признания у поэтов Евгений Евтушенко, когда обнаруживал, что они его не признают и почти не считают великого пиитом. Как правило, были поэты другой школы, которые одиноко взбирались на гору, поближе к звездам и Богу, а в это время русские виршаватели спускались с горы на трибуну стадиона. Мы знаем, что таким был и пытается оставаться поныне Евгений Евтушенко. Стадионов, конечно, он уже не собирает, но полные залы еще ему по силам... По крайней мере, в Братске. Почему он и сегодня пытается сохранить в себе такую активность трибуна? Ответ можно найти в этой же книге Кирилла Ковальджи, правда, это наблюдение принадлежит другому человеку: «всякое великое движение на земле обязано своим ростом великим ораторам, а не великим писателям». Так и наш Евгений Александрович Евтушенко: поэт-оратор, поэт-трибун, поэт-глашатай. А если вас интересует, кому принадлежит эта фраза, то переверните «Mein Kampf». Это оттуда извлек сию мудрую мысль Кирилл Владимирович. А применил столь рискованно ваш покорный слуга.

Раньше была одна на всех власть-чудовище, с которой мы, как могли, справлялись, сидя на кухне, засая картошкой всеобщий классовый страх маленького человечка. Теперь прежнее чудовище страха выросло и распалось на мелкие страшилишки-покемоны, которые поселились в каждом из нас классовой враждой. Только теперь их уже невозможно заест блодами из генетически модифицированных продуктов. А повоявленная власть-киборг стала непобедимой. Впрочем, есть вечно не умирающая мысль-надежда, что надо убить дракона!

Или убить Змея Горыныча?

Но это легче лёгкого. Но тут же рождается другая мысль маленького человека: а ты полюби Змея Горыныча, жени его на себе, и пусть он проживает с тобой в малогабаритной квартире, ходит по утрам за молоком и согревает полезный продукт своим горячим дыханием для вашего сыночка, у которого все повалки фюрера. Но только фюрера красоты! И когда он вырастет, то несомненно развяжет третью мировую войну искусства, засадив все забытые могилы цветами для воскрешения всех Отцов. Каких отцов? Известно каких – Змеев Горынычей!

– Бог убит! – сказал Федор Достоевский.

– Бог умер! – уточнил Фридрих Ницше.

– Бог распят на кристаллической решетке бытия, – огласил свою версию современный мыслитель. – И только так, со всем своим внутренним Ничто, – Господь смог стать одновременно всем, что было, что есть и что будет, а значит, – Ничем!

– Но мы ничего такого не видим, – возразили ему на это люди.

– И не надо видеть, поскольку нам это не дано. Достаточно только осознать, что Господь во всём, но при этом внутреннее содержание и состояние Бога есть Ничто, о котором нас предупредили мыслители! – подвел черту спору Слава Богов.

Россия выдавливает из себя по капле Азию, чтобы стать всего лишь рабыней Европы. Начал этот процесс Петр Первый и продолжает Путин: русским всегда есть что забыть!

Один русский человек, стремящийся к ясновидению, на вопросы, что читает, неизменно повторял: Библию, «Бесов» Достоевского и «Книгу о вкусной и здоровой пище». Со временем он вывел из культурного обихода «Бесов», так и не осилив роман до конца. Все реже и реже вспоминал о Библии. И только «Книга о вкусной и здоровой пище» остается настольной. В любом русском человеке пищеварительный процесс побеждает политика, философа, художника и все те качества высшего порядка, которыми принято блеснуть после вкусного обеда. Что бы там ни говорили мечтатели, а едок

хлеба – главное действующее лицо любого исторического периода. Едоков неизмеримо больше, чем желающих летать.

Во чреве русского человека помещается идея построения одного на всех светлого будущего. Скольких людей пищеварительный процесс делал и сделает единомышленниками. Недаром для голодного сытый – уже богач.

Русский классик писал: разбудите меня среди ночи, спросите, что происходит в России, и я без колебания отвечу – воруют! И мы с открытыми ртами безропотно согласились с ним. А классик оказался жесток. Древние греки всегда по этому поводу уточняли: «Кто крадет ради хлеба, тот прав. И не прав тот, кто крадет ради золота». Но русский классик не замечал этой тонкости, на которую оказалась способна античность. Между тем большинство россиян по сей день ворует для пропитания себя и своих детей. Какая же мы страшная страна, если простой человек поставлен в условия вынужденного бесконечного воровства ради живота своего! Поэтому так актуальна на все времена в России молитва пахаря: «Боже, возрасти и сохрани для трудящегося и для крадущего».

Современный мир замкнулся на ветхую, но неистребимую формулу товаро-денежной цивилизации «куплю-продам». Мне сначала думалось, что это короткое замыкание изголодавшейся плоти. Теперь понимаю – затяжное поругание души. Наши и без того разрушенные храмы захватило торговое сословие, с которым сладу нет. И ждем нового мессию, чтобы очистил, изгнал со святых мест торговцев и менял. Хотя и мест, кажется, святых больше нет – все затоптано, загажено, занецензурено, задавлено ногой торговца и замусорено рукой кредитора, лицо которого проштамповано насмерть корыстным слоганом «хочу денег»! Но вдруг понимаю, что не проникли они туда, где царствует душа, еще с древних времен давшая нам формулу: беден не тот, у кого мало, беден тот, кому мало. И ощущаешь, что напрасно ждешь своего спасения извне. Оно придет из нас – из души, готовой стать мессией. Не в качестве ниспосланной свыше силы, на которую уповают и верующие, и атеисты, а только в качестве собственного

труда по созданию и признанию красоты, которой надлежит спасать мир повседневно. Ведь это благодаря животворной силе красоты мы все еще живы.

Не правится правительствам и народу нашему русская интеллигенция. Поразительно, с каким маньяческим упорством морального палача отечественная и заграничная образованщина пытается силой убеждения внушить окружающим, что во всех исторических смертных грехах России виновата интеллигенция. И даже не пытается призадуматься, что интеллигенция – нервная система народа нашего. А ежели у народа расшатались нервы, то интеллигенция, по закону единого организма, первой и рефлексирует. Страдает, мучается, впадает в болезнь духа и отмирает своими лучшими клетками, как и положено по природе нервной системе. Возродить можно и мастерство, и мысль, но не восстанавливается дух. И пора прекратить по указанию кретинизма топтать собратьев духа. Достаточно ведь оглянуться вокруг, чтобы убедиться: другие в нашей стране были и остаются хуже. Недаром в сумятице наших дней гуляет по стране злая шутка: «Народ-то у нас хороший, вот только людишки дрянь!»

– Что делать, что делать? – любят спрашивать русские люди друг у друга. Я же давно нашел самый разумный ответ: ничего не делать. Если опять начнем переустраивать жизнь по разумению каждого, то снова себя в кровавое братоубийство столкнем. Давно подмечено: когда в России ничего не делают, то как-то само собой больше порядка и справедливости устанавливается. Поэтому мне больше нравится, когда русские думу думают. Пока думают, и жизнь сносна, а как только действовать начинают, то обязательно по костям людским, как будто другой материал истории неведом. Поэтому из текущей разумности будничной жизни вынес одну-единственную мудрость: не участвовать. И всех призываю к этому. А меня поправляют, что нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. И я соглашаюсь, что нельзя, но не участвовать ведь можно. И нужно!

Не роюсь больше в могильнике своей памяти. Но еще много людей с гордостью

заявляет: «Я видел, как делалась великая эпоха! Я участвовал в создании цепочки главных исторических событий!» А вот я не видел и не участвовал, хотя меня постоянно заманивают то в великую эпоху, то в исторические события. Причем ни одно, ни другое не существует без восхода солнца, самого великого события бытия, которое приятно наблюдать в любую эпоху, в любой исторической формации. И на восходе, и особенно на закате. И это я наблюдаю каждый день с радостью.

Но сейчас с кем ни заговоришь – все считают себя свидетелями великой эпохи. Так и смотришь, что куда-нибудь тебя впишут. Никому нельзя доверять, никого нельзя оставлять наедине – люди пошли такие: обязательно что-то напишут, и что хуже всего, напишут о тебе.

В России здравомыслящие люди часто становятся инакомыслящими, и они порой пополяют собой места заключения. Хотя ничего удивительного в этом нет: иудейская толпа легко пощадила и отпустила убийцу Варавву и так же без раскаяния загнала на крест распятия – Иисуса Христа, который принес в мир другие мысли, другие ощущения земли и неба. А мы до сих пор так и не поняли главного: и бого- и сверхчеловек – это всё-таки штучный товар и невозможно пока их превратить в богомассу, к чему так усердно стремится христианская религия.

Я отделился от государства. Вскопал огород, посадил картошку, окучил гряды, а осенью выкопал клубни и заложил в подвал. И когда пошел первый снег, стал из него лепить белые стихи, потому что рифма – категория государственная, а я отделился от него еще прошлой весной! Поэты отвечают за сохранение Бога, образа и подобия человека. В России исторические хроники свежее вечерних газет. Читаю древние летописи, как судьбу завтрашнего дня.

Поиск умных людей часто заводит в тупик ищущих. А я давно понял, где они находятся. По крайней мере, в России. Не в правительствах, не в парламентах, не

в академиях, не в газетах. Современные мудрецы сидят у телевизоров. Глядит русский мужик на телеэкран и все-все понимает, за всех-всех рассудит, кого угодно научит, любые горы свернет. А пересадит его в кресло власть вершащих – такой же дурак дураком. Есть у меня приятель закадычный, который каждое прослушивание новостей превращает в домашний митинг. В общественной жизни тихий-претихий, а у экрана свирепеет, потому что понимает, как нужно строить жизнь. За такую линию поведения домашние прозвали его «борец у телевизора». Осуждают... А мне он правится: наш человек! Лучше иметь дело с борцами у телевизора, чем с теми, кто всегда находит булыжник – оружие пролетариата, даже если вокруг все заасфальтировано.

Май 2006 года. Братск. Сибирь. Русский поэт Евгений Рейн производил на меня впечатление исторического Вечного Жида с большим стажем проживания в России.

– Жить незачем, – декламировала 24-летняя сибирская поэтесса Марина Акимова в присутствии Рейна.

– Я жить хочу! – кричал со сцены свою старую русскую песню 75-летний Евгений Рейн в ответ на молодежный песимизм.

Прибежала соседка, закричала:

– Идите смотрите – ваш отец опять летает по небу, распугивая птиц!

Мама заплакала, запричитала:

– Господи, за что нам такое наказание? Лучше бы он напился и валялся в канаве, как все люди. И зачем показывать, что у тебя есть крылья?

Соседка удивленно посмотрела на маму:

– И чего так убиваешься? Налетается мужик досыта, так хоть домой вернется чистым!

– Да когда он добровольно возвращался? – негодовала мама. – Мне же за ним и лететь! А сколько еще дел в доме!

– А можно мне? – спросил я у мамы!

– Смотрите, и этот туда же, – всплеснула руками мама, доставая из темного чулана пыльные крылья.

Скучно на этом свете, господа...

ИРЛАНДСКОЕ РАГУ

(А. Иличевский, «Перс». – М., «АСТ»,
«Астрель», 2010)

«Перса» читаешь так: сначала все подряд, потом через две страницы, немного погода – через пять. Потом понимаешь, что лучше бы и вовсе не читать, – уж очень велик соблазн повторить Стеньку Разина: мощным взмахом в набежавшую волну. Осилить книгу мне удалось в несколько приемов и с большими перерывами. Знаю, однако, людей, взявших этот немалый вес с первой попытки, и завидую их мужеству.

Нынче всяк уважающий себя писатель считает своим долгом максимально затруднить процесс чтения: коли не трясина вязких метафор, так бурелом флешбеков или бездонные риторические пропасти. Прежде Иличевский усердно выписывал прихотливые словесные арабески, за которыми совершенно терялись и действие, и характеры. В «Персе» автор расстался с любимым маньеризмом – но, по закону сохранения массы, впал в бессмысленное и беспощадное резонерство обо всем сразу, а в итоге – ни о чем.

Фабула повествования пунктирна: то мелькнет, то надолго исчезнет. Тем не менее попробуем выловить ее из нескончаемого словесного потока. Геофизик Илья Дубнов и биолог Хашем Сагиди заняты интеллектуальной мастурбацией. Первый намерен постичь Логос путем анализа ДНК, второй измыслил религиозный суррогат из Корана и стихов Хлебникова. Дуэт тихих интеллигентов с какого-то перепуга затевает охоту на бен Ладена. Само собой, конец у авантюры скверный: с Хашема живо сдирают кожу.

Вокруг этой истории громоздится чертова уйма разнообразной и, по большому счету, ненужной информации. Политкорректный рецензент сказал бы, что

роман лежит в нескольких параллельных плоскостях. Выразусь проще: «Перс» очень напоминает ирландское рагу по рецепту Джерома К. Джерома – в котел идет все, что оказалось под рукой. Иличевский просто не в состоянии хоть на минуту забыть о своей феноменальной эрудиции. Ну не может мужик поступиться принципами, и все тут. Играть в поддавки с публикой? – фи, не комильфо. Самовыражаться так самовыражаться: во всю толщину БСЭ и во все мегабайты Википедии. Здесь никто не забыт и ничто не забыто. Палеобиология. Геофизика. Хлебников. Оксанография. История и теория религий. Есенин. Америка. Голландия. Азербайджан. Снова Хлебников. Орнитология. Генетика. История гражданской войны в Закавказье. Опять Хлебников. История авиации. Блюмкин. Троцкий. Нобель. Бен Ладен. Еще раз Хлебников. Продолжить, или уже достаточно? Хотя для полноты картины не помешает цитата (извините, пространная):

«Связывать ДНК со стихотворным текстом вполне логично: и в стихотворении, и в геноме имеются тройные связи: ритм (чередование ударений в тексте определенной длины, которые в геноме понимаются как определенные сгустки азотистых оснований), рифма (связи между окончаниями единиц текстов), строфические повторы (связи между строками разных строф). Так вот, в шитронах легко отыскиваются участки и силлабо-тонического стихотворения, и верлибра. Во множестве стихотворных размеров легко можно наблюдать “комбинаторно-генетический” процесс: все варианты комбинаций ударных и безударных слогов, скажем, для двухсложных стоп – четыре варианта, для трехсложных – восемь, все они известны. Оказалось, что у дактиля больше шансов закрепиться в геноме, чем у амфибрахия».

Ф-фу... Утерев пот со лба, продолжим. Время от времени игра в бисер прерывается, и тогда А. И. производит вполне кошерный продукт: «*свищовая снежная пудра на излете фонарного пятна*», «*в молодости все поэты, но не все смертельно*» и проч. Давно уже замечено: Иличевский умелый стилист и потому может быть безупречен в пределах фразы или абзаца. Но более крупный объем автору не дается из-за фатального неумения (нежелания?) структурировать текст. Эпизоды связаны между собой даже не ассоциативно, а произвольно; критерии отбора материала то ли размыты до всеядности, то ли вовсе отсутствуют. Результат – обилие дуриных ретардаций и засилье второстепенных персонажей (на каждого есть нухлое досье), полная композиционная аморфность и смысловые провалы. И хроническая интонационная аритмия, – от физики к лирике и обратно.

Все это вызывает как минимум недоумение. Впрочем, критики давно поставили знак равенства между невятицей и глубокомыслием. И, разумеется, нашли в ирландском рагу от Иличевского и вкус, и остроту. Правда, так и не сумели поверить здешнюю гармонию алгеброй и сами въехали во вдохновенную невятицу, подменяя аргументы метафорами: «Роман этот – плод любви Стиля и Метафизики» (Н. Рубанова), «“Перс” – текст-проект, с помощью которого инцидент-смотрящий пытается сам стать Словом» (Л. Данилкин). Пусть бросит в меня камень тот, кто что-то понял...

Еще одно, последнее сказанье. Как-то раз наш герой заявил: «*Для читателя невозможно писать, это запрещенный момент. Нужно писать только для себя, в лучшем случае для Бога*». И точно, «Перс» – не для читателей литература. Но вот чего не возьму в толк: зачем же тогда печататься – да еще и пятитысячным тиражом? Или Всевышний рукописи не принимает?

RETURN TO FANTASY

(В. Сорокин, «Моноклон». – М., «АСТ», «Астрель», 2010)

На заре туманной юности Сорокин всюю сокрушал советские эстетические

штампы и запреты, низводя их до абсурда: безумный милиционер превращал мирное заседание завкома в кровавую вакханалию, кохозный гармонист совокнулся с труном невесты и проч. Но времяшло, оскомила от Проскурнина, Бубеннова & Со улеглась, и вместе с ней тихо-мирно сошел на нет соц-арт. Герой наш оказался у разбитого корыта: старые клише истлели, а новые оказались чересчур мелки. Пародировать маскуля? Так не стоит овчинка выделки: он сам себе отменная пародия... Волеи-неволеи пришлось менять репертуар и ходить мимо тещинного дома без привычной шутки.

Нулевые стали для г-на сочинителя временем бесконечных проб и бесчисленных ошибок. Ломать, уж простите за банальность, – не строить: Сорокин удачно разрушал чужие конструкции, но когда принимался возводить свои, то неизменно выходила кривобокая собачья будка. В. С. без взлома табу оказался удручающе скучен: сюжеты вымученные, герои плоские, язык бесцветный. Примеров тому более чем достаточно: и ледовая трилогия, и «Сахарный Кремль», и «Метель» наилучшим образом иллюстрировали авторскую нищету – ни масштабного замысла, ни оригинальной фабулы, ни даже собственного стиля за душой.

Пока Сорокин терпел поражение за поражением, масса абсурда в окружающей жизни возросла до критической. Монструозный садист в милицейской форме материализовался в образе майора Евсюкова: придворный политолог объявил путинскую вертикаль власти фаллическим символом... впрочем, все это вы лучше меня знаете. А самое главное – державный абсурд отлился в любезные Сорокину штампы вроде пресловутой «суверенной демократии» или «русской идентичности». Словом, настало время тряхнуть старинной, – и миру был явлен сборник малой прозы «Моноклон»:

«Рыжий царь, построив озорное лицо, на цыпочках подкрался, влез на березку, уселся на суку, приспустил полосатые штаны и быстро испражнился, попав девушке точно между грудой. Сразу же зазвучала грустная песня, протяжно зазвенели балалайки. Девушка проснулась, глянула на свою грудь, закрыла лицо рукой и разрыдалась. Другие девушки закружились

вокруг нее плавным хороводом, напевая: «Ох, насрели в сиси Кузнецовой Ларисе»».

«Великий Медопут, держатель тайных пут, прими дары от твоей детворы. Для дела, для братства, для русского богатства, супротив мирового блядства».

Вы много узнали по походке?

Давным-давно Андрей Архангельский утверждал: нельзя говорить, что Сорокин написал новую книгу, нужно говорить, что Сорокин написал еще одну книгу. «Моноклон» – не исключение, ибо скроен по лекалам «Первого субботника»: будничная ситуация разрешается либо кровавой оргией, либо гротесковым непотребством. Старое действие разыгрывается в новых декорациях: губернатора возит на себе охранник, переодетый медведем, во время оппозиционного митинга громадный фаллос вдрызг разносит памятник Маяковскому, бизнесмены приносят жертвы Великому Медопуту и проч. Оно понятно: утром в газете, вечером в куплете, без этого нынче никуда. Но обличительный пафос либерального фельетона для В. С. – не цель, а средство; цель пребывает в похвальной неизменности – засунуть герою в зад кирку. Но концептуально. Или перемазать болезного дерьмом. Но экзистенциально.

Тут г-н сочинитель угодил в самую точку. Ибо русского человека еще в школе выучили видеть на пустом месте метафизический смысл. Сорокин то и дело подыгрывает этой склонности, выразительно подмигивая: э-э, у меня не все так просто!.. И начинаются намеки тонкие на то, чего не ведает никто. Иногда автор имитирует историзм, подсунав читателю значимую дату (вроде 12 апреля или 22 июня), иногда вводит в текст мутные, ложно глубококомысленные символы (вроде «Красного Горла»), иногда предается любимой глоссолатии («Где его торжественное пропихо?»). Непонятно? Невелюшка беда, ищите и обрящите. Хотя, сдается мне, с тем же успехом можно искать философский подтекст в матерных частушках...

Но ищут. И обретают – кто бы сомневался? И упоенно толкуют о различиях «советского» и «постсоветского» Сорокина. Хотя какие там, к черту, различия – все та же двухчастная композиция, все тот же дежурный набор перверзий, все те же два-три сюжетных хода. А что сверх того – от лукавого.

Тем не менее смею думать, что «Моноклоном» все должны быть довольны. Поклонники получили привычную ипостась своего кумира, критики – неограниченную возможность для спекулятивных интерпретаций и пустопорожних дискуссий, путиниогенд – 20 тысяч книжек для очередной аутодафе-клоунады.

Причина для недовольства может быть только одна: российская современность прекрасно укладывается в шаблоны 20-летней давности. Но эта претензия адресована уже не Владимиру Георгиевичу.

ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ

(О. Славникова, «Легкая голова». – М., «АСТ», «Астрель», «Харвест», 2011)

Вы все еще в восторге от Славниковой? Тогда я иду к вам.

Поневоле вынужден повториться: современная орнаментальная проза не имеет в предмете ничего, кроме авторского самолюбования. Наша нынешняя героиня – не исключение. Любой свой опус Славникова превращала в презентацию собственного красноречия, а потому идеи, сюжетостроение и психологизм никогда не были сильными сторонами г-жи авторессы. Рахитичный сюжет хронически тонул в словесном клейстере, люди служили сырьем для сравнений, никак не более, а мысль упрямо застревала в бесконечных вариациях на тему бодлеровской «Падали». Бал здесь правили тропы. Слоеные метафоры вычурностью своей напоминали скандинавские кеннинги, а жеманные эпитеты заставляли помянуть недобрым словом Северянина и присных его. Впрочем, эстетам, измученным стилистическим безрыбьем, и того хватило: Славниковой вручили черный пояс, маршальский жезл и «Русского Букера» в придачу. Но редкий читатель долетал до середины текста...

Добрые люди (М. Ремизова, к примеру) советовали Ольге свет Александровне заняться эссенстикой: благо сочинять там особо не приходится, а орнаментальным талантам – полный простор. Однако жена-букероносица на свою беду затеяла писать бестселлер – с идеей, с интригой,

с героем, с завязкой и развязкой. И без любимой словесной мишуры. Ну, почти без. Знакомая ситуация: побежала мышкामать, стала кошку в няньки звать... Финал закономерен – книжка получилась самоубийственная.

Для приличия надо бы сказать два слова о фабуле. Бренд-менеджер Максим Т. Ермаков (так у Славниковой) обладает чудовищным даром травмировать гравитационное поле Земли. Этому невольному терминатору человечество обязано всеми природными и социальными катаклизмами – от цунами до экономических кризисов и терроризма. ФСБ предлагает Ермакову застрелиться (уничтожить его отчего-то нельзя). Тот, естественно, не желает положить живот за други своя, и спецслужбы начинают всячески третировать бедолагу. Вокруг конфликта грохочется куча незатейливых чаплинских гэгов: героя забрасывают гнилыми помидорами, а он в ответ посыпает супостатов мукой и т. д. Но коварные чекисты наши-таки способ добиться своего: взорвали вагон метро, где ехала жена героя. Ермаков и самоубился с горя. Особых сожалений это не вызывает: помер Максим, ну и хрен с ним; в конце концов, не он здесь и важен.

Некогда О. С. сказала: «У книги, тем более у толстого романа, должен быть опорно-двигательный аппарат – сюжет и загадка». Опорно-двигательный аппарат «Легкой головы» поражен артритом, остеохондрозом и болезнью Бехтерева одновременно. Все сюжетные коллизии здесь до оскомины вторичны. Герой, наделенный разрушительными сверхспособностями, – привет Пелевину, противостояние человека и системы – поклон Быкову, офисная сага – реверанс Минаеву. Несущие конструкции романа не выдерживают даже легкого толчка. Планете с травмированным гравитационным полем, воля ваша, не до террористов и экономики – справиться бы с кислородным голоданием. А на кой черт спецслужбам сдалась затратная и хлопотная травля неугодного? Благо препараты, подавляющие волю, не дефицит, на любой вкус – от натурально-го сушеного василька до синтетического трифгазина. А можно и еще дешевле, без психотропных: двое суток на пресс-хате, и пуля в лоб покажется несказанным благом. Я понимаю, что ultra-fiction отменяет

все мыслимые законы, вплоть до таблицы умножения, – да надо ж и меру знать, право слово...

Впрочем, у критиков на сей счет особое мнение. «Не следует искать в романах Славниковой правду быта, попытайтесь ощутить истину бытия», – настойчиво рекомендует А. Амшкlaus. Сомневаюсь в благополучном исходе дела, но все-таки попробую следовать совету. Зачином книги служит этическая дилемма: что важнее – благополучие частное или всеобщее? Тут бы и возвестить истину. Но заявленная было драма идей скоропостижно превращается в комедию положений, – видимо, г-жу авторессу вполне удовлетворила декларация о намерениях. В качестве истины бытия читателю предложен стандартный набор банальностей: эпоха геронческого самопожертвования кончилась, ФСБ взрывает Россию, в провинции жить тоскливо и гадко, а квартирный вопрос всех испортил. Для полного комплекта не хватает лишь Волги, впадающей в Каспийское море...

Впрочем, Славниковой всегда было безразлично, что она говорит. Зато суть важно, как она говорит. Примерно то же самое произошло и сейчас. Во второй половине книги запасы помидоров и муки кончаются, занять героев откровенно нечем, и г-жа авторесса вспоминает о своих риторических талантах. Стало быть, волеи-неволей придется потолковать об ее словесных экзерсисах.

Теоретически «Легкая голова» рассчитана на массового читателя. Потому количество завитушек на квадратный сантиметр текста несколько снизилось. Да качество осталось прежним. Тропы у Славниковой всегда делятся на две категории: мертворожденные и бывшие в неоднократном употреблении.

По поводу первых впору перефразировать Ландау: лексический аппарат О. С. достиг немислимого совершенства – она в состоянии описать то, что невозможно представить. «*Стеклопанельное тело мегамаркета напоминало теперь теорему, закончившую с собой из-за отсутствия доказательств*», – после такого оборота и впрямь тянет руки на себя наложить. К счастью, в «Легкой голове» подобные конструкции составляют исключение.

Что до правил здешних, то роман подчиняется извечному закону Славнико-

вой: полтора десятка дежурных метафор и сравнений кочуют из книги в книгу, как евреи в поисках земли обетованной. Милости прошу убедиться. «Опывает под дождем, превращающим глину в гороховый суп, бесхозный котлован» (ср. в «Стрекозе...»: «разрытая глина кипела как гороховый суп»), «мужские ступни, с пальцами как желтые грибы-поганки» (ср. в «Стрекозе...»: «с бледными, как поганки, зябко поджатыми пальцами»), «похожая в короткой шубе из намокшей чернобурки на больного страуса» (ср. в «Седьмом вагоне»: «похожая из-за частых родов на печального больного кенгуру»), «творог у матери был сухой и невкусный, будто известка» (ср. в «Седьмом вагоне»: «сигарета на вкус отдавала известкой») и прочая, прочая, прочая.

Если отвлечься от языковой конкретики, выяснится, что арсенал писательских приемов здесь равным образом скуден. Герои непременно зооморфны, живое

тождественно мертвому, а гипертрофированная деталь агрессивно вытесняет персонажа за пределы текста. Все это уже не раз было, а оттого не удивляет. Хотя почему бы не удивиться? Пятьдесят одинаковых О. С. – где ты, Энди Уорхолл?..

Но оставим в покое классика, ибо речь у нас о современнице. Что в итоге? Ничего утешительного: сюжетно – откровенная компиляция, стилистически – не менее откровенный самоповтор. Попытка совместить эстетство и мейнстрим была обречена еще в зародыше: этих двоих не выдержит ни один Боливар. Вы все еще в восторге от Славниковой?

Мог бы и не спрашивать. Знамо дело, все еще в восторге. Ибо просвещенная наша публика уже не первый год активно подтверждает Екклесиаста: не храбрым победа, и не мудрым хлеб. «Легкая голова» получила премию журнала «Знамя» и номинирована на «Большую книгу». Скучно на этом свете, господа...

В компании с «толстяками»

Кирилл Анкудинов

ЛЮБОВЬ К ТРЁМ АПЕЛЬСИНАМ

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ: ВИССАРИОН ПРОТИВ ОРЛАНДА

«ОКТЯБРЬ» № 6:
ПОД ЗВЕЗДОЙ НЕИСТОВОГО
ВИССАРИОНА

Открывающая шестой номер «Октября» повесть алмаатинца **Андрея Хуснутдинова «Господствующая высота»** жанрово переменчива: начинается она как типичная реалистическая «батальная проза» (если быть совсем точным – как «афганская проза»). Ближе к середине повесть плавно перетекает в «военный детектив» (нас интригуют вопросом, кто же есть на самом деле «литовский терминатор», бывший сержант-десантник, а ныне рядовой заставы номер восемнадцать Арис Варнас по прозвищу «Стикс», чьих он будет и на чьей стороне играет). А на последних страницах текст Хуснутдинова, последовательно пройдя через стадии триллера, боевика и хоррора, превращается в «ненаучную фантастику»: «Стикс» оказывается лицом явно потусторонним и начинает спустя десятилетия свирепствовать уже среди натовцев, да и у рассказчика типа открываются паранормальные способности.

Добавлю к этому, что все персонажи повести изысканно (и ведут себя) мужественно и сурово до пародийности (как морпехи из голливудского блокбастера), что кроваво-натуралистического жесткача в «Господствующей высоте» пообильнее, чем в прилепкинских «Патологиях», наконец, что писано произведение «слогом под Набокова» – изысканно-лексиконным, тонкопсихологичным, подробным и жеманным. Всё это, взятое в совокупном объёме, производит неприятное впечатление

лабораторно-компьютерной выморочности, искусственности, мультяшности. Как будто просмотрен двухчасовой фильм, сделанный в технике «аниме».

В контраст к этому выборка рассказов **Александра Кирова «Ай лав ю, Дмитрий!»** – радуется тем, что она по крайней мере живая, естественная. Хотя не все кировские рассказы одинаково чётко выписаны: встречаются маловнятные бытовые наброски-почеркушки, но есть и замечательная в своей многоплановой трагической лаконичности новелла «**Не хватает лета**». Также в шестом «Октябре» можно увидеть рассказ **Игоря Зотова «Жёлтая тетрадь»** (поучительную историю престарелой советской интеллигентки, самодовольной дуры, едва не загубившей жизнь взрослого сына – не сумевшей загубить её лишь потому, что судьба не предоставила такой возможности) и бесцельную фантазию-миниатюру **Евгения Бабушкина «Зимняя сказка»**.

Поэзия «Октября» присутствует подборкой **Владимира Гандельсмана «С Лидой»** из нескончаемого цикла «**Жизнь моего соседа**». Читаешь Гандельсмана – и берёт обида за то, что столь виртуозное мастерство ритмики и рифмовки тратится на такое незначительное, пустячное содержание. Вот уж воистину гора производит мышей – притом поточным способом.

В «петитном разделе» «Октября» – очередная порция «**Записок из-под полы**» **Евгения Сидорова** (отрадно, что экс-министр – на секунду отвлекшись от банальностей, заезженных баек и несмешных острот – счёл нужным помянуть

Вадима Кожинова, хоть и не назвав его по имени), статья **Татьяны Ратькиной «По пути к храму»** о религиозной тематике в современном российском кино (ожидаемо хвалятся «Остров» с «Царём», и столь же ожидаемо не хвалятся «Поис» с «Чудом»). Плюс продолжение проекта **Дмитрия Бака «Сто поэтов начала столетия»** (на сей раз – о творчестве хороших поэтов **Ирины Ермаковой и Евгении Риц**).

Но, конечно, главное событие, отмечаемое «Октябрём», – это двухсотлетие рождения Белинского. Можно сказать, что июньский номер «Октября» пребывает «под звездой неистового Виссариона».

И уже в первом абзаце первого же материала, посвящённого великому критику, – в эссе **Марии Ремизовой «Фрукт – Белинский»** – я попадаю в непонятку. Оказывается, Белинский, если верить Ремизовой, написал «благожелательнейший отзыв» на «Записки из мёртвого дома». Читатель, согласись, не может быть того: критик скончался за четырнадцать лет до появления «Записок» (и, кстати, за год до «процесса петрашевцев»). Далее в том же абзаце – развесистая гроздь хронологических несоответствий, исходящая из одной-единственной ошибки: Ремизова почему-то посчитала, что Достоевский был арестован в тридцатые годы, а вышел на свободу – в сороковые. Что ж, никто не застрахован от промахов. Жалко, что в журнале «Октябрь», как я погляжу, нет отдела проверки и такие промахи отслеживать некому. Хорошо ещё, что рядом имеется филологически безупречная вводка профессора МПГУ **Татьяны Колянич «И лингвист, и социолог, и эстетик...»**. Эх, надо было показать Татьяне Колянич смежный текст Ремизовой...

Однако на этом «белинская программа» «Октября» не завершается. Далее начинается рубрика, названная **«Критик est mort – vive la критика»**: десять очаровательных молодых критикесс пускаются в поиски «Белинского наших дней» и в качестве результата демонстрируют портреты одиннадцати критиков-современников.

Приятно отметить, что и я – тоже попал в галерею (нео)Белинских: **Валерия Пустовая** посвятила моей персоне этот под названием **«Огнепоклонник на льдине»**.

Что сказать? Мне понравилось...

«ЗНАМЯ» № 6: ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ

Открывающая июньский номер «Знамени» (квази)повесть **Марины Москвиной «Гуд бай, Арктика!»** – добрая, светлая, симпатичная и европеистая штука. Но, увы, ни разу не проза.

Москвину вместе с мужем – известным художником-перформансистом Леонидом Тишковым – пригласили в международную гуманитарно-экологическую экспедицию на Северный полюс. Москвина поведала о своей поездке – во всех подробностях и с детской восторженностью, вволю пошебетала о судовых распорядках, северных сияниях, седых норвежских островах, айсбергах, оленях, китах, белых медведях, о Нансене, Амундсене и об эксцентричной британской оперной примдонне Деборе Уорнер (тоже участнице экспедиции). Судя по всему, Марина Москвина устроена так, что физически не может отзываться о ком-то (или о чём-то) плохо. Но художественная литература должна строиться на конфликте (того или иного рода). А путевые заметки – не худлит, но очеркистика, – хоть в Африке, хоть в Арктике – и особенно если они сотворены дамой, умиляющейся всему. Жанр «Гуд бай, Арктика!» определён автором как «повесть-странствие». Странствие – налицо, повесть – не нахожу.

В общем, текст Москвиной я рекомендую к чтению (он очень мил и надолго снабдит читателя солнечным настроением). При этом удивляюсь тому, как сей текст угодил в литературный журнал (ему самое место – в качественном глянцево-иллюстрированном издании вроде «Сноба» или «Каравана историй»).

Далее в шестом «Знамени» начинается собственно проза, и здесь я в первую очередь хотел бы отметить повесть **Максима Осипова «Человек эпохи Возрождения»** – о пуворише, которого «потянуло к высокой духовности». Бедолага полюбил актрису-интеллектуалку, потом стал приглашать к себе частных преподавателей-гуманитариев (музыковеда с историком), затем возжелал усыновить встреченного мальчишку, сына сельского алкаша. Ничего хорошего из этих попользований не вышло: любовница не пришла на свидание, лекторы-гуманитарии брали

оплату, но косились и шинели, ослепленный папан сбегал к выселенному папаше, и сам герой-благодетель печально рухнул с финансовых вершин в грязь. Ну, не совсем печально, – палил из окна по воронам, увидал прохожих (богемную консерваторскую молодёжь), дал волю брезгливым чувствам, а ружьецо – возьми и выстрели само собою. Арест, позор. Вот как запахло «крутым хозяевам жизни» вступать в контакт с «внешним миром».

Максиму Осипову удаются образы сильных мира сего – торгашей и чинов, надёжно забронированных стальным высокомерием, но вдруг теряющих броню (и гибнущих вследствие этого); может быть, удаются оттого, что Максим Осипов высокомерен сам. Разве не высокомерие полагать, что монополия на различение добра и зла – сугубая привилегия «аристократов духа»? Мол, пуцай жирные свиньи купаются в злате, но на нашу духовно-этическую (человеческую) территорию-деланку – ни-ни, бо свиньи не люди. А ведь интеллигентское высокомерие – ничуть не лучше высокомерия торгашеского или чиновничьего. Мытарь рискует, впервые задумавшись о своей жизни, сорваться вниз – по фарисею ли судить его?

Июньское «Знамя» украсили два чудесных текста, созданных на базе реальных событий, – это «монолог» **Леонида Зорина** «Поезд дальнего следования» и «Молдавская история про войну и мир» **Александра Котюсова**. В них говорится о разном – о вкусе славы, печально изведенном молодым драматургом (мэтр Зорин вспоминает свою беспокойную юность), или о странной приднестровской войне (у Котюсова), но в схожем ключе, в близком настрое – радостном и трагическом в одно и то же время. Потусклее рассказ **Маринны Вишневецкой** «Бабкин оклад» (об отношении одинокой старухи и её молодой квартирантки); он, как всегда бывает у Вишневецкой, перегружен пыльными бытовыми подробностями.

А поэтические материалы шестого «Знамени» расположились по нисходящей. Вначале – великоленная подборка **Олеси Николаевой** «Преображение вещей». Затем две неплохие, но спорные публикации – не всегда понятные экзеперименты **Виктора Коваля** («Все игроки на поле») и вязкий верлибрическо-пех-

левийский синемаграф **Шамшад Абдуллаева** («Обсидиановые пустыри»); и то и другое мне пришлось десятки раз перечитать, чтобы выявить смысл (он всё же есть). Далее – откровенно слабенькие подборки **Григория Петухова** («Одно и другое») и **Маринны Курсановой** («Обожание Украины»). Петухов прямолинеен, как столб, а Курсанова пишет туманно, высокопарно, многословно и не умеет выстраивать из отдельных недурных строк и двустиший целостные стихотворения. В завершение нисходящего вектора «Знамя» опубликовало «Ранние стихи» **Евгения Сабурова**. Хоть убейте меня, но я опять не понял, в чём состоят всепризнанные достоинства поэзии Сабурова. Может быть, Евгений Сабуров был гениальным экономистом, но как поэт он, по моему мнению, плох – неинтересен и бессодержателен.

Мемуарно-архивная программа журнала представлена информативными, но в то же время тёплыми и трогательными семейными воспоминаниями искусствоведа **Алексея Парина** («Мои родители»), остроумными миниатюрами филолога **Вадима Баевского** под пушкинским заголовком «Table-talk» (вот он – недостижимый образец для Евгения Сидорова), байками из судебской практики **Льва Симкина** («Пожизненная должность»), а также двумя «Письмами, не дошедшими до адресата». Автор писем – **Лев Гумилёв**, их адресат – **Анна Ахматова**, публикатор и комментатор – **В. Н. Абросимова**. Уникальный научный прецедент: в академических комментариях к публикуемому документу проглядывает явная недоброжелательность. Как известно, взаимоотношения между Львом Гумилёвым и его матерью были сложными; Абросимова же – поклонница Ахматовой, она трактует все коллизии этих взаимоотношений, старательно обеляя поэтессу (и, стало быть, очерняя её сына).

Публицистика июньского «Знамени» – очерк **Василия Авченко** «Дальневосточное Зазеркалье», он – (как бы) «на региональную тематику», но при этом с прямым привкусом оппозиционности к местной (да и к центральной) власти. Литкритика «Знамени» – статья **Валерии Пустовой** «В четвёртом Риме верят облакам»: на этом тексте хочется остановиться поподробнее.

Девяносто процентов людей, называющих себя «российскими критиками», всецело погружены в увлекательный процесс корпоративного взаимного обслуживания (на различных этажах литературной корпорации). К чести Валерии Пустовой, она – из тех десяти процентов, что способны смотреть вовне, за пределы отвратительной банки с пауками, именуемой «актуальной литературой». Для взгляда Пустовой зримо, видимо, пропущаемо «иное» – однако оно опознаётся этим взглядом смутно, неясно, словно бы сквозь туман. В тёмной мгле брезжат-проглядывают отдаленные светящиеся абрисы: тибетские сансары, наркотические аватары, музыкальные утопии. Можно соглашаться или не соглашаться с осмыслениями «иного» (я не согласен с Пустовой во многом). Но несомненен финальный вывод: «...кончается время России известной». Да. Пустовая права. Кончается.

Но как, однако, многообразна география шестого «Знамени»! Арктика, Москва, зоринское Баку, Приднестровье, обсидиановые пустыри пехлевийского Востока, обожаемая Украина, Приморье. И наконец, четвёртый Рим...

«НОВЫЙ МИР» № 6: БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ХОББИТОВ

Завершился роман **Марии Галиной** «Медведки». На даче у героя-повествователя поселилась таинственная юная красавица Рогнеда (она же Люся Сметанкина, она же Мышь – посланница Аполлона, она же стражница Агарты-Асгарда и т. д.). Герой влюбился в неё, она таинственно исчезла, он полетел искать её в Красноярск, но обнаружил по искомому адресу лишь китайцев. Все персонажи перероднились, и каждый второй оказался при этом посланцем из мистических сфер. Лихие сюжетные развороты возникали безостановочно, всякая страница романа норовила отменить предыдущую, и картина реальности радикально менялась в среднем раз через семь страниц. Закончилось всё тибетской мистикой (как у какого-нибудь Пелевина).

Конечно, «Медведки» – это «готика» (локально-семейная, камерно-психологическая готика). Я прочёл «Медведок» с

удовольствием. Но не знаю, какой именно аудитории порекомендовать разделить со мною это удовольствие. Мужской? На двухсотстраничный текстовый массив – не только ни одной перестрелки, но даже ни одной драки. Женской? У дамчитательниц вестибулярка расшатается от фабульных перепадов. Да и любовная линия завершилась не хеппи-эндом, а непонятно чем, завернувшись спиралью и улетила в Шамбалу. В общем, «Медведки» – книга для хоббитов. Я – немного хоббит в душе; но не уверен, что это же можно сказать в отношении других читателей.

Рассказ **Нины Горлановой & Вячеслава Букура** «Трофимка делает свободный выбор» (один день первоклассника) смотрелся бы на фоне «советской школьной прозы» бледновато; перед нами не Драгунский, не Кассиль и не Носов, но для Горлановой с Букуром этот рассказ – достижение. Наконец-то Горланова и Букур стали писать внятно.

Порадовал цикл рассказов **Тани Мальярчук** «Зверослов» (перевод с украинского **Е. Мариничевой**) – одновременно насмешливый и сентиментальный, реалистичный и гротескный. В очередной раз я убеждаюсь, что современная украинноязычная проза содержит в своём составе ту насущную простоту, которая нынешней русскоязычной литературе, увы, недоступна (уж не знаю, по какой причине).

Стихи июньского «Нового мира» – все неплохие, но какие-то не запоминающиеся. Угрюмое бормотание **Олега Хлебникова** («Под зеркалом»). Эйфорическая вторичность **Анны Аркатовой** (её подборка называется «День ученика»; я бы озаглавил эту подборку «День ученицы Веры Павловой»). Акварельная взвихренно-размытая летне-осенняя элегичность **Владимира Алейникова** («Вместе с эхом»). «Три стихотворения» **Юрия Смирнова** (три блёклых верлибра). И глава из «Неистового Орланда» **Лудовико Ариосто**, переведённая **Евгением Солоновичем**.

Значительное место в шестом «Новом мире» уделено дневниковым записям **Варвары Малахивой-Мирович** «О проходящем и вечном» (подготовка текста, вступление и примечания **Натальи Громовой**). Записи датированы 1930–1934 годами. Малахива-Мирович – знакомая Гершензона и Даниила Андреева, подруга

(и без пяти минут невеста) Льва Шестова. Что в её записях? То, что ожидалось мной: в былом – воспоминания, в настоящем – голод и прочие тяготы быта, в будущем – беспросветный мрак неопределённости. Вот ещё один повод поблагодарить судьбу за то, что тридцатые годы XX века давно позади, и за то, что я их не застал.

Также в журнале – статья Григория Амелина «Король-рыбак», подробнейший, почти пок кадровый анализ фильма Терри Гиллиама, сопровождаемый странноватой флегматичной риторикой, словно бы выписанной из Парижа («...кадр – польня, никогда не замерзающая в бытии...» и проч.), и колонка Аллы Латыниной «Всех советская власть убила». «Зелёный шатёр» Людмилы Улицкой». Кабы не Латынина, мне снова пришлось бы говорить, что в «Новом мире» нет литературной критики.

В порядке опыта «Новый мир» представил рубрику «Книжная полка» Захару Прилепину. Эксперимент удался: «Книжная полка», потеряв в академичности, выиграла в искренности. Но один из моментов данного начинания явно требует моего комментария. Прилепину, рецензируя «Календарь» Дмитрия Быкова, обращается к эссе «Телегия. Русское почвенничество

как антикультурный проект», обижается за русское почвенничество и показывает, что противостоявшая «советской деревенской прозе» «городская проза» сама была феноменом не слишком-то культурным. Это действительно так, но Захар Прилепину бьёт по ложной цели. Быков настроен против почвенничества не потому, что ему так уж любви «цветы асфальта» (да ещё советского), а потому, что он смертельно боится природы. Нелюбовь к почве Быков переносит на почвенничество, хотя оно – не более чем одна из надстроек над почвой, такая же, как и та, на которой ныне пребывает он сам. К слову, я тоже отношусь к «природным началам» не без опаски, но считаю, что Быков стал жертвой квипрокво, а Прилепину – возвёл это квипрокво во вторую степень, в квадрат. Ведь сейчас Василия Белова и Василия Аксёнова читает примерно один и тот же контингент – а враждебны меж собою эти писатели только для сознания нечитателей, как некие знаки. Надо ли умножать бессмысленную «войну знаков»?

За исключением прилепинской «Книжной полки» «Новый мир» вновь настолько респектабельно-благодарушен, что словно бы предназначен для библиотеки хоббитов.

Елена Сафронова

ПОЭЗИЯ: ЧТО НОВОГО?

*С зоилом спорить не пристало
Любимцу ветреных харит.*

И. Иртенъев

АРИОН, № 1 – 2011

Первый номер «Ариона» за текущий год «не блещет новизной»: не изменяет сам себе. Он – добротный и традиционный номер солидного поэтического журнала. Правда, в публицистической части «Ариона» есть новая поэтическая критика на грани литературоведения.

Но – начнем с части поэтической. В «Читальном зале» две крупные подборки: Олега Дозморова «Допустим, пейзаж» и

Сергея Золотарева «В защиту бестелесности». Пишу их через союз «и», как синонимы. Подборки стихотворений этих авторов «родственны»: составлены из достаточно прохладных, отстраненных, если не сказать «абстрактных», стихов (впрочем, здесь, скорее, абстрагированность от бытия и «прозы жизни»). На всю довольно пространную подборку Дозморова я всего раза три уловила биеение сердца поэта и его «плотокровность»: в стихотворении «Допустим, пейзаж: ресторан и гараж...», в строках

*«И молча стоишь на пустом берегу,
в песке утопая.
И птица замерзла, сидит, ни гу-гу.
Ну, птица тупая»;*

в стихотворении «Темнеет рано. Осень словно вор», в строках

*«И утром в небе розовом висит
(мир не прекрасен, но не безнадежен)
такой простой, наивный реквизит,
что Он — возможен»;*

и в восьмистишии

*«Куда, куда вы удалились,
запропастились, завалились,
но не пенсне и не ключи?
Не проклинай, не трепещи,
не бормочи и не ворчи,
а лучше в кухне свет включи.
Очки с мобильником сокрылись
в филологической ночи».*

В остальном же звучит голос не сердца, а разума. Олег Дозморов часто использует образ «смотрения» (так и домысливается — со стороны, если не свысока):

*«Смотрели мы одно кино.
Там белый домик у залива,
моя пристань, лодка и окно
на океан. Волна прилива
все возвращает. Что же там?
Нет, непонятно».*
*«Я встал из-за компьютера и к морю
пошел какой-то бунинской походкой.
Смотрю на воду с волнами и лодкой —
нет ничего на целом свете кроме».*
*«Чуть-чуть добра, немного зла,
необъяснимо вперемешку.
Перед глазами жизнь прошла,
а только вышел на пробежку».*

Созерцает, кстати, не только поэт — мир, но и мир — поэта:

*«Худящие египетские кошки
смешно сигают прямо по дорожке,
а иногда замрут и созерцают
тебя, меня. Наверно, презирают».*

И даже если конкретного указания на процесс созерцания и хладнокровного осмысления увиденного нет, все равно положение «автор — над» сохраняется неукоснительно:

*«Хорошие стихи есть натюрморт.
Гуляка праздный сразу после школы
идет учить модальные глаголы,
но — глядь — уж на диване распростерт.
Хорошие стихи есть суррогат.
Успешно притворившись эликсиром,
они парят над градом и над миром,
довольные, не требуя награды».*

Однако в этом же стихотворении «цепляет» неожиданное появление сопостлюдателя — не кого иного, как Николая Заболоцкого:

*«Поэт, сын агронома, из пижамы
он переодевается в костюм
и, смиренный, отсидевший и угрюмый,
подносит мир, как букочки, к очкам».*

Вот этот зримый, хотя и несколько обидный (для мира), образ и связывает, на мой взгляд, стихи Олега Дозморова и Сергея Золотарева, у которого объективная реальность хоть и прописана с мелкими достоверными деталями, но отдалена, даже отделена от поэта и напоминает «живые картины» в допотопном стереоскопе. А как иначе, если самим названием подборки поэт высказывается в защиту бестелесности, находя тому поэтическое основание:

*«Глядящий в мировой мусоропровод,
Как в перископ — на берег городской.
Живу как неопровержимый довод
В защиту бестелесности людской».*

Дальше подборка Золотарева только уводит «в филологическую ночь», хотя и чистой филологической поэзии, как выяснится из диалога Вероники Зусевой и Алексея Саломатина в критическом блоке журнала, его стихи причислить сложно. Это стихи ради описания:

*«Чтоб босыми ногами давля маслянистую
Пустоту, тем не менее,
Описав этот сад, как судебные приставы,
Перейти к наполнению».*
*«Торзи. Распродается год, на убыль
Пошедший. Облетает картотека.
Смерть из массива осени и дуба
Начала XIX века».*

И так далее. Поэт смотрит в реальность через какую-либо оптику и объясняет:

*«А помнишь, мы в саду играли в прятки?
И спрятались настолько хорошо,
Что до сих пор из нашего порядка
Никто себя в той жизни не нашел».*

Зато нашел в другой жизни, более гармоничной в своей бестелесности.

В «Голосах» – хорошие авторы, «привычные» для «Ариона»: Борис Херсонский, Лариса Миллер, Сергей Стратановский, Леонид Костюков и другие. Борис Херсонский – как всегда, ретроспективный, обращающий взгляд в прошлое, но не в настоящее и не в будущее (впрочем, из такого прошлого светлого будущего не углядишь, сколько ни пыжься):

*«Детский сад урожая
тысяча девятьсот тридцать пятого года,
муравьи, копошащиеся
на до-мажорном пляжном песке,
дубки и шаланды,
высотные трубы завода,
бравурная музыка,
отдающая болью в виске.
...Там не будет ни сороковых годов,
ни начала пятидесятих,
сразу шестидесятые,
с кукурузой и спутниками в вышине.
Не будет попов долгопых,
не будет раввинов носатых,
будет одна материя,
внутри людей и вовне».*

В этом ряду выделяется черная комедия памяти «товарища Бабеля», основанная на популярной легенде о том, что Бабель соблазнил супругу наркома Ежова. Правда, эту легенду не так давно опровергал ввук писателя Андрей Малаев-Бабель (в интервью «Российской газете»; но в городе О., скорее всего, лучше знают!).

*«Товарищ Исаак Бабель
пишет историю города О.,
крупной жемчужины у Черного м.
По этому тексту будут снимать кино,
товарищ Бабель
величает товарища Сталина, но
Бабеля расстреляют –
полностью и насовсем».*

Элегична Лариса Миллер:

*«Облака, что живут в небесах,
там же и умирают.
Умирают легко и шутя
и как будто играют.
То плывут, то летают,
то вдруг на закате алеют.
А потом исчезают, не мучаются, не болеют».*

«Историчен» Сергей Стратановский:

*«Немец из бывших военнопленных
Смотрит на башню
у парка Победы нашей,
Башню над домом,
и вдруг говорит, обращаясь
К находящимся рядом».*

*«Я это строил,
Башню строил,
и дом этот тоже строил,
Каменщиком сначала
и лишь потом – бригадиром».*

*А до этого я, на войне,
Был пулеметчиком и убивал не жалея
И не видя их лиц...».*

Впрочем, как и Юрий Ряшенцев с его «сагой» об «откинувшимся» Коляне, и Владимир Друк с верлибром «Даты-сouldаты», проведенным сквозь советскую историю, и Леонид Костюков с острым ощущением течения времени и изменчивости его берегов:

*«Я родился и вырос
в глубоко ненормальной стране.
Там морозы и сырость,
если честно, не нравились мне.
Там компотик сиротский
наливали в стеклянный стакан
и пылающий бродский
за окном вечерами скакал».*

Тень Бродского в этом журнале потревожили несколько раз.

*«Космичен» Вадим Муратханов:
«Возращен глубокий космос.
На душе покой и косность.
За окном – середь черноты
полка, лампочка и ты».*

Остро-женственна и одинока (не только в этом окружении поэтов-мыслителей) Ганна Шевченко:

*«я не видела "вихри космических бурь"
но видела пластичный танец занавески
вокруг цветущих бегоний*

*я не знаю как "рождаются вселенные"
но знаю как тяжело и мучительно
рождаются люди*

*я не представляю
как "рвется ввысь нагая душа"
но знаю как она вздрагивает
когда оступается и падает
мой ребенок».*

А из «Листков» запомнился вольный пересказ «Песни песней» на новый лад — Александра Корамыслова:

*«Царь Соломон перевоплотился
в России.
Работает в провинциальном
ЖЭУ сантехником.
Слышет незаменимым специалистом.
Каждый раз, когда возникают
особенно сложные засоры —
и не помогают ни вантуз, ни трос,
ни другие приспособления, —
"Ничего, ничего", —
еле слышно шепчет он,
извлекает из кармана
свое знаменитое кольцо
(на стальной леске) —
и опускает в канализацию,
приговаривая: "И это пройдет..."
Проходит».*

Все эти стихи профессионально сделаны, однако, на мой взгляд, в поэтическом слагаемом «Ариона» № 1 – 2011 не усматривается ничего особенно выдающегося. Что бросается в глаза по контрасту с рецензией Анны Кузнецовой в рубрике «Групповой портрет»: «Явление глубины», посвящена трем современным провинциальным поэтам – Юрию Казарину (Екатеринбург), Владимиру Иванову (Иваново), Алексею Дьячкову (Тула). Родство этих авторов не только в том, что они все живут далеко от столицы, но и в том, что они пишут стихи, способные, по мнению рецензента, противостоять «поверхностной», неглубокой, но пестрой поэзии большинства. «Три поэта, сохраняющие поэзию как глубину, обнаружены в разных точках пространства благодаря

заинтересованному поиску тех, кто пытается противостоять сложившейся ситуации. И это уже явление, которое можно противополжить "коллективному телу поэзии"», – пишет Анна Кузнецова. И приводит цитаты из стихов этой троицы. По цитатам убеждаешься: да! И хочется назвать эти стихи «выдающимися», хотя это и невольно противопоставит их стихам основных авторов нынешнего «Ариона». Нет, дело не в противопоставлении, – но в констатации факта, что их глубинная, стихийная поэзия существует и что она заслуживает внимания в том числе столиц:

*«...Бабочка оживает,
распространяясь в ряд,
мечется, пришивает
к воздуху влажный взгляд.
Все на живую нитку
сшито — не перешить...
Высмотреть эту пытку.
Выплакать эту нить»*

– это поэтическое кредо Юрия Казарина. «Высмотреть эту пытку. Выплакать эту нить» поэту удается, главным образом, посредством изумительных метафор: "На кладбище беременная, вот / она, как дождь, сквозь заросли идет"; снег пахнет, "как божья кепка, наверно, пахнет изнутри" – мимо этих образов нельзя пройти.

А «местный космизм» Алексея Дьячкова жуток в своей первоизданной точности:

*«За столиками балагурят
подвыпившие мужики.
И сразу за ж/д откосом
темнеет Космос».
«Налилс я синей кровью влажный глаз,
всей пустотою выпуклого неба,
сквозь всполохи разглядывая нас.
А мы молчим. Последний вечер лета».*

И, наконец, Владимиру Иванову тоже есть что сказать о многострадальной российской истории, даже если аллюзии к ней прослеживаются в... цветущем палисаднике, который завалил внезапный снег: "Нарциссы пали, сник за час Куст розовый в цвету, Ведь вожакам мятежных масс Плевать на красоту".

Хочется выразить уважение Анне Кузнецовой, за то, что она в финале своей групповой рецензии призналась, что

этого диалога я пересказывать его подробно не буду, но «прорекламирую». Для всех, кого интересует наметившееся явно не сегодня противоречие: меж «поэзией для филологов» и «поэзией для рядовых читателей» (еще чуть-чуть, и, кажется, выплывет дихотомия «поэзия для умных» (или «ученых») и «поэзия для...», не будем конкретизировать).

По правде говоря, я с обоими полемистами не вполне согласна, ибо термин «филологическая поэзия» кажется мне неточным. Разве может быть поэзия – не филологической? Антифилологической? Афилологической? Лишенной, на минуточку, филологии? Даже модный сейчас перформанс, изначально основанный на визуальном изображении чувств и эмоций (подарить цветок, бросить перчатку – это ведь тоже перформанс), и тот не способен существовать без филологического ряда. А раз так, то «уговор» называть «филологической поэзией» любые состоявшиеся стихи, написанные сложным языком и зиждущиеся на глубоком культурном базисе, посему и «недоступные профанам» (выражение Вероники Зусевой), кажется мне условностью. Весомости ему не придает даже широкая (в литературных, весьма узких относительно народонаселения страны кругах) распространенность.

Даже, думается, имела бы смысл выработка более подходящего термина...

Однако тяга пристегивать к существительному «поэзия» различные прилагательные сильна, и завершает нынешний номер «Ариона» статья Марианны Ионовой «Язык бессмысленный» (панегирик «герметичной» поэзии). С обоснованием, взятым у Ильи Кукулина: «Авторы с очень разной поэтикой составляют стихи из конфликтных, разнородных образов, мелодических фрагментов, аллюзий. Отдаленным прототипом этой тенденции являются стихотворения сюрреалистов и позднего Мандельштама...», – и развитым самой Марианной Ионовой: «Что на фоне чего выступает пережитком, «герметичность» на фоне «разгерметизации» или же наоборот, судить пока трудно, пусть это подождет в планах на 2020-е. Тем не менее, «герметичность» еще явно заслуживает, чтобы ее осмыслили; в преддверии ли возвращения ею утраченных позиций или напоследок, прощально». Далее – выявление в стихах известных поэтов признаков «герметичности». Безусловно, что-то алгебраическое в этом есть – не зря же размещена статья в рубрике «Алгебра гармонии». С алгеброй у меня всегда было плохо, и статья Марианны Ионовой ничего не доказала мне.

Литература. Культура. Имена

РЕСПУБЛИКА...

* * *

60 лет назад, 3 сентября 1951 года, в городе Ишимбае родился **Зуфар Тимербулатов**. Сегодня он – директор Башкирского книжного издательства «Китап». Напряженный труд на самых ответственных должностях Зуфар Мухтарович всегда умел сочетать с образованием, научной деятельностью. За его плечами Высшая партийная школа, дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. Он – кандидат философских наук, автор почти 30 научных публикаций. Вся его жизнь связана с печатью, журналистикой, книгоизданием. После окончания Стерлитамакского педагогического института в этом же вузе он стал секретарем комитета комсомола. После службы в армии работал в газете «Стерлитамакский рабочий», многотиражной газете Производственного объединения «Сода», ишимбайской газете «Восход».

В 1986–1991 гг. Зуфар Мухтарович – инструктор, заведующий сектором

печати, заведующий идеологическим отделом Башкирского обкома КПСС. Дважды занимал пост министра печати и массовой информации Республики Башкортостан. Также трудился в должности заместителя начальника информационно-аналитического управления Администрации Президента Республики Башкортостан.

Редакция журнала «Бельские просторы» сердечно поздравляет своего коллегу и соратника по перу с большим юбилеем. От всей души желаем Вам, Зуфар Мухтарович, еще много-много лет жизни, крепкого здоровья, новых трудовых и творческих успехов!

* * *

8 октября 70 лет со дня рождения актрисы, народной артистки РСФСР **Галины Мидзяевой** (род. в 1941 г.). С 1965 года Галина Ивановна работала в Республиканском Русском драматическом театре РБ. Актриса большого творческого диапазона, она внесла большой вклад в развитие театрального искусства Башкортостана, сыграв роли Оль-Оль («Дни нашей жизни» Л. Андреева), Оксаны («Гибель эскадры» А. Корнейчука), царицы Ирины («Царь Федор Иоаннович» А. Толстого), Катюши Масловой («Воскресение» Л. Толстого), Устины («Свои люди – сочтемся»), Барабошевой («Правда – хорошо, а счастье лучше»), Глафиры («Волки и овцы»; все – А. Островского), Машни («Эшелон» М. Рождина), Джамилы («Похищение девушки» М. Карима), Серафимы Ильиничны («Самоубийца» Н. Эрзмана), Дорины («Тартюф» Ж.-Б. Мольера), Рачневской («Вишневый сад» А. Чехова)

Культурная среда

и мн. др. Развернутая художественная концепция образа и тщательная разработка сценической формы – основные свойства творчества актрисы. Преподавала в Уфимском училище искусств, в Уфимском институте искусств.

* * *

15 октября 85 лет со дня рождения башкирского педагога, методиста, кандидата педагогических наук, заслуженного учителя школы БАССР **Абдрахмана Галлямова** (1926–1989). Абдрахман Абдрахимович преподавал в школах Баймакского района, города Сибая, Белорецком педагогическом училище, работал в Башкирском институте усовершенствования учителей (1958–1968), Башкирском государственном университете (1968–1989). Основной труд Абдрахмана Галлямова – «Алифба», который переиздавался с 1962 по 1995 год 30 раз (в 1962–1968 гг. в соавторстве с З. Н. Аюхановым). В 1974 году «Алифба» была отмечена дипломом международной Лейпцигской книжной ярмарки. В связи с переходом школ к обучению детей с 6 лет Галлямов создал новую «Алифбу». Кроме этого он разработал учебно-методические комплексы по башкирскому языку для начальных классов. Составил первый в республике сборник дидактических материалов по развитию речи учащихся. В 1968–1974 гг. подготовил и выпустил первую в истории башкирской школы фонохрестоматию по башкирскому языку и литературе из 54 долгоиграющих пластинок. Галлямов соавтор учебников и учебных пособий для педагогических училищ и средних школ. Награжден медалью К. Д. Ушинского (1975). На доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

* * *

24 октября 70 лет со дня рождения башкирского певца, народного и заслуженного артиста БАССР **Филюса Гараева** (1941–1990). Филюс Фазлиахметович окончил вокальное отделение Уфимского училища искусств (класс Р. Р. Ахмадиевой). В 1965–1990 гг. был солистом эстрады и музыкального лектория Башкирской государственной филармонии. Активно

пропагандировал творчество башкирских композиторов, исполнял башкирские и татарские народные песни. Голос певца отличался мягким, бархатным тембром, исполнительская манера – сдержанностью и благородством.

* * *

25 октября 100 лет со дня рождения башкирского языковеда, писателя, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки БАССР **Джалиля Киекбаева** (1911–1968). Джалиль Гиниятович с 1938 года преподавал иностранный язык в вузах Башкирии. В 1943–1944 гг. был главным редактором Башкирского книжного издательства. Был деканом факультета иностранных языков, затем заведующим кафедрой башкирского языка Башкирского государственного педагогического института. С 1957 г. работал в Башкирском государственном институте. Автор фундаментального труда по фонетике, орфоэпии, диалектологии, морфологии, лексике и фразеологии, стилистике, исторической грамматике башкирского языка. В монографических исследованиях «Фонетика башкирского языка» (1958), «Орфоэпия башкирского языка» (1964), «Лексика и фразеология современного башкирского языка» (1966), «Современный башкирский язык» (1966) дал полный курс фонетической, лексической, грамматической систем башкирского языка. Джалиль Киекбаев – основатель башкирской школы сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков. В книге «Введение в урало-алтайское языкознание» им была разработана новая концепция изучения этих языков. На основе теории определенности и неопределенности показал общность структурных моделей этих языков, выяснил происхождение и историческое развитие грамматических форм родственных языков. Автор учебников для школ и средних специальных учебных заведений и вузов («Основы исторической грамматики урало-алтайских языков», 1996), романа «Родные и знакомые» (1975, 1991) о дореволюционной жизни башкирского народа, рассказов и сказок для детей. Переводил на башкирский язык произведения классиков немецкой литературы. Награжден

орденами Ленина (1967), «Знак Почета» (1961).

* * *

28 октября 65 лет со дня рождения географа-гидролога, доктора географических наук, профессора **Ауфара Гареева** (род. в 1946 г.). Ауфар Миннигазимович в 1974–1982 годах был заведующим лабораторией водохозяйственных исследований Башкирского отделения Уральского НИИ

водного хозяйства. В 1982–1990 гг. – заведующим кафедрой географии Башкирского государственного педагогического института, с 1990 г. – заведующим кафедрой физической географии и гидрологии суши Башкирского государственного университета. Основное направление научных исследований Ауфара Миннигазимовича – изучение особенностей влияния хозяйственной деятельности человека на водные объекты и их экосистему. Автор около 100 работ, в т. ч. одной монографии.

...И МИР

* * *

1 октября 220 лет со дня рождения писателя **Сергея Аксакова** (1791–1859). В 1847 году опубликовал «Записки об ужении рыбы», имевшие большой успех. В 1849 году вышли «Записки ружейного

охотника», в которых автор проявил себя как проникновенный поэт русской природы. Особую популярность приобрели его автобиографические книги – «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858), написанные на основе детских воспоминаний и семейных преданий. В последние годы жизни созданы и такие мемуарные произведения, как «Литературные и театральные воспоминания», «Встречи с мартинистами».

* * *

3 октября 95 лет со дня рождения английского писателя **Джеймса Хэрриота** (наст. имя Джеймс Альфред Уайт) (1916–1995). Все началось с небольших заметок сельского ветеринара и рассказчиков в не-

сколько глав, впоследствии изданных в сборниках под именем Джеймс Хэрриот. Затем его книги «О всех созданиях – больших и малых» (1972) и «О всех созданиях прекрасных и удивительных» (1977)нискали ему славу не только в Англии, но и в других странах, на чьи языки были переведены.

* * *

8 октября 80 лет со дня рождения писателя **Юлиана Семенова** (наст. фамилия Ляндрес) (1931–1993). Первые новеллы автора носили психологический характер («Дождь в водосточных трубах», «В горах мое сердце», «Прощание с любимой женщиной» и др.). Автор детективных, приключенческих повестей «Дипломатический агент» (1959), «49 часов 25 минут» (1960), «Уходят, чтобы вернуться» (1961), «При исполнении служебных обязанностей» (1962), «На “козле” за волком» (1974), «Капричнозо по-сицилийски» (1978). Отдельное место занимают книги, посвященные будням милиции, – «Петровка, 38» (1963), «Огарева, 6» (1972) и «Противостояние» (1979). Именно они сделали его одним из самых популярных писателей в Советском Союзе.

* * *

9 октября 80 лет со дня рождения писателя **Бориса Никольского** (1931–2011). Был главным редактором журнала «Нева». Автор более 20 книг прозы для детей («Армейская азбука», «Приключения рядового Башмакова», «Веселые солдатские истории») и взрослых («Жду и надеюсь», «Формула памяти», «Белые шары, черные шары»).

* * *

10 октября 190 лет со дня рождения писателя, беллетриста **Михаила Авдеева** (1821–1876). Первый и шумный успех создал автору его трилогия («Варенька», «Записки Тамарина» и «Иванов»), печатавшаяся в «Современнике», а потом вышедшая отдельной книгой в 1852 году под названием «Тамарин». Затем последовали произведения «Ясные дни», «Огненный змей», «Поездка на кумыс», «Письма из Петербурга», роман «Подводный камень» и др.

* * *

12 октября 130 лет со дня рождения художника, мастера живописи и графики, представителя символизма и модерна, создателя почтовых марок **Ивана Мясоедова** (1881–1953). Творческое наследие И. Г. Мясоедова составляет примерно 4000 произведений – это картины, гуаши, настели, офорты, фотографические и текстильные работы, почтовые марки, документальные материалы. Значительная его часть находится в коллекции Фонда Е. Зотова – И. Мясоедова в Вадуце и

Полтавском художественном музее. Особое место в творчестве Ивана Мясоедова занимает его работа над рисунками для почтовых марок Лихтенштейна. Впервые его серия из трёх марок достоинством в 20, 30 и 50 раппов появилась в Лихтенштейне в 1938–1939 годах, называлась она «Принесение присяги на верность». Это были первые почтовые марки в истории страны, которые создавались профессиональным художником высочайшего уровня.

* * *

12 октября 115 лет со дня рождения итальянского поэта и критика, представителя герметизма **Эудженно Монтале** (1896–1981). С появлением в 1925 г. первого поэтического сборника Монтале «Панцири каракатицы» о поэте заговорили всерьез. Автор сборников стихотворений «Случайности», «Буря и другие стихи», «Сатура», «Тетрадь за четыре года». Лауреат Нобелевской премии по литературе (1972) «за значительное достижение в поэзии, которая отличается огромной проникновенностью и выражением взглядов на жизнь, напроочь лишенных иллюзий». Монтале стал пожизненным членом итальянского сената (1967), получил несколько итальянских литературных премий, а также почетные дипломы университетов Милана, Рима и Кембриджа.

* * *

17 октября 80 лет со дня рождения писателя **Анатолия Приставкина** (1931–2008). Дебютировал как прозаик в 1958 году – в журнале «Юность» был напечатан цикл рассказов «Военное детство». Автор документальных повестей «Мои современники» (1959), «Костры в тайге» (1964), «Страна Лэпия» (1960), романа «Голубка» (1967), по мотивам которого в 1978 году

был снят одноименный фильм. Широкую известность Анатолию Приставкину принесла опубликованная в 1987 году повесть «Ночевала тучка золотая...». Повесть получила и мировое признание – в течение нескольких лет после выхода она была переведена более чем на 30 языков. С 1992 года Анатолий Приставкин – председатель Комиссии по помилованиям при президенте РФ, а с декабря 2001 года был советником президента РФ по вопросам помилования.

* * *

20 октября 65 лет со дня рождения австрийской романистки, драматурга, поэта и литературного критика **Эльфриды Елинек** (род. в 1946 г.). Ее дебют в литературе состоялся еще в студенческие годы, однако

настоящая известность пришла в 1975 году с публикацией романа «Любовницы». Роман «Пианистка» (1983) принес всемирное признание. Далее были романы «Похоть» (1989), «Дети мертвецов» (1995), «Алчность», пьесы для радио и театра «Клара Ш.» (1982), «Вожделение, или Проезд открыт» (1986), «Облака. Дом» (1988), «Привал, или Этим все занимаются» (1994), «Спортивная пьеса» (1998), «Он как не он» (2000) и др. Лауреат Нобелевской премии (2004), премии Генриха Бёлля (Кельн, 1986), премии Георга Бюхнера (1998), премии Генриха Гейне (2002), чешской премии Франца Кафки (2004).

* * *

21 октября 115 лет со дня рождения писателя, драматурга **Евгения Шварца** (1896–1958). Евгений Львович автор более двадцати пьес для драматического и кукольного театра, а также сценариев к одиннадцати игровым кинофильмам и одному мультфильму. Автор

книг «Рассказ Старой балалайки» (1924), «Приключения Шуры и Маруси», «Чужая девочка» (1937), «Первоклассница» (1949), пьес «Голый король», «Красная шапочка», «Снежная королева», «Тень» и т. д. По его сценариям сняты фильмы «Золушка», «Первоклассница», «Дон-Кихот», «Обыкновенное чудо» и др. Умер Е. Шварц 15 января 1958 года в Ленинграде.

* * *

24 октября 215 лет со дня рождения шотландского художника **Дэвида Робертса** (1796–1864). Публикация в 1842–1849 гг. альбома гравюр с египетских и палестинских картин принесла Робертсу европейскую известность. Он стал

самым знаменитым художником викторианской эпохи. Был сценографом Королевского Театра в Глазго, Эдинбургского театра, театра Друри-Лейн (Лондон), Ковент-Гарден. Прославился как мастер изображения архитектурных памятников. Был также основателем Общества британских художников, которое возглавил в 1831 году.

* * *

25 октября 130 лет со дня рождения испанского художника, скульптора, графика, керамиста и дизайнера **Пабло Пикассо** (1881–1973). Основатель кубизма (совместно с Жоржем Браком), в котором

трехплоскостное тело в оригинальной манере рисовалось как ряд совмещенных воедино плоскостей. Согласно оценке Музея современного искусства (Нью-Йорк). Пикассо за свою жизнь создал около 20 тысяч работ. Эксперты назвали Пикассо самым «дорогим» художником – в 2008 году объем только официальных продаж его работ составил 262 млн долларов. 4 мая 2010 года картина Пикассо «Обнаженная,

зеленые листья и бюст», проданная на аукционе Кристи за 106482000 долларов, стала самым дорогим произведением искусства, когда-либо проданным в мире. Среди его произведений – «Девочка на шаре» (1905, Музей изобразительных искусств, Москва), «Мать и дитя» (1903, Барселона, музей Пикассо), «Семья акробатов с обезьяной» (1905, Гетеборг, музей), «Авиньонские девицы» (Нью-Йорк, Музей современного искусства), «Танец с покрывалами» (1907, Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж), «Сидящая купальщица» (1929, Нью-Йорк, Музей современного искусства) и др. Музеи Пикассо открыты в Барселоне, в Париже и других городах.

* * *

30 октября 260 лет со дня рождения английского драматурга, театрального и общественного деятеля **Ричарда Шеридана** (1751–1816). Написанная им в 1777 году «Школа злословия» – одна из лучших английских комедий нравов. Продолжение последовало в «Критике» в 1779 году. Был также автором поэм и парламентских выступлений.

Подготовила Анна Ливич

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1

Мальчишкам
и девчонкам,
а также их
родителям!

сентябрь

Марина Цветаева

В пятнадцать лет

Марина Цветаева – русский поэт, прозаик, переводчик, родилась 26 сентября (8 октября по старому стилю) 1892 года в Москве. Марина начала писать стихи – не только на русском, но и на французском и немецком языках – ещё в шестилетнем возрасте.

Звонят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убежала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
– Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

Урок честности

Из жизни *Одного мальчика*

Один мальчик пошел в первый класс. Был солнечный сентябрьский день. Во дворе школы толпились дети с букетами цветов, их родители и их будущие учителя. Мама *Одного мальчика* подвела его к другому мальчику – он тоже был с мамой и с букетом гладиолусов – и сказала:

– Будете сидеть за одной партой и дружить.

И мама другого мальчика кивнула – они с мамой *Одного мальчика* уже обо всем договорились.

И они стали дружить – сидеть за одной партой и вместе играть на переменах. Однажды на большой перемене друг *Одного мальчика* достал из портфеля треугольный бумажный конверт. Один мальчик ахнул. Конечно, он ахнул про себя, чтобы не показать другу своего удивления и восхищения.

В то время все мальчишки играли в войну – и на улице, и дома.

Дома на столе или на полу война велась оловянными солдатиками – все они были серого, оловянного цвета и стояли по стойке смирно на круглой подставке. А тут из конверта высыпались легкие маленькие разноцветные фигурки из мягкой пластмассы. Зеленые солдаты в касках со звездами и штанах-галифе бежали с автоматами, целились из винтовок, припав на одно колено, даже наводили пушку. Синие моряки в бескозырках и брюках-клёш бежали в атаку с автоматами, гранатами, махали маленькими флажками, передавая

Художник С. Боим.

сообщение азбукой Морзе. Коричневые богатыри в островерхих шлемах и кольчугах поднимали мечи, укрывались большими щитами, натягивали тетиву лука. Еще были красные конники, мчащиеся в атаку с шашками наголо, а упряжка лошадей летела, таща за собой тачанку, в которой горбился пулеметчик за пулеметом «Максим».

Один мальчик был заворужен таким богатством. Они играли в солдатиков до самого звонка на урок. Когда прозвенел звонок и в класс вошла учительница, друг быстро собрал солдатиков и затолкал их кое-как в конверт. Один мальчик увидел, что синий матрос-сигнальщик упал под парту, а его владелец в спешке не заметил потери. Один мальчик ничего не сказал другу. В начале урока он нарочно уронил ручку, залез под парту и заодно с ручкой поднял синего матроса. Сердце его билось от страха. Он боялся, что друг спохватится и начнет искать. Сжимая матроса в кулаке, Один мальчик успокаивал себя тем, что у друга и так много этих чудесных солдатиков, – подумаешь, один будет у него...

Когда поздно вечером перед сном Один мальчик играл с синим матросом, к нему подошла мама.

– Где ты это взял? – спросила она. – Таких солдатиков привезла мама твоего нового друга, купила в другом городе. У нас пока не продают. Он тебе подарил?

– Нет, – сказал Один мальчик, чувствуя, как загорелись от стыда его уши.

– Значит, – сказала мама ледяным тоном, – ты украл этого матросика?

– Нет, – еле слышно сказал Один мальчик, и горячие слезы закапали на стол, делая возле матросика соленую лужицу.

– Ты сейчас же пойдешь к своему другу, – сказала мама, – и честно все скажешь!

На улице было уже темно, и мама отвела Одного мальчика к дому, где жил его новый друг. Обмирая от ужаса и стыда, Один мальчик постучал в дверь. Ему открыла мама его друга. Она удивилась, что Один мальчик пришел так поздно, и спросила, что случилось.

– Вот, – сказал он, разжимая кулак и показывая синего матросика. – Я у вас украл... случайно... Извините меня... – уже прошептал он, опуская голову и чувствуя, как глаза наливаются слезами.

– Какой ты молодец, – сказала мама его друга. – погоди, я сейчас... Она ушла и скоро вернулась.

– Это матросику для компании, – сказала она и положила в руку Одного мальчика несколько фигурок – зеленого пехотинца, красного

конника, коричневого богатыря. – Беги домой, поздно уже, мой-то спит...

Домой Один мальчик шел, держа свою маму за руку. Другой рукой он перебирал в кармане подаренных солдатиков. В небе горели яркие звезды, ветер пах сухими листьями. Один мальчик улыбался.

Леонид Хромов,
8 кл., шк. 101, г. Уфа

Самолёт

Навстречу солнцу вылетая,
Закрылками бумажными сверкая,
Пустившись в экстремальнейший полёт,
Летит, подхваченный ветрами, самолёт.
И, как вживую, скорость набирая,
Всё выше к облакам взлетая,
Бумажный самолёт летит.
Он лайнером себя, наверно, мнит.
Но вдруг – порывов ветра нет,

И солнце излучает яркий свет.
Бумажный самолётик не летит.
Он, как подвешенный
на ниточке, висит.
Но вдруг бумажное
создание накренилось,
С огромной скоростью
к земле оно пустилось.
И в землю самолётик
тот воткнулся,
Бумажный нос его нелепо
так погнулся.
Уже не годен самолёт.
Последний это был полёт.
Не раз его по воздуху пускали,
А поломался – даже не искали.

«Моя классная жизнь»*

Ира Швеи,
12 лет

Странная рыбалка

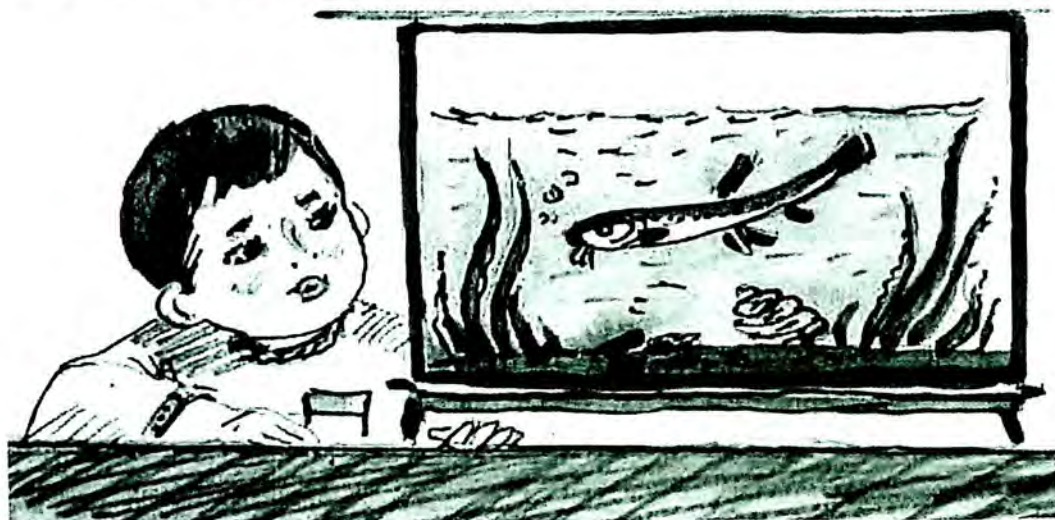
Летом я жил в деревне у дедушки. Лес, речка, – разве плохо?

Однажды утром мы с приятелем пошли на речку ловить рыбу.

Надо сказать, мой приятель Валерик – странный человек. Он так любит животных, что из-за них даже может в школу не прийти. Вот, например, один раз он пришёл только на третий урок и объяснил это тем, что забыл покормить своего ежа Фокса. Но при всей любви к животным рыбалку он любит и никогда не отказывается от похода на реку.

Я же – человек не менее странный. Только попадаю в разные истории не из-за зверей, а из-за неумного своего любопытства. Люблю читать детские детективы и даже основал собственное сыскное бюро «Талисман».

Итак, пришли мы на берег, Валерик сел в одной стороне, я – в другой. «Интересно, – думаю, – а можно ли ловить рыбу, как

*Конкурс продолжается! Подробности на сайте: br01.ru и в БП № 8, 2011 год.

преступников, с помощью дедукции?» Размышляя об этом перспективном направлении рыбалки, я размотал свою удочку, бросил поплавков в воду. Сижу, жду клёва.

Поплавок даже не двигается!

«Поплабочек, миленький, нырни!» – шепчу про себя. Бесплезно! Посмотрел я на Валерика: он одну рыбу за другой вытаскивает! В чём же дело?

– Валер! – крикнул я.

– Чего тебе?

– Давай местами поменяемся?

– Давай, – удивился Валерка.

Поменялись мы с ним местами. Опять у него поплавков ныряет всё время, а у меня нет. Всё-таки невезучий я человек!

– Сашка! – кричит Валерик.

– Что?

– У тебя клюёт?

– Нет.

– Дай-ка мне свою удочку! – сказал мой друг.

– Лови! – я бросил ему свой спиннинг.

– Так ведь ты забыл нацепить червяка! – засмеялся Валерка. – Держи мою удочку, я пошёл брать прикорм.

– Валерка! У тебя клюёт!

– Подсекай, подсекай!

На Валеркину удочку я поймал тогда одну рыбёшку. А потом насадил червяка на крючок своего спиннинга – и всё, клёв кончился. Рыбы решили: хватит на сегодня! Странные они, правда? Прямо как мы с Валеркой.

Юлия Гареева

Усатые стихи

Я котов

Любить готов –

Просто, искренне, без слов.

Я котов

Кормить готов,

Наливать им сливок штоф*.

* Штоф – русская мера жидкости (1 штоф = 1/10 ведра = 1,2299 литра).

Гладить, гладить
Их готов –
От макушек до хвостов.
Я лелеять их готов,
Вить беседки из цветов...
И конечно,
Если что,
Наряжать в своё пальто.
Почему ж,
Здрав хвосты,
От меня бегут коты?
И в окно сигают даже,
Не пугаясь высоты?
Я ведь их любить готов –
Просто, искренне, без слов.

* * *

Если бы кошки умели читать,
Они бы писали книжки.
Но кошки не пишут книжки –
У кошек другие делишки:

На кухню бежать вприпрыжку,
Как только там звякнут крышкой...
Важные кошки слишком,
Поэтому эту книжку
Пищу для вас я –
Мышка.

Володя Бекасов,
13 лет

Брюхо

(сказка)

Однажды Брюхо взбунтовалось, бурчит: «Я в организме всех главней! Я вас тут всех кормлю, все без меня с голоду поумираете! Выбирайте меня королём!»

Остальные органы не согласились и вздули Брюхо.
Оно обиделось и ушло.

Скачет себе по дороге, как лягушка. И вот очень ему есть захотелось. Увидело бы Брюхо, что поест, да глаз у него нет. Унюхало бы еду, да носа нет. Нащупало бы что-нибудь съедобное – рук нет!

Погналась за Брюхом собака, а оно и не слышит, ведь Брюхо – глухо! Стала собака рвать Брюхо. Оно бы убежало, да куда же без ног! Тут подошёл весь организм и прогнал собаку палкой.

Теперь Брюхо ведёт себя смирно, варит себе пищу и не бурчит.

Анатолий Чечуха

Надену фуражечку, в школу пойду

Нынешние школьники, возможно, и не слышали, что ещё лет двадцать назад учеников без формы не пускали на занятия. А полвека назад и отличники, и троечники носили фуражки с золотистыми кокардами и полувоенного вида куртки-гимнастёрки с ремнями. Костюм тот почти полностью повторял одежду дореволюционных гимназистов.

Слова *гимназия*, *гимнастёрка*, как и *гимнастика*, произошли от греческого *gymnos* – «обнажённый»: у древних греков *гимнасиум* именовались помещения для физического воспитания, позже превратившиеся в учебные заведения.

Интересные подробности из жизни уфимских гимназистов можно найти в повести Бориса Четверикова «Синяя говядина». Вот что, например, рассказывает он о раздевалке гимназии: «Вдоль коридора – вешалки. Налево от дверей – вешалка для старшеклассников и учителей. Отдельно – вешалка директора гимназии, Владимира Николаевича Матвеева. Рядом нагромождены синие с белым кантом фуражки, рядом топырятся одна на другой серые гимназические шинели».

Особое внимание дореволюционные ученики уделяли фуражке. Исключённый из гимназии сын одесской прачки Николай Корнейчук через много лет, уже став писателем Корнеем Чуковским, с горечью вспоминал о том, как его лишили герба гимназии: «Герб у меня на фуражке был такой: два дубовых листочка, между ними две буквы [О.Г. – одесская гимназия. – Авт.]».

А вот гимназисты постарше, напротив, особым шиком считали фуражку со смятым околышем и рваным козырьком. Константин Паустовский писал: «Как только мать купила мне фуражку, я, подражая старшим братьям, вытащил из неё маленький железный обруч и вырвал атласную подкладку. Такова была традиция – чем больше

потрёпана фуражка, тем выше гимназическая доблесть... На фуражке полагалось сидеть, носить её в кармане и сбивать ею созревшие каштаны. После этого она приобретала тот боевой вид, который был гордостью настоящего гимназиста».

Фуражки носили зимой и летом, в холода использовались наушники или башлык. Именно за синие фуражки и получили в прежней России гимназисты своё прозвище – «синяя говядина» – за напоминавший прожилки в мясе белый кант на синей фуражке и петлицы на синем же сюртуке. Реалистов (учащихся реальных училищ), в свою очередь, схибно именовали «тухлой яичницей» за жёлтый кант на чёрной фуражке.

С 1804 года гимназии были основным типом средней школы в России. С современной точки зрения, прежнее гимназическое образование можно назвать гуманитарным, а реальное – техническим. Кроме того, существовали пародные училища и приходские школы со сроком обучения от трёх до пяти лет.

После революции 1917 года обучение мальчиков и девочек стало совместным, а на смену мужским и женским гимназиям пришли Единые трудовые советские школы I и II ступеней (т.е. младшая и старшая). В 1930-е годы они стали называться фабрично-заводскими десятилетками. Интересно, что слово «школа» (*schola*) в переводе с греческого не что иное, как *досуг*.

Во время Великой Отечественной войны намечился возврат к прежним традициям, и десять лет мальчики и девочки учились отдельно. В середине 1950-х мальчики начинают носить форму, очень похожую на дореволюционную гимназическую: почти та же гимнастёрка с ремнём на талии, фуражка с гербом. Правда, стойку советские школьные модельеры заменили на отложной ворот. Канты сделали почему-то жёлтыми, а на кокарде фуражки меж пальмовых ветвей в лучах восходящего солнца нежилась изящная буква «Ш», заменявшая слово «школа». Металл герба был уже не тот, что прежде: на смену серебру (либо белому металлу «фражке», который упоминал Чуковский в повести «Серебряный герб») пришла сначала латунь, а потом и вовсе алюминий.

И хотя цвет форменных костюмов школьников 1970–1980-х годов был синим, на родство с одеждой гимназистов они вряд ли претендовали.

Капитан Капуста

– Тимка, завтра мы пойдем в гости к моему знакомому капитану, – сказал мне однажды вечером дед, – и если нам повезет, то он возьмет нас в путешествие.

– Вот здорово, в настоящее путешествие! – закричал я. – И почему ты раньше не рассказывал о нем? Как зовут твоего знакомого?

– Капитан Капустин. И он набирает команду для путешествия по морю Этимологии.

– Странная у твоего знакомого фамилия, не-серьезная. Капитан – самый главный человек на корабле, стоит на мостике за штурвалом. А капуста сидит себе на грядке, растрепанная, зеленая, одним словом – овощ. И что это за море такое – Этимология? Адриатическое знаю, а об Этимологическом впервые слышу, – засомневался я.

– Вот именно, что «впервые слышу», – передразнил меня дед. – Этимология – одна из самых интереснейших и не до конца изученных областей. Слово «этимология» пришло к нам из Греции и получилось путем сложения двух корней: *etymon* – «истинное значение» и *logos* – «учение». Этимологией называют науку о происхождении слов.

– Ну что интересного может быть в словах? – вздохнул я.

– А вот тут ты ошибаешься, Тимка. Взять хотя бы два слова *капитан* и *капуста*. Это только на первый взгляд между ними нет ничего общего. На самом деле у этих слов один прадедушка. Латинское слово *caput* в переводе на русский означает «голова». А наш любимый овощ по форме как раз и напоминает голову. Слово *капуста* очень древнее и получилось в результате скрещивания двух латинских корней *caput* (голова) и *composita* (сложенная зелень).

Слово *капитан* тоже произошло от слова *caput* и употребляется в значении *глава, предводитель*. И получается, что Капустин – настоящая капитанская фамилия.

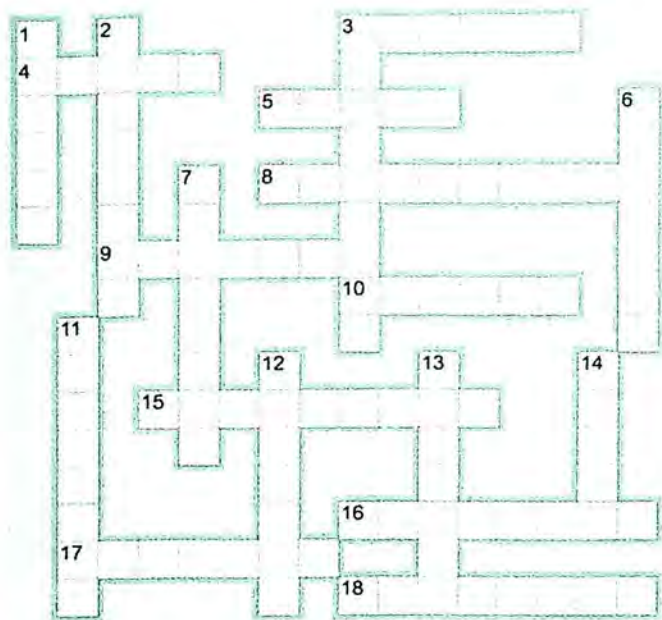
– Впрочем, завтра познакомишься с капитаном сам. А пока иди-ка в кровать.

Ночью я все представлял себя юнгой на корабле, который отправился в опасную экспедицию. Мне снились тревожные сны: огромные волны несли нас на острые рифы, мы убегали от пиратов, а управлял нашим кораблем капитан-капуста.

(Продолжение следует)

Класс-ворд «Моя Уфа»

По горизонтали: 3. Автор строк «Белая река, капли о былом...» 4. Какой музыкальный инструмент держит мальчик, стоящий в центре фонтана перед к/т «Искра»? 5. Первый воевода Уфы. 8. Была деревня, а нынче так называют северную часть Уфы. 9. Знаменитый уфимец, русский писатель, автор книги «Детские годы Багрова-внука». 10. Сегодня на этом месте стоит Монумент Дружбы, а раньше был ... 15. Старейшая уфимская улица, сохранившая свое название. 16. Автор памятника С. Юлаеву. 17. В Уфе есть только одна улица, названная в честь выдающегося спортсмена.

Эта мотогонщик... 18. Герой Советского Союза, воспитанник уфимской детской колонии.

По вертикали: 1. В честь кого был переименован Парк попечительства о народной трезвости? 2. Улица Старо-Жандармская нынче носит имя жены и сподвижницы В. И. Ленина. 3. Речка, протекающая вдоль Курочкиной горы, когда-то в ней водилась форель. 6. В 1937 году, звеня на всю улицу Ленина, проехал первый уфимский ... 7. Замечательный художник, наш земляк, его имя носит уфимский художественный музей. 11. Сегодня эта речка почти полностью упрятана в подземные трубы, а в свое время она защищала Уфимский кремль с востока. 12. В 1888 году в Уфу пришёл первый ... 13. Имя героя башкирского народа, в честь которого в Уфе назван проспект, улица, парк и хоккейный клуб. 14. Советский разведчик, его именем названа улица, по которой можно прокатиться на трамвае.

Ответы на кроссворд «Мои любимые книги», опубликованный в № 8:

По горизонтали: 2. Воробей. 4. Балда. 5. Гном. 7. Ковер. 12. Чиполлино. 16. Остер. 17. Булька. 18. Андерсен.

По вертикали: 1. Яйцо. 2. Волк. 3. Бажов. 5. Гудвин. 6. Милиционер. 7. Крузо. 8. Рапунцель. 9. Шапокляк. 10. Емеля. 11. Бабочка. 13. Наутилус. 14. Поттер. 15. Носов.

Главный редактор
Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

Бикбаев Р. Т., Игнатенко С. В., Карпухин И. Е., Паль Р. В., Февян А. Л., Фильшипов А. П., Фролов И. А.,
Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р.

Редакция

Приемная

Иванова Н. Н. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер

Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместители главного редактора

Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Чураева С. Р. (347) 292-77-61

Ответственный секретарь

Шарипов Р. Х. (347) 223-91-69

Отдел поэзии

Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы

Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69

Фролов И. А. (347) 292-77-61

Отдел публицистики

Чечуха А. Л. (347) 223-64-01

Семенов Т. В. (347) 292-77-61

Технический редактор

Калимова Р. С. (347) 223-91-69

Оператор по набору

Ахметова М. Р.

Корректоры

Казимова Т. А.

Симонов А. А.

Подписной индекс 50751.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 02-00196, выданное Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РБ 29 сентября 2009 года.

Подписано в печать 13.09.11 г.

Формат бумаги 70x100/16. Бумага офсетная.

Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9.

Уч.-изд. л. 20,02. Тираж 1900 экз.

Заказ № 2.0157.11 Цена договорная.

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются, принимаются

только в напечатанном виде.

Электронная версия ускорит обработку рукописи.

Адрес редакции:

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

E-mail: bp2002@inbox.ru

<http://bp01.ru>

<http://www.hrono.ru/proekty/belsk/>

Отпечатано с готовых файлов на Государственном унитарном предприятии Республики Башкортостан "Уфимский полиграфкомбинат".

450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2

Телефон (347) 223-97-00

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения того или иного автора.

При перепечатывании материалов ссылка на «Бельские просторы» обязательна.

© «Бельские просторы», 2011, № 9

Подписной индекс журнала "ВАТАНДАШ" 78384

Уважаемые соотечественники!

Началась подписка на газеты и журналы на I полугодие 2012 года

На журнал "Ватандаш" можно подписаться в любом почтовом отделении "Почта России".

Подписная цена на 6 месяцев 355 рублей 20 копеек.

Льготная подписка в редакции 240 рублей.

Общественно-политический, научно-популярный и художественный ежемесячный журнал

Адрес редакции: 450097, г.Уфа, ул. Комсомольская, 12. Тел./факс. 223-82-26; 223-68-26
Наш адрес в Интернете: www.vatandash.ru | E-mail: vatandash@ufanet.ru

Мустаев Р.Х. **Черниковку не предлагать.** 1988

Уважаемые читатели!

Читайте в следующих номерах:

Стихи Александра Банникова, Андрея Егорова,
Зухры Кутлугильдиной, Айдара Хусаинова,
Владимира Шемшученко и др.
Рассказы Игоря Иванова, Николая Андреева и др.
Повесть Назифы Каримовой «Гадальщики»
Фантасмагорический **роман** Всеволода Глуховцева
«Безмолвие на полчаса»
Статьи Иосифа Гальперина, Марата Зайнуллина,
Галины Ишимбаевой, Булата Уразбаева и др.

Подписной индекс – 50751.

Стоимость подписки на первое полугодие (6 номеров) – 347 руб. 28 коп.

Льготная подписка:

В г. Уфе – во всех киосках «Уфа-печать».

В редакции журнала по адресу:

г. Уфа, пр. Октября, 2, «Бельские просторы».

Стоимость – 210 руб. (первое полугодие – 6 номеров).

(Подписка и получение номеров – в редакции.)

Журнал можно приобрести в газетных киосках, в уфимском Доме книги

«Знание» (ул. Ленина, 24), в книжном киоске во 2-м корпусе БГПУ

(ул. Октябрьской революции, 3а),

в магазине «Дом башкирской книги» (пр. Октября, 2).

1 582223 911008